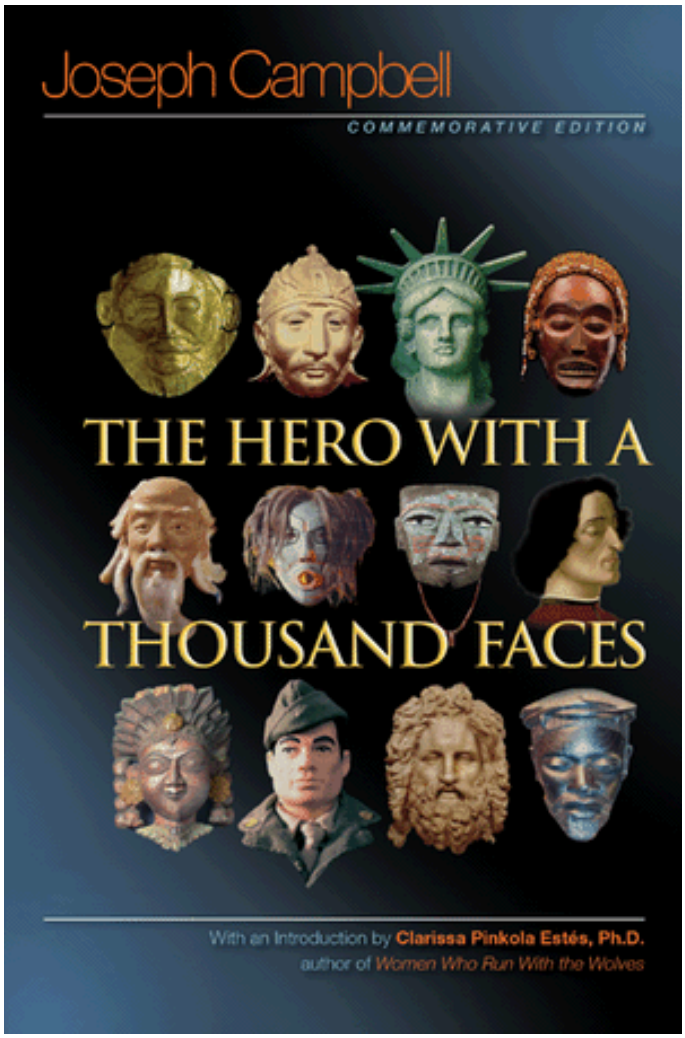
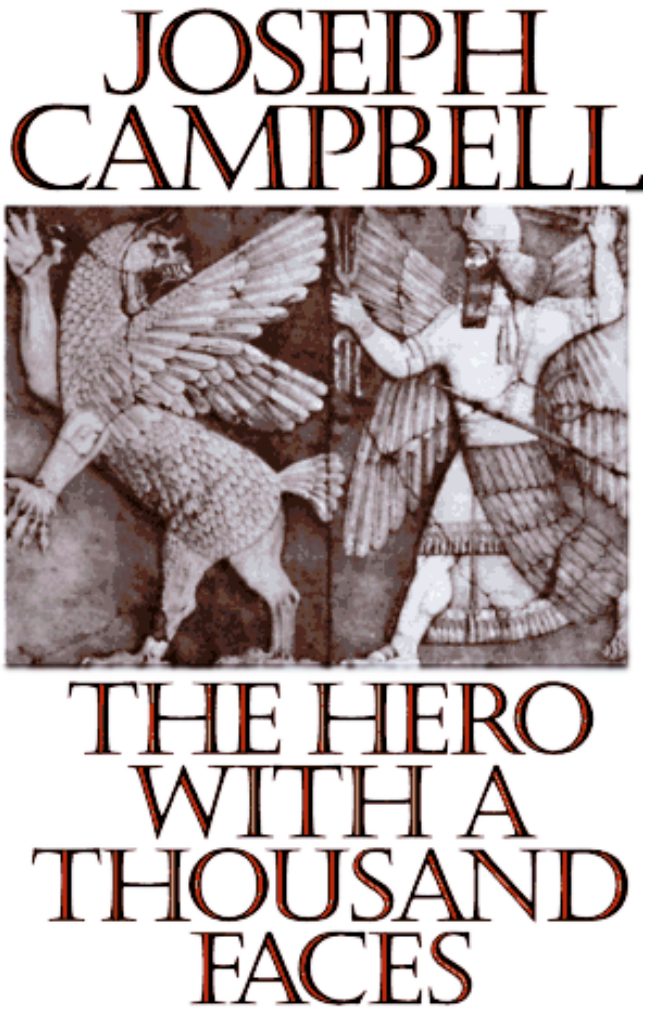
Джозеф Кэмпбелл

ГЕРОЙ С ТЫСЯЧЬЮ ЛИЦАМИ

серия МИФ АРХЕТИП БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ

Перевод с англ. К. Семёнов





Редактор И. Старых

Научный консультант
профессор католического колледжа теологии св. Фомы В. А. Каравченко

Обложка В. Ерко

Джозеф Кэмпбелл. Герой с тысячью лицами.

Пер. с англ. — «София», Ltd., 1997. — 336 с.

Рождение и смерть, жизнь и небытие, зарождение и исчезновение мира — все это подчиняется единой модели путешествия мифологического героя и космогонического круга. Эта схема остается неизменной и в обрядах инициации примитивных народов, и в развитой мифологии древних цивилизаций, и в знакомом нам с детства мире сказок, и в сновидениях наших современников.

Используя материал сотен мифов со всех уголков земного шара, от древнейших времен до дня сегодняшнего, крупнейший американский мифолог нашего века Джозеф Кэмпбелл разворачивает в своей захватывающей книге величественную и масштабную картину путешествия многоликого героя, переходящего из обыденного мира в запредельную тьму, обретающего там покровителей и врагов, встречающегося с богиней-матерью и богом-отцом и добивающегося в результате своих приключений окончательной награды — щедрого дара, способного облагодетельствовать и спасти человечество.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ ... 5
ПРОЛОГ ... 7
1. МИФ И СНОВИДЕНИЕ ... 7
2. ТРАГЕДИЯ И КОМЕДИЯ ... 29
3. ГЕРОЙ И БОГ ... 34
4. ПУП ЗЕМЛИ ... 43
ЧАСТЬ I ... 52
ГЛАВА I ... 52
1. ПРИЗЫВ К ПУТЕШЕСТВИЮ ... 52
2. ОТКАЗ ОТ ПРИЗЫВА ... 59
3. СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННАЯ ПОМОЩЬ ... 66
4. ПЕРЕСЕЧЕНИЕ ПЕРВОГО ПОРОГА ... 73
5. ЧРЕВО КИТА ... 82
ГЛАВА II ... 86
1. ДОРОГА ИСПЫТАНИЙ ... 86
2. ВСТРЕЧА С БОГИНЕЙ ... 94
3. ЖЕНЩИНА КАК ИСКУСИТЕЛЬНИЦА ... 102
4. ВОССОЕДИНЕНИЕ С ОТЦОМ ... 107
5. ОБОЖЕСТВЛЕНИЕ ... 125
6. ОКОНЧАТЕЛЬНАЯ НАГРАДА ... 141
ГЛАВА III ... 156
1. ОТКАЗ ОТ ВОЗВРАЩЕНИЯ ... 156
2. ВОЛШЕБНОЕ БЕГСТВО ... 159
3. СПАСЕНИЕ ИЗВНЕ ... 166
4. ПЕРЕСЕЧЕНИЕ ПОРОГА НА ОБРАТНОМ ПУТИ ... 173
5. ХОЗЯИН ДВУХ МИРОВ ... 183
6. СВОБОДА, ЧТОБЫ ЖИТЬ ... 190
ГЛАВА IV ... 196
ЧАСТЬ II ... 202
ГЛАВА I ... 202
1. ОТ ПСИХОЛОГИИ К МЕТАФИЗИКЕ ... 202
2. ВСЕОБЩИЙ КРУГОВОРОТ ... 207
3. ИЗ ПУСТОТЫ — ПРОСТРАНСТВО ... 213
4. В ПРОСТРАНСТВЕ — ЖИЗНЬ ... 217
5. РАЗДЕЛЕНИЕ ЕДИНОГО НА МНОГООБРАЗНОЕ ... 223
6. ФОЛЬКЛОРНЫЕ ИСТОРИИ СОТВОРЕНИЯ ... 228
ГЛАВА II ... 232
1. МАТЬ ВСЕЛЕННАЯ ... 233
2. МАТРИЦА СУДЬБЫ ... 236
3. ЛОНО ИСКУПЛЕНИЯ ... 240
4. ФОЛЬКЛОРНЫЕ ИСТОРИИ О НЕПОРОЧНОМ МАТЕРИНСТВЕ ... 242
ГЛАВА III ... 245
1. ПЕРВОБЫТНЫЙ ГЕРОЙ И ЧЕЛОВЕЧЕСТВО ... 245
2. ДЕТСТВО ГЕРОЯ-ЧЕЛОВЕКА ... 247
3. ГЕРОЙ КАК ВОИН ... 260
4. ГЕРОЙ КАК ВОЗЛЮБЛЕННЫЙ ... 265
5. ГЕРОЙ КАК ИМПЕРАТОР И ТИРАН ... 268
6. ГЕРОЙ КАК СПАСИТЕЛЬ МИРА ... 270
7. ГЕРОЙ КАК СВЯТОЙ ... 274
8. УХОД ГЕРОЯ ... 276
ГЛАВА IV ... 283
1. КОНЕЦ МИКРОКОСМА ... 283

2. КОНЕЦ МАКРОКОСМА 289
ЭПИЛОГ 292
1. ИЗМЕНЯЮЩАЯ ОБЛИК 292
2. ФУНКЦИИ МИФА, КУЛЬТА И МЕДИТАЦИИ 293
3. ГЕРОЙ СЕГОДНЯ 297
ПРИМЕЧАНИЯ 301
ПРЕДИСЛОВИЕ 301
ПРОЛОГ 301
ЧАСТЬ I ГЛАВА I 308
ЧАСТЬ I ГЛАВА II 316
ЧАСТЬ I ГЛАВА III 336
ЧАСТЬ I ГЛАВА IV 341
ЧАСТЬ II ГЛАВА I 342
ЧАСТЬ II ГЛАВА II 348
ЧАСТЬ II ГЛАВА III 349
ЧАСТЬ II ГЛАВА IV 353
ЭПИЛОГ 354
СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ 354
РИСУНКИ В ТЕКСТЕ 357

Моему отцу и матери

ПРЕДИСЛОВИЕ

Истины, скрывающиеся в религиозных доктринах, являются настолько искаженными и методично замаскированными, — пишет Зигмунд Фрейд, — что в массе своей человечество вообще не способно распознать в них истину. Подобное происходит, когда мы рассказываем ребенку, что новорожденных детей приносит аист. При этом мы тоже говорим правду, облаченную в одеяния символики, поскольку нам известно, что именно означает эта большая птица. Но ребенок не знает этого. Он понимает лишь искаженную часть того, что мы говорим, и чувствует себя обманутым. Известно, как часто дети не доверяют взрослым, но в действительности эта строптивость порождается именно подобными впечатлениями ребенка. Мы начинаем приходить к убеждению, что лучше избегать такой символической маскировки истины в отношении того, что рассказываем детям; лучше не отказывать им в знании подлинного состояния дел соответственно их интеллектуальному уровню»[1].

Цель этой книги заключается в том, чтобы раскрыть определенные истины, замаскированные для нашего глаза образами религии и мифологии, при помощи сведения воедино множества не очень сложных примеров. Такой подход позволит древним значениям этих образов стать очевидными. Древние учителя понимали, что говорили. Как только мы вновь научимся читать их символический язык, для того, чтобы постичь их учения, потребуется всего лишь талант составителя антологий. Но сначала нам необходимо выучить грамматику этих символов, — и среди современных средств мне не известен лучший ключ к этому, чем психоанализ. Даже если не считать психоанализ последним словом в этой области, мы можем позволить себе использовать его в качестве метода нашего исследования. Вторым же шагом станет соединение сонма мифов и народных сказок со всех уголков мира, что позволит этим символам говорить самим за себя. Параллели немедленно станут очевидными и создадут пространные и поразительно неизменные утверждения основных истин, под влиянием которых человек прожил тысячелетия эпохи своего обитания на этой планете.

Возможно, меня упрекнут в том, что в процессе выявления аналогий я упустил отличия между разнообразными западными и восточными, современными, древними и первобытными традициями. Тот же упрек, однако, можно выдвинуть в адрес любого учебника или атласа анатомии, в которых в интересах общего понимания основ

---

[1] Зигмунд Фрейд, «Будущее иллюзии».

человеческого телосложения игнорируются физиологические вариации, присущие разным расам. Разумеется, между различными мифологиями и религиями человечества существуют многочисленные отличия, но эта книга посвящена их сходствам, и, как только последние выявлены, можно обнаружить, что различия между ними не так уж велики, как это принято обычно (и преднамеренно) считать. Я надеюсь, что такое сравнительное разъяснение сможет внести свой вклад в не настолько уж безнадежные попытки тех сил, которые стремятся к объединению современного мира, — не во имя создания некой екклезиастической или политической империи, но для достижения взаимопонимания людей. Как гласят «Веды», «истина одна, но мудрые говорят о ней различно».

За помощь в сложной задаче приведения моих материалов в доступную для чтения форму мне хочется поблагодарить мистера Генри Мортона Робинсона, советы которого невероятно помогли мне на начальном и завершающем этапах работы, миссис Питер Гейгер, миссис Маргарет Уинг и миссис Хелен МакМастер, которые неоднократно изучали рукопись и высказали мне неоценимые замечания, а также мою жену, которая работала вместе со мной от начала до самого конца, слушая, читая и предлагая изменения.

Дж.К.

Нью-Йорк-Сити,
10 июня 1948 года

ПРОЛОГ

МОНОМИФ

1. МИФ И СНОВИДЕНИЕ

Выслушиваем ли мы с отстраненной насмешкой сноподобные «мумбоюмбо» какого-нибудь красноглазого знахаря из Конго, читаем ли с приличествующим выражением восторга переводы строк таинственного Лао-цзы; прорываемся ли вновь и вновь сквозь непроницаемую скорлупу аргументов Фомы Аквинского, или же внезапно улавливаем ослепительное значение причудливой волшебной сказки эскимосов, мы всегда обнаруживаем во всем этом одну и ту же изменяющуюся форму — и все же изумительно неизменную историю, вызывающую в нас странную, но твердую уверенность в том, что в мире можно испытать нечто намного большее, чем уже известное и поведанное.

Во всех населенных мирах, во все времена и при любых обстоятельствах процветали мифы о человеке. Они были живым вдохновением того, что может происходить за пределами привычной сферы деятельности человеческого тела и разума. Вряд ли можно счесть преувеличением слова о том, что миф является потайным ходом, посредством которого неисчерпаемые энергии космоса вливаются в культурные проявления человека. Религии, философии, искусства, социальные формы первобытного и исторического человека, передовые открытия науки и технологии, даже обычные сновидения, терзающие нас во время сна, являются прорывающимися наружу проявлениями изначального, волшебного кольца мифа.

Чудо заключается в том, что та особая действенность, что затрагивает и воодушевляет наши глубочайшие творческие центры, кроется в самой незатейливой волшебной сказке, рассказываемой перед сном, подобно тому, как аромат океана содержится в крошечной его капле, а вся загадка жизни — в яйце блохи. Символы мифологии не являются искусственно создаваемыми; их невозможно направлять, изобрести или временно подавить. Они представляют собой спонтанные проявления души, и каждое такое проявление несет в себе в неповрежденном виде зачаток власти своего источника.

В чем секрет вневременных видений? Из каких бескрайних глубин мозга они исходят? Почему в основе своей, под разнообразием покровов, мифология всегда одинакова? И чему она нас учит?

Сегодня свой вклад в анализ этой загадки вносят многие науки. Археологи исследуют развалины в Ираке, Хэнане, на Крите и Юкатане. Этнологи опрашивают остяков (Другое название: ханты. — *Прим. перев.*) на реке Обь и буби с острова Фернандо-По (Современное название: Масиас-Нгема-Бийого, остров в Атлантическом океане, на котором находится столица Экваториальной Гвинеи, Малабо. — *Прим. перев.*). Последнее поколение востоковедов недавно открыло нам священные тексты Востока, а также доиудейские источники нашего собственного Святого Писания. Тем временем, множество других ученых, еще в прошлом веке предпринявших интенсивное изучение в области народной психологии, пытаются выявить психологические основы развития языка, мифа, религии, искусства и нравственных кодексов.

Наиболее примечательными, впрочем, стали откровения, выявленные в клиниках для душевнобольных. Смелые и в подлинном смысле слова эпохальные труды психоаналитиков являются совершенно необходимым источником для тех, кто изучает мифологию, поскольку, что бы мы ни думали о подробных и временами противоречивых толкованиях отдельных случаев и проблем, Фрейд, Юнг и их последователи неопровержимо продемонстрировали, что логика мифа, его герои и их деяния дожили до нашего времени. Даже при отсутствии эффективной общей мифологии каждый из нас обладает своим личным, нераспознанным, рудиментарным и все же загадочно могущественным пантеоном сновидения. Недавние инкарнации Эдипа и живые олицетворения извечного романа Красавицы и Чудовища можно увидеть сегодня после обеда на перекрестке Сорок Второй стрит и Пятой авеню стоящими в ожидании зеленого сигнала светофора.

«Мне снилось, — написал один американский юноша автору газетной колонки, занимающемуся перепиской с читателями, — что я латал крышу нашего дома. Вдруг я услышал голос отца, зовущий меня снизу, с земли. Я резко повернулся, прислушиваясь; молоток выскользнул у меня из рук, съехал по наклонной крыше и свалился вниз. Я услышал тяжелый глухой удар, похожий на звук падающего тела.

Ужасно испугавшись, я спустился по лестнице на землю. Перед домом лежал мой отец, вся его голова была в крови. Мое сердце разорвалось, и, всхлипывая, я начал звать мать. Она вышла из дома и обняла меня: "Не волнуйся, сынок, это был несчастный случай, — сказала она. — Я знаю, что ты сможешь позаботиться обо мне, даже если он умрет". Она поцеловала меня, и я проснулся. Я старший сын в семье, и мне уже двадцать три года. Почти год назад я развелся с женой; нам почему-то так и не удалось поладить. Я горячо люблю обоих своих родителей, и у меня никогда не было проблем с отцом, разве что он настаивал на том, чтобы я вернулся к жене и продолжал жить с ней, но я понимаю, что не буду с ней счастлив, поэтому никогда не вернусь»[2].

В этом сне неудавшийся муж с подлинной и поразительной наивностью показывает, что вместо того, чтобы перенести свою духовную энергию на любовь и проблемы своего брака, он ищет покоя в укромных уголках своего воображения, в нелепо устаревшей в наши дни драматической ситуации своей первой и единственной эмоциональной привязанности, в трагикомическом треугольнике младенческих лет — ребенок, вступающий в борьбу с отцом за любовь матери. Очевидно, что наиболее неизменными наклонностями человеческой души являются те, которые исходят из факта, что мы дольше любых животных остаемся у груди матери. Человеческие существа рождаются слишком рано; они не завершены, все еще не готовы встретиться с миром. Вследствие этого единственной их защитой от

---

[2] Клемент Вуд, «Сновидения: их значение и практическое использование» [Clement Wood, «Dreams: Their Meaning and Practical Application»]. «Материал сновидений в этой книге, — утверждает автор, — составлен, в первую очередь, на основе более чем тысячи сновидений, каждую неделю передаваемых мне для анализа в ежедневной колонке в нескольких газетах по всей стране. Дополнительным источником стали сновидения, которые я подвергал анализу в своей частной практике». В противоположность большинству сновидений, представленных в классических работах на эту тему, материалы этой книги, являющейся введением к работам Фрейда, исходят от людей, не подвергавшихся психоанализу.

опасностей вселенной является мать, под защитой которой внутриутробный период растягивается на более долгий срок[3]. Таким образом, зависимое дитя и его мать составляют в течение долгих месяцев после катастрофы рождения двойное единство — не только физически, но и психологически[4]. Любое долгое отсутствие матери вызывает у младенца напряжение и, следовательно, всплески агрессивности; кроме того, агрессивные реакции проявляются, когда матери приходится стеснять движения малыша. По этой причине первый объект враждебности ребенка совпадает с первым объектом его любви, а его первым идеалом (который впоследствии остается бессознательной основой любых образов блаженства, истины, красоты и совершенства) является двойное единство Мадонны и Младенца[5].

Несчастный отец означает первое радикальное вторжение иного порядка реальности в блаженство этого земного возрождения совершенства пребывания в утробе матери; следовательно, он воспринимается в первую очередь как враг. На него переносится тот заряд агрессивности, который первоначально связывался с «плохой», то есть отсутствующей, матерью, тогда как желание соединиться с образом «хорошей», кормящей и защищающей матери, которая всегда рядом, обычно поддерживается в ребенке ею самой. Это роковое младенческое распределение порывов смерти *(танатос, деструдо)* и любви *(эрос, либидо)* закладывает основы столь известного в наши дни эдипова комплекса, который Зигмунд Фрейд около сорока лет назад выделил как величайшую причину неспособности нас, взрослых, вести себя так, как надлежит рациональным существам. Как

Примечательно их простодушие.

[3] Геза Рохейм, «Происхождение и функция культуры» (Geza Roheim, «The Origin and Function ofCultiire»).

[4] D. T. Burlingham, «Die Einfuhlung des Kleinkindes in die Mutter»; цитируется по: Геза Рохейм, «Война, преступность и мирные соглашения».

[5] Г. Рохейм, «Война, преступность и мирные соглашения» (G. Roheim, «War, Crime, and the Covenant»).

выразил это доктор Фрейд, «царь Эдип, который убил своего отца Лая и женился на собственной матери Иокасте, просто демонстрирует исполнение наших детских желаний. Но, будучи более удачливыми, чем он, мы все же преуспели — ибо не превратились в психоневротиков — в отделении наших сексуальных порывов от матерей и в забывании ревности по отношению к отцам»[6]. Или, как он пишет в другом месте, «любое патологическое расстройство половой жизни справедливо считать задержкой развития»[7].

Во сне нередко видят люди, будто
Спят с матерью; но эти сны — пустое.
Потом опять живется беззаботно.[8]

Плачевное положение жены возлюбленного, чувства которого, вместо созревания, остаются прикованными к младенческой любви, можно оценить с точки зрения очевидной нелепости другого сновидения нашего современника; благодаря ему мы начинаем чувствовать, что действительно входим в царство древнего мифа, хотя и оборачивающегося любопытным образом.

«Мне снилось, — пишет обеспокоенная женщина, — что повсюду за мной начал следовать огромный белый конь. Я боялась его и отгоняла прочь. Я постоянно оглядывалась, но он продолжал идти за мной, и вдруг превратился в мужчину. Я велела ему отправиться в парикмахерскую и сбрить гриву, и он сделал это. Выйдя наружу, он

---

[6] З. Фрейд, «Толкование сновидений».
[7] З. Фрейд, «Три эссе о теории сексуальности», часть III: «Трансформации в период полового созревания».

[8] Софокл, Эдип-царь, стр. 956—958 (в переводе С. Шервинского). Подчеркивалось, что отца, кроме того, можно воспринимать как защитника, а мать — как искусительницу. В этом заключается отличие Эдипа от Гамлета: «О Боже, я бы мог замкнуться в ореховой скорлупе и считать себя царем бесконечного пространства, если бы мне не снились дурные сны» («Гамлет», акт II, сцена 2). «Любой невротик, — пишет доктор Фрейд, — либо Эдип, либо Гамлет».

Что касается случая с дочерью (который на порядок сложнее), то для описания основ современных представлений об этом достаточно будет следующего фрагмента: «Прошлой ночью мне приснилось, что отец ударил маму ножом прямо в сердце. Она умерла. Я понимала, что никто не сможет упрекнуть его за то, что он сделал, хотя горько плакала. Сон, казалось, изменился, и теперь мы с ним вдвоем отправлялись в путешествие, и я была очень счастлива». Это сновидение незамужней двадцатичетырехлетней девушки (К. Вуд, ранее цит.).

выглядел в точности как человек, за исключением того, что у него были лошадиное лицо и копыта. Он вновь начал идти следом, куда бы я ни направилась. Потом он подошел ближе, и я проснулась.

Я замужняя женщина, мне тридцать пять лет, и у меня двое детей. Я замужем уже четырнадцать лет и уверена, что мой муж верен мне»[9].

Рис. 1. *Силены и менады*

Подсознательное посылает в мозг самые разнообразные фантазии, странных существ, кошмарные и обманчивые образы — во сне, средь бела дня и при безумии, — ибо под полом относительно опрятного небольшого жилого помещения, которое мы именуем сознанием, человеческое царство неожиданно превращается в пещеры Алладина. Там нас ожидают не только драгоценные сокровища, но и опасные джинны: беспокойные или оказывающие сопротивление психологические силы, о которых мы либо не знаем, либо не смеем воссоединить их с нашей обычной жизнью. Они могут оставаться незамеченными, но, с другой стороны, несколько случайных слов,

необычный запах, вкус глотка чая или быстрый взгляд могут коснуться некоей волшебной пружины, и тогда в нашем мозге начнут возникать опасные вестники. Они опасны, потому что угрожают зданию безопасности, которым мы окружили себя и свою семью. Но они также и дьявольски притягательны, поскольку несут в себе ключи, открывающие целое царство желаемого и пугающего путешествия самораскрытия, знаменующего разрушение того мира, который мы построили и в котором живем, и нас самих в этом мире. Но за этим разрушением следует чудесное воссоздание более смелой, чистой, просторной и полнокровной человеческой жизни — в этом соблазн, в этом обещание и ужас волнующих ночных визитеров из того мифологического царства, которое мы храним в себе.

Психоанализ, современная наука чтения сновидений, научил нас с вниманием относиться к этим бесплотным образам. Он, кроме того, обнаружил способ, позволяющий им выполнять свою работу. Опасным кризисам саморазвития разрешается протекать под оберегающим оком опытного практика, посвященного в сокровенные знания и язык сновидений, который выполняет роль и воплощает в себе образ древнего мистагога (Человек, посвящающий ученика в доктринальные или ритуальные мистерии. - *Прим. перев.*), или проводника душ, подвергающего испытаниям и проводящего инициацию знахаря-колдуна из первобытного лесного святилища. Врач является современным мастером мифологического царства, знатоком всех священнодействий и могущественных слов. Его роль в точности совпадает с ролью Мудрого Старца из мифов и волшебных сказок, слова которого помогают герою пройти испытания и ужасы таинственного путешествия. Он — тот, кто неожиданно возникает и награждает сияющим магическим мечом, способным убить ужасного дракона, сообщает о том, где ожидает героя суженая и замок с невероятными сокровищами, прикладывает

---

[9] К. Вуд, ранее цит.

целительный бальзам к смертельным ранам и, наконец, возвращает победителя назад, в мир обычной жизни, завершая великое путешествие в зачарованную ночь.

Если теперь, сохраняя в памяти этот образ, мы обратимся к многочисленным странным ритуалам, существовавшим, согласно исследованиям, у примитивных племен и великих цивилизаций прошлого, становится очевидным, что предназначение и подлинный результат этих обрядов заключался в сопровождении человека через те трудные пороги преображения, которые требуют перемен в моделях не только сознательной, но и бессознательной жизни. Так называемые обряды перехода, занимающие столь выдающееся положение в жизни примитивных сообществ (церемонии рождения, присвоения имени, вступления в половую зрелость, брака, захоронения и т. п.) отличаются формальными и обычно очень суровыми испытаниями разделения, во время которых разум полностью отрывается от настроений, привязанностей и привычных шаблонов остающейся позади стадии жизни[10]. За этим следует период более или менее продолжительного отдыха, в течение которого проводятся ритуалы, предназначенные для представления путешествующему по жизни надлежащих форм и ощущений его нового положения, чтобы, когда прошедший инициацию наконец окончательно созреет для возвращения в обычный мир, он как бы заново родился.

Самым поразительным является тот факт, что огромное множество ритуальных испытаний и образов соответствуют тем символам, которые автоматически возникают в сновидениях в тот период, когда пациент

[10] В таких ритуалах, как церемонии рождения и погребения, наиболее существенным результатом является, разумеется, то, что испытывают родители и родственники. Обряды перехода нацелены не только на самого кандидата, но и на всех членов его окружения.

психоаналитика начинает избавляться от своих инфантильных пристрастий и продвигаться в будущее. У аборигенов Австралии, к примеру, одной из основных особенностей испытания инициации (в результате которой мальчик, достигший половой зрелости, отнимается от матери и посвящается в общество взрослых и тайные знания мужчин) является обряд обрезания. «Когда подростку из племени мурнгин предстоит обрезание, его отец и старшие мужчины говорят ему: "Великий Отец Змей чует запах твоей крайней плоти; он требует ее"[11]. Мальчики верят, что это на самом деле так, и чрезвычайно пугаются. Обычно они находят убежище у своей матери, матери своей матери или у другой любимой родственницы, поскольку знают, что все мужчины следят за тем, чтобы мальчиков отвели на специальное мужское место, где ревет Великий Змей. Женщины ритуально оплакивают мальчиков; это мешает Великому Змею проглотить подростков»[12]. Теперь обратимся к копии этого ритуала в бессознательном. *«Одному из моих пациентов, — пишет доктор К. Г. Юнг, — приснилось, как змея выскользнула из пещеры и укусила его в области гениталий. Это сновидение случилось в тот период, когда пациент убедился в правдивости анализа и начал освобождаться от оков своего комплекса матери»*[13].

Основной функцией мифологии и обрядов всегда было сохранение символов, направляющих человеческую душу вперед, в противоположность другим постоянным человеческим фантазиям, которые обычно привязывают его к тому, что осталось позади. В действительности вполне вероятно, что очень высокая распространенность невротичности в наше время является следствием упадка столь эффективной духовной помощи в нашем обществе. Мы остаемся прикованными к неизгнанным образам раннего детства и потому не чувствуем настоятельной необходимости перехода к взрослой

---

[11] А. ван Геннеп, «Обряды перехода» (A. van Gennep, «Les rites de passage»).
[12] Геза Рохейм, «Вечные в сновидении» (Geza Roheim, «The Eternal Ones of the Dream»).
[13] К. Г. Юнг, «Метаморфозы и символы либидо» (C. G. Jung, «Wandlungen und Symbole der Libido»).

жизни. В Соединенных Штатах распространен также пафос, подчеркивающий это обратное стремление: целью является не взрослеть, а оставаться молодым, не мужать в отдалении от Матери, но оставаться рядом с ней. Таким образом, пока мужья предаются поклонению своим отроческим святыням, будучи при этом теми адвокатами, торговцами или руководителями, которыми их хотели видеть родители, их жены, даже после четырнадцати лет брака и рождения и воспитания двоих чудесных детишек, все еще пребывают в поисках любви, — любви, которая приходит к ним только в образах кентавров, сатиров и прочих похотливых инкубов из окружения Пана, как во втором из процитированных сновидений, — либо из наших популярных храмов ванильного мороженого, в образах сладострастных богинь, созданных с помощью грима из последних звезд экрана.

Психоаналитикам наконец-то удалось вновь утвердить проверенную мудрость древних, обращенных в будущее учений одетых в маски танцующих шаманов, в результате чего мы обнаруживаем в сновидениях, подобных сну об укусе змеи, что нестареющий символизм инициации спонтанно воспроизводится самим пациентом в период освобождения. Очевидно, что в этих изначальных образах существует нечто настолько необходимое душе, что, если они не приходят извне, посредством мифа и ритуала, они вновь провозглашают себя изнутри, через сновидения, чтобы наша энергия не осталась заключенной в банальной, давно вышедшей из моды детской комнате на дне океана.

Зигмунд Фрейд подчеркнул в своих работах переходы и сложности первой половины срока человеческой жизни, стадий раннего детства и юности, когда наше солнце лишь восходит к зениту. С другой стороны, К. Г. Юнг уделял особое внимание кризисам второй половины, когда для того, чтобы двигаться дальше, сияющему светилу следует покориться неизбежности нисхождения и наконец полного исчезновения в ночном лоне могилы. Привычные символы наших желаний и страхов преобразуются на этом закате биографии в свои противоположности, ибо теперь вызовом становится уже не жизнь, а смерть. Таким образом, трудно расставаться не с утробой, а с фаллосом — если, конечно, сердце человека уже не сковала утомленность жизнью и смерть не являет ему то обещание блаженства, которым раньше соблазняла любовь. Мы проходим полный круг, от гроба утробы до утробы гроба : неопределенное, загадочное вторжение в мир твердой

материи, которая вскоре растает, как субстанция сновидения. И, оглядываясь на то, что обещало быть нашим собственным, уникальным, непредсказуемым и опасным путешествием, все мы обнаруживаем в конце его ту цепь стандартных метаморфоз, которую претерпевали все мужчины и женщины во всех четырех сторонах света, во всех датированных столетиях и под самыми причудливыми одеяниями цивилизации.

* *Англ."Full circle,from tomb of the womb to the womb of the tomb".*

(Повне коло, з гробниці матки в лоно могили)

Рассказывают, к примеру, историю о великом Миносе, царе острова-империи Крита в период ее торгового превосходства; историю о том, как он нанял прославленного мастера-художника Дедала, чтобы тот придумал и построил для царя лабиринт, в котором предстояло спрятать то, чего дворец одновременно и стыдился, и страшился, — ибо это было чудовище, порожденное Пасифе, царицей. В истории говорится, что царь Минос был слишком занят важной войной, связанной с защитой торговых маршрутов; Пасифе же тем временем совратил великолепный, белоснежный, рожденный морем бык. Впрочем, это было ничем не хуже того, что позволила себе мать самого Миноса: его матерью была Европа, и хорошо известно, что ее доставил на Крит бык. Этот бык был богом Зевсом, а благородным сыном их священного союза стал сам Минос — ныне повсеместно уважаемый и привечаемый. Как могла Пасифе предположить, что плод ее собственного неблагоразумия окажется чудовищем — малышом с человеческим телом, но головой и хвостом быка?

Общество единогласно порицало царицу, но царь даже не осознавал доли собственной вины в случившемся. Бык, о котором идет речь, был послан богом Посейдоном давным-давно, когда Минос соперничал в борьбе за престол со своим братом. Минос настаивал на том, что трон принадлежит ему по божественному праву, и просил Посейдона, чтобы он явил из моря в качестве знака быка; он скрепил свою мольбу клятвой немедленно принести это животное в жертву как подношение и символ служения. Бык появился, и Минос занял престол, но, узрев величие явленного зверя, он задумался о том, какие преимущества могло бы принести обладание таким экземпляром, и решил пойти на риск подмены в духе торговца, предположив, что бог не заметит

разницы. Возложив на алтарь Посейдона лучшего белого быка из тех, какие у него были, он сохранил посланного быка в своем стаде.

Критская империя невероятно расцвела при благоразумном правлении этого известного законодателя и образца общественной добродетели. Кнос, столица государства, превратился в роскошный и элегантный центр, обладающий ведущей торговой властью в цивилизованном мире. Критские корабли посещали все острова и порты Средиземноморья, а критские изделия высоко ценились в Вавилоне и Египте. Дерзкие крошечные суда даже прорывались сквозь Геркулесовы Столпы в открытый океан и направлялись к северу, чтобы принять грузы золота в Ирландии и олова в Корнуэлле[14], равно как и к югу, вокруг Сенегала, к далеким землям Йоруба и рынкам слоновой кости, золота и рабов[15].

В это время на их родине Посейдон заставил царицу воспылать необузданным вожделением к этому быку, и она приказала мастеру-художнику своего мужа, несравненному Дедалу, изготовить для нее деревянную корову, с помощью которой она могла бы обмануть быка. Исполненная страстного желания, она вошла в эту корову — и бык был обманут. Царица родила чудовище, которое со временем стало представлять опасность. Тогда вновь, на этот раз самим царем, был призван Дедал, которому предстояло построить огромнейший изолированный лабиринт со множеством тупиков, где можно было бы спрятать зверя. Творение оказалось настолько запутанным, что сам Дедал едва сумел найти путь к выходу, когда закончил работу. Там и поселили Минотавра, после чего начали кормить его группами живых юношей и девушек, привозимых в качестве дани из стран,

---

[14] Гарольд Пик и Херберт Джон Флор, «Путь моря» и «Путешественники-торговцы бронзой» (Harold Peake, Herbert John Fleure,« The Way of the Sea»; «Merchant Venturers in Bronze»).

[15] Лео Фробениус, «Das unbekannte Afrika».

покоренных Критом[16].

Таким образом, согласно легенде, первоначальная ошибка была совершена царем, а не царицей, и в действительности он не мог обвинять ее, поскольку понимал, что наделал. Он использовал общественное событие в корыстных личных интересах, тогда как весь смысл жалования ему царской власти заключался в том, что он уже не будет являться частным лицом. Возвращение быка символизировало бы его абсолютно самоотверженное подчинение обязанностям принятого положения. Его сохранение в стаде, напротив, было порывом эгоцентрического возвеличивания себя. Так царь «милостью Божией» стал опасным тираном, — личностью самой по себе. Точно так же, как традиционные обряды перехода использовались для того, чтобы личность умерла для прошлого и возродилась для будущего, так и великие церемонии посвящения в должность лишали его личных особенностей и облачали в мантию избранного поприща. Таким был идеал, независимо от того, являлся человек ремесленником или царем. Кощунство отказа от прохождения обряда, однако, отсекало личность как единицу от более крупной единицы всего сообщества; так Единое расщеплялось на многих, которые затем сражались друг с другом — каждый за себя — и поддавались управлению только с применением силы.

Образ этого тирана-чудовища известен мифологиям, народным традициям, легендам и даже ночным кошмарам всего мира, и его характеристики повсюду остаются по сути своей одинаковыми. Он припрятывает общественные блага. Он — чудовище, алчное на право «мое и только мое». Опустошение, вызываемое им, описывается в мифологии и волшебных сказках как всеобщее, охватывающее все его владения. Иногда эти владения совсем невелики: его домашнее хозяйство, его измученная душа или отравленные жизни тех, к кому он прикасается в своей дружбе и помощи; но временами это влияние распространяется и на всю его цивилизацию. Напыщенное эго тирана является проклятием, лежащим на нем самом и на его мире, — независимо от того, насколько благополучными могут казаться

---

[16] Овидий, «Метаморфозы», VIII, 132; IX, 736.

его деяния. Устрашенный самим собой, преследуемый страхом, настороженно относящийся к каждой протянутой руке и немедленно вступающий в бой при любом подозрении нападения на окружающий его мир — что представляет собой основные симптомы неуправляемых стремлений к новым личным обретениям, — этот исполин индивидуальной независимости является вестником мирового бедствия, пусть даже в собственных глазах он тешит себя своими гуманными намерениями. Куда бы он ни простер свою руку, оттуда доносится призыв (если не из-под крыши дома, то — что еще печальнее — из каждого сердца): призыв к герою-избавителю, носителю сверкающего клинка, чей удар, чье прикосновение, чье существование освободит эту землю.

Здесь ни встать ни прилечь ни присесть
Даже безмолвия нет в этих горах
Лишь сухой и бесплодный гром без дождя
И одиночества нет в этих горах
Лишь угрюмые красные лица ворчат и глумятся
Из дверей покосившихся хижин.[17]

Герой является человеком добровольно принятого подчинения. Но подчинения чему? Именно в этом заключается та загадка, которую нам следует задавать друг другу, та повсеместная и изначальная добродетель и исторический подвиг героя, которые нам предстоит определить. Как указывает в своем шеститомном исследовании законов расцвета и упадка цивилизаций профессор Арнольд Дж. Тойнби[18], раскол в душе, раскол в социальном организме не могут быть исправлены ни какой-либо схемой возвращения к старым добрым временам (архаизмом), ни программами, гарантирующими наступление идеального запланированного будущего

[17] Т. С. Элиот, «Бесплодные земли» (T. S. Eliot, «The Waste Land»).
[18] Арнольд Дж. Тойнби, «Изучение истории» (Arnold J. Toynbee, «Л Study of History»).

(футуризмом), ни даже самым реалистичным и продуманным проектом, предназначенным для нового воссоединения разрушенных элементов. Только рождение способно покорить смерть — не повторное рождение чего-то древнего, но рождение нового. В душе, в социальном организме должно происходить — если, конечно, мы стремимся к продолжительному выживанию — непрерывное «повторение рождения» *(palingenesia)*

Палингене́зия (от др.-греч. πάλιν — снова и γένεσις — становление, рождение) — теория немецкого философа Артура Шопенгауэра о том, что воля человека никогда не умирает, но проявляет себя опять в новых индивидах. Вместе с тем Шопенгауэр отвергает основные положения реинкарнации о переселении конкретной души. Теория палингенезии была изложена во втором томе его книги «Мир как воля и представление» — в частности, в главе «Смерть и её отношение к неразрушимости нашего существа».),

которое компенсировало бы неудержимые повторения смерти. Ибо именно силами наших собственных побед, если при этом мы не рождаемся заново, исполняется деятельность Немезиды: роковая судьба прорывается сквозь скорлупу каждой нашей добродетели. Мир — западня, и война — западня; изменения — ловушка, и постоянство — ловушка. Когда наступает наш день победы над смертью, смерть приближается; нет ничего, что мы могли бы с этим поделать, кроме предания себя распятию — и воскрешению, полному расчленению — и затем возрождению.

Тезей, герой-победитель Минотавра, пришел на Крит извне как символ и орудие расцветающей цивилизации греков. Это было нечто новое и живое. Но возможно также, что такой принцип возрождения можно обнаружить и в самих стенах империи тирана. Профессор Тойнби использует понятия «отчуждение» и «преображение» для описания кризиса, благодаря которому достигается высшее духовное измерение, что делает возможным возобновление созидательной деятельности. Первый шаг, отчуждение или отстранение, заключается в радикальном переносе основного внимания с внешнего на внутренний мир, с макро- на микрокосм, отступление от безумства «бесплодной земли»

к покою вечного царства, которое внутри нас. Но этим царством, как нам известно из психоанализа, является именно инфантильное бессознательное. Это то царство, в которое мы входим во время сна. Мы вечно несем его в себе. Там обитают все великаны-людоеды и тайные помощники наших детских сказок, там происходит все волшебство нашего детства. И, что еще более важно, там существуют иные части нас, все те потенциальные возможности, которые нам так и не удалось привести в исполнение во взрослой жизни, ибо такие золотые зерна не умирают.

Даже если бы только часть этой утерянной целостности могла быть извлечена на свет, мы испытали бы изумительное расширение наших возможностей, бурное обновление жизни. Мы должны возвыситься. Более того, если нам удастся извлечь нечто забытое не только нами, но и всем нашим поколением или всей нашей цивилизацией, мы можем стать подлинными благотворцами, культурными героями дня — персонажами не только локального масштаба, но и мирового исторического периода. Одним словом, первой задачей героя является отступление от мировой сцены вторичных эффектов к тем причинным зонам души, где скрываются подлинные трудности, и прояснить их, избавиться от них в своем собственном мире (то есть дать бой демонам детства собственной локальной культуры) и прорваться к неискаженному, прямому восприятию и уподоблению тому, что К. Г. Юнг назвал «архетипическими образами»[19]. Этот

---

[19] «Формы или образы коллективного характера, которые возникают практически по всей земле, представляют собой составные части мифов и, в то же время, автохтонные индивидуальные продукты, источником которых является бессознательное» (К. Г. Юнг, «Психология и религия»; C. G.Jung, «Psychology and Religion»),

Как указывает доктор Юнг («Психология и религия»), теория архетипов ни в коем случае не является его собственным открытием. Сравним со словами Ницше: «В наших снах и в наших сновидениях мы переживаем все мышление древнего человечества. Я имею в виду, что в сновидениях человек рассуждает в точности так же, как он рассуждал в бодрствующем состоянии много тысячелетий назад. [...]. Сновидение относит нас назад, к ранним стадиям человеческой культуры, и предоставляет нам средства более глубокого их понимания» (Фридрих Ницше, «Человеческое, слишком человеческое»). Сравним с теорией Адольфа Бастиана об этических «Элементарных Идеях», которые по своей первичной психической

процесс известен в индийской и буддийской философии как *вивека,* «различение».

Архетипами, которые следует обнаруживать и усваивать, являются символы, внушающие базовые образы ритуала, мифологии и видения посредством летописей человеческой культуры. Этих «вечных в сновидении»[20] не следует путать с персональными модификациями символических фигур, являющихся в ночных кошмарах и безумиях терзаемой личности. Сновидение представляет собой персонализированный миф, а миф — деперсонализированное сновидение; и миф, и сновидение обладают одними и теми же символами динамики души. Однако в сновидении формам присущи причудливые особенности личных беспокойств сновидящего, тогда

природе (соответствующей Logoi spermatikoi стоиков) следует считать «духовными (или психическими) зачаточными наклонностями, на основе которых органично развивается вся социальная структура», и которые в качестве таковых должны служить основами индуктивного исследования («Etnische Elementargedanken in der Lehre vom Menclien»),

Сравним с Францем Боасом: «После строгого исследования Вайцем вопроса единства человеческого рода не может возникать сомнений в том, что основы умственных характеристик людей всего мира одинаковы» («Разум первобытного человека»; Franz Boas, «The Mind of Primitive Man»). «Бастиан часто говорит о поразительном однообразии фундаментальных идей человечества на всем земном шаре» (там же). «Во всех мировых культурах можно распознать определенные шаблоны мыслей-ассоциаций» (там же). Сравним с сэром Джеймсом Дж. Фрейзером: «Нет необходимости, подобно некоторым исследователям прошлого и современности, предполагать, что люди Запада позаимствовали у более древних цивилизаций Востока концепцию Умирающего и Воскресающего Бога вместе с торжественным ритуалом, в котором эта концепция в драматической форме разворачивается на глазах поклоняющихся. Вероятнее всего, это сходство, которое можно выявить при сравнении религий Востока и Запада, является не чем иным, как тем, что мы обычно — но ошибочно — называем случайным совпадением. Следствие одних и тех же причин одинаковым образом воздействует на сходное строение человеческого мозга в различных странах и под всеми небесами» («Золотая ветвь»). Сравним с Зигмундом Фрейдом: «Я с самого начала распознал присутствие в сновидениях символизма. Но понимание этого возникло во мне постепенно, и по мере того, как мой опыт возрастал, я пришел к полному осознанию влияния и значимости этого символизма и достиг этого под влиянием [...] Вильгельма Штекеля. [...] Штекель пришел к своим толкованиям символов путем интуиции, благодаря редкому дару прямого их понимания [...] Развитие практики психоанализа привлекло наше внимание к пациентам, в изумительной степени продемонстрировавшим прямое понимание подобного символизма сновидений. [...] Символизм не является исключительной особенностью сновидений, но представляет собой характеристику способности бессознательного к восприятию идей, в частности, у человека, — и в фольклоре, в народных мифах, легендах, лингвистических идиомах, мудрости пословиц и современных шутках символизм можно обнаружить в намного более полной форме по сравнению со сновидениями» («Толкование сновидений»). Доктор Юнг подчеркивает, что заимствовал термин архетип из классических источников: у Цицерона, Плиния, Corpus Hermeticus, Августина и т. д. («Психология и религия»). Бастиан отмечает соответствие его собственной теории «Элементарных Идей» и концепции стоиков Logoi spermatikoi. Традиция «субъективно известных форм» (в санскрите: «антарджнейя-рупа») обладает, на самом деле, той же протяженностью, что и традиция мифа, и является ключевой для понимания и использования мифологических образов — которые будут в обилии представлены в следующих главах.

[20] Этот термин является переводом Гезы Рохейм понятия алтьиранга митьина, означающего мифических предков, странствующих по земле во времена, именуемые алтьиранга накала, «предок был». Слово алтьира (альчера) означает: 1) сновидение; 2) предки, существа, являющиеся в сновидении; 3) рассказ.

как показанные в мифе проблемы и решения обладают непосредственной значимостью для всего человечества.

Таким образом, герой представляет собой мужчину или женщину, способных преодолеть свои личные и локально-исторические ограничения и перейти к обладающим всеобщей значимостью, общечеловеческим формам. Точки зрения, мысли и воодушевление такого человека в незапятнанном виде исходят из первичных импульсов человеческой жизни и мышления. И поэтому они являются выразителями не современных разъединяющихся общества и души, но того неугасимого источника, благодаря которому общество возрождается. Герой умирает как современный человек, но возрождается как человек вечный — совершенный, обобщенный и всеобщий. Следовательно, вторая его формальная задача и деяние (как утверждает Тойнби и как подтверждают все мифологии человечества) заключается в том, чтобы вернуться к нам преображенным и преподать усвоенный им урок обновленной жизни[21].

«Я шла по северной окраине большого города, по убогим и грязным улицам с неуклюжими крошечными домами, — пишет наша современница, рассказывая о своем недавнем сновидении. — Я не знала, где нахожусь, но мне нравилось осматривать все вокруг. Я свернула на какую-то невероятно грязную улочку и пересекла что-то похожее на открытую сточную канаву. Я прошла мимо лачуг и увидела небольшую речку, отделяющую меня от высокой и твердой земли, где начиналась гладкая мощеная дорога. Это была красивая, совершенно чистая река, заросшая травой. Я видела, как травы

---

[21] Следует отметить, что профессора Тойнби можно упрекнуть в том, что он серьезно искажает мифологическую сцену, объявляя христианство единственной религией, реша ющей вторую задачу. Ее решают все религии, равно как и все мифологии и народные традиции. Профессор Тойнби приходит к своему неверному выводу вследствие банальных и ошибочных истолкований восточных идей нирваны, Будды и бодхисаттвы; затем он противопоставляет этим идеалам (в своих неверных представлениях) чрезвычайно утонченное перепрочтение христианской идеи Града Божьего. Именно это приводит его к ошибочному предположению о том, что спасение современной ситуации в мире может заключаться только в возвращении власти Римской Католической Церкви.

колышутся под поверхностью воды. Не было никакой возможности перебраться через нее, поэтому я зашла в ближайший дом и попросила лодку. Мужчина, живущий в доме, сказал, что, конечно же, поможет мне переправиться. Он вынес небольшой деревянный ящик, поставил его на берегу реки, и я сразу поняла, что легко перепрыгну на другой берег, если воспользуюсь этим ящиком. Я знала, что все опасности позади, и мне захотелось щедро вознаградить этого человека.

Когда я размышляла об этом сновидении, у меня возникло отчетливое ощущение, что мне совсем не обязательно было идти туда, куда я пришла, и я могла бы выбрать удобную прогулку по мощеным улицам. Я свернула на эту убогую и грязную улочку, потому что предпочла приключение, и, если уж я ступила на этот путь, мне необходимо было его завершить... Когда я думала о том, насколько настойчиво двигалась вперед в своем сновидении, мне показалось, что я заранее знала, что там меня ждет что-то прекрасное, вроде той милой речки, заросшей травой, и безопасной и возвышенной дороги на другом ее берегу. Если размышлять об этом в таких понятиях, то это подобно решимости родиться — или, скорее, родиться заново — в некоем духовном смысле. Возможно, некоторым из нас необходимо преодолеть темные и извилистые тропы, прежде чем мы сможем найти свою реку покоя или дорогу к предназначению души»[22].

Сновидящая является выдающейся оперной певицей, и, подобно каждому, кто предпочел не уставленный дорожными указателями всеобщий путь сегодняшнего дня, а путешествие за особым, едва слышимым призывом, различаемым теми, чей слух обращен как внутрь, так и вовне, ей пришлось проделать собственный одинокий путь и преодолеть трудности, которые встречаются далеко не каждому, пройти «по убогим и грязным улицам»; она познала темную ночь души, «сумрачный лес половины земной жизни» Данте и печали адских провалов:

---

[22] Фредерик Пирс, «Сновидения и личность» (Frederick Pierce, «Dreams and Personality»).

Я увожу к отверженным селеньям,

Я увожу сквозь вековечный стон,

Я увожу к погибшим поколеньям.[23]

Примечательно, что в этом сновидении в подробностях воспроизводится базовый контур всеобщей мифологической формулы путешествия героя. Мы будем находить сотни видоизменяющихся форм этих имеющих глубокое значение мотивов опасностей, препятствий и удач в путешествии на протяжении всех последующих страниц этой книги. Пересечение сначала открытой сточной канавы[24], а затем — совершенно чистой реки, поросшей травой[25], образ добровольного помощника, появляющегося в критический момент[26], и высокая, твердая земля за последним водным потоком (Земной Рай, Земля за Иорданом [27]) — все они представляют собой извечные, потворяющиеся темы чудесной песни возвышенного путешествия души. И каждый, кто осмеливается прислушаться и последовать тайному призыву, постигает трудности этого опасного и одинокого перехода:

Мудрые описывают этот путь труднопреодолимым, как лезвие бритвы;

---

[23] Слова, начертанные на Вратах Ада:

Per si va nella citta dolenle,
Per me si va nell' elemo dolort.
Per me si va tra la Pcrduta Cente.

Данте, "Ад", III, 1—3 (в переводе М. Лозинского).

[24] Сравним с Данте, "Ад", XIV, 76—84: «В безмолвье мы дошли до ручейка [...] чья злость мне и до сих пор жутка [...] в котором воду грешницы берут» (в переводе М. Лозинского).

[25] Сравним с Данте, "Чистилище", XXVIII, 22—30: «И вдруг поток мне преградил дорогу который мелким трепетом волны клонил налево травы по отлогу. Чистейшие из вод земной страны наполнены как будто мутью сорной пред этою, сквозной до глубины» (в переводе М. Лозинского).

[26] Вергилий у Данте.

[27] «Те, что в стихах когда-то воспевали былых людей и золотой их век, быть может, здесь в парнасских снах витали: здесь был невинен первый человек, здесь вечный май, в плодах, как поздним летом, и нектар — это воды здешних рек» (Данте,

Когда оно заточено, по нему трудно пройти.[28]

Сновидящей помогают пересечь воды, одарив ее небольшим деревянным ящиком, который в этом сновидении занимает место, более свойственное лодке или мосту. Это — символ ее собственного особого таланта и добродетели, благодаря которым она переносится через мировые воды. Сновидящая не предоставила нам описаний ее собственных ассоциаций, связанных с этим моментом, поэтому нам не известно, какое особое содержание мог скрывать этот ящик; с уверенностью можно сказать лишь то, что это разновидность ящика Пандоры — божественного дара богов прекрасной женщине, дара, который был наполнен семенами всех тревог и радостей существования, но скрывающего в то же время и жизнеутверждающую добродетель — надежду. С его помощью сновидящая перебирается на другой берег. И, благодаря такому же чуду, каждый человек, деятельностью которого является сложная и опасная задача самораскрытия и саморазвития, будет препровожден через океан жизни.

Множество мужчин и женщин предпочли последовать менее богатому приключениями пути относительно бессознательных гражданских и родовых традиций. Но и эти люди, пребывающие в поиске, тоже спасаются — благодаря добродетели унаследованных обществом форм символической помощи, обрядов перехода, благотворных причащений, дарованных человечеству древности избавителями и передаваемых нам через тысячелетия. Действительно безнадежно положение лишь тех, кто не слышит ни внутреннего призыва, ни внешней доктрины; или, иными словами, сегодняшнее положение нас самих, блуждающих в лабиринте без сердца внутри собственного сердца. Увы, где же тот проводник, где та любящая дева Ариадна, которая снабдила бы нас простым ключом, обеспечивающим смелость, достаточную для встречи лицом к лицу с Минотавром, и средствами, позволяющими найти путь к свободе после того, как чудовище найдено и уничтожено?

Ариадна, дочь царя Миноса, влюбилась в красавца Тезея в тот же миг, когда увидела его высаживающимся с корабля, на котором Минотавру доставили группу обреченных

"Чистилище", XXVIII, 139—144).

[28] «Катха Упанишад», 3—14. (Упанишады представляют собой форму индийских трактатов о природе человека и Вселенной и образуют позднюю часть ортодоксальной традиции рассуждения. Первые Упанишады датируются примерно

афинских юношей и девушек. Ариадна нашла способ поговорить с ним и объявила, что может вручить ему то, что позволит Тезею выбраться из лабиринта, если он пообещает ей увезти ее с собой с Крита и взять в жены. Обещание было дано, и Ариадна обратилась за помощью к изобретательному Дедалу, искусство которого сотворило этот лабиринт и позволило матери Ариадны произвести на свет его обитателя. Дедал дал Ариадне простой моток льняной нити, которую чужеземный герой мог прикрепить у входа в лабиринт и разматывать по мере путешествия в нем. Воистину, как немного нам порой нужно! Но без этого средства путешествие по лабиринту стало бы безнадежным.

Малое всегда под рукой. Любопытнее же всего то, что тот же ученый, который, будучи на службе у грешного царя, был мозгом, обеспечившим ужасы лабиринта, с неменьшей готовностью смог оказаться полезным целям освобождения. Но геройское сердце все равно было необходимо. В течение многих столетий Дедал олицетворял собой образ художника-ученого, этого любознательного, но беспристрастного, почти дьявольского человеческого явления, пребывающего вне обычных рамок общественной оценки и преданного морали не своего времени, но своего искусства. Это герой образа мышления — привязанный сердцем к единственному предмету, дерзкий и исполненный веры в то, что истина, если ему удастся ее обнаружить, непременно сделает нас свободными.

И поэтому теперь и мы, подобно Ариадне, можем обратиться к нему. Он собрал лен для своей свитой в клубок нити на полях человеческого воображения. Столетия обработки земли, десятилетия старательной жатвы, деятельность многочисленных сердец и рук были затрачены на чесание льна, старательное очищение волокон и прядение этой тугосплетенной нити. К тому же нам не следует даже бояться того, что мы отправимся в это путешествие в одиночестве, ибо перед нами его пережили герои всех времен, лабиринт уже тщательно изучен, и нам нужно лишь последовать за нитью, отмечающей путь героя. И там, где мы предполагали обнаружить нечто отвратительное, мы встретимся с богом; там, где мы надеялись убить другого, мы убъем сами себя; там где мы надеялись убить другого, мы убьем сами себя; там где мы собирались выйти

VIII в, до н. э.)

наружу, мы обнаружим самое сердце нашего существования; там, где, как мы считали, мы будем двигаться в одиночестве, рядом с нами окажется весь мир.

Рис. 2. *Минотавромахия*

2. ТРАГЕДИЯ И КОМЕДИЯ

«Все счастливые семьи похожи друг на друга; каждая несчастливая семья несчастлива по-своему». Этими зловещими словами граф Лев Толстой начал роман о духовном распаде своей героини, Анны Карениной. В течение семи десятилетий, что миновали с тех пор, как эта обезумевшая жена, мать и охваченная слепой страстью любовница бросилась под колеса поезда — и положила таким символическим жестом конец тому, что произошло прежде с ее душой, прекратила свою трагедию потери ориентации, — беспорядочный и неослабевающий дифирамб романов, громких новостей и никем не замеченных криков боли возносился во славу быка-демона из лабиринта: гневного, несущего разрушение, сводящего сума аспекта того же бога, который, пребывая в милостивом настроении, является животворящим принципом мира. Современные любовные романы, подобно греческим трагедиям, чествуют загадку разъединения, которую представляет собой жизнь в рамках времени. Счастливые развязки справедливо презираются как неверные истолкования, ибо мир, каким мы его знаем, каким мы его видим, допускает лишь одно окончание: смерть, разрушение, разъединение и страдания нашего сердца, вызванные исчезновением тех образов, которые мы любим.

«Жалость представляет собой чувство, задерживающее разум возле всего печального и неизменного, что присуще человеческим страданиям; жалость объединяет со страдающим человеком. Страх является чувством, задерживающим разум в присутствии всего печального и неизменного, что присуще человеческим страданиям; страх объединяет с тайным источником»[29]. Как указал Гилберт Марри в своем предисловии к «Поэтике» Аристотеля[30], катарсис трагедии (то есть «очищение» или «прочищение» эмоций наблюдателя трагедии благодаря испытываемым жалости и страху) соответствует более раннему ритуальному катарсису («очищению сообщества от испорченности и яда прошлого, от прежнего заражения грехом и смертью»), который был функцией празднеств и мистерий расчлененного быка-бога Диониса. В мистерии-драме созерцающий разум объединяется не с телом, которое обречено на смерть, но с принципом вечной жизни, которая какое-то время обитает в этом теле и представляет собой в этот период реальность, облеченную в видимую оболочку (одновременно и страдающего человека, и тайного источника), с субстратом, в котором наши личности растворяются, когда «трагедия, искажающая человеческое лицо»[31], раскалывает, разбивает вдребезги и разлагает нашу смертную оболочку.

Быком обернись ты, наш Вакх, наш бог.
Явись многоглавым драконом
Иль львом золотистым ты в очи метнись![32]

В этой смерти логики и эмоциональных обязательств нашего короткого мгновения в мире пространства и времени, в этом распознании и смещении внимания на всеобщую жизнь, трепещущую и празднующую свою победу даже в самый миг уничтожающего нас

---

[29] Джеймс Джойс, «Портрет художника в юности» (James Joyce, «A Portrait of the Artist as a Young Man»).
[30] Аристотель, «Об искусстве поэзии».
[31] Робинсон Джефферз, «Чалый жеребец» (Robinson Jeffers, «Roan Stallion»).
[32] Еврипид, «Вакханки», 1017 (в переводе И. Анненского).

поцелуя, в этой amor /aft, «любви к судьбе», любви к предопределению, которое означает неизбежную смерть, заключается восприятие искусства трагедии; в них его радость, его освобождающий экстаз:

Дни мои вышли, я слуга.
Посвященный Юпитера с горы Ида;
Там, где бродит полуночный Загрей, брожу;
Я стерпел его громовой крик,
Наполнил его красные и кровоточащие кормушки.
Сдержал горное пламя Великой Матери.
И был Освобожден и назван именем
Вакха облеченных в броню жрецов.[33]

Современная литература в огромной мере уделяет внимание мужественному, бдительному наблюдению отвратительно изломаных образов, изобилующих перед нами, вокруг нас и внутри нас. Там, где подавляется естественный порыв к выражению недовольства истреблением — к крикам проклятий или к провозглашению панацеи, — величие искусства трагедии более действенно (для нас), чем присущее грекам осознание: реалистичная, сокровенная и интересная с самых различных точек зрения трагедия демократии, в которой бог видится (мучимым катастрофами не только в великих семействах, но и в самом обыкновенном доме, в каждой терпящей кару и терзаемой личности. И в этом нет притворных фантазий о небесах, будущем блаженстве и воздаянии, смягчающих ожесточенное величие, но только полная тьма, пустота неосуществления, вновь получающая и пожирающая жизни, отторгнутые из этой утробы лишь для того, чтобы погибнуть в ней.

В сравнении со всем этим наши короткие истории о достижениях выглядят ничтожными. Нам слишком хорошо известно, как горечь неудачи, потери, утраты иллюзий и иронической незавершенности волнуют кровь завистников мира сего! Поэтому мы не склонны придавать комедии столь же высокое значение, что и трагедии. Комедия приемлема как сатира; в качестве веселья она прредставляет собой приятное бегства укрытие; она принадлежит утопическим землям детства, защищенным от

[33] Еврипид, «.Критяне» (The Cretans), фрг. 475.

реальности, о которой мы очень скоро получим слишком отчетливое представление, тогда как миф о грядущих небесах предназначен для стариков, жизни которых лежат позади, а сердца должны готовиться к последнему порталу перехода в ночь, — для стариков, чье трезвое, современное западное суждение основано на полном непонимании реалий, описанных в волшебной сказке, в мифе и в божественных комедиях искупления. Именно они обладали в древнем мире более высоким значением, чем трагедия, и считались истиной, более глубокой, более труднодоступной пониманию, обладающей более прочной структурой и несущей более полное откровение.

Счастливое окончание волшебной сказки, мифа и божественной комедии о душе следует рассматривать не как противоположность, а как преодоление всеобщей трагедии человека. Объективный мир остается прежним, но, благодаря смещению акцентов в самом субъекте, мир видится преображенным. Там, где прежде соперничали жизнь и смерть, ныне проявляется неизменное бытие, равнодушное к таким мимолетным случайностям, — как вода, кипящая в котле, равнодушна к судьбе пузыря, как космос равнодушен к возникновению и исчезновению звездной галактики. Трагедия являет разрушение форм и нашей привязанности к формам; комедия, неистовая и легкомысленная, олицетворяет неистощимую радость непобедимой жизни. Поэтому эти два явления представляют собой понятия одной мифологической темы и одного опыта, который включает и то, и другое и ограничивается обоими: нисхождением и восхождением (kathodes и anodos), составляющими вместе всю полноту того откровения, которое есть жизнь и которое личность должна познать и полюбить, чтобы достичь очищения (katharsis = purgatorio) от заразы греха (неподчинения божественной воле) и смерти (отождествления со смертной формой).

Так: изменяется все, но не гибнет ничто и, блуждая.
Входит туда и сюда; тела занимает любые Дух; [...]
Так же бегут и часы, вослед возникая друг другу,
Новые вечно, затем, что бывшее раньше пропало.
Сущего не было, — все обновляются вечно мгновенья[34] [35].

---

[34] Овидий, «Метаморфозы», XV, 165—167; 184—185 (в переводе С. Шервинского).
[35] My days have run, the servant I,
Initiate, of Idaean love;

«Преходящи лишь тела этого Вечного, который неразрушим и неизмерим»[36].

Делом подлинной мифологии и волшебной сказки является раскрытие особых опасностей и методов преодоления темного внутреннего пути от трагедии к комедии. Потому происшествия в них фантастичны и «нереальны»: они олицетворяют психологические, а не физические свершения. Даже если легенда связана с реальным историческим лицом, обстоятельства его побед представляются не в житейских формах, а в образах сновидения, ибо смысл заключен не в том, что некто совершил на земле, а в том, что, прежде чем этот некто смог совершить что-либо на земле, иной, более важной, первичной его составляющей пришлось перенестись в лабиринт, известный и посещаемый каждым из нас в сновидениях.

Переход мифологического героя может быть временами и надземным, но в основе своей он направлен внутрь, в глубины, где приходится преодолевать мрачное сопротивление и возрождать к жизни давно утерянные и забытые силы, которые делают возможным преображение мира. Как только это свершение исполнено, изношенная временем и отвратительная на всем своем протяжении жизнь более не страдает безнадежно от ужасных увечий, причиняемых повсеместными бедствиями; пусть ее ужас все еще очевиден, пусть болезненные вопли еще слышны, но жизнь начинает пропитываться всепроникающей, всеутверждающей любовью и пониманием своей собственной неукротимой силы. Наружу с нарастающей силой прорывается часть того света, что озарил невидимое в безднах его обычно непроницаемой материальности. Затем страшные увечья превращаются лишь в тени неизменной и непреходящей вечности; время дарует славу, и мир источает изумительную, ангельскую, завораживающую, хотя и несколько однообразную музыку сфер. Подобно счастливым семьям, все мифы и спасенные миры похожи друг на друга.

Where midnight Zagreus roves, I rove;
I have endured his thundercry,
Fulfilled his red and bleeding feasts;
Held the Great Mother's mountain flame;
I am Set Free and named by name
A Bacchos of the Mailed Priests.

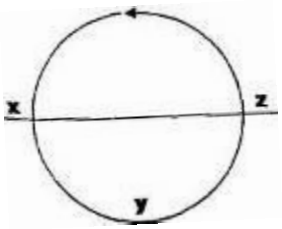
[36] «Бхагавад-Гита», 2:18 (в переводе А. Каменской).

3. ГЕРОЙ И БОГ

Типичный путь мифологического путешествия героя является усилением формулы, представленной обрядами перехода: исход *(вихід)* — инициация *(початок)* — возвращение *(повернення);* ее можно было бы назвать атомным ядром мономифа[37].

Герой отваживается перейти из обыденного мира в область сверхъестественного чуда; там он сталкивается с мифическими силами и одерживает решительную победу; герой возвращается из своего таинственного путешествия, обладая силой, и одаривает благодеяниями своих сограждан.

Прометей взошел к небесам, похитил у богов огонь и спустился на землю. Язон на своем корабле прошел сквозь Сталкивающиеся Скалы в удивительное море, перехитрил дракона, охранявшего Золотое Руно, и вернулся домой с этим руном и силой, позволившей ему отобрать у узурпатора престол, принадлежащий Язону по праву. Эней спустился в подземное царство, пересек страшную реку мертвых, бросил подачку трехглавому сторожевому псу Церберу и, наконец, побеседовал с тенью своего покойного отца. Ему было открыто все: предопределенный удел душ, судьба Рима, основателем которого ему предстояло стать, и «также о том, как невзгод избежать или легче снести их»[38]. Затем через врата из слоновой кости он вернулся к делам этого мира.



[37] Слово «мономиф» заимствовано из «Поминок по Финнегану» Джеймса Джойса (James Joyce, «Finnegans Wake»).

[38] Вергилий, «Энеида», VI, 892 (в переводе С. Ошерова).

Глубокое проникновение и формальный подход позволяют выявить величественное представление трудностей задач героя и их возвышенной значимости в традиционной легенде о Великой Борьбе Будды. *Юный принц Гаутама Шакьямуни тайно покинул дворец своего отца на царственном коне Кантхака, чудесным образом проник сквозь охраняемые ворота, скакал ночью, освещаемый факелами четырежды шестидесяти тысяч божеств, с легкостью перенесся через величественную реку шириной в одиннадцать тысяч двадцать восемь локтей, а затем одним взмахом меча срезал свои царские локоны — при этом оставшиеся волосы, длиной в ширину двух пальцев, завились вправо и прижались к его голове. Облачившись в монашеское одеяние, он путешествовал по миру в облике нищего и в течение долгих лет очевидно бесцельных скитаний достиг и освоил восемь стадий медитации. Он удалился в отшельничество, еще шесть лет закалял свои силы в великой борьбе, дошел до предельного аскетизма и некоторое время пребывал в состоянии, подобном смерти, но вскоре поправился. После этого он вернулся к менее суровой жизни аскета-скитальца.*

Однажды он сидел под деревом, созерцая восточную часть мира, и дерево было озарено его сиянием. Девушка по имени Суджата принесла ему рис в золоченой чаше, и, когда он опустил пустую чашу в реку, та поплыла против течения. Это был знак того, что момент его торжества близок. Он поднялся и последовал по проложенной богами дороге шириной в одиннадцать тысяч двадцать восемь локтей. Змеи и птицы, божества лесов и полей выражали ему свое почтение цветами и божественными ароматами, небесные хоры пели ему хвалу, десять тысяч миров наполнились запахами, венками, созвучиями и приветственными возгласами, ибо он направлялся к великому Древу Просветления, Дереву Бодхи, под сенью которого ему предстояло спасти Вселенную. С твердой решимостью он расположился под Деревом Бодхи, на Месте Неподвижности, и перед ним немедленно возник Кама-Мара, бог любви и смерти.

Коварный бог явился восседающим на слоне, с оружием в тысячах рук. Его сопровождала армия, простиравшаяся на двенадцать лиг впереди него, на двенадцать лиг вправо, на двенадцать лиг влево, а позади него — до пределов мира; высотой же она была девять лиг. Опекающие божества Вселенной обратились в бегство, но Будущий Будда продолжал неподвижно сидеть под Деревом. И тогда бог набросился на него, пытаясь нарушить его сосредоточение.

Смерчи, камни, громы и молнии, дымящееся оружие с острыми лезвиями, горящие уголья, раскаленную золу, кипящую грязь, обжигающий песок и четырехкратную тьму обрушил Антагонист на Избавителя, но все снаряды превращались силой десяти совершенств Гаутамы в божественные цветки и притирания. Тогда Мара призвал своих дочерей Желание, Томление и Похоть, которых сопровождали сластолюбивые прислужницы, но разум Великой Сущности не был отвлечен. Наконец бог начал отстаивать свое право сидеть на Месте Неподвижности, яростно метнул свой острый, как бритва, диск и повелел вздымающимся сонмам своей армии обрушиться на Гаутаму горной лавиной. Но Будущий Будда лишь пошевелил рукой и прикоснулся кончиками пальцев к земле; этим он попросил богиню земли засвидетельствовать его право сидеть на этом месте. Она откликнулась на это сотнями, тысячами, сотнями тысяч взрывов рева, после чего слон Антагониста пал на колени в почтительном поклоне перед Будущим Буддой. Армия немедленно рассеялась, а боги усыпали гирляндами цветов все миры.

Одержав предварительную победу до заката, Гаутама в первую часть ночи обрел знание своих прежних существований, во вторую — божественное око всеведущего зрения, и в третью — понимание цепочки причинно-следственных связей. На рассвете он испытал полное просветление[39].

Затем в течение семи дней Гаутама — теперь уже Будда, Просветленный, — сидел неподвижно, пребывая в блаженстве; в течение семи дней он стоял и созерцал место, на котором обрел просветление; в течение семи дней он шагал от того места, на котором сидел, до места, на

---

39 Это наиболее важный момент восточной мифологии, двойник Распятия на Западе. Будда под Древом Просветления (Деревом Бодхи) и Христос на Святом Распятии (на Древе Избавления) являются аналогичными образами, объединяющими в себе Спасителя Мира и мотив Мирового Дерева, уходящий в незапамятную древность. В последующих эпизодах можно будет обнаружить множество иных вариаций этой темы. Место Неподвижности и гора Голгофа представляют собой образы Пупа Земли или Мировой Оси. Призывание Земли в качестве свидетеля представлено в традиционном буддистском искусстве изображениями Будды, сидящего в классической позе: правая рука его покоится на

котором стоял; в течение семи дней он жил в шатре, сотворенном богами, и обдумывал полную доктрину причинности и освобождения; в течение семи дней он сидел под тем деревом, куда девушка Суджата приносила ему золоченую чашу с рисом, и медитировал под ним на доктрине блаженства нирваны; он переместился под другое дерево, после чего началась семидневная яростная буря, но из-под корней дерева появился Царь Змеев, прикрывший Будду своим капюшоном; наконец, в течение семи дней Будда сидел под четвертым деревом, наслаждаясь сладостью освобождения. Затем он усомнился в том, что его весть может быть передана словами, и решил сохранить эту мудрость в себе; но спустившийся к нему из зенита бог Брахма умолял Будду, чтобы тот стал учителем богов и людей. Таким образом, Будду убедили в необходимости провозглашения Пути[40]*. И он отправился назад, к городам людей, и жил среди обитателей мира, даруя бесценное благо знания Пути*[41]*.*

В книгах Ветхого Завета подобные деяния описаны в легендах о Моисее, *который в третий месяц исхода в Израиль из земли Египетской пришел со своими людьми в пустыню Синайскую; «и расположился там Израиль станом против горы». «Моисей взошел к Богу на гору, и воззвал к нему Господь с горы». Господь дал ему Скрижали Закона и приказал Моисею*

правом бедре, а ее пальцы слегка касаются земли.

[40] Смысл кроется в том, что «состояние Будды», Просветление невозможно выразить словами; существует только путь к Просветлению. Эта доктрина невыразимости Истины, пребывающей вне именований и форм, является базовой в великой восточной, а также платонической традиции. В то время как научные истины, будучи доказуемыми гипотезами, рационально основанными на наблюдаемых фактах, являются выразимыми, ритуал, мифология и метафизика лишь направляют к порогу трансцендентального озарения, последний шаг к которому должен совершаться каждым в соответствии его собственного безмолвного опыта. По этой причине одним из санскритских понятий, обозначающих мудреца, является «муни», «безмолвствующий». «Шакьямуни» (одно из имен Гаутамы Будды) означает «безмолвствующий (муни) из клана Шакья». Хотя он и является основателем широко распространенной мировой религии, сокровенное ядро его доктрины непременно остается скрытым в безмолвии.

возвращаться с ними в Израиль, к народу Божьему[42].

Народная иудейская легенда утверждает, что в день откровения с горы Синай слышались разнообразные громкие звуки. «Вспышки молнии, сопровождающиеся нарастающими трубными звуками, заставили людей весьма испугаться и привели их в трепет. Господь склонился с небес, сдвинул землю и сотряс пределы мира, так что самые глубины взволновались, и небеса расширились в страхе. Его величие прошло сквозь четыре портала огня, землетрясения, бури и града. Цари земли вострепетали в своих дворцах. Сама земля решила, что вскоре случится воскрешение мертвых, и ей предстоит отчитаться за кровь всех сраженных, которую она впитала, и за тела всех убиенных, которые она скрыла в себе. Земля не успокоилась, пока не услышала первые слова Десяти Заповедей. Небеса разверзлись, и гора Синай, освобожденная от земли, поднялась в воздух, так что вершина ее вознеслась в небо, и густые облака покрыли склоны ее, и коснулась она подножия Божественного Престола. Сопровождая Господа, по одну сторону его явились двадцать две тысячи ангелов с венцами для левитов, единственного племени, оставшегося преданным Господу в те времена, когда остальные поклонялись Золотому Тельцу. По другую сторону было шесть мириадов три тысячи пятьсот пятьдесят ангелов с огненными венцами для каждого израильтянина. Вдвое больше ангелов было по третью сторону, тогда как по четвертую сторону количество их было просто неисчислимо. Ибо Господь является не в одном направлении, но во всех направлениях одновременно, что, однако, не мешает славе Его наполнять и небеса, и землю. Несмотря на эти несчетные сонмы, не было на горе Синай столпотворения, не

---

[41] Эта история представляет собой сильное сокращение введения к «Джатакам».
[42] Исход, 19:3—5.

было тесно, и места хватило для всех»[43].

Как мы убедимся в дальнейшем, путешествие героя — представлено ли оно бескрайними, почти океаническими образами Востока, энергичными повествованиями греков или величественными библейскими легендами — обычно следует описанной выше модели атомного ядра: уход из мира, проникновение к определенному источнику силы и жизнеутверждающее возвращение. Весь Восток был освящен благом, принесенным возвратившимся Гаутамой Буддой, его замечательным учением о Благом Законе, точно так же, как Запад был благословлен Десятью Заповедями Моисея. Греки соотносили огонь, первый хранитель всей человеческой культуры, с подвигом превзошедшего пределы мира Прометея, а римляне связывали основание своего поддерживающего мир города с Энеем, покинувшим разрушенную Трою и посетившим ужасное подземное царство мертвых. Повсюду, независимо от сферы интересов (религиозных, политических или личных), подлинно творческие деяния представлены как происходящие в результате той или иной формы смерти для обычного мира. Человечество единодушно в признании того, что происходит в период его небытия, после которого герой возвращается словно родившимся заново, исполненным величия и созидательной силы. Чтобы вновь увидеть это вечное откровение, нам необходимо, таким образом, всего лишь последовать примеру множества героических личностей и преодолеть вместе с ними классические стадии всеобщего путешествия. Это поможет нам понять не только значение этих образов в современной жизни, но и одиночество человеческого духа в его устремленности, силе, изменениях и мудрости.

На дальнейших страницах этой книги в форме единого составного путешествия будут представлены истории многочисленных символических проводников судьбы Обыкновенного Человека, собранные со всего мира. Первая из основных стадий, этап отделения, или исхода, будет описан в первой главе первой части, имеющей пять подразделов: 1) **«Призыв к путешествию»** (знаки призыва героя); 2) **«Отказ от призыва»** (безрассудство попытки совершить бегство от бога); 3) **«Сверхъестественная помощь»** (неожиданная помощь, приходящая со стороны того, кто уже совершил собственное путешествие); 4**)** **«Пересечение первого порога»**; и 5) **«Чрево кита»** (переход в царство ночи). О стадии испытаний, или побед инициации, рассказывается в

---

[43] Льюис Гинзберг, «Легенды иудеев» (Louis Ginzberg, «The Legends of the Jews»).

шести подразделах второй главы: 1) **«Дорога испытаний»** (опасные аспекты богов); 2) **«Встреча с богиней»** (Magna Mater, Великая Мать: блаженство вновь обретенного младенчества); 3) **«Женщина как искусительница»** (прозрение и агония Эдипа); 4) **«Воссоединение с отцом»;** 5) **«Обожествление»;** и 6) **«Окончательная награда».**

Возвращение и воссоединение с обществом, которое необходимо для завершения кругооборота духовной энергии в мире и которое, с точки зрения сообщества, является оправданием долгого отсутствия, может оказаться для самого героя наиболее сложным требованием, ибо если он, подобно Будде, проложил себе путь к глубочайшему отдыху полного просветления, существует опасность того, что блаженство подобного достижения уничтожит все воспоминания, интересы или надежды в отношении горестей мира; слишком тяжелой задачей может оказаться и попытка разъяснить людям, погруженным в меркантильные заботы, путь к просветлению. С другой стороны, если герой, вместо того чтобы предложить всем испытания посвящения, просто устремляется, подобно Прометею, к своей цели (с помощью насилия, ловкого трюка или удачи) и быстро срывает намеченное благо для мира, то силы, которые он вывел из равновесия, могут отреагировать настолько остро, что он будет наказан как изнутри, так и извне — распят, как Прометей, на скале своего собственного возмущенного бессознательного.

Существует и третья возможность: даже если герой остается в безопасности и желает вернуться, он может столкнуться с настолько полным непониманием и пренебрежением со стороны тех, кому он явился помочь, что все его свершения потерпят крах. Третья глава подведет итог обсуждению этих перспектив; она также состоит из шести подразделов: 1) **«Отказ от возвращения»** (отречение от мира); 2) **«Волшебное бегство»** (побег Прометея); 3) **«Спасение извне»** 4) **«Пересечение порога на обратном пути»** (возвращение в обыденный мир); 5) **«Хозяин двух миров»**; и 6)

«Свобода, чтобы жить» (характер и значение окончательной награды)[44].

Составной герой мономифа являет собой необычайно одаренную личность. Иногда он почитается в своем обществе, но часто остается непризнанным и презренным. Он и мир, в котором он живет, часто страдают от символического недостатка в чем-то. В волшебных сказках эта нехватка может быть совсем незначительной и выражаться, к примеру, в отсутствии какого-нибудь золотого кольца, но в апокалиптических видениях физической и духовной жизни всей земли такой дефицит может означать превращение в руины всего сущего или риск такого разрушения.

Типичный герой волшебной сказки добивается «домашней», микрокосмической победы, а герой мифа — всемирно-исторического, макрокосмического триумфа. В то время как первый — неопытный или презираемый ребенок, который становится обладателем экстраординарных способности, — одерживает победу над своими личными угнетателями, последний возвращается из своего путешествия со средствами, обеспечивающими возрождение общества в целом. Народные герои или герои местного значения, такие, как император Хуанди, Моисей или Тескатлипока ацтеков, передают свои блага единственному народу, а всеобщие герои — Мохаммед, Иисус или Гаутама Будда — приносят весть всему миру.

Независимо от того, являются герои нелепыми или величественными, греками или варварами, язычниками или иудеями, их путешествия мало отличаются по своей сути. Народные сказки представляют героические подвиги как физические свершения; высшие религии показывают моральную сторону их поступков; однако в морфологии путешествия, в ролях вовлеченных участников, в одерживаемых победах можно обнаружить поразительно малое число отличий. Если в конкретной волшебной сказке, легенде, ритуале или мифе опускается тот или иной базовый элемент архетипической модели, он непременно, так или иначе, остается подразумеваемым — и даже сам факт

---

[44] Такое круговое путешествие героя в негативной форме проявляется в историях о потопах, в которых не сам герой отправляется за силой, но сила надвигается на героя, а затем убывает. Истории о потопе существуют во всех концах Земли. Они образуют составную часть архетипического мифа об истории мира, и потому относятся ко ВТОРОЙ части этой книги «Космогонический цикл». Герой потопа представляет собой символ врожденной жизнеспособности человека, выживающего в самых тяжелых нашествиях катастроф и греха.

такого опущения может рассказать очень многое об истории и патологии выбранного примера, в чем мы вскоре убедимся.

Часть вторая, «Космогонический цикл» разворачивает величественную картину сотворения и уничтожения мира, которой в качестве откровения удостаивается преуспевший герой. Первая глава, «Проявление», посвящена возникновению форм Вселенной из пустоты. Вторая глава, «Непорочное рождение», представляет собой обзор созидательной и искупительной роли женского начала: вначале в космических масштабах как Матери Вселенной, а затем — на человеческом уровне как Матери Героя. Третья глава, «Преображения героя», отслеживает течение легендарной истории человеческого рода и ее типичные стадии на примере героя, возникающего на сцене в разнообразном облике в соответствии с изменениями потребностей людей. Наконец, четвертая глава, «Исчезновение», повествует о предсказаниях смерти — самого героя, а затем и проявленного мира.

Космогонический цикл с поразительным постоянством включается в священные писания всех континентов[45] и придает приключениям героя новый и интересный оттенок, ибо теперь оказывается, что опасное путешествие имеет своей целью не просто обретение, а повторное обретение, не просто открытие, но открытие заново. Обнаруживается, что искомые и обретаемые с риском для жизни божественные способности все это время таились в сердце самого героя. «Царский сын» приходит к пониманию того, кто он такой, и переходит к использованию принадлежащей ему власти; **он — «сын Бога»,** научившийся понимать, сколь много означает это звание. С такой точки зрения герой является символом того божественного созидательного и спасительного образа, который скрыт в каждом из нас и только ожидает мгновения, когда он будет понят и воплощен в жизнь.

---

[45] В настоящую книгу не включено историческое обсуждение этого обстоятельства. Эта задача оставлена другому труду, над которым сейчас ведется работа. Данная книга представляет собой сравнительное, а не генетическое исследование. Ее цель заключается в том, чтобы показать, что в самих мифах и в тех истолкованиях и приложениях, которые приписывались мифам мудрецами, существуют важные параллели.

«Ибо Единый, который стал многим, остается неразделенным Единым, и каждая часть есть Христос» — говорится в трудах св. Симеона младшего (949— 1022 гг. н. э.). «Я узрел Его в своем доме, — продолжает святой. — Среди всех этих обычных вещей Он возник неожиданно и стал неописуемо единым, и слился со мной, и врос в меня так, что не было ничего между нами, как огонь врастает в железо и свет в стекло. И Он сделал меня подобным огню и подобным свету. И я стал тем, что узрел до того и что созерцал издали. Мне неведомо, как изъяснить вам это чудо... Я человек по природе и Бог — милостью Господней»[46].

Похожее видение описано в апокрифическом Евангелии от Евы: «Я стояла на обрывистой скале и видела огромного человека и, рядом, гнома; и я услышала, как раздался голос грома, и прислушалась; и Он заговорил со мной, и сказал: Я есмь ты, и ты еси Я; и чем бы ты ни была, Я в тебе. Во всем Я рассеян, и когда бы ни пожелала, соберешь Меня; и собирая Меня, собираешь Себя»[47].

Таким образом, этих двоих — героя и бога, к которому он устремлен, ищущего и искомого — следует понимать как внешнюю и внутреннюю части единой, отражающей саму себя тайны, которая тождественна загадке проявленного мира. Грандиозным свершением великого героя является то, что он обретает понимание этого единства в многообразии, а затем передает это знание остальным.

4. ПУП ЗЕМЛИ

Результатом успешного путешествия героя является то, что он распечатывает и вновь высвобождает течение жизни в организме мира. Чудо этого течения может быть представлено в физических понятиях как круговорот питающей субстанции, с динамической точки зрения — как распределение энергии, а в духовном смысле — как

---

[46] По изданию «Душа в огне», "Дом Ансгар Нелсон" (Dom Ansgar Nelson, O.S.B., «The Soul Afire»).

[47] По Епифанию, «Adversus haereses»

проявление высшей милости. Такие разные образы с легкостью сменяют друг друга и олицетворяют три степени плотности единой жизненной силы. Обильный урожай является знаком Божьей милости; Божья милость представляет собой пищу для души; вспышка молнии является предвестником животворного дождя и, в то же время, проявлением высвобождаемой энергии Господа. Милость, питающая субстанция, энергия: все они проливаются на живой мир, и в любом лишенном их месте жизнь разлагается и наступает смерть.

Ливень проливается из незримого источника, из точки входа, являющейся центром символического круга Вселенной, из Места Неподвижности в легенде о Будде[48], вокруг которого, можно сказать, вращается мир. Под этим местом расположена поддерживающая землю голова космического змея или дракона, символа вод бездны, которые представляют собой животворную энергию и субстанцию демиурга, сотворяющего миры аспектов бессмертного существа[49]. Из этой точки произрастает древо жизни, то есть сама Вселенная. Корни этого дерева уходят в поддерживающую тьму; птица золотого солнца восседает на его вершине; родник, неиссякаемый источник бьет ключом у его основания. Это может быть и образ космической горы с подобным лотосу света городом богов на ее вершине и освещенными драгоценными камнями городами демонов во впадинах у ее подножий. Более того, этим образом может стать космическая личность (например, сам Будда или танцующая индуистская богиня Кали), восседающая или стоящая на этом месте, а иногда даже прикованная к дереву (Аттис, Иисус, Один), поскольку герой как инкарнация Бога сам по себе является пупом земли, точкой соединения с пуповиной, по которой в область времени вторгаются энергии вечности. Поэтому Пуп Земли является также и символом непрерывного созидания, тайны сохранения мира с помощью этого непрестанного чуда оживотворения, источник которого кроется во всем сущем.

---

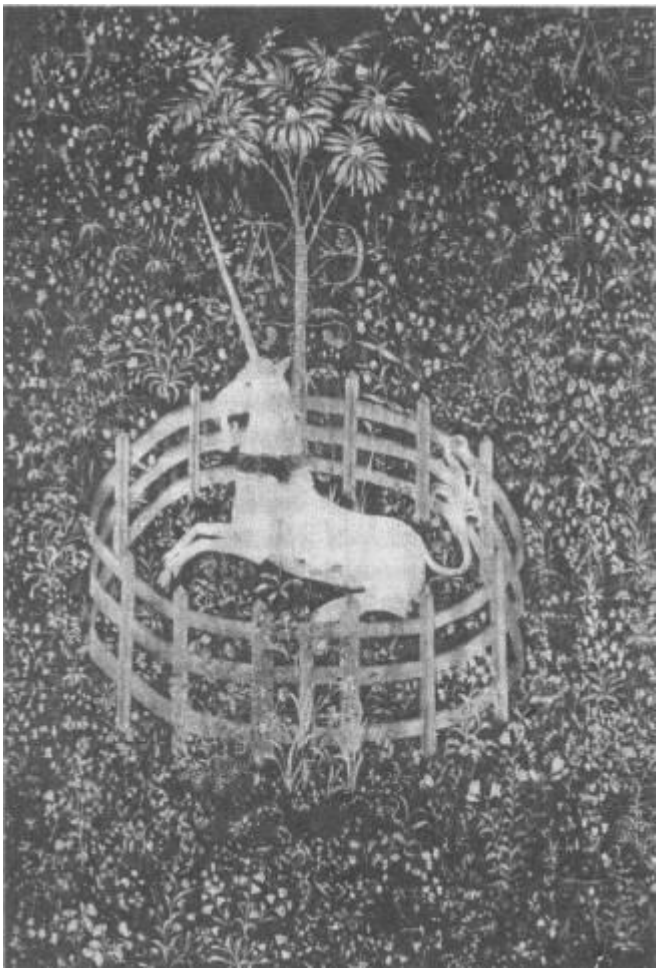
[48] См. ранее, стр. 31—32.

[49] Это тот же змей, который укрыл Будду на пятую неделю после его просветления (см. ранее, стр. 33—34).

Ил. I. Чудовище Тамер (Шумер)

Во время ритуала Хако в племени поуни с севера Канзаса и юга Небраски жрец пальцем ноги рисует круг. «Этот круг — гнездо, — согласно отчетам, рассказывал жрец, — и он нарисован пальцем ноги, потому что орел строит гнездо когтями. Хотя мы изображаем, как птица строит свое гнездо, существует еще одно значение этого действия; в этот момент мы думаем о Тираве, сотворяющем мир, чтобы люди могли в нем жить. Если вы взойдете на высокий холм и осмотритесь вокруг, то увидите, что небо касается земли во всех направлениях — в этом огороженном круге и живут люди. Поэтому круги, которые мы рисуем, — не только гнезда; они изображают тот круг, который сделал Тираваатиус как место для жизни всех людей. Круги означают также группу родственников, клан и племя»[50].

[50] Элис С. Флетчер, «Хако: церемония поуни» (Alice C. Fletcher, «The Hako: Pawnee Ceremony»). «При сотворении мира, — рассказал верховный жрец поуни мисс Флетчер, описывая прославляемых в этой церемонии божеств, — было определено, что в нем должны существовать меньшие силы. Тираваатиус, могущественная сила, не мог приблизиться к человеку, человек не мог его увидеть или почувствовать, потому и было допущено существование меньших сил. Они предназначены для того, чтобы быть посредниками между человеком и Тиравой» (там же).



Ил. II. Плененный единорог (Франция)

Небесный свод опирается о землю в четырех местах, и иногда поддерживается кариатидоподобными царями, гномами, гигантами, слонами или черепахами. Из этого следует традиционная важность математической задачи квадратуры круга: в ней кроется секрет преображения небесных форм в земные. Домашний очаг или алтарь в храме являются ступицей колеса земли, утробой Всеобщей Матери, а пламя представляет собой огонь жизни. Отверстие в верхней части помещения — или венец, башенка и фонарь в куполе — олицетворяет ступицу, или центральную точку небес, солнечную дверь, через которую души вновь проникают из времени в вечность, подобно запаху подношений, сжигаемых на огне жизни и восходящих по оси поднимающегося дыма от ступицы земного колеса к ступице колеса

небесного[51].

Наполняемое таким образом солнце является чашей Бога, неиссякаемым Граалем, изобилующим субстанцией жертвоприношений, плоть которого «истинно есть пища», а кровь «истинно есть питие»[52]. Одновременно солнце является кормильцем человечества. Солнечный луч, воспламеняющий домашний очаг, символизирует сообщение божественной энергии с утробой мира — и, вновь, ту ось, посредством которой объединяются и вращаются оба колеса. Круговорот энергии продолжается благодаря солнечной двери. Через нее нисходит Бог и восходит человек. «Я семь дверь; кто войдет Мною, тот спасется, и войдет и выйдет, и пажить найдет»[53]. «Ядущий Мою Плоть и пиющий Мою Кровь пребывает во Мне, и Я в нем»[54].

Для культуры, взращенной на мифологии, пейзажи природы, равно как и каждая фаза человеческого существования, оживляются символическими намеками. Холмы и рощи имеют своих сверхъестественных хранителей и связываются с общеизвестными эпизодами местной истории сотворения мира. Кроме того, тут и там рассыпаны специализированные святилища. Где бы герой ни рождался, свершал свои деяния или уходил назад в пустоту, соответствующее место помечалось и освящалось. На этом месте воздвигался храм, означающий и увековечивающий чудо совершенного центрального положения, ибо это было место прорыва к изобилию. Где-то здесь можно было обнаружить вечность. Этот участок мог служить, следовательно, средством поддержки плодотворного созерцания. Конструкция таких храмов отражает, как правило, четыре стороны мирового горизонта, а святилище или алтарь в его центре становятся символом Неиссякаемого Источника. Человек, входящий на территорию храма и следующий к святилищу, подражает деянию изначального героя. Его целью является повторение

---

[51] См. Ананда К. Кумарасвами, «Символизм купола» (Ananda K. Coomaraswami, «Symbolism of the Dome»).
[52] Иоан. 6:55.
[53] Иоан. 10:9.
[54] Иоан. 6:56.

всеобщей модели как средства пробуждения в самом себе воспоминаний о форме, помещающей жизнь в центр, возрождающей жизнь.

Древние города тоже строились подобно храмам; главные входы в город размещались по четырем направлениям, а центр отводился главному святилищу божественного основателя города. Горожане жили и трудились в пределах этого символа. Этому же принципу следуют и области распространения национальных и мировых религий, которые окружают центр-ступицу изначального города: западный христианский мир окружает Рим, мусульманский мир — Мекку. В согласованном поклонении исламского сообщества, повторяемом трижды в день по всему миру, каждый магометанин, словно спица простирающегося на весь мир колеса, обращается в сторону центрального храма Кааба и становится частью бескрайнего живого символа «покорности» («ислам») всех и каждого воле Аллаха. «И Он сообщит вам то, что вы делали!» — говорится в Коране[55]. Отсюда вновь следует: великий храм может быть заложен в любом месте, поскольку, в конечном итоге, Все есть везде, и любое место может стать обителью могущества. Даже соломинка может обрести в мифе образ спасителя и провести ищущего скитальца в святая святых его собственного сердца.

Пуп Земли, таким образом, повсеместен. И, поскольку он является источником всего сущего, он приносит миру изобилие как добра, так и зла. Уродство и красота, грех и добродетель, удовольствие и страдание в равной мере являются его порождениями. «Для Бога все верно, и хорошо, и правильно, — провозглашает Гераклит, — но человек считает одно неправильным, а другое правильным»[56]. По этой причине образы, которым поклоняются в храмах мира, ни в коем случае не являются только прекрасными, исключительно милостивыми и непременно добродетельными.

---

[55] Коран, 5:108.

Подобно божеству из Книги Иова, они намного превосходят масштабы человеческой ценности. Аналогичным образом, мифология не всегда присваивает своему величайшему герою качества добродетельного человека. Добродетель является всего лишь педагогическим вступлением к кульминирующему прозрению, которое заходит намного дальше любых пар противоположностей. Добродетель подавляет эгоцентричность личности и делает возможной трансперсональную сосредоточенность; однако, когда последняя достигается, какое значение имеют страдание или удовольствие, порок или добродетель как своего собственного эго, так и любой другой личности? Пронизывая все, такая превосходящая сила воспринимает то, что обитает во всем, что во всем прекрасно и во всем достойно, что во всех проявлениях вызывает почтение.

Ибо, как утверждал Гераклит, «непохожее соединяется, и из различий возникает прекраснейшая гармония; все вещи появляются в борьбе»[57]. Или, как выразил это поэт Блейк, «львиный рык, волчий вой, ярость штормящего моря и разящий меч — часть вечности, слишком огромной для ока человека»[58].

Этот сложный момент живо описан в рассказе племени йоруба (Западная Африка), поветствующем о божестве-шутнике Эдшу. *Однажды этот странный бог шел по тропе, разделяющей два поля. «Он увидел, что на каждом поле работает человек, и решил разыграть обоих крестьян. Он надел шапку, которая была с одного боку красная, а с другого белая, впереди зеленая, а сзади черная [это цвета четырех Мировых Направлений, то есть Эдшу стал персонификацией Центра], axis mundi (мировая ось), или Пупа*

---

[56] Гераклит, фрагмент 102.

[57] Гераклит, фрагмент 46.

[58] Уильям Блейк, «Бракосочетание Неба и Ада»: "Притчи Ада" (William Blake, «The Marriage of Heaven and Hell», "Proverbs of Hell").

Земли. Когда два приятеля-крестьянина вернулись домой, один сказал другому: "Видел того старика в белой шапке, что проходил мимо?" Но тот ответил: "Почему в белой? Шапка была красной". Первый возразил: "Нет, белая". "Она была красная, — настаивал его приятель. — Я видел это собственными глазами". "Значит, ты слепой", — заявил первый. "Скорее, это ты был пьян", — откликнулся второй. Спор разгорался, и они начали драться. Дело дошло до того, что они выхватили ножи, и соседи отвели их на суд к вождю. В толпе, наблюдающей за разбирательством, был Эдшу, и, когда вождь уже отчаялся выявить истину, старый шутник открылся, рассказал о своей проказе и показал шапку. "Эти двое не смогли удержаться от ссоры, — сказал он. — А я этого и добивался. Распространять раздоры — мое величайшее развлечение"»[59].

Там, где моралист исполнится негодованием, а поэт-трагик — жалостью и ужасом, мифология превращает всю жизнь в безмерную и ужасающую Божественную Комедию. Ее олимпийский юмор ни в коем случае не является бегством от жизни — он жесток в той же мере, как и сама жизнь, — или, если угодно, как жестокость Бога, Творца. В этом отношении мифология заставляет видеть в трагическом настроении нечто истерическое, а в обычной моральной оценке — близорукость. Впрочем, эта жестокость уравновешивается убежденностью в том, что все, что мы видим, является лишь отражением той силы выживания, которую не затрагивает боль. Поэтому такие рассказы хоть и безжалостны, но и бесстрашны, исполнены радости возвышенной безличности,

---

[59] Лео Фробениус, «Und Afrika sprach [...] ». Сравним с поразительно похожим эпизодом с Одином (Воданом), который описывается в «Младшей Эдде»: "Язык поэзии", I . Сравним также с велением Иеговы в Исходе, 32:27: «...возложите каждый свой меч на бедро свое, пройдите по стану от ворот до ворот и обратно и убивайте каждый брата своего, каждый друга своего, каждый ближнего своего».

«Один отправился в путь н пришел на луг, где девять рабов косили сено. Он спрашивает, не хотя ли они, чтобы он заточил им косы Те соглашаются. Тогда, вынув из-за пояса точило, он наточил косы. Косцы нашли, что косы стали косить много лучше, н захотели купить точило. Он сказал, что пусть тот кто хочет купить точило, заплатит за него в меру. Это всем пришлось по душе, и каждый стал просить точило для себя. Один бросил точило в воздух, но, так как все хотели схватить его, вышло, что он полоснули друг друга косами по шее». — Прим. перев.

рассматривающей себя во всех эгоцентричных, во всех сражающихся личностях, которые рождаются и умирают во времени.

ЧАСТЬ I

ГЛАВА I

ИСХОД

1. ПРИЗЫВ К ПУТЕШЕСТВИЮ

В стародавние времена, когда заклятья еще помогали, жил-был на свете король; все дочери были у него красавицы, но самая младшая была так прекрасна, что даже солнце, много видавшее на своем веку, и то удивлялось, сияя на ее лице.

Вблизи королевского замка раскинулся большой дремучий лес, и был в том лесу под старою липой колодец; и вот в жаркие дни младшая королевна выходила в лес, садилась на край студеного колодца, и когда становилось ей скучно, она брала золотой мяч, подбрасывала его вверх и ловила, — это было ее самой любимой игрой.

Но вот однажды, подбросив свой золотой мяч, она поймать его не успела, он упал наземь и покатился прямо в колодец. Королевна глаз не спускала с золотого мяча, но он исчез, а колодец был такой глубокий, что и дна не было видать. Заплакала тогда королевна и стала плакать все сильней и сильней, и никак не могла утешиться.

Вот горюет она о своем мяче и вдруг слышит — кто-то ей говорит: "Что с тобой, королевна? Ты так плачешь, что и камень разжалобить можешь". Она оглянулась, чтоб узнать, откуда это голос, вдруг видит — лягушонок высунул из воды свою толстую, уродливую голову. "А-а, это ты, старый квакун, — сказала она, — я плачу о своем золотом мяче, что упал в колодец". "Успокойся, чего плакать, — говорит лягушонок, — я тебе помогу. А что ты мне дашь, если я найду свою игрушку?" "Все, что захочешь, милый лягушонок, — ответила королевна. — Мои платья, жемчуга, драгоценные камни и в придачу золотую корону, которую я ношу".

Говорит ей лягушонок: "Не надо мне ни твоих платьев, ни жемчугов, ни драгоценных камней, и твоей золотой короны я не хочу; а вот если б ты меня полюбила бы да со мной подружилась, и мы играли бы вместе, и сидел бы я рядом с тобой за столиком, ел из твоей золотой тарелочки, пил из твоего маленького кубка и спал с тобой вместе в постельке, — если ты мне пообещаешь все это, я мигом прыгну вниз и достану тебе твой золотой мяч".

"Да, да, обещаю тебе все, что хочешь, только достань мне мой мяч!" А сама про себя подумала: "Что там глупый лягушонок болтает? Сидит он в воде среди лягушек да квакает, — где уж ему быть человеку товарищем!"

Получив с нее обещанье, лягушонок нырнул в воду, опустился на самое дно, быстро выплыл наверх, держа во рту мяч, и бросил его на траву. Увидав опять свою красивую игрушку, королевна очень обрадовалась, подняла ее с земли и убежала.

"Постой, постой! — крикнул лягушонок. — Возьми и меня с собой, ведь мне за тобой не угнаться!" Но что с того, что он громко кричал ей вслед свое "ква-ква"? Она и слушать его не хотела, поспешая домой. А потом и совсем позабыла про бедного лягушонка, и пришлось ему опять спуститься в свой колодец»[1].

Это пример одного из способов начала путешествия. Оплошность — очевидно, простая случайность — открывает неожиданный мир, и человека втягивает во взаимоотношения с силами, которые он ошибочно недооценивает. Как показал Фрейд[2], оплошности не являются простыми случайностями. Они представляют собой результат подавленных желаний и конфликтов. Они — рябь на поверхности жизни, вызываемая подводными ключами, о существовании которых мы не подозреваем. И эти ключи могут скрываться очень глубоко — настолько же глубоко, как и сама душа. Оплошность может означать открытые двери судьбы. Так и происходит в этой волшебной сказке: пропажа мяча становится первым знаком того, что принцессе нечто предстоит, лягушонок становится вторым знаком, а необдуманное обещание — третьим.

Как вступительное проявление приходящих в движение сил, чудесным образом возникающий лягушонок может быть назван «вестником», а кризис его появления представляет собой «призыв к путешествию». Вестник может призывать, как это происходит в рассматриваемом случае, к жизни, но в более поздние периоды биографии героя его действия могут стать и призывом к смерти. Зов может звучать и как призыв к неким возвышенным историческим свершениям; он может отмечать также рассвет религиозного озарения. По оценке мистика, зов означает то, что можно назвать «пробуждением Я» . В случае принцессы из этой волшебной сказки зов означает всего лишь приближение юности. Но, велик он или незначителен, независимо от периода или уровня жизни героя, призыв всегда дает звонок к подъему занавеса, скрывающего загадку преображения, — ритуала или мгновения духовного перехода, который, будучи завершенным, становится равнозначным смерти и рождению. Герой перерастает

привычные горизонты жизни; прежние концепции, идеалы и эмоциональные шаблоны становятся для него тесными; приближается время пересечения порога.

Типичными обстоятельствами зова являются темный лес, большое дерево, бурлящий поток и неприятная и недооцениваемая внешность носителя силы судьбы. В этой сцене можно узнать символы Пупа Земли. Лягушонок, крошечный дракон, является детским аналогом змея из подземного царства, голова которого поддерживает землю,— змея, олицетворяющего жизнепорождающие, демиургические силы бездны. Он восходит с золотым солнечным шаром, который только что был поглощен его темными глубокими водами: этот момент напоминает о Великом Китайском Драконе Востока, несущем в своей пасти восходящее солнце, или о лягушке, на голове которой восседает статный юный бессмертный Хань Сян с корзиной, наполненной персиками бессмертия. Фрейд предположил, что симптомы любой тревоги — стеснение в груди, спазмы сосудов и т. п. — воспроизводят болезненные ощущения первого отделения от матери, кризиса рождения[4]. Верно и обратное: любые мгновения разделения и нового рождения вызывают тревогу. Будь то царский сын, которому предстоит оторваться от блаженства прочного двойного единства с Царем-Батюшкой, или дочь Господа, Ева, достаточно зрелая для того, чтобы покинуть идиллию Эдема, или все тот же предельно сосредоточенный Будущий Будда, преодолевающий последние горизонты сотворенного мира, — всюду используются одни и те же архетипические образы, символизирующие опасность, вновь обретенную уверенность, испытание, переход и неизведанную святость загадок рождения.

Противный и отвергнутый лягушонок или дракон из волшебной сказки приносит во рту солнечный шар, ибо лягушка, змей, «отверженный» является посланцем той подсознательной глубины («такой глубокий, что и дна не видать»), где тайно сохраняются все отвергнутые, непризнанные, неузнанные, неведомые и неразвитые факторы, законы и элементы существования. Это жемчужины сказочных подводных дворцов русалок, тритонов и водных стражей; драгоценные камни, озаряющие города демонов подземного царства; огненные семена в океане бессмертия, поддерживающего Землю и окружающего его, подобно змею; звезды в недрах извечной ночи. Это слитки золотой сокровищницы дракона, охраняемые яблоки Гесперид, волокна Золотого Руна. Вестник или глашатай путешествия, таким образом, всегда является темным, неприятным или пугающим, — тем, что в мире считается злом; и все же, если герой

осмеливается последовать за ним, в стенах дня ему открывается путь во тьму, где пылают драгоценности. В иных случаях, как в рассматриваемой нами волшебной сказке, вестник является зверем, олицетворением подавленной инстинктивной плодовитости, кроющейся в нас самих, или же завуалированной, загадочной фигурой — неизвестностью.

Существует, к примеру, история о короле Артуре и о том, как он со своими рыцарями отправился на охоту. *«Лишь только король вошел в лес, он увидел перед собой огромного оленя. "Этого и буду преследовать", — молвил король Артур; тут же он пришпорил коня и помчался вслед, но какая-то странная сила словно мешала ему поразить оленя. Король преследовал оленя так долго, что его конь выбился из сил и рухнул замертво, но йомен привел королю другого коня. И снова король мчался по пятам за оленем, но и второй конь пал мертвым. Тогда король присел у водопада и погрузился в глубокие раздумья. И, когда он сидел там, ему показалось, что он слышит шум своры гончих, числом около тридцати. Вслед за этим король увидел, как к нему приближается самый странный зверь из всех, каких он видел и о каких слышал; и зверь подошел к воде и начал пить, и из живота зверя исходил шум, подобный рысканию тридцати пар гончих; но, пока зверь пил, из брюха его не доносилось ни звука; потом же он удалился со страшным шумом, оставив короля в великом изумлении»*[5].

Есть и другой случай из совершенно иной части мира — история девочки из племени арапахо с североамериканских равнин. *Девочка выследила под шелковицей дикобраза. Она попыталась убить животное, но дикобраз отбежал к дереву и начал карабкаться на него. Девочка полезла следом, но дикобраз оставался недосягаемым. «Ладно уж! — сказала она. — Я хочу поймать этого дикобраза, потому что мне нужны его иголки, и, если понадобится, я полезу на самую верхушку». Дикобраз добрался до верхушки дерева, но, как только девочка приблизилась и почти схватила его, шелковица неожиданно выросла, и дикобраз продолжил подниматься вверх. Глянув вниз, девочка увидела своих друзей, которые смотрели на нее и жестами просили спуститься; но в погоне за дикобразом она поднялась слишком высоко и, испугавшись большого расстояния до земли, продолжала карабкаться вверх, пока не превратилась для тех, кто смотрел на нее снизу, в крошечное пятнышко и не добралась вслед за дикобразом до самого неба*[6].

В качестве иллюстрации самопроизвольного появления фигуры вестника в душе, созревшей для преображения, достаточно будет рассмотреть два сновидения. Первое представляет собой сон молодого человека, ищущего пути новой ориентации в мире:

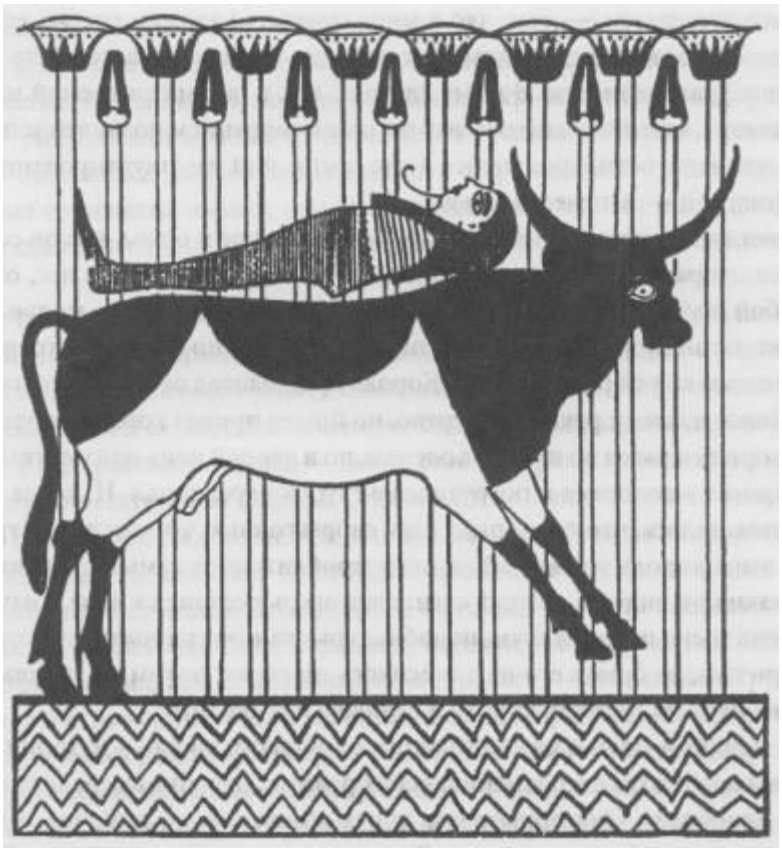


Рис. 3. Осирис в облике быка переносит своего почитателя в подземный мир

«Я нахожусь на лугу, где пасется множество овец. Это "земля овец". На земле овец стоит незнакомая женщина, которая указывает мне путь»[7].

Второе сновидение принадлежит девушке, подруга которой недавно умерла от чехотки; девушка боится, что она тоже может страдать этой болезнью.

«Я оказалась в цветущем саду; солнце вот-вот зайдет и озаряет все кроваво- красным сиянием. Затем передо мной появляется черный благородный рыцарь. Он обращается ко мне очень серьезным, значительным и пугающим голосом: "Пойдешь ли ты со мной?" Не дожидаясь ответа, он берет меня за руку и уводит прочь» .

Являются они сновидениями или мифами, в этих приключениях царит атмосфера непреодолимого очарования образа, неожиданно возникающего в качестве проводника, отмечающего новый период, новую стадию биографии героя. То, с чем ему приходится столкнуться и что на каком-то глубоком уровне уже знакомо бессознательному — пусть

даже оно неизвестно, поразительно и даже пугающе для сознательной личности, — заставляет познавать себя; а то, что ранее было исполнено значимости, может оказаться до странности лишенным значения, подобно миру принцессы после внезапного ичезновения в колодце золотого шара. По этой причине, даже если герой возвращается на какое- то время к своим привычным занятиям, они могут стать неплодотворными. Затем начинает проявляться ряд нарастающих в своей силе знаков, до тех пор пока — как в рассматриваемой ниже легенде о «Четырех Знаках», которая представляет собой самый знаменитый пример зова к путешествию в мировой литературе, — эти призывы уже просто невозможно игнорировать.

Отец юного принца Гаутамы Шакьямуни, Будущего Будды, ограждал сына от любых зрелищ старости, болезни, смерти и монашества, чтобы тот не пришел к мыслям об уединенной жизни, ибо при его рождении было предсказано, что он станет либо императором всего мира, либо Буддой. Царь, склоняющийся более в пользу королевского поприща для своего сына, предоставил ему три дворца и сорок тысяч танцовщиц, пытаясь удержать его разум привязанным к мирским делам. Но это послужило лишь более скорому наступлению неизбежного, поскольку, будучи еще сравнительно молодым, юноша исчерпал свой интерес к радостям плоти и созрел для нового опыта. В тот момент, когда он оказывается готовым к нему, автоматически появляется вестник:

«Однажды Будущий Будда пожелал отправиться в парк и приказал возничему приготовить колесницу. Возничий с готовностью вывел роскошную и элегантную колесницу и, пышно украсив ее, запряг четверкой статных коней породы Синдхава, белоснежных, как лепестки белого лотоса, и доложил Будущему Будде, что все готово. И Будущий Будда взошел на колесницу, подобную чертогу богов, и направился в парк.

"Приближается миг просветления принца Сиддхартхи, — подумали боги, — и нам следует дать ему знак", и превратили одного из своего числа в дряхлого старца — беззубого, седовласого, скрюченного и согбенного телом, опирающегося на посох и дрожащего, — и явили его Будущему Будде, так чтобы только он и возничий увидели его.

Тогда сказал Будущий Будда возничему: "Прошу, друг, скажи мне, кто это? Даже волосы его не такие, как у других людей". И, услышав ответ, он сказал: "Горе

рожденному, ибо к каждому родившемуся непременно приходит старость". И затем, взволновавшись сердцем, вернулся и поднялся во дворец.

"Почему мой сын вернулся так быстро?" — спросил царь.

"Ваше величество, он увидел старика, — ответили ему, — и, увидев старика, он почти решился удалиться от мира".

"Вы хотите убить меня, рассказывая это? Немедленно подготовьте веселые представления и покажите моему сыну. Если мы вновь заставим его наслаждаться удовольствиями, он перестанет думать о том, чтобы удалиться от мира". Затем царь расширил охрану дворца до половины лиги во всех направлениях.

Вновь настал день, когда Будущий Будда отправился в парк и увидел там образ больного, сотворенный богами; и, вновь задав вопрос, он вернулся омраченный сердцем и поднялся в свой дворец.

Царь повторил свои расспросы и отдал тот же приказ, что и ранее, и усилил охрану, распространив ее на три четверти лиги во всех направлениях.

И опять настал день, когда Будущий Будда был в парке и увидел там мертвеца, образ которого был создан богами; и, вновь задав вопрос, он вернулся омраченный сердцем и поднялся в свой дворец.

И царь повторил свои расспросы и отдал тот же приказ, что и ранее, и усилил охрану, распространив ее на лигу во всех направлениях.

И настал еще один день, когда Будущий Будда отправился в парк и увидел монаха в опрятных и скромных одеждах, образ которого был сотворен богами; и принц спросил возничего: "Прошу, скажи, кто этот человек?" "Ваше высочество, он тот, кто удалился от мира"; и после этого возничий перешел к возвышенному восхвалению отречения от мира. И мысль об отречении от мира была приятна Будущему Будде»[9].

Первая стадия мифологического путешествия, которую мы определили как «призыв к путешествию», означает, что судьба уже призвала героя и сместила его духовный центр тяжести от огороженного участка его общества в неизведанную область. Эта роковая область, таящая как сокровища, так и опасности, может быть представлена самыми разнообразными образами: как далекая земля, лес, подземное царство, место под волнами или за облаками, таинственный остров, вершина огромной горы или состояние глубокого сновидения. Но эта область всегда является территорией необыкновенно изменчивых и полиморфных существ, невообразимых мучений, сверхчеловеческих

деяний и невероятных удовольствий. Герой может двигаться навстречу этому приключению по собственной воле, как это случилось с Тезеем, который вернулся в город своего отца, Афины, и услышал страшный рассказ о Минотавре. В ином случае он может быть увлечен или перенесен в путешествие каким-либо благосклонным или злобным посредником, что и произошло с Одиссеем, который был пронесен через все Средиземное море ветрами разгневанного бога Посейдона. Путешествие может начинаться с простой оплошности, как случилось с принцессой из волшебной сказки, но герой может и всего лишь случайно проходить мимо какого-либо явления, которое внезапно привлекает его досужий взгляд и увлекает прочь от проторенных людьми троп. Количество примеров можно было бы умножать до бесконечности, собирая их со всех уголков Земли[10].

2. ОТКАЗ ОТ ПРИЗЫВА

Очень часто в обыденной жизни и совсем нередко в мифах и народных сказках мы сталкиваемся с глупыми примерами отсутствия отклика на призыв, поскольку всегда существует возможность обратить свой слух к иным интересным вещам. Отказ от призыва превращает путешествие в нечто обратное. Огражденный стеной скуки, тяжких трудов или «культуры», объект призыва упускает возможность важного подтверждающего действия и становится жертвой, которую необходимо спасать. Его цветущий мир превращается в бесплодные земли раскаленных камней, а жизнь становится бессмысленной — даже если он, подобно царю Миносу, преуспел в своих титанических усилиях по сотворению прославленной империи. Какое бы здание он ни строил, оно станет домом смерти — лабиринтом с циклопическими стенами, предназначенным для того, чтобы скрыть от него его собственного Минотавра. Все, на что он способен, — создать для себя новые трудности и ожидать постепенного приближения своей гибели.

«Я звала, и вы не послушались [...] За то и я посмеюсь вашей погибели; порадуюсь, когда придет на вас ужас; когда придет на вас ужас, как беда, и беда, как вихрь, принесется на вас; когда постигнет вас скорбь и теснота. [...] Потому что упорство невежд убьет их, и беспечность глупцов погубит их»[11].

Time Jesum transeuntem etnon revertetitem:

«Устрашитесь ухода Иисуса, ибо он не возвращается»[12].

Мифы и народные сказки всего мира ясно показывают, что такой отказ по сути своей означает нежелание делать то, что, по сути, необходимо делать и в личных интересах человека. Такой человек рассматривает будущее не с позиции непрестанной последовательности смертей и рождений, но так, словно он стремится упрочить и обезопасить собственную текущую систему идеалов, добродетелей, целей и выгод. Царь Минос сохранил у себя божественного быка, тогда как принесение его в жертву стало бы знаком покорности воле бога его общества; но царь предпочел то, что представляло собой его личную экономическую выгоду. И поэтому ему не удалось исполнить ту жизненную роль, которую он пытался на себя принять — и нам известно, к каким пагубным последствиям это привело. Его ужасом стало само божество, поскольку понятно, что если некто становится богом для самого себя, то сам Бог, Божья воля, сила, способная уничтожить эгоцентрическую систему этой персоны, превращается в чудо-вище.

Я бежал от Него все ночи, все дни; Я бежал от Него под сводами лет;
Я бежал от Него по запутанному лабиринту Своего рассудка; и в
тумане рыданий Я скрывался от Него, и в раскатах хохота[13].

Человека и днем, и ночью изводит божественное существо, которое представляет собой образ живого Я в замкнутом лабиринте потерявшей ориентацию собственной души этого человека. Все пути к воротам отрезаны, и выхода нет. Человек способен только либо осатанело, яростно цепляться за самого себя и оставаться в аду, либо погибнуть — и раствориться, наконец, в Боге.

«О, нежнейший, слепой, слабейший, Я — Он, к кому ты стремишься! Тот черпает
любовь в себе самом, кто приникает ко Мне»[14].

Тот же душераздирающий, таинственный глас слышался, должно быть, в призыве греческого бога Аполлона, обращенном к убегающей деве Дафне, дочери бога реки Пенея, которую Аполлон преследовал по равнинам. Этот бог взывал к ней, подобно лягушонку, кричащему вслед принцессе в волшебной сказке:

"Нимфа, молю, Пенеида, постой, не враг за тобою! [...] Нет, ты не
знаешь сама, горделивая, нет, ты не знаешь, Прочь от кого ты бежишь,
— оттого и бежишь! [...]" Больше хотел он сказать, но, полная страха,
Пенейя Мчится бегом от него и его неоконченной речи. Снова была
хороша! Обнажил ее прелести ветер, Сзади одежды ее дуновением

встречным трепались, Воздух игривый назад, разметав, откидывал кудри. Бег удвоял красоту. И юноше-богу несносно Нежные речи терять: любовью движим самою, Шагу прибавил и вот по пятам преследует деву. Так на пустынных полях собака галльская зайца Видит: ей ноги — залог добычи, ему же — спасенья. Вот уж почти нагнала, вот-вот уж надеется в зубы Взять и в заячий след впилась протянутой мордой. Он же в сомнении сам, не схвачен ли, но из-под самых Песьих укусов бежит, от едва не коснувшейся пасти. Так же дева и бог, — тот страстью, та страхом гонимы.

Все же преследователь, крылами любви подвигаем, В беге быстрей; отдохнуть не хочет, он к шее беглянки Чуть не приник и уже в разметенные волосы дышит. Силы лишившись, она побледнела, ее победило Быстрое бегство; и так, посмотрев на воды Пенея, Молвит: "Отец, помоги! Коль могущество есть у потоков, Лик мой, молю, измени, уничтожь мой погибельный образ!" Только скончала мольбу, — цепенеют тягостно члены, Нежная девичья грудь корой окружается тонкой, Волосы — в зелень листвы превращаются, руки же — в ветви; Резвая раньше нога становится медленным корнем, Скрыто листвою лицо, — красота лишь одна остается[15].

Воистину, неразумный и бессмысленный конец. Аполлон, солнце, бог времени и зрелости, оставил свои устрашающие притязания; он просто наградил свое любимое дерево именем «лавр», после чего иронично порекомендовал его листья мастерам по изготовлению победных венков. Девушка отступила к образу своего отца и нашла в нем защиту — подобно незадачливому мужу, чья мечта о материнской любви помешала ему остаться верным супруге[16].

Литература, посвященная психоанализу, изобилует примерами столь безрассудных пристрастий, но за ними кроется всего лишь неспособность избавиться от инфантильного эго, от его круга эмоциональных отношений и идеалов. Человек окружен стенами раннего детства; отец и мать занимают положения стражей порога, и робкой душе, подверженной страху наказания[17], не удается войти в дверной проем и обрести рождение во внешнем мире.

Доктор Юнг рассказывает о сновидении, которое чрезвычайно напоминает образ мифа о Дафне. Это сновидение приснилось тому же молодому человеку, который оказался в "земле овец", — можно сказать, в земле не-независимости. Голос внутри его произносит: «Я должен сначала убежать от отца»; затем, несколько ночей спустя, «змея окружает сновидящего кольцом, и он возвышается, как дерево, стремительно врастая в землю»[18]. Это образ магического круга, описанного вокруг личности могущественным драконом опекающего родителя[19]. Подобным же образом было ограждено целомудрие Брунхильды, в течение долгих лет пребывавшей в девическом состоянии под охраной огненного кольца ее всемогущего отца Одина. Она спала в безвременьи вплоть до появления Зигфрида.

Шиповничек (Спящая Красавица) была усыплена ревнивой ведьмой (подсознательный образ злой матери). При этом в сон погрузился не только ребенок, но и весь мир; но, наконец, «через много-много лет» появился разбудивший ее принц. «...Король и королева [сознательные образы добрых родителей], которые только что вернулись домой и вошли в зал, тоже уснули, а вместе с ними и все придворные. Уснули и лошади в стойлах, и собаки на дворе, голуби на крыше, мухи на стенах; даже огонь, пылавший в печи, и тот замер и уснул, и жаркое перестало шипеть и поджариваться, а повар, схвативший было за волосы поваренка за то, что тот чего-то недоглядел, отпустил его и тоже уснул. И ветер утих, и не шелохнулся ни один листик на деревьях вокруг замка. И стала расти вокруг замка колючая терновая заросль; с каждым годом она становилась все выше и выше и окружила наконец весь замок. Она выросла выше самого замка, и в этой заросли его стало совсем не видно, и даже флага на башне нельзя было заметить»[20].

Один персидский город однажды «окаменел камнем» — царь и царица, солдаты, все горожане и все живое, — потому что его жители отвергли призыв Аллаха[21]. Жена Лота была превращена в соляной столп за то, что оглянулась назад, когда Иегова призвал ее покинуть город . Существует и легенда о Вечном Жиде, которого проклятье обрекло на скитания по земле до Судного Дня, потому что, когда мимо него проходил Христос, влачащий свой крест, этот человек выкрикнул из толпы, стоящей вдоль дороги: «Иди быстрее! Быстрее!» Неузнанный и оскорбленный Спаситель повернулся к нему и сказал: «Пойду, но ты будешь ждать меня здесь, пока я не вернусь» .

Одни жертвы остаются очарованными заклятьем навечно (во всяком случае, до самого конца повествования), но другим предопределено спастись. Брун- хильда оберегалась до

появления подходящего ей героя, а Шиповничек была спасена принцем. Молодому человеку, который превратился в дерево, приснилась затем незнакомая женщина, указующая ему путь, подобно таинственному проводнику по неизведанным тропам[24]. Не все колеблющиеся пропадают навеки. В запасе у души кроется множество секретов, но они не открываются, пока в этом не возникает необходимость. Именно поэтому затруднение, возникающее в результате упорного отказа от призыва, оказывается иногда основанием для благоприятного откровения какого-либо неожиданного принципа освобождения.

Осознанное погружение в себя является, на практике, одним из классических методов творческого гения и может использоваться преднамеренно. Оно направляет психические энергии в глубину и приводит в действие затерянный континент подсознательных детских и архетипических образов. Результатом, разумеется, может стать более или менее полное разрушение сознания (невроз, психоз: состояние околдованной Дафны), но, с другой стороны, если личность окажется способной поглотить и объединить в себе эти новые силы, она испытает почти сверхчеловеческий уровень самоосознания и уверенного управления собой. В этом заключается основной принцип учений индийской йоги. Кроме того, этому пути следовали многие творческие души Запада[25]. Это нельзя описать исключительно как отклик на некий определенный призыв. Скорее, это умышленный, необычайный отказ откликаться на что бы то ни было, кроме глубочайших, самых возвышенных и ценных ответов на по-прежнему неизведанные требования какой-то ожидающей внутренней пустоты; это форма полного игнорирования или отречения от предлагаемых условий жизни, в результате чего некая сила преображения поднимает проблему на уровень новой значимости, где она внезапно и окончательно разрешается.

Этот аспект проблемы героя иллюстрируется чудесным приключением из «Арабских ночей» — сказкой о царевиче Камар аз-Замане и царевне Будур. Юный и прекрасный царевич, единственный сын царя Персии Шахрамана, упорно не подчинялся настойчивым предложениям, просьбам, требованиям и, наконец, приказаниям своего отца, желающего, чтобы тот последовал принятому ходу вещей и выбрал себе жену. В первом разговоре на эту тему юноша ответил: «"О батюшка, знай, что нет у меня охоты к браку и душа моя не склонна к женщинам, так как я нашел много книг и рассуждений об их коварстве и вероломстве. И поэт сказал:

А коли вы спросите о женах, то истинно

Я в женских делах премудр и опытен буду.

И если седа глава у мужа иль мало средств.

Не будет тогда ему в любви их удела.

А другой сказал:

Не слушайся женщин — вот покорность прекрасная.

Несчастлив тот юноша, что женам узду вручил:

Мешают они ему в достоинствах высшим стать,

Хотя бы стремился он к науке лет тысячу".

А окончив свои стихи, он сказал: "О батюшка, брак — нечто такое, чего я не сделаю никогда, хотя бы пришлось мне испить чашу гибели".

И когда султан Шахраман услышал от своего сына такие слова, свет стал мраком перед лицом его, и он сильно огорчился, что его сын Камар аз-Заман не послушался, когда он посоветовал ему жениться. Но из-за сильной любви к сыну он не пожелал повторить ему эти речи и гневить его, а, напротив, проявил заботливость и оказал ему уважение и всяческую ласку [...]».

Через год отец вновь задал ему этот вопрос, но юноша упорствовал в своем нежелании, процитировав другие строфы поэтов. Правитель обратился за помощью к своему визирю, и тот посоветовал: «О царь, потерпи еще год, а потом, когда ты захочешь заговорить с твоим сыном об этом деле, не говори тайком, но заведи с ним речь в день суда, когда все визири и эмиры будут присутствовать и все войска будут стоять тут же. И когда эти люди соберутся, пошли в ту минуту за твоим сыном Камаром аз-Заманом и вели ему явиться, а когда он явится, скажи ему о женитьбе в присутствии визирей и вельмож и обладателей власти. Он обязательно устыдится и не сможет тебе противоречить в их присутствии».

Однако, когда наступил этот час и царь Шахраман произнес свой приказ прилюдно, «Камар аз-Заман опустил ненадолго голову к земле, а затем поднял голову к отцу, и его охватили в эту минуту безумие юности и глупость молодости, и он воскликнул: "Что до меня, то я никогда не женюсь, хотя бы мне пришлось испить чашу погибели, а что касается тебя, то ты старец великий по годам, но малый по уму! Разве ты не спрашивал меня о браке раньше сегодняшнего дня уже дважды, кроме этого раза, а я не соглашался на этом?" Потом Камар аз-Заман разъединил руки, заложенные за спину, и засучил перед

своим отцом рукава, будучи гневен, и сказал своему отцу много слов, и сердце его волновалось, и его отец смутился, и ему стало стыдно, так как это случилось перед вельможами его царства и воинами, присутствовавшими на празднике. А потом царя Шахрамана охватила ярость царей, и он закричал на своего сына, так что устрашил его, и крикнул невольникам, которые были перед ним, и сказал им: "Схватите его!"

И невольники побежали к царевичу, обгоняя друг друга, и схватили его и поставили перед его отцом, и тот приказал скрутить ему руки, и Камар аз-Замана скрутили и поставили перед царем, и он поник головой от страха и ужаса, и его лоб и лицо покрылись жемчугом испарины, и сильное смущение и стыд охватили его.

И тогда отец стал бранить и ругать его и воскликнул: "Горе тебе, о дитя прелюбодеяния и питомец бесстыдства! Как может быть таким твой ответ мне перед моей стражей и воинами! Но тебя еще до сих пор никто не проучил! Разве ты не знаешь, что, если бы поступок, который совершен тобою, исходил от простолюдина из числа простых людей, это было бы с его стороны очень гадко?"

И правитель велел своим невольникам развязать скрюченного Камар аз-За- мана и заточить его в одной из башен крепости. Тогда его взяли и отвели в древнюю башню, где была разрушенная комната, а посреди комнаты был развалившийся старый колодец. И комнату подмели, и вытерли там пол, и поставили в ней для Камар аз-Замана ложе, а на ложе ему постлали матрас и коврик, и положили подушку, и принесли большой фонарь и свечу, так как в этой комнате было темно днем. А затем невольники ввели Камар аз-Замана в это помещение и у дверей комнаты поставили евнуха. И Камар аз-Заман поднялся на ложе, с разбитым сердцем и печальной душой, и он упрекал себя и раскаивался в том, что произошло у него с отцом, когда раскаяние было ему бесполезно».

В это же время в далекой Китайской империи в подобной ситуации оказалась и дочь правителя аль-Гайюра, владыки островов и земель и семи дворцов. «И когда красота царевны сделалась знаменита и молва о ней распространилась по странам, все цари стали посылать к ее отцу, сватая девушку. И отец советовался с нею и склонял ее к замужеству, но разговоры о замужестве были ей отвратительны. И она говорила своему отцу: "О батюшка, нет у меня никакой охоты выходить замуж. Я госпожа, правительница и царица, и правлю людьми и не хочу мужчины, который будет править мною". И всякий раз, как она отказывалась выйти замуж, желание сватавшихся все увеличивалось. И

тогда все цари внутренних островов Китая принялись посылать ее отцу подарки и редкости и писать ему относительно брака с нею. И отец много раз советовал ей выйти замуж, но девушка прекословила ему и была с ним дерзка и разгневалась на него и сказала: "О батюшка, если ты еще раз заговоришь со мной о замужестве, я пойду в комнату, возьму меч и воткну его рукояткой в землю, а острие я приложу к животу и обопрусь на него, так что оно выйдет из моей спины, и убью себя".

И когда отец услышал от дочери эти слова, свет стал мраком пред лицом его, и сердце его загорелось из-за дочери великим огнем. Он испугался, что она убьет себя, и не знал, как быть с нею и с царями, которые к ней посватались.

"Если уж тебе никак не выйти замуж, воздержись от того, чтобы входить и выходить", — сказал он ей, и затем ввел ее в комнату, заточил ее там и приставил, чтобы сторожить ее, десять старух-управительниц. Он запретил ей появляться в семи дворцах и сделал вид, что гневен на нее, а ко всем царям отправил письма и известил их, что разум девушки поражен бесноватостью» .

Поскольку и герой, и героиня последовали пути отрицания, а между ними простирается вся Азия, для того, чтобы осуществить их брачные отношения и организовать союз этой предназначенной друг другу пары, потребуется настоящее чудо. Откуда появится та сила, что сможет разрушить жизнеотрицающее заклятье и рассеять ярость двух инфантильных отцов?

Ответ на этот вопрос остается одинаковым во всех мифологиях мира. Ибо, как часто повторяется на священных страницах Корана, «поистине, Аллах — милосердный». Единственная проблема заключается в том, каковы будут механизмы проявления этого чуда, но эта тайна раскроется лишь на следующих страницах приключения «Арабских ночей».

3. СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННАЯ ПОМОЩЬ

Для тех, кто не отверг призыва, первой неожиданностью геройского путешествия является встреча с покровительствующим образом (чаще всего — со старухой или стариком); он обеспечивает героя амулетами, ограждающими от силы дракона, с которой ему вскоре предстоит столкнуться.

К примеру, в восточноафриканском племени вачага, живущем у Танганьики, рассказывают историю об очень бедном человеке по имени Кьязимба, который в отчаянии отправился на поиски земли, где поднимается солнце. Он шел очень долго,

устал и просто остановился на месте, без всякой надежды глядя в направлении своих поисков, но вдруг услышал, как кто-то подбирается к нему сзади. Обернувшись, он увидел дряхлую старушку. Она подошла к нему и пожелала узнать, что случилось. Когда он рассказал ей о себе, она обернула вокруг него свою накидку и, оторвавшись от земли, перенесла прямо к зениту, где в середине дня висело солнце. Затем с востока к этому месту с оглушительным шумом приблизилось огромное множество людей, окружавших выдающегося вождя. Добравшись до этого места, вождь зарезал быка и начал пировать со своими слугами. Старуха попросила его помочь Кьязимбе. Вождь благословил его и отправил домой. Согласно легенде, с тех пор этот человек всегда жил
в достатке .

Излюбленным персонажем, исполняющим эту благотворную роль в мифологии американских индейцев Юго-Запада, является Женщина-Паук — заботливая пожилая женщина, живущая под землей. Близнецы-Боги Войны племени навахо отправились к своему отцу, Солнцу, и едва они успели выйти из своего дома и вступить на священную тропу, как наткнулись на этот милый крошечный образ: «Мальчики быстро двигались по священной тропе и вскоре после восхода солнца, неподалеку от Дзилнаотил, увидели поднимающийся от земли дым. Они пошли к тому месту, откуда поднимался дым, и обнаружили, что он исходит из дымовой дыры подземной комнаты. В дыру уходила черная от дыма лестница. Заглянув в дыру, они увидели старушку, Женщину-Паука, которая посмотрела на них и сказала: "Добро пожаловать, дети. Входите. Кто вы и откуда вы оба идете?" Они ничего не ответили, но спустились по лестнице. Когда они оказались на полу, она опять заговорила с ними и спросила: "Куда же вы оба идете?" "Никуда, — ответили они, — мы пришли сюда, потому что нам больше некуда идти". Она повторила свой вопрос четыре раза, но все время получала один и тот же ответ. Тогда она сказала: "Может быть, вы хотели бы найти своего отца?" "Да, — ответили они, — если бы только мы знали, как пройти к его дому". "А! — сказала женщина. — Путь к дому вашего отца, Солнца, очень долгий и опасный. Между этим местом и тем местом живет много чудовищ, к тому же, даже если вы доберетесь туда, может случиться так, что ваш отец не будет рад вас увидеть и накажет вас за то, что вы пришли. Вы должны пройти четыре опасных места: горы, которые обрушиваются на путников, тростники, которые режут их на части, кактусы, которые раздирают их на куски, и бурлящие пески, которые засасывают их. Но я дам вам кое-что, что подчинит ваших врагов и сохранит

вам жизнь". И она подарила им амулет под названием "перо чужих богов", который представлял собой кольцо с присоединенными к нему двумя живыми перьями [перьями, вырванными у живого орла] и еще одно живое перо, которое охраняло их существование. Она также научила их волшебным словам; если их произнести перед врагами, эти слова смягчают их гнев: "Опусти свои ноги в пыльцу. Опусти свои руки в пыльцу. Опусти свою голову в пыльцу. Тогда твои ноги — пыльца и руки — пыльца; твое тело — пыльца; твой ум — пыльца; твой голос — пыльца. Твой след прекрасен. Успокойся"»[28].

Старушка-помощница и крестная-волшебница — знакомые персонажи европейских волшебных сказок; в христианских легендах эту роль обычно исполняет Дева Мария. Заступничество Девы Марии может помочь добиться милости Отца. Женщина-Паук способна управлять движением Солнца с помощью своей паутины. Ничто не может принести вред герою, пребывающему под покровительством Космической Матери. Нить Ариадны благополучно проводит Тезея в его путешествии по лабиринту. Это та направляющая сила, которая предстает в работах Данте в женских образах Беатриче и Девы Марии, а в «Фаусте» Гете последовательно проявляется как Гретхен, Елена Прекрасная и Дева Мария. «Ты — упования живой родник, — молится Данте в завершение своего благополучного прохождения сквозь опасности Трех Миров. — Ты так властна, и мощь твоя такая, что было бы стремить без крыл полет — ждать милости, к тебе не прибегая. [...] Ты — состраданье, ты — благоволенье, ты — всяческая щедрость, ты одна — всех совершенств душевных совмещенье!»[29]

Такой образ воплощает в себе милостивую, охраняющую силу судьбы. Эта фантазия представляет собой уверение — обещание того, что покой Рая, который был познан изначально в материнской утробе, не будет потерян; что он поддерживает настоящее и участвует как в будущем, так и в прошлом (является и омегой, и альфой); что, хотя всемогущество может казаться подвергающимся опасности при пересечениях порога и пробуждениях жизни, охраняющая сила всегда и навечно присутствует в святилище сердца и может скрываться даже внутри или позади незнакомых проявлений мира. Человеку нужно лишь знать это и верить этому, и тогда рядом с ним возникнут вечные стражи. Откликнувшись на свой собственный призыв и продолжая бесстрашно встречать разворачивающиеся события, герой обнаруживает, что все силы бессознательного оказываются на его стороне. Сама Мать-Природа поддерживает выполнение его великой

задачи. И до тех пор, пока действия героя пребывают в согласии с тем, к чему готово само его общество, он, казалось бы, несется на огромном гребне исторического процесса. «Я чувствую, — говорил Наполеон Бонапарт перед началом своей российской кампании, — что меня несет к развязке, которая мне неведома. Как только я достигну ее, как только я стану уже не нужным, одного атома будет достаточно, чтобы сокрушить меня. Но до этого момента никакие силы человечества не смогут мне противостоять» .

Совсем не редко сверхъестественный помощник имеет мужской облик. В мире волшебных сказок им может оказаться крошечный лесной обитатель, какой-нибудь кудесник, отшельник, пастух или кузнец, который появляется рядом с героем, снабжает его талисманами и дает советы в отношении того, что может понадобиться герою. Высшие мифологии развивают эту роль до уровня величественного образа советчика, наставника, перевозчика, проводника душ по загробному миру. В классическом мифе это Гермес-Меркурий; у египтян это обычно Тот (бог-ибис, бог-павиан); у христиан — Святой Дух[31]. Гете в «Фаусте» представляет мужчину-проводника в облике Мефистофеля — и подобное подчеркивание опасного аспекта такого «меркурианского» образа встречается довольно часто, поскольку он является соблазнителем невинной души, заманивающим ее в царства испытаний. В видении Данте эту роль играет Вергилий, который на пороге Рая уступает место Беатриче. Оберегающий и опасный, материнский и в то же время отеческий, этот сверхъестественный принцип опеки и руководства объединяет в себе все двусмысленные черты бессознательного — и означает, таким образом, поддержку нашей сознательной личности этой другой, более крупной системой, — но помимо этого и непостижимость проводника, за которым мы следуем с риском оставить позади все свои рациональные границы[32].

Герой, перед которым появляется такой помощник, обычно относится к тем, кто откликнулся на призыв. Этот зов в действительности был первым извещением о приближении жреца инициации. Но этот страж может явиться даже тем, кто явно ожесточил свое сердце, ибо, как мы уже убедились, «поистине, Аллах — милосердный».

Случилось так, что, словно по чистой случайности, в древней и заброшенной башне, где уснул Камар аз-Заман, царевич Персии, был старый римский колодец[33], а в нем жила джинния по имени Маймуна «из потомства Иблиса проклятого и дочь Димирьята, одного из знаменитых царей джиннов[34].

И когда Камар аз-Заман проспал до первой трети ночи, эта ифритка поднялась из римского колодца и направилась к небу, чтобы украдкой подслушивать [разговоры ангелов], и, оказавшись на верху колодца, она увидела свет, который горел в башне, в противность обычаю. [...] А войдя в комнату, она нашла там поставленное ложе и на нем спящего человека, и свеча горела у него в головах, а фонарь горел у его ног. И ифритка Маймуна подивилась этому свету и мало- помалу подошла к нему и, опустив крылья, встала у ложа.

Она сняла плащ с лица Камар аз-Замана и взглянула на него и некоторое время стояла, ошеломленная его красотою и прелестью [...] и воскликнула: "Благословен Аллах, лучший из Творцов!" (ибо она была из правоверных джиннов)».

Затем она поклялась себе, что не навредит Камар аз-Заману, а затем задумалась о том, как бы он, спящий в этом заброшенном месте, не был убит одним из ее родичей, маридов[35]. «Потом ифритка склонилась над Камар аз-Заманом и поцеловала его между глаз, а после этого она опустила плащ ему на лицо и, накрыв его, распахнула крылья и полетела в сторону неба [...] поднимаясь ввысь, пока приблизилась к нижнему небу».

Тут, по случайности или по велению судьбы, парящая ифритка Маймуна «услыхала вдруг хлопанье крыльев в воздухе и направилась на этот шум. И когда она приблизилась, то оказалось, что это ифрит, которого звали Дахнаш, и Маймуна низвергнулась на него, как низвергается ястреб.

И когда Дахнаш почуял ее и узнал, что это Маймуна, дочь царя джиннов, он испугался, и у него затряслись поджилки». Он начал умолять ее о пощаде, но она потребовала от него объяснить, откуда он направляется в этот ночной час. Он ответил, что возвращается из крайних городов Китая и с внутренних островов, из царства аль-Гайюра, владыки островов и земель и семи дворцов.

"У этого царя, — сказал он, — я видел дочку, лучше которой не сотворил Аллах в ее время". И он пустился в пышные восхваления принцессы Будур: «"Нос ее — как острие полированного меча, а щеки — точно алое вино. Ее щеки похожи на анемон, и губы ее — точно кораллы и сердолик, ее слюна желаннее вина, и вкус ее погасит мучительный огонь. Ее языком движет великий разум и всегда готовый ответ, и грудь ее — искушение для тех, кто ее видит. Слава же Тому, Кто ее сотворил и соразмерил! И две руки ее круглые и гладкие и даже, как сказал о ней поэт, охваченный любовью:

И кисти, которые, браслетов не будь на них.

Текли бы из рукавов, как быстрый ручей течет".

И он долго прославлял ее красоту, и, когда Маймуна услышала все это, она застыла от изумления. Дахнаш же продолжил и описал могущественного пра-

Ил. III. Мать богов

(Нигерия)

вителя, ее отца, его богаство и семь дворцов, равно как и историю о том, как его дочь отказывается выходить замуж. «Я отправляюсь к ней каждую ночь, о госпожа, и смотрю на нее, и наслаждаюсь ее лицом, и целую ее, спящую, меж глаз. Из-за любви к ней я не причиняю ей вреда [...]». Он предложил Маймуне полететь вместе с ним в Китай и посмотреть на красу, миловидность, стать и совершенство соразмерности форм царевны. «А после этого, если захочешь меня наказать и взять в плен, сделай это: ведь и приказ и запрет принадлежит тебе».

Ил. IV. Бог в воинском одеянии (Бали)

После того как она узрела Камар аз-Замана, Маймуна была возмущена тем, что кто-то может допустить восхваление любого другого существа в мире. «Ифритка Маймуна, посмеявшись над его словами и плюнув ему в лицо, сказала: "[...] Фу! Фу! [...] Я сегодня ночью видела такого человека, что, если бы ты его увидел хоть во сне, ты бы наверное стал расслабленным и у тебя потекли бы слюни"». И она рассказала ему про недавний случай. Дахнаш же выразил неверие в то, что кто-то может быть прекраснее, чем принцесса Будур, и Маймуна приказала ему спуститься вместе с ней вниз и посмотреть своими глазами.

«И Дахнаш сказал: "Внимаю и повинуюсь", — а затем они спустились вниз и сошли в круглое помещение, которое было в башне. И Маймуна остановила Дахнаша возле ложа и, протянув руку, подняла шелковое покрывало с лица Камар аз-Замана, сына царя Шахрамана, и лицо его заблистало, засверкало, засветилось и засияло. И Маймуна взглянула на него и в тот же час и минуту обернулась к Дахнашу и воскликнула:

"Смотри, о проклятый, и не будь безобразнейшим из безумцев! Мы — женщины, и он для нас искушение".

И Дахнаш посмотрел на юношу и некоторое время его разглядывал, а потом он покачал головой и сказал Маймуне: "Клянусь Аллахом, госпожа, тебе простительно, но против тебя остается еще нечто другое: положение женщины не таково, как положение мужчины. Клянусь Аллахом, поистине твой возлюбленный более всех тварей сходен с моей возлюбленной по красоте и прелести, блеску и совершенству, и оба они как будто вместе вылиты в форме красоты".

И когда Маймуна услышала от Дахнаша эти слова, свет стал мраком пред лицом ее, и она ударила его крылом по голове крепким ударом, который едва не порешил его, так он был силен. А затем она воскликнула: "Клянусь светом лика Его величия, ты сейчас же отправишься, о проклятый, и возьмешь твою возлюбленную, которую ты любишь, и быстро принесешь ее в это место, чтобы мы свели их обоих и посмотрели бы на них, когда они будут спать вместе, близко друг от друга. И тогда нам станет ясно, который из них красивее и прекраснее другого"».

Так, в полном неведении сопротивляющегося жизни Камар аз-Замана обо всем, что происходило в област и, по отношению к которой он был совершенно бессознателен, его судьба начинает исполняться — без какого-либо участия его сознательной воли[36].

4. ПЕРЕСЕЧЕНИЕ ПЕРВОГО ПОРОГА

Под руководством и с помощью воплощений его судьбы, герой движется в своем путешествии вперед, пока не подходит к «стражу порога», стоящему у входа в область приумноженной силы. Такие хранители располагаются у пределов мира во всех четырех направлениях — а также вверху и внизу — и обозначают рамки текущей сферы героя, или его жизненные горизонты. За ними — тьма, неизвестность и опасность, точно так же, как за пределами родительского покровительства кроются угрозы для ребенка, а вне общества — опасности для члена племени. Обычный человек не просто довольствуется тем, что остается в предписанных рамках, — он гордится этим, а распространенные убеждения предоставляют ему множество оснований для страха первого шага в неизведанное. По этой причине матросов смелых кораблей Колумба, преодолевающих горизонты средневекового разума — и направляющихся, по их мнению, в безбрежный океан бессмертных существ, окружающий космос, подобно бесконечной кусающей собственный хвост мифологической змее,[37] — приходилось обманывать и понуждать,

как детей, потому что они боялись пресловутых левиафанов, сирен, царей-драконов и прочих чудовищ морских глубин.

Народные мифологии населяют обманчивыми и опасными сущностями любое необитаемое место, расположенное вне привычных границ деревни. К примеру, готтентоты рассказывают о людоеде, которого время от времени видели в зарослях кустарника и среди дюн. Его глаза расположены на подъемах ступней, поэтому для того, чтобы увидеть, что происходит вокруг, ему необходимо опереться на руки и приподнять вверх ногу. Только тогда его глаз может смотреть вокруг, но иначе взгляд великана всегда направлен в небо. Это чудовище охотится на людей и разрывает их в клочки своими ужасными зубами длиною в палец. Утверждается, что эти создания охотятся стаями . Еще одно чудовище готтентотов, Хаи-ури, передвигается, перепрыгивая через целые заросли кустов, а не обходит их[39]. Во многих частях Земли встречается опасная одноногая, однорукая и однобокая тварь — половина человека, — невидимая, если смотреть на нее сбоку. В Центральной Африке рассказывают, что такой получеловек говорит столкнувшемуся с ним: «Раз ты встретился со мной, давай сражаться». Если человек сможет его одолеть, существо умоляет: «Не убивай меня. Я научу тебя, как делать лекарства», и тогда счастливчик становится искусным врачевателем. Но если побеждает этот получеловек (именуемый *чи- вури:* «загадочная вещь»), его жертва погибает[40].

Районы неизвестного (пустыня, джунгли, открытое море, чужие земли и т. д.) представляют собой пространство, свободное для проекции содержимого подсознательного. Оттуда кровосмесительное *либидо* и отцеубийственное *дест- рудо (фр. destructif — разрушительный, губительный. Термин для обозначения энергии инстинкта смерти; аналогичен либидо инстинкта жизни.)* отражаются назад, к личности и его обществу в формах, предполагающих угрозы насилия и воображаемое удовольствие от опасности — не только в образах людоедов, но также и в облике сирен таинственно соблазнительной, вызывающей ностальгию красы. Русским крестьянам известно, например, о лесных елёсихах, живущих в горных пещерах, в которых они, подобно человеческим существам, ведут домашнее хозяйство. Это красивые женщины с прекрасными правильными головами, длинными косами и волосатыми телами. Когда они бегут или кормят детей, они забрасывают грудь на плечи; ходят они группами. Они обмазываются снадобьями, приготовленными из лесных кореньев, и благодаря этому

могут становиться невидимыми. Они любят танцевать или щекотать человека, оказавшегося в лесу в одиночестве, и таким образом доводят его до смерти; каждый, кому случится случайно наткнуться на их невидимые танцевальные развлечения, умирает. С другой стороны, они помогают пожинать урожай, заботиться о детях и прибираться в домах тем, кто преподносит им еду; и если девушка вычешет для них коноплю, они награждают ее листьями, которые затем превращаются в золото. Они очень любят мужчин, часто выходят замуж за деревенских парней и известны как отличные жены. Но, подобно всем сверхъестественным невестам, если муж хоть в малейшей степени разрушит их капризные представления о супружеских правах, они в то же мгновение исчезают без следа[41].

Еще одним примером, иллюстрирующим чувственную смесь опасного злого людоеда с принципом искушения, является Дедушка Водяной, русский «Водный Дед». Он искусно изменяет свой облик и, как считается, топит людей, купающихся в полночь или в полдень. Он женится на утонувших или обездоленных девушках. У него есть особая способность заманивать несчастных женщин в свои сети. Он любит танцевать ночами в лунном свете. Когда одной из его жен предстоит родить ребенка, он отправляется в деревню за повитухой, и его можно выявить по воде, стекающей по краям одежды. У него плешивая голова, бочкообразное брюхо, толстые щеки, зеленая одежда и высокая шапка из камыша, но он способен представать и в обликах привлекательного юноши или известных в деревне людей. На суше этот Хозяин Вод не очень силен, но в своей родной среде является полновластным господином. Он живет в глубине рек, ручьев и прудов, предпочитая места поблизости от мельницы. Днем он прячется, как старая форель или лосось, а по ночам поднимается на поверхность и, как рыба, брызгается и бьет по воде, выгоняя свой подводный скот, овец и коней, чтобы они паслись на берегу, или же усаживается на мельничное колесо и тихо расчесывает свои длинные зеленые волосы и бороду. Весной, когда он просыпается после долгой спячки, он раскалывает лед на реках и сталкивает огромные льдины. Он обожает разрушать мельничные колеса, но, пребывая в благодушном настроении, может направить косяки рыбы прямо в сети рыбаков и предупредить о грядущих наводнениях. Он щедро платит согласившейся помочь ему повитухе серебром и золотом. Его прекрасные дочери, высокие, бледные, отмеченные налетом печали, одетые в прозрачные зеленые одеяния, мучают и изводят утопленников. Они любят качаться на деревьях и петь красивые песни[42].

Аркадский бог Пан является наиболее известным классическим примером такой опасной сущности, обитающей непосредственно за границами безопасной зоны селения. В латинской мифологии ему соответствовали Сильван и Фавн[43]. Он был создателем пастушьей дудки, на которой играл для танцующих нимф; его спутниками мужского пола были сатиры[44]. Человеческим существам, случайно оказавшимся в его владениях, он внушал «панический» страх, внезапный необоснованный испуг. После этого любой пустяк — хруст ветки, упавший лист — наполнял разум человека ощущением воображаемой угрозы, и, в неистовых попытках убежать от собственного пробужденного бессознательного, слепо мечущаяся от страха жертва выбивалась из последних сил. Однако Пан был милостив к тем, кто поклонялся ему, и дарил им блага божественной чистоты природы: свою щедрость — земледельцам, скотоводам и рыбакам, отдававшим ему первые плоды своего труда, и здоровье — тем, кто правильным образом использовал его исцеляющие святилища. К числу его даров относилась и мудрость, мудрость Средоточия, или Пупа Земли, ибо пересечение порога является первым шагом в священную область этого всеобщего источника. В Ликаонии был оракул, за которым присматривала нимфа Эрато, вдохновенная Паном подобно тому, как Аполлон вдохновил пророчицу в Дельфах. В качестве примеров того божественного «энтузиазма», который ниспровергает рассудок и высвобождает силы разрушительно-созидательной тьмы, Плутарх описывает экстаз оргиастических обрядов Пана наряду с экстазом Кибелы, вакхическим неистовством Диониса, поэтическим исступлением, вызываемым явлением Муз, воинским бешенством бога Ареса (Марса) и самым горячим из всех экстатических состояний — страстностью любви.

«Мне приснилось, — рассказывает женатый джентльмен среднего возраста, — что я хочу забраться в какой-то чудесный сад. Но перед ним стоит сторож, который не позволяет мне войти. Я вижу, что внутри стоит моя подруга, фрейлейн Эльза; она пытается дотянуться до меня рукой через ворота. Но сторож мешает этому, хватает меня за руку и отводит домой. "Будьте благоразумны, в конце концов, — говорит он. — Вы ведь знаете, что не стоит этого делать"»[45].

Это сновидение выявляет первый, оберегающий аспект стража порога. Человеку лучше не спорить с охранником установленных границ. И все же, только благодаря прорыву за эти границы, бросающему вызов иному, разрушительному аспекту той же силы, личность — живой или мертвой — проникает в новую зону восприятия. В языке пигмеев

Андаманских островов слово *«око-джуму»* («сновидящий», «тот, кто говорит в сновидениях») обозначает тех высокоуважаемых и пугающих людей, отличающихся от своих собратьев сверхъестественной способностью, которую можно обрести только при встрече с духами — непосредственно в джунглях, в необычном сновидении или путем смерти и воскрешения[46]. Путешествие всегда и всюду означает проникновение сквозь вуаль, разделяющую известное и неведомое; силы, охраняющие эту грань, опасны, сталкиваться с ними рискованно, однако все эти опасности меркнут перед тем, кто обладает достаточными умением и отвагой.

Рис. 4. Улисс и сирены

На островах Банкс в Новых Гебридах у молодого человека, вернувшегося с рыбной ловли и направляющегося к скале в сторону заката, есть шанс увидеть «девушку с головой, украшенной цветами, манящую его со склонов скалы, к которой лежит его путь; он узнает во внешности этой девушки кого-то из собственной или соседней деревни; он останавливается в колебаниях и считает, что это, должно быть, *маэ*\ он присматривается и замечает, что ее локти и колени изогнуты неправильно; это обнаруживает ее истинную природу, и он убегает. Если же юноша ударит искусительницу листом драконового дерева, она обратится в свой подлинный облик и уползет прочь змеей»[47]. Но именно эти змеи, *маэ,* которых так боятся местные жители, как считается, становятся хорошими друзьями тем, кто решается на общение с ними[48]. С такими демонами — одновременно опасными и награждающими магической силой — должен столкнуться каждый герой, сделавший лишь один шаг за пределы стен своей традиции.

Две яркие восточные истории могут послужить разъяснением двусмысленности этого непонятного перехода и показать, как опрометчивый путешественник, решившийся на

слишком тяжелую задачу, может бессмысленно погубить себя, несмотря на то что пугающее отступает перед подлинной психологической готовностью.

Первая история рассказывает о путешественнике из Бенареса, который самоуверенно направил свой богатый караван, состоящий из пятисот повозок, через безводные пустоши, населенные демонами. Поскольку его предупреждали об опасности, он позаботился о том, чтобы погрузить в повозки глиняные кувшины с водой, так что ее должно было с избытком хватить на переход пустыни, длина которого, по его здравому рассуждению, не могла составить больше шестидесяти лиг. Но когда они прошли половину пути, людоед, живущий в этих пустошах, решил: «Я заставлю этих людей выбросить воду, которую они взяли с собой». И он сотворил повозку, являющую собой настоящую усладу сердца, запряг в него чистого белого бычка, вымазал ее колеса грязью и направил по тропе навстречу каравану. Перед ним и позади него шли демоны, изображавшие его свиту; их волосы и одеяния были влажными, и все были украшены венками из водных лилий, голубых и белых, а в руках несли букеты красных и белых цветков лотоса, жевали сочные стебли водных лилий, и со всех падали капли воды и грязи. Когда караван и процессия демонов поравнялись и свернули в стороны, чтобы дать друг другу дорогу, людоед дружелюбно поприветствовал главу каравана. «Куда вы направляетесь?» — вежливо спросил он, и глава каравана ответил на это: «Господин, мы идем из Бенареса. Но вы идете, украшенные водными лилиями, голубыми и белыми, с красными и белыми цветками лотоса в руках, и жуете сочные стебли водных лилий, все выпачканные в грязи и с каплями воды, стекающими с одежды. Неужели на пути вы попали под дождь? Или же здесь есть озера, сплошь покрытые водными лилиями, голубыми и белыми, и цветами лотоса, красными и белыми?»

Людоед ответил: «Видите ту темно-зеленую полоску кустарника? За ней весь лес погружен в воду; там всегда идет дождь, и каждая впадина наполнена водой; всюду там озера, сплошь покрытые лотосами, красными и белыми». Затем, когда их повозки проезжали друг против друга, он спросил: «Что за товары вы везете в этой повозке и в той? Они едут так тяжело; что вы везете в них?» «В них мы везем воду», — ответил глава каравана. «Конечно, вы поступили мудро, запасая так много воды, но лес близко, и вам уже нет нужды надрываться. Разбейте свои кувшины, вылейте воду и путешествуйте налегке». И людоед отправился своей дорогой, а когда караван скрылся из виду, он вновь вернулся в свой город великанов.

А безрассудный глава каравана по глупости последовал совету людоеда, разбил кувшины и направил повозки вперед. Но впереди не оказалось ни единой капли воды. Жажда ослабила людей. Они шли до заката, а потом распрягли повозки, расположили их кругом и привязали к колесам быков. Не было ни воды для животных, ни вареного риса для людей. Ослабевшие люди улеглись там и тут и заснули. В полночь из города великанов пришел людоед, убил быков и людей и пожрал их плоть, оставив только голые кости, и сделав это, ушел. Обглоданные руки и остальные кости были разбросаны во всех четырех направлениях и в четырех промежуточных направлениях, а пятьсот повозок навеки остались нагруженными[49].

Вторая история несколько отличается от первой. *В ней рассказывается о юном принце, который только что завершил свое воинское образование у всемирно известного учителя. Получив в качестве знака отличия титул принца Пять Оружий, он принял пять видов оружия, которые даровал ему учитель, поклонился ему и, вооруженный новым оружием, направился по дороге, ведущей в город его отца, царя. На пути он оказался в каком-то лесу. Люди, живущие у входа в лес, предостерегали его. «Господин, не входите в этот лес, — говорили они. — Там живет людоед по имени Липкие Волосы; он убивает всякого, кого увидит».*

Но принц был уверен в себе и бесстрашен как гривастый лев. Он тут же отправился в лес. Когда он дошел до самого сердца леса, перед ним появился людоед. Великан увеличил свой рост до высоты пальмового дерева; он сделал свою голову большой, как летний дом с колокольней, глаза — как две чаши для милостыни, клыки — как огромные луковицы или бутоны; у него был ястребиный клюв, живот весь был покрыт язвами, а руки и ноги были темно-зелеными. «Куда ты идешь? — спросил он. — Стой! Ты моя жертва!»

Принц Пять Оружий отвечал без страха, будучи весьма уверен в искусстве и мастерстве, которыми владел. «Людоед, — сказал он. — Я знал, куда иду, когда входил в этот лес. Тебе стоит быть поосторожнее, если ты решишь напасть на меня; стрелой, пропитанной ядом, я проткну твою плоть и уложу тебя на месте!»

Запугав людоеда этими словами, юный принц вложил в свой лук стрелу, пропитанную смертельным ядом, и выпустил ее, но она застряла в волосах великана. Так принц выпустил одну за одной пятьдесят стрел, но все они застряли в волосах людоеда. Великан стряхнул все стрелы к своим ногам и направился к юному принцу.

Принц Пять Оружий пригрозил великану во второй раз и, вынув из ножен свой меч, нанес искусный удар. Но меч длиной в тридцать три дюйма прилип к волосам людоеда. Тогда принц ударил его копьем, но оно тоже прилипло к волосам. Убедившись, что копье не удается оторвать, принц ударил великана дубинкой — и она тоже прилипла к волосам людоеда.

Увидев, что его дубинка прилипла, принц сказал: «Господин людоед, ты никогда раньше обо мне не слышал. Я — принц Пять Оружий. Когда я входил в этот лес, захваченный тобой, я рассчитывал не на свой лук и прочее оружие; когда я входил в этот лес, я рассчитывал на самого себя. И теперь я собираюсь избить тебя и растереть тебя в порошок и пыль!» Известив великана о своей решимости, он с громким криком ударил его правой рукой, и его рука приклеилась к волосам людоеда. Он ударил его левой рукой, и она тоже прилипла. Он ударил его правой ногой. Она прилипла. Он ударил его левой ногой. Она тоже прилипла. И он подумал: «Я буду бить тебя головой и сотру тебя в порошок и пыль!» Он ударил людоеда головой. Но и голова прилипла к волосам великана[50].

Принц Пять Оружий пять раз оказался в ловушке, крепко прилип в пяти точках и оказался раскачивающимся на теле великана. Что до самого великана, то он думал: «Это какой-то лев среди людей, человек благородного рождения — явно не простолюдин! И хотя его поймал такой страшный людоед, как я, он не дрогнул и не затрепетал! За все то время, что я разоряю эту дорогу, мне не доводилось видеть подобного ему! Почему же он не испугался?» Не осмеливаясь сожрать принца, он спросил: «Юноша, почему ты не испугался? Почему ты не затрясся от смертельного страха?»

«Но почему я должен бояться, людоед? Ведь в каждой жизни всегда случается смерть. Кроме того, у меня в животе палица грома. Если ты проглотишь меня, ты не сможешь переварить его. Оно разорвет тебя в клочья и лохмотья изнутри и убьет тебя. В этом случае умрем мы оба. Вот почему я не боюсь!»

Читателю следует знать, что принц Пять Оружий говорил об Оружии Знания, кроющемся в нем. На самом деле, этот юный герой был не кто иной, как Будущий Будда в одном из своих ранних воплощений[51].

«То, что говорит этот юноша, правда», — подумал до смерти перепуганный великан. «Мой желудок не сможет переварить и равного фасолине кусочка тела этого льва

среди людей. Я отпущу его!» И он отпустил принца Пять Оружий. Будущий Будда изложил ему Доктрину, подчинил его, добился его самоотречения, а затем превратил в духа, даровав ему право собирать подношения в этом лесу. Убедив великана быть заботливым к людям, юноша вышел из леса и рассказал эту историю человеческим существам, живущим у входа лес, после чего пошел своей дорогой[52].

Как символ мира, к которому нас приковывают пять чувств и от которого невозможно избавиться благодаря действиям физических органов, Липкие Волосы был покорен лишь тогда, когда Будущий Будда перестал защищаться с помощью пяти оружий его преходящего имени и физических способностей и прибегнул к безымянному, шестому оружию: божественной громовой палице знания возвышенного принципа, пребывающего вне феноменального царства именований и форм. И ситуация мгновенно изменилась. Он уже не был в ловушке и освободился — поскольку вспомнил, что он всегда свободен. Сила чудовища феноменальности была развеяна, и ему удалось внушить самоотречение. В самоотречении великан стал божественным духом, имеющим право собирать приношения, — каким является сам мир, когда он известен не окончательно, но просто как имя и форма, из которых восходят извечно присущие ему все остальные имена и формы.

«Стена Рая», ограждающая Бога от человеческого взгляда, описывается Николаем Кузанским как состоящая из «случайного стечения противоположностей», а врата в ней охраняются «высшим духом рассудка, преграждающим путь, пока он не будет побежден» [53]. Пары противоположностей (бытие и небытие, жизнь и смерть, красота и уродство, добро и зло и все остальные полярности, укрепляющие способности к надежде и страху и связующие органы действия с защитой и приобретениями) являются Сталкивающимися Скалами (Симплегадами), которые раздавливают обычного путешественника; но герой всегда способен пройти между ними. Этот мотив встречается по всему миру. Греки связывали их с двумя скалистыми островами близ Геллеспонта, которые сталкивались при сильном ветре; но Язон на «Арго» проплыл между ними, и с тех пор они застыли в неподвижности[54]. Женщина-Паук предупредила Героев-Близнецов из легенд навахо о таком же препятствии; однако защищенные символической путеводной пыльцой и орлиными перьями, вырванными у живой солнечной птицы, они прошли между скалами[55].

Подобно дыму подношения, проникающему в солнечную дверь, освобожденный от эго герой проходит сквозь стены мира — оставляя свое эго застрявшим в Липких Волосах и двигаясь дальше.

5. ЧРЕВО КИТА

Идея о том, что пересечение волшебного порога означает переход в сферу перерождения, символизируется во всем мире образом чрева кита. Герой, вместо того чтобы покорять или умиротворять силы, охраняющие порог, поглощается неизвестным и выглядит умершим.

Сам тогда он с дна поднялся. Весь дрожа от тихой злобы.
Боевой блистая краской, И доспехами бряцая. Быстро
прыгнул он к пироге. Быстро выскочил всем телом На
сверкающую воду И своей гигантской пастью Поглотил в
одно мгновенье Гайавату и пирогу

* Мнше-Нама, царь всех рыб. — *Прим. автора*

Эскимосы Берингова пролива рассказывают о герое-обманщике Вороне и о том, как однажды, просушивая у моря одежду, он увидел самку кита, величаво приблизившуюся к самому берегу. Он крикнул ей: «В следующий раз, когда поднимешься за воздухом, дорогая, открой рот и закрой глаза». Затем он быстро набросил свое одеяние ворона, надел маску ворона, сунул под мышку свои палочки для разведения огня и полетел над водой. Самка кита поднялась к поверхности и поступила так, как он ей предложил. Ворон нырнул в открытую пасть и вошел прямо в ее глотку. Пораженная самка кита щелкнула челюстями и заревела, а Ворон оказался внутри и начал осматриваться[57].

У зулу есть история о слоне, проглотившем двоих детей и их мать. Когда женщина достигла живота животного, «она увидела большие леса, и огромные реки, и много возвышенностей; с одной стороны были высокие скалы; и там было множество людей, построивших здесь деревню; и много собак и скота; все это было в слоне»[58].

Ирландский герой Финн Мак Куйл был проглочен чудовищем неопределенной формы, относящимся к тому типу, который известен в кельтской культуре как *peist.* Маленькую девочку из немецких сказок, Красную Шапочку, проглотил волк. Любимец Полинезии, Мауи, был поглощен своей прапрабабушкой Хине- нуи-те-по, а весь греческий пантеон, за исключением Зевса, был проглочен их отцом Кроносом.

Возвращаясь домой с поясом царицы амазонок, греческий герой Геракл остановился в Трое и обнаружил, что весь город встревожен появлением чудовища, посланного морским богом Посейдоном. Зверь выбирался на берег и пожирал проходящих мимо людей. Прекрасная Гесиона, дочь местного царя, была прикована к скале в качестве искупительной жертвы, и посетивший город великий герой согласился спасти ее за определенное вознаграждение. В надлежащее время чудовище показалось на поверхности воды и разверзло свою огромную пасть. Геракл нырнул в его глотку, вспорол ему живот и покинул умирающего монстра.

Этот популярный мотив особо подчеркивает урок о том, что пересечение порога является формой самоуничтожения. Очевидно его сходство с легендой о Симплегадах, но в данном случае вместо того, что пройти вовне, за пределы известного мира, герой отправляется внутрь, чтобы родиться заново. Это исчезновение соответствует входу поклоняющегося в храм, где ему предстоит ожи- вотвориться воспоминаниями о том, кто он и что он, — а именно, ощутить себя прахом и пеплом, чтобы достичь бессмертия. Внутренняя часть храма, чрево кита и небесная страна за границами, над пределами и под поверхностью мира представляют собой одно и то же. Вот почему подходы и вход в храм обычно окружены и защищены колоссальными горгульями: драконами, львами, дьяволами-убийцами с обнаженными мечами, разъяренными гномами или крылатыми быками. Это стражи порога, которые отпугивают тех, кто не способен встретиться с высшим безмолвием внутри. Они являются предварительными воплощениями опасного аспекта охраняемой сущности и соответствуют мифологическим великанам, охраняющим границы обычного мира, или двум рядам зубов кита. Наличие стражей иллюстрирует тот факт, что в миг входа в храм верующий претерпевает метаморфозу: его мирская личность остается снаружи, он оставляет ее, как змея сбрасывает свою кожу. Когда он оказывается внутри, можно говорить, что он умер для времени и вернулся в Мировое Лоно, к Пупу Земли, в Земной Рай. Тот простой факт, что любой может физически миновать стражей храма, ничуть не умаляет их значимости, ибо если подобный незваный гость не способен заключить в себя все святилище, он, по сути, продолжает оставаться снаружи. Каждый, кто не может понять какого-либо бога, видит в нем зло, и потому на его пути возникают препятствия. Таким образом, с аллегорической точки зрения, вход в храм и проникновение героя сквозь челюсти кита являются

тождественными приключениями; на языке образов оба обозначают размещение жизни в центре, жизнеобновляющий поступок.

«Ни одно творение, — пишет Ананда Кумарасвами, — не может достичь высшей степени природы, избежав прекращения собственного существования»[59]. Действительно, физическое тело героя может быть в буквальном смысле убито, расчленено и развеяно по земле или в море, как в египетском мифе о спасителе Осирисе: брат Сет[60] сбросил его в саркофаг и предал волнам Нила, а когда Осирис восстал из мертвых, его брат вновь убил его, расчленил тело на четырнадцать частей и разбросал их по земле. Близнецам-Героям навахо пришлось пройти не только сталкивающиеся скалы, но и тростники, разрезающие путников на куски, кактусы, разрывающие в клочья, и бурлящие пески, которые засасывают их. Герой, чья привязанность к эго уже уничтожена, пересекает вперед и назад горизонты мира, входит внутрь дракона и выбирается наружу, с царственной легкостью проносится по всем комнатам своего дома. И в этом кроется его способность спасать, ибо его переход и возвращение показывают, что во всех противоположностях феноменальности остается Несотворенное- Непреходящее, и нет ничего, чего можно было бы бояться.

Именно поэтому во всем мире люди, функция которых заключалась в том, чтобы воплотить на земле жизнетворную загадку уничтожения дракона, разыгрывали своими собственными телами великое символическое действие, позволяя, подобно Осирису, разорвать свою плоть ради обновления мира. К примеру, во Фригии двадцать второго марта в честь умерщвленного и воскресшего спасителя Аттиса рубили сосну и вносили ее в святилище его матери, богини Кибелы. Там ствол окутывали, словно мертвое тело, деревянными прутьями и украшали венками из фиалок. К середине ствола привязывалось изображение этого юноши. На следующий день под рев труб проводилось ритуальное оплакивание. Двадцать четвертое марта именовалось Днем Крови: верховный жрец в качестве приношения выпускал из своей руки кровь; младшее духовенство кружилось в буйном танце, подобном танцу дервишей, под звуки барабанов, рогов, флейт и цимбал, до тех пор, пока, поглощенные экстазом, они не начинали наносить самим себе глубокие раны ножом, забрызгивая кровью алтарь и дерево; новички же, подражая богу, смерть и воскрешение которого они праздновали, кастрировали себя в истерическом экстазе[61].

Аналогичным образом, царь южноиндийской провинции Килакар в завершение двенадцатого года своего правления, ко дню торжественного празднества выстроил деревянный помост, украшенный шелковыми полотнами. После ритуального омовения он чрезвычайно торжественно, под звуки музыки, проследовал в храм и совершил поклонение божеству. Затем он поднялся на помост перед своим народом, вынул остро заточенные ножи и отрезал себе сперва нос, затем уши, губы и все остальные члены своей плоти, какие только можно было отсечь. Он разбрасывал их вокруг, пока не потерял столько крови, что начал слабеть; в завершение всего, он перерезал себе горло[62].

Рис. 5. Путешествие в Море Ночи. Иосиф в колодце; погребение Христа; Иона и кит

ГЛАВА II

ИНИЦИАЦИЯ

1. ДОРОГА ИСПЫТАНИЙ

После пересечения порога герой оказывается в области сновидения, среди возбуждающих любопытство текучих и неясных форм; здесь ему придется пережить ряд последовательных испытаний. Это — излюбленная фаза мифического путешествия. Она привела к появлению в мировой литературе описаний чудесных испытаний и тяжелых переживаний. Герою существенно помогают советы, амулеты и тайные посредники сверхъестественного помощника, с которым он встретился перед входом в эту область. Иногда оказывается, что именно здесь он впервые обнаруживает повсеместное присутствие благосклонной силы, поддерживающей его на этом сверхчеловеческом пути.

Одним из наиболее известных и самых чарующих примеров мотива «трудных задач» является *легенда о Психее, разыскивающей своего пропавшего возлюбленного Амура*[1]. *В этой истории все главные роли переставлены местами: вместо возлюбленного, пытающегося завоевать свою невесту, сама невеста отправляется на поиски возлюбленного, а вместо жестокого отца, препятствующего встрече дочери с любимым, в ней действует ревнивая мать, Венера, прячущая своего сына Амура от его любви. Когда Психея обращается с мольбой к Венере, богиня яростно хватает ее за волосы и швыряет лицом в землю, после чего смешивает в одну огромную кучу большое количество зерен пшеницы, ячменя, проса, мака, гороха, чечевицы и бобов и приказывает девушке рассортировать зерна до наступления ночи. Психее помогает целая армия муравьев. Затем Венера требует, чтобы она собрала золотую шерсть с опасных диких овец с острыми рогами и ядовитыми зубами, которые обитают в недоступной долине, окруженной полным опасностей лесом. Но зеленый тростник советует Психее собрать золотые клочья, оставляемые овцами, проходящими через камыши. В следующий раз богиня требует флягу с водой из замерзшего родника на высокой неприступной горе, путь на которую преграждают недремлющие драконы. Эту сложнейшую задачу ей помогает выполнить появившийся орел. Наконец Психее приказано принести из бездны царства мертвых ящик, наполненный сверхъестественной красотой. Но в высокой башне ей рассказывают, как проникнуть в*

подземный мир, дают ей монету для Харона и подачку для Цербера, после чего она спешит вниз.

Путешествие Психеи в подземный мир является лишь одним примером из бессчетного числа подобных приключений, предпринятых героями волшебных сказок и мифов. К наиболее рискованным из них можно отнести путешествия шаманов народов Крайнего Севера (саамов, жителей Сибири, эскимосов и некоторых племен американских индейцев), во время которых они пытаются найти и вернуть к жизни похищенную душу больного. Сибирский шаман облачается для этого путешествия в магическую одежду, делающую его похожим на птицу или северного оленя — на скрытый принцип самого шамана, форму его души. Его барабан становится его животным — его орлом, северным оленем или конем; говорят, что он летает на нем или ездит на нем верхом. Другим его помощником является палка, которую он держит в руках. Кроме того, его сопровождают сонмы незримых друзей.

Давний мореплаватель, побывавший у саамов, оставил нам яркое описание причудливого спектакля одного из этих странных лазутчиков в царство мертвых[2]. Поскольку тот мир является местом, где царит вечная ночь, ритуал шамана должен проходить после наступления ночи. В трепещущем, призрачном свете хижины больного собираются его друзья и соседи, которые старательно повторяют телодвижения колдуна. Сначала он призывает духов-помощников; те появляются, оставаясь невидимыми для всех, кроме шамана. Среди присутствующих находятся две женщины в ритуальных нарядах, неподпоясанные и в холщовых капюшонах, мужчина без капюшона и без пояса и совсем юная девушка. Шаман обнажает голову, распускает пояс и ремни на обуви, прикрывает лицо руками и начинает кружиться, совершая множество оборотов. Внезапно, сопровождая свои слова интенсивной жестикуляцией, он выкрикивает: «Седлайте оленя! Готовьтесь к плаванию!» Схватив топорик, он начинает ударять себя им по коленям и размахивать в направлении трех женщин. Он голыми руками выхватывает из очага горящие ветки. Он совершает три стремительных движения вокруг каждой женщины и, наконец, «словно мертвый» падает на пол. На протяжении всего ритуала никому не разрешено прикасаться к нему. Хотя он покоится в трансе, за ним наблюдают так внимательно, что даже муха не сможет коснуться его. Его дух улетел, и он созерцает священные горы, на которых живут боги. Присутствующие женщины перешептываются, пытаясь угадать, в какой части того мира он находится сейчас[3]. Если они правильно

назовут гору, шаман пошевелит рукой или ногой. Наконец он начинает возвращаться. Низким и слабым голосом он бормочет слова, которые услышал в подземном мире. Затем женщины начинают петь. Шаман медленно просыпается, оглашая как причину болезни, так и ту форму жертвоприношения, к которой следует прибегнуть. После этого он извещает о сроке, в течение которого больной поправится.

«В своем утомительном путешествии, — рассказывает другой наблюдатель, — шаману приходится столкнуться с множеством разнообразных препятствий *(пудак*), которые обычно очень нелегко преодолеть. После скитаний по темным лесам и переходов через огромные горные кряжи, где он время от времени обнаруживает кости других шаманов и их верховых животных, погибших по дороге, он достигает отверстия в земле. С этого места, когда перед ним открываются глубины подземного мира и их удивительные проявления, начинается самая трудная часть его путешествия. [...] После того как он умиротворяет стражников царства мертвых и прокладывает себе путь сквозь многочисленные опасности, он приближается, наконец, к Владыке Подземного Мира, самому Эрлику. Тот устремляется к шаману со страшным ревом, но если шаман оказывается достаточно искусным, он сможет успокоить чудовище обещаниями роскошных подношений. Это мгновение беседы с Эрликом является переломным моментом ритуала. Шаман приходит в экстаз»[4].

«У любого первобытного племени, — пишет доктор Геза Рохейм, — мы обнаруживаем в центре общества колдуна, и очень легко показать, что этот колдун — либо невротик, либо психотик; во всяком случае, его искусство основано на тех же механизмах, которые свойственны неврозу или психозу. Группы людей приводятся в действие их групповыми идеалами, а последние всегда основаны на младенческом состоянии»[5]. «Младенческое состояние видоизменяется или устраняется процессом созревания, затем вновь изменяется необходимостью приспособиться к рельности, и все же оно продолжает присутствовать и поддерживать те невидимые связи либидо, без которых не может существовать ни одна группа людей»[6]. Колдуны, следовательно, просто делают видимыми и доступными те системы символической фантазии, которые существуют в душе каждого взрослого члена общества. «Они являются ведущими младенческой игры и громоотводами всеобщего беспокойства. Они сражаются с демонами, чтобы остальные могли охотиться на дичь и, в целом, вести бой с реальностью»[7].

Таким образом, каждый — и в любом обществе, — кто предпринимает рискованное путешествие во тьму и нисходит, намеренно или непреднамеренно, в искривленные земли собственного духовного лабиринта, очень скоро обнаруживает себя в окружении символических фигур (любая из которых способна поглотить его), не менее внушительных, чем дикий сибирский мир *пудак* и священных гор. В лексиконе мистиков это именуется второй стадией Пути, периодом «самоочищения», во время которого чувства «прочищаются и покоряются», а энергия и интересы «сосредоточиваются на трансцендентальном»[8]; если же обратиться к более современному словарю, то это процесс растворения, преодоления или превращения младенческих образов нашего личного прошлого. По ночам в своих сновидениях мы по-прежнему встречаем извечные опасности, горгулий, испытания, тайных помощников и наставников, и в их формах мы можем увидеть отражение не только полной картины своего текущего настоящего, но и намеки на то, что нам следует сделать, чтобы быть спасенными.

«Я стоял перед темным лесом, и мне хотелось войти в него, — так начинается сон пациента в начале его курса психоанализа, — но я содрогался от самой мысли о том, что не сумею найти дорогу назад»[9]. «Чудовища являлись мне одно за другим, — записал Эммануэль Сведенборг в своем дневнике сновидений ночью с 19 на 20 октября 1744 года, — и они расправляли крыла и были драконами. Я парил над ними, но одно из них поддерживало меня»[10]. Столетие спустя (13 апреля 1844) драматург Фридрих Геббель записал: «Во сне какая-то огромная сила несла меня через море; там были пугающие бездны, и то здесь, то там возникала скала, на которой можно было бы удержаться»[11]. Фемистоклу приснилось, как змея обвилась вокруг его тела, затем подползла к шее и, едва только коснувшись его лица, обратилась орлом, который зажал его в когтях и, подняв ввысь, перенес на очень большое расстояние, после чего опустил его на внезапно появившийся золотой посох глашатая — настолько осторожно, что Фемистокл мгновенно избавился от своего огромного волнения и страха .

Особые психологические трудности сновидящего часто раскрываются с трогательной простотой и силой:

«Мне нужно было подняться на гору. На пути были всевозможные препятствия. Мне приходилось то перепрыгивать через ров, то перебираться через изгородь, и в конце концов я остановился на месте, задыхаясь». Это был сон заики[13].

«Я стоял у озера, которое казалось совершенно спокойным. Буря началась внезапно, на воде возникли огромные волны, и все мое лицо было покрыто брызгами». Это сон девушки, у которой была боязнь проявлений смущения; когда она смущалась, ее лицо становилось влажным от пота[14].

«Я шел по темной улице за девушкой, идущей впереди меня. Я смотрел на нее сзади и восхищался ее прекрасной фигурой. Меня охватило сильное желание, и я побежал за ней. Неожиданно, словно под действием какой-то пружины, улицу пересекла балка, преградившая мне путь. Я проснулся с сильным сердцебиением». Пациент был гомосексуалистом; поперечная балка представляла собой фаллический символ[15].

«Я сел в машину, но обнаружил, что не умею ее водить. Сидящий позади человек давал мне указания. Наконец я справился с управлением, и мы выехали на площадь, на которой стояло очень много женщин. Меня с огромной радостью встречала мать моей невесты». Этот человек был импотентом, но нашел себе помощника — психоаналитика[16].

«В ветровое стекло моей машины попал камень. Теперь я оказалась открытой буре и дождю. Слезы текли из моих глаз. Смогу ли я добраться до места назначения в этой машине?» Этот сон приснился молодой женщине, потерявшей свою девственность и не способной смириться с этим[17].

«Я увидел, что на земле лежит половина лошади. У нее был только один бок, и она пыталась подняться, но не могла». Пациент был поэтом, но зарабатывал себе на жизнь в качестве журналиста[18].

«Меня укусил младенец». Пациент страдал психосексуальной инфантильностью[19].

«Меня и моего брата заперли в темной комнате. У него в руке большой нож. Я боюсь его. "Ты сведешь меня с ума и отправишь в сумасшедший дом", — говорю я ему. Он смеется со злобным удовольствием и отвечает: "Тебе никогда не уйти от меня. Мы оба скованы одной цепью". Я смотрю на свои ноги и впервые замечаю, что меня и брата соединяет толстая железная цепь». Брат, согласно комментарию доктора Штекеля, олицетворяет болезнь пациента[20].

«Я иду по узкому мосту, — снится шестнадцатилетней девушке. — Внезапно он обрушивается подо мной, и я падаю в воду. За мной ныряет полицейский и на своих сильных руках выносит меня на берег. Мне неожиданно начинает казаться, что я уже умерла. Полицейский тоже становится бледным, как мертвец»[21].

«Во сне человек оказывается абсолютно заброшенным и одиноким в глубоком погребе. Стены комнаты начинают смыкаться и становятся все теснее, так что он уже не может пошевелиться». В этом образе совмещаются идеи материнского лона, лишения свободы, тюремной камеры и могилы[22].

«Мне снилось, что я иду по бесконечному коридору. Потом я очень долгое время оставался в небольшой комнате, которая выглядела как бассейн в бане. Меня заставили выбраться из бассейна, и я опять пошел по сырой и скользкой шахте, пока не вышел сквозь маленькую решетчатую дверь на открытое пространство. Я чувствовал себя словно заново рожденным и подумал: "Это означает мое духовное перерождение благодаря психоанализу"»[23].

Нет никаких сомнений: психологические опасности, которые более ранние поколения человечества преодолевали под руководством символов и духовных практик своего мифологического и религиозного наследия, нам приходится встречать сегодня в одиночестве (поскольку мы являемся неверующими, а если даже и верующими, то унаследованные нами верования не представляют собой реальных проблем современной жизни) или, в лучшем случае, с помощью неопытных, импровизированных и чаще всего не очень эффективных наставников. В этом заключается наша проблема — проблема современных "просвещенных" личностей, рациональность которых отказала в существовании всем богам и демонам [24]. Однако в большинстве мифов и легенд, которые дошли до наших дней и были собраны со всех концов Земли, можно увидеть нечто, очерчивающее наш по-прежнему общечеловеческий путь. Но чтобы услышать его и воспользоваться им, человеку необходимо подчиниться очищению и самоотречению. Такова часть нашей проблемы: как именно это сделать? «Или вы думали, что войдете в рай, когда к вам еще не пришло подобное тому, что пришло к прошедшим до вас?»[25]

Древнейшим из письменных описаний прохождения во врата метаморфозы является шумерский миф о нисхождении богини Инанны в подземный мир.

С Великих Небес к Великим Недрам помыслы обратила.
Богиня с Великих Небес к Великим Недрам помыслы обратила.
Инанна с Великих Небес к Великим Недрам помыслы обратила.
Моя госпожа покинула небо, покинула землю, в нутро
земное она уходит.
Инанна покинула небо, покинула землю, в нутро земное она уходит.

Жреца власть покинула, жрицы власть покинула, в нутро
земное она уходит.

Она облачилась в одеянья и украшения владычиц. Семь тайных сил она собрала. Она готова войти в «страну без возврата», в подземный мир смерти и тьмы, владыкой которого является ее враг и сестра, богиня Эрешкигаль. Боясь, что сестра убьет ее, Инанна дает Ниншубуру, своему послу, указание отправиться на небеса и оплакивать ее в дни собраний в храме богов, если она не вернется через три дня.

Инанна спускается и приближается к лазурному храму, у ворот которого встречается с главным стражем, желающим знать, кто она и зачем пришла. «Я — звезда солнечного восхода!» — отвечает она. «Если ты — звезда солнечного восхода, — говорит он, — зачем пришла к "стране без возврата"? Как твое
сердце послало тебя на путь, откуда нет возврата?» Инанна заявляет, что она явилась, чтобы совершить погребальные обряды над телом владыки Гугальан- ны, мужа ее сестры; и тогда Нети, привратник, просит ее подождать, пока он не доложит о ее приходе Эрешкигаль. Нети получает указание растворить для владычицы небес семь врат, но придерживаться при этом обычая и вынудить ее оставить у каждых врат часть ее одеяний.

Светлой Инанне молвит так: «Войди же, Инанна!»
И у нее, когда она вошла, Венеи, Эдена,
«Шугур», снял с головы. «Что это, что?»
«Смирись, Инанна, всесильны законы подземного мира! Инанна, во время обрядов подземного мира молчи!» И когда вошла во вторые ворота. Знаки владычества и суда у нее отобрал. «Что это, что?»
«Смирись, Инанна, всесильны законы подземного мира! Инанна, во время обрядов подземного мира молчи!» И когда вошла она в третьи ворота. Ожерелье лазурное с шеи снял. «Что это, чтоР»
«Смирись, Инанна, всесильны законы подземного мира! Инанна, во время обрядов подземного мира молчи!» И когда вошла в четвертые ворота. Двойные подвески с груди ее снял. «Что это, чтоР»
«Смирись, Инанна, всесильны законы подземного мира! Инанна, во время обрядов подземного мира молчи!» И когда в пятые вошла ворота. Золотые запястья с рук ее снял. «Что это, что?»

«Смирись, Инанна, всесильны законы подземного мира! Инанна, во время обрядов подземного мира молчи!» И когда вошла в шестые ворота. Сетку «Ко мне, мужчина, ко мне» с груди ее снял. «Что это, что?»

«Смирись, Инанна, всесильны законы подземного мира! Инанна, во время обрядов подземного мира молчи!» И когда в седьмые вошла ворота, Повязку, одеянье владычиц, с бедер снял.

«Что это, что?»

«Смирись, Инанна, всесильны законы подземного мира! Инанна, во время обрядов подземного мира молчи!»

Обнаженная, она приблизилась к трону. Семь судей подземного мира, анун- наков, сидели перед троном Эрешкигаль:

На Инанну взглянули — взгляд их смерть!

Слова изрекли — в словах их гнев!

Ту, что вошла, обратили в труп.

Труп повесили на крюк[26].

Инанна и Эрешкигаль, две сестры, светлая и темная соответственно, представляют собой, согласно античной традиции символизма, два аспекта одной богини, а их противостояние кратко описывает полное восприятие всего трудного пути испытаний. Герой, бог или богиня, мужчина или женщина, персонаж мифа или видящий сон, открывает и вбирает в себя свою противоположность (собственное «Я», о существовании которого он не подозревал) либо проглатывая ее, либо будучи проглоченным им. Одно за другим разрушаются все противодействия. Герой должен отбросить свою гордость, добродетель, красоту и жизнь и склониться или подчиниться совершенно нестерпимому. И тогда он обнаруживает, что он и его противоположность относятся не к разному роду, но к единой плоти[27].

Суровость этого испытания усугубляется проблемой первого порога, что вновь делает насущным вопрос: способно ли эго уничтожить самое себя? Ибо многоголовой является эта надвигающаяся Гидра; отрубишь одну голову — появляются две; и так до тех пор, пока изувеченные обрубки не начнут прижигать кислотой. Первоначальный исход в земли испытаний является всего лишь началом долгого и, воистину, опасного пути побед посвящения и мгновений озарения. Теперь предстоит убивать драконов и преодолевать

неожиданные преграды — вновь, вновь и вновь. Но это означает одновременно и множество промежуточных побед, незабываемых экстатических состояний и кратковременных прозрений, позволяющих увидеть чудесные земли.

2. ВСТРЕЧА С БОГИНЕЙ

Последнее приключение, происходящее после того, как все преграды преодолены, а великаны побеждены, обычно представляется в форме мистического бракосочетания триумфальной души героя с царственной Богиней Мира. Это кризисное событие происходит в надире, зените или на ином наиболее отдаленном крае земли, в центральной точке космоса, под сводом храма или во тьме глубочайших покоев сердца.

На западе Ирландии до сих пор рассказывают историю принца Уединенного Острова и Королевы Таббер Тинтай. *Надеясь исцелить королеву Эриу, отважный юноша отправляется за тремя бутылями воды из Таббер Тинтай, пылающего волшебного колодца. Последовав совету сверхъестественной тетки, встреченной им по пути, и оседлав странную, грязную и тощую косматую лошаденку, которую она ему подарила, он пересекает огненную реку и избегает прикосновения смертельно ядовитых деревьев. Конь со скоростью звука приносит его к задворкам замка Таббер Тинтай; принц скатывается с его спины в открытое окно и осторожно и незаметно спускается вниз.*

«Все необъятное по размерам пространство было заполнено гигантами и чудовищами моря и земли — огромными китами, длинными скользкими угрями, медведями и другими животными всех форм и видов. Принц ходил среди них, пока не нашел огромную лестницу. Он спустился по лестнице и вошел в покои, где обнаружил самую прекрасную женщину из всех, кого ему когда-либо доводилось видеть, спящую на ложе. "Мне нечего сказать ей", — подумал он и отправился в следующую комнату; так он обошел двенадцать покоев. В каждом из них была женщина, и одна была краше другой. Но когда он подошел к тринадцатой комнате и приоткрыл дверь, его глаза чуть не ослепли от золотого сияния. Он подождал, пока к нему не вернулось зрение, а затем вошел внутрь. В огромных сверкающих покоях стояло золотое ложе, опирающееся на колеса из золота. Колеса непрестанно вращались, и ложе двигалось по кругу, не останавливаясь ни днем, ни ночью. В постели лежала Королева Таббер Тинтай — и если те двенадцать дев были прекрасными, то они не были бы прекрасными рядом с ней. В ногах ложа располагался сам Таббер Тинтай — колодец огня. Он был прикрыт золотым покрывалом и непрерывно перемещался вместе с ложем Королевы.

"Клянусь, — сказал принц, — я немного передохну здесь". И он взошел на ложе и не покидал его шесть дней и ночей» .

Госпожа Спящего Дома — персонаж, уже знакомый нам по мифам и волшебным сказкам. Мы уже говорили о ней в образах Брунхильды и Шиповнич- ка[29]. Она является образцом совершенства среди совершенств красоты, ответом на все желания, источающей блаженство целью любого героя в его земных или неземных поисках. Она мать, сестра, возлюбленная, невеста. Что бы на земле ни манило, что бы ни казалось обещающим радость, все это предваряет ее существование — и если не в городах или лесах мира, то в глубинах сновидения. Ибо она является воплощением обещания совершенства, заверением человеческой души в том, что, в завершение ее изгнания в мир органических несоответствий, эта душа вновь познает однажды познанное блаженство: успокаивающую, кормящую, «добрую» мать — юную и прекрасную, — которую мы знали и, в буквальном смысле, вкушали в далеком прошлом. Время отгородило ее от нас, и все же она безмолвно, словно та, кто спит в безвременьи, обитает на дне вечного океана.

Вспоминаемый образ не является, впрочем, исключительно милостивым, поскольку существует и «плохая» мать: **1)** отсутствующая, недосягаемая мать, в адрес которой направляются агрессивные фантазии и из-за которой возникает боязнь обратной агрессии; **2)** мешающая, запрещающая и наказывающая мать; **3)** мать, удерживающая возле себя подрастающего ребенка, которому хочется оттолкнуть ее; и наконец, **4)** желаемая, но запретная мать (эдипов комплекс), присутствие которой вызывает опасные желания (комплекс кастрации). Такая «плохая» мать тоже продолжает существовать в скрытых землях детских воспоминаний взрослого человека и временами даже становится доминирующей. Она является корнем таких недостижимых образов великих богинь, как целомудренная и внушающая страх *Диана; полное уничтожение юного охотника Актеона демонстрирует, какой заряд ужаса содержится в подобных символах сдерживаемых желаний разума и тела.*

Актеону довелось увидеть опасную богиню в полдень, в тот роковой миг, когда солнце прекращает свое живое и мощное восхождение и начинает величественно двигаться к смерти. Он оставил своих спутников вместе с их приученными к крови псами, отдыхающими после утренней охоты на дичь, и, без каких-либо сознательных намерений, отправился побродить в ближайший лес, отклонившись от знакомых

охотничьих угодий и полей. Он обнаружил дол, густо поросший кипарисами и соснами и с любопытством проник в этот оплот. Внутри он нашел грот, в котором нежно журчал родник, превращающийся в поросший травами пруд. Этот уединенный уголок был прибежищем Дианы, и в это время она, полностью обнаженная, купалась со своими нимфами, сложив на берегу свое охотничье копье, колчан, ненатянутый лук, сандалии и платье. Одна из обнаженных нимф собирала ее косы в узел, остальные же обливали ее водой из вместительных урн.

Когда в это чудесное убежище ворвался блуждающий молодой мужчина, поднялся пронзительный визг страха, и нимфы окружили свою хозяйку, пытаясь скрыть ее от взгляда непосвященного. Но ее плечи и голова возвышались над ними. Юноша уже увидел ее и продолжал смотреть. Она метнула взгляд на свой лук, но тот был вне пределов досягаемости, и тогда она схватила то, что оказалось под рукой, воду, и плеснула ее в лицо Актеона. «Теперь, если захочешь, можешь рассказывать, — яростно крикнула она ему, — что видел богиню обнаженной».

Ил. V. Богиня Сехмет

(Египет)

На его голове выросли оленьи рога. Его шея стала большой и длинной, а кончики ушей заострились. Его руки и ноги удлинились и превратились в ноги оленя, а ладони и ступни — в копыта. Испуганный, он принялся бежать, поражаясь, что способен передвигаться так быстро. Но когда он остановился, чтобы перевести дыхание и выпить воды, и узрел в чистом пруду свое отражение, он в ужасе отшатнулся.

Ил. VI. Медуза (Древний Рим)

Актеону была уготовлена страшная судьба. Его собственные гончие, почуявшие запах крупного оленя, неслись к нему среди деревьев. Испытав мгновенную радость при их появлении, он замешкался, но потом испугался и бросился бежать. Свора мчалась следом и постепенно настигала его. Когда они начали кусать его за ноги, а бегущая впереди гончая укусила его за бок, он попытался выкрикнуть их имена, но звуки, вырвавшиеся из его горла, были нечеловеческими. Псы пригвоздили его своими клыками. Он рухнул на землю, и его собственные спутники, поощряя собак криками, прибыли как раз вовремя для того, чтобы нанести ему завершающий смертельный удар. Гнев Дианы, наблюдавшей за погоней и смертью, был утолен[30].

Мифологический образ Всеобщей Матери приписывает космосу женские качества первоначальной, питающей и оберегающей сущности. Эта фантазия возникает совершенно непроизвольно, поскольку существует тесное и очевидное соответствие между отношением младенца к своей матери и отношением взрослого к окружающему

материальному миру[31]. Однако в многочисленных религиозных традициях существует сознательно контролируемое педагогическое использование этого архетипического образа, целью которого является очищение, уравновешивание и посвящение разума в природу наблюдаемого мира.

В тантрических текстах средневековой и современной Индии обитель богини именуется Мани-двипа, «Остров Драгоценностей»[32]. Там, в роще исполняющих желания деревьев, стоит ее ложе-трон. Берега острова усыпаны золотыми песками. Они омываются тихими водами океана нектара бессмертия. Богиня озарена красным светом огня жизни; солнечная система, галактики безбрежного пространства, все они обращаются в ее лоне, ибо она — сотворительница мира, вечная мать, вечная дева. Она вмещает в себя всеобъемлющее, питает питающее и является жизнью во всем живом.

Она, кроме того, и смерть всего умирающего. Полный круг существования, от рождения через юность, зрелость и старение — до могилы, совершается под ее управлением. Она и утроба, и гробница, свинья, поедающая свой помет поросят. Поэтому она объединяет в себе «хорошее» и «плохое», олицетворяя двуликость матери в воспоминаниях — не только в личных, но и во всеобщих. Подлинно верующий должен созерцать оба ее проявления с равным самообладанием. Благодаря этому его дух очищается от младенческих, неуместных сентиментальных и негодующих настроений, а разум открывается этой непостижимой сущности, существующей вне «хорошего» и «плохого» — вне категорий, порождаемых детскими удобствами человека, его радостями и горестями, — но как закон и образ природы бытия.

Великий индийский мистик прошлого века Рамакришна (1836—1886) был священником храма в Дакшинесваре, пригороде Калькутты, возведенного не так давно в честь Космической Матери. Облик храма отображает это божество одновременно в двух ее аспектах — ужасающем и милостивом. Четыре руки являются символом ее всеобщей власти: верхняя левая рука потрясает кровавой саблей, нижняя левая удерживает за волосы отрубленную человеческую голову; верхняя правая рука приподнята в жесте «не бойся», а нижняя правая протянута вперед, вознаграждая благами. Шея ее украшена ожерельем из человеческих голов, юбкой служит пояс из человеческих рук, длинный язык выброшен наружу, чтобы слизывать кровь. Она — Космическая Сила, полнота Вселенной, гармония всех пар противоположностей, удивительным образом совмещающая в себе ужас полного уничтожения и безличное, но все же материнское утешение.

Как символ перемены, реки времени, изменчивости жизни, эта богиня одновременно созидает, сохраняет и разрушает. Ее имя — Кали, Черная; ее титул — Переправа через Океан Существования[33].

Однажды в тихое послеобеденное время Рамакришна узрел прекрасную женщину, вышедшую из Ганга и приблизившуюся к роще, где он пребывал в медитации. Он заметил, что она очень скоро должна будет подарить жизнь ребенку. В этот же миг ребенок родился, и женщина начала нянчить его. Но вскоре, однако, ее внешность стала ужасающей, она схватила дитя своей уродливой пастью и сожрала его. Проглотив ребенка, она вновь вернулась в Ганг и исчезла в его водах .

Только гений, обладающий высочайшим осознанием, способен выдержать полное откровение величия этой богини. Для неразвитого она сокращает свою лучезарность и проявляется в формах, согласующихся с ее низшими силами. Открытое созерцание ее стало бы для любого духовно неподготовленного человека ужасным событием, подобным тому, которое произошло с сильным юным оленем Актеоном. Он был не святым, а простым охотником, неподготовленным к той форме, которую следует наблюдать вне обычных человеческих (то есть инфантильных) оттенков и полутонов желания, удивления и страха.

В описательном языке мифологии женщина олицетворяет полноту всего, что может быть познано. Герой является тем, кто отправляется за знаниями. По мере того как он продвигается в своей постепенной инициации — жизни, — форма, которую эта богиня принимает для него, претерпевает ряд преображений: она никогда не может стать большей, чем он сам, хотя всегда обещает большее, чем то, что он сейчас способен постичь. Она искушает, она направляет, она повелевает ему разорвать его оковы. И если он окажется способным познать ее суть, эти двое, познающий и познаваемое, будут освобождены от любых ограничений. Женщина представляет собой проводника к возвышенной кульминационной точке чувственного путешествия. Перед несовершенными очами она опускается до низших состояний; чары злобного взора невежества сводят ее к пошлости и уродству. Но она спасается глазами понимания. Герой, способный принять ее такой, какая она есть, без неуместного смятения, но с той добротой и уверенностью, какой она требует, обретает потенциальные способности царя, воплощенного бога созданного ею мира.

Рассказывают, к примеру, историю о пяти сыновьях ирландского короля Эохайда, о том, как *однажды, во время охоты, они обнаружили, что заблудились, и нигде не могли найти выхода. Страдая от жажды, они по очереди отправлялись на поиски воды. Первым пошел Фергус «и наконец вышел к колодцу, который стерегла старуха. Вот каков был ее облик. С головы до ног каждый сустав ее был чернее угля; словно хвост дикой лошади, росли серые растрепанные волосы у нее на темени. Зеленую ветвь дуба разгрызли бы ее зеленые зубы, что шли у нее во рту от уха до уха. Темные глаза были у нее и изогнутый скрюченный нос. Разъеденной была у нее середина тела, а бедра кривые и вывернутые. Толстыми были ее лодыжки, огромными колени, а ногти были зеленого цвета. Ужасным был ее вид. "Что ж", — сказал юноша. "Так-то", ответила старуха. "Ты охраняешь колодец?" — спросил он. "Воистину так", отвечала она. "Можно ли мне взять немного воды?" — спросил юноша. "Разрешу я тебе, — сказала старуха, — если ты поцелуешь меня в щеку". "Нет!" ответил Фергус. "Тогда не получишь ты от меня воды", — сказала старуха. "Слово мое порукой, — молвил юноша, — что уж лучше пусть я погибну от жажды, чем поцелую тебя!" Потом он вернулся к тому месту, где ждали братья, и сказал им, что не нашел воды».*

После этого на поиски отправлялись Айлиль, Бриан и Фиахра, и все они находили тот самый колодец. Каждый просил у старухи воды, но отказывался поцеловать ее.

«Тогда пошел искать воду Ниалл и набрел на тот же колодец. "Дай мне воды, о женщина!" — сказал он. "Изволь, — сказала она, — но сначала поцелуй меня". "Я поцелую тебя и возлягу с тобой", — отвечал ей Ниалл. Потом он опустился на землю подле старухи и поцеловал ее. Когда же поднял он на нее глаза, то увидел девушку, прекраснее которой не найти в целом свете. Белым, словно снег в борозде, было ее тело сверху донизу. Мягкие, поистине королевские были у нее руки, длинные тонкие пальцы и стройные дивные икры. Сандалии из светлой бронзы были между ее мягкими белоснежными ногами и землей. Был на ней плащ драгоценный пурпурного цвета, что скрепляла блестящая серебряная заколка. Словно жемчуг, сверкали ее зубы, прекрасны были ее большие королевские глаза и красные, словно рябина, губы. "Не наглядишься на тебя, о женщина!" — молвил Ниалл. "Воистину так", — отвечала она. "Кто ты?" — спросил юноша. "Я — Власть", — сказала она, а потом пропела:

"О король Тары! Я Власть" [...]

"Иди теперь к своим братьям, — сказала женщина, — и возьми с собой воду. С этой поры вовеки пребудет власть у тебя и твоего потомства [...] Какой увидел ты меня прежде, ужасной, в зверином обличье и дикой, такова и власть, ибо редко достается она без сражений и распрей, но для кого-то оборачивается прекрасной и доброй"»[35].

Действительно ли королевская власть такова? Такова сама жизнь. Богиня, охраняющая неисчерпаемый колодец — находит ее Фергус, Актеон или принц Уединенного Острова, — требует, чтобы герой был наделен тем, что трубадуры и миннезингеры называли «кротким сердцем». Ее невозможно постичь и надлежащим образом угодить ей ни животными желаниями Актеона, ни утонченным отвращением таких людей, как Фергус, но только кротостью: *aware* («кроткое сочувствие»), как называли это в изысканной романтической поэзии Японии X—XII веков.

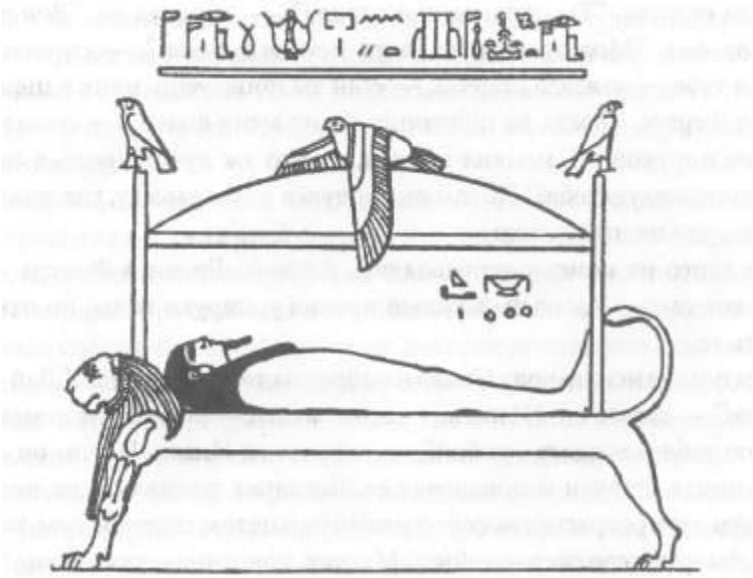


Рис. 6. Исида в облике сокола присоединяется к Осирису в подземном мире

В кротком сердце укрывается Любовь,
Как птицы под зеленой сенью рощи.
В мироустройстве: прежде сердца кроткого
Любви быть не могло: но не было и сердца прежде любви.
Ибо лишь вместе с солнцем в миг единый
Является и свет, и он не мог родиться прежде солнца.
Так и Любовь берет свое начало в кротости
Глубин души: хотя воспламеняет
В этих глубинах жаркое тепло

Встреча с богиней (воплощенной в каждой женщине) является последней проверкой способности героя завоевать дар любви (милосердия: *amor fati),* которым сама жизнь наслаждается как вместилищем вечности.

С этой точки зрения, в том случае, когда путешественник является не юношей, а девушкой, она сама является той, кто, благодаря своим качествам, красоте или острой тоске, способна стать спутницей бессмертного. Тогда ее небесный супруг нисходит к ней и провожает ее к своему ложу — желает она того или нет. Но если она избегала его, то пелена спадает с ее глаз; если она искала его, ее желание удовлетворяется.

Девочку из племени арапахо, которая поднялась вслед за дикобразом на высокое дерево, привлекло к лагерю народа небес. Там она стала женой небесного юноши. Именно он в облике соблазнительного дикобраза вовлек ее в свой сверхъестественный родной мир.

На следующий день после своего приключения у колодца королевская дочь из волшебной сказки услышала тяжелые удары в дверь замка: лягушка явилась требовать от нее исполнения обещания. И, несмотря на ее огромное отвращение, лягушка сидела рядом с ней за столом, ела из ее золотой тарелки и пила из ее чашки и даже настаивала на том, чтобы спать вместе с ней в маленькой шелковой постели. В приступе раздражения девочка схватила лягушку с пола и ударила об стену. Когда лягушка упала на пол, она была уже королевским сыном с добрыми и прекрасными глазами. Затем история рассказывает о том, как они обвенчались, а потом роскошная карета отвезла их в царство принца, где они стали королем и королевой.

Еще один пример: когда Психея завершила все свои труднейшие задачи, сам Юпитер одарил ее глотком эликсира бессмертия, с тем чтобы она навеки оставалась соединенной со своим возлюбленным Купидоном в рае совершенных форм.

Греко-католическая и Римско-католическая церкви празднуют ту же мистерию на праздник Успения:

«Дева Мария вознесена в брачный чертог небесный, где Царь Царей восседает на звездном престоле.

О Дева Премудрая, камо грядеши, лучезарная, аки утренняя звезда? Вся Ты краса и услада, Дщерь Сиона, блага, яко луна, избранна, яко солнце»[37].

3. ЖЕНЩИНА КАК ИСКУСИТЕЛЬНИЦА

Мистический брак с царственной богиней мира олицетворяет полное торжество героя над жизнью, ибо женщина есть жизнь, а герой, познавший ее, — ее хозяин. Проверки

героя, предварительные испытания перед его окончательным подвигом, символически представляют собой те кризисы осознания, посредством которых его сознание расширяется и оказывается способным выдержать полное обладание матерью-разрушительницей, его неизбежной невестой. При этом он постигает, что является единым со своим отцом; он занимает место отца.

Выраженная в таких отстраненных категориях, эта идея может казаться далекой от проблем обычных человеческих созданий. Однако любое поражение в столкновении с жизненными ситуациями может быть сведено, в конечном итоге, к какому-либо ограничению сознания. Войны и вспышки гнева являются заменителями, порождаемыми неведением; сожаления представляют собой прозрения, наступившие слишком поздно. Весь смысл повсеместного мифа о переходе героя заключается в том, что ему предназначено служить общей моделью для мужчин и женщин, когда бы им ни приходилось перемещаться на новый уровень. По этой причине эта модель выражается в самых широких понятиях. Личности необходимо лишь определить свое собственное положение в этой общечеловеческой формуле, а затем позволить схеме помочь ему преодолеть окружающие стены. Кто его людоеды и где они обитают? Они — отражения неразрешенных загадок его собственной человечности. Что представляют собой его собственные идеалы? Это признаки его восприятия жизни.

В кабинете современного психоаналитика эти стадии путешествия героя вновь становятся явными благодаря сновидениям и галлюцинациям пациента. С помощью психоаналитика, исполняющего роль помощника, посвящающего жреца, измеряются бездны, кроющиеся за глубиной незнания самого себя; и, после первых колебаний, предшествующих вступлению на этот путь, это приключение непременно превращается в путешествие к темным, ужасным, отвратительным и фантасмагорическим страхам.

Любопытное затруднение заключается в факте, что представления нашего сознания о том, какой должна быть жизнь, очень редко соответствуют ее реалиям. В целом, мы отказываемся признать в самих себе или в своих друзьях полноту той настоятельной, самозащищающей, зловонной, плотоядной и распутной лихорадки, которая является самой природой органической клетки. Скорее, мы склонны навязывать ей благоухание, отбеливать и ложно истолковывать ее, воображая тем временем, что все ложки дегтя в бочке меда, любые мухи в тарелке с супом являются чужой виной, проступком какого-то неприятного типа.

Но когда нашему вниманию беспричинно или под влиянием силы обстоятельств открывается то, что все, о чем мы думаем и что делаем, неизменно заражено запахом плоти, человек нередко испытывает приступ отвращения: жизнь, проявления жизни, проводники жизни — особенно женщины как великий символ жизни — становятся нестерпимы для чистой, очень чистой, невероятно чистой души.

О, если б этот плотный сгусток мяса Растаял, сгинул, изошел
росой! Иль если бы Предвечный не уставил Запрет самоубийству!
Боже! Боже!

Так восклицал великий представитель своего времени Гамлет.

Каким докучным, тусклым и ненужным Мне кажется все, что ни
есть на свете! О, мерзость! Это буйный сад, плодящий Одно лишь
семя; дикое и злое В нем властвует. До этого дойти

Невинное наслаждение Эдипа при первом обладании супругой сменяется агонией духа, когда он узнает, кто эта женщина. Как и у Гамлета, его проблема связана с моральным образом отца. Подобно Гамлету, он переводит взор с прекрасных черт мира к поискам тьмы царства, высшего, чем мир его одержимой кровосмешением и прелюбодеянием, расточительной и неисправимой матери. Ищущий жизнь за пределами жизни обязан прорваться мимо такой матери, превзойти искушение ее призыва и воспарить к незапятнанной запредель- ности небес.

И многократно, ясно бог воззвал: «Эдип, Эдип, что медлишь ты
идти? И так уже ты запоздал намного!»

Там, где душу продолжает осаждать подобное отвращение Эдипа-Гамлета, мир, тело и, прежде всего, женщина становятся символами не победы, но поражения. Такая монашески-пуританская, мироотрицающая этическая система радикально и незамедлительно преображает все образы мифа. Герой уже не может невинно покоиться рядом с богиней во плоти, ибо она становится владычицей греха.

«До тех пор пока человек обеспокоен своим трупоподобным телом, — пишет индийский монах Шанкарачарья, — он не чист и страдает от своих врагов в той же степени, как от рождения, болезней и смерти; но когда он думает о самом себе как о чистоте, как о сущности Добра и Неизменности, он становится освобожденным. [...] Отбросьте прочь это ограничение тела, инертное и грязное по своей природе. Не думайте о нем более. Ибо

воспоминания о чем-то извергнутом (ибо вам следует извергнуть свое тело) могут вызывать в разуме лишь отвращение»[40].

Эта точка зрения знакома Западу по жизни и писаниям святых.

«Когда святой Петр заметил, что его дочь Петронилла слишком прекрасна, он получил от Господа одобрение на то, чтобы она заболела лихорадкой. Затем, однажды, когда рядом с ним были его ученики, Тит сказал ему: "Ты, который исцеляет все недуги, почему ты не поправишь здоровья Петронилле, чтобы она могла встать с постели?" И Петр ответил ему: "Потому что я доволен тем состоянием, в котором она сейчас". Это ни в коей мере не означало, что он не способен был исцелить ее; ибо, сразу после того он обратился к ней: "Встань,

Петронилла, и поспеши прислужить нам". Излеченная девушка поднялась и пришла прислуживать им за столом. Но, как только она закончила, отец сказал ей: "Петронилла, вернись в постель!" Она возвратилась и сразу же снова была охвачена лихорадкой. И позже, после того, как она достигла совершенства в своей любви к Богу, ее отец восстановил в ней прекрасное здоровье.

В то время благородный муж по имени Флакк, пораженный ее красотой, пришел просить ее руки. Она ответила: "Если желаешь взять меня в жены, пришли молодых девушек, чтобы они провели меня в твой дом!" Когда же девушки прибыли, Петронилла пребывала в посте и молитвах. Причастившись, она легла на постель и через три дня отдала душу Господу»[41].

«Будучи ребенком, святой Бернар Клервосский страдал от головных болей. Однажды к нему пришла молодая женщина; она хотела облегчить его страдания своим пением. Но возмущенный ребенок вытолкнул ее из комнаты. И Господь наградил его за подобное рвение, ибо он немедленно поднялся с постели и был исцелен.

Тогда древнейший враг человеческий, увидев, что маленький Бернар обладает столь благотворным предрасположением, начал изо всех сил напрягаться и расставлять ловушки его целомудрию. Однако после того как однажды юноша оказался под воздействием дьявольского подстрекательства и слишком долго смотрел на женщину, он залился краской стыда и, наказывая самого себя, вошел в ледяную воду пруда, где оставался до тех пор, пока не промерз до костей. В другой раз, когда он спал, к его постели приблизилась обнаженная девушка. Осознав ее присутствие, Бернар молча

сдвинулся с той части кровати, на которой лежал, перекатился на другую половину и вернулся ко сну. Это несчастное создание прибегло к ласкам и поглаживаниям, но затем она была охвачена, вопреки своему бесстыдству, таким стыдом, что вскочила и убежала, исполненная отвращением к себе и восхищением этим молодым человеком.

И еще раз, когда Бернар со своими друзьями пользовались однажды гостеприимством дома одной богатой госпожи, та, поразившись его красотой, была охвачена страстным желанием провести с ним ночь. Ночью она поднялась со своей постели, пришла в его комнату и улеглась рядом со своим гостем. Но в ту же минуту, когда он ощутил эту близость, он начал кричать: "Вор! Вор!" Сразу после этого женщина суетливо унеслась прочь, весь дом проснулся, зажгли лампы, и все начали разыскивать грабителя. Никого не нашли, и все вернулись в свои постели и погрузились в сон — за исключением хозяйки, которая не могла сомкнуть глаз, вновь поднялась и проскользнула в постель гостя. Бернар снова закричал: "Вор!" Вновь поднялась тревога и начались поиски. И в третий раз хозяйка оказалась в положении отвергнутой, так что в результате она оставила свой безнравственный план из страха и отчаяния. На следующий день на пути домой спутники Бернара спросили его, почему ему снится так много сновидений о ворах. Он ответил им: "Я действительно отражал нападения похитителя; ибо наша хозяйка пыталась лишить меня того сокровища, которое, потеряй я его, я никогда не смог бы вернуть".

Все это убедило Бернара, что жить рядом со змеями довольно опасно, и поэтому он решил покинуть мир и войти в монашеский орден цистерцианцев»[42].

Впрочем, ни стены монастыря, ни уединенность пустыни не способны оградить от женского начала, поскольку, пока плоть отшельника удерживается на его костях, а сердце бьется, в его разуме настойчиво проносятся образы жизни. Святого Антония, практикующего аскетизм в Египте, близ Фив, беспокоили сладострастные галлюцинации, сотворяемые дьяволами-женщинами, привлеченными его магнетическим одиночеством. Такого рода видения, с филейными частями непреодолимой притягательности и грудью, которая, кажется, разорвется, если ее коснуться, известны во всех прибежищах отшельников в истории. «Ах, отшельник! отшельник! [...] Если бы прикоснулся ты рукой к моему плечу, то остался бы огненный след в твоих венах. Обладание крошечной частицей моего тела наполнило бы тебя счастьем более пылким, чем радость покорения целой империи. Подставь же губы свои. [...]»[43].

Житель Новой Англии Коттон Матер писал: «Пустыни, *через которые мы проходим к Земле Обетованной, заполнены Огненными летающими змеями. Но, слава Господу, никто из них до сих пор не связал нас настолько, чтобы полностью разрушить надежды! Наш путь к Небесам пролегает через* Логовища Львиные *и* Горы Барсовы ; *там неслыханные Стада Дьяволов на нашем пути. [...] Мы — бедные путешественники в мире, который являет собой как Дьявольское Поле, так и Дьявольскую* Темницу; *мир, в каждом Углу которого Дьявол разместил Сборища Разбойников, чтобы докучали всем тем, чьи лица обращены к Сиону»*[44].

4. ВОССОЕДИНЕНИЕ С ОТЦОМ

«Лук Кары Божьей натянут, и Стрела уготовлена на Тетиве; и Справедливость направит Стрелу в ваше Сердце и отпустит Тетиву; и нет ничего, кроме лишь Удовольствия Господа, удовольствия *разгневанного* Господа, без какого-либо Обещания или Обязательства, что могло бы остановить Стрелу в одном Миге от опоения вашей Кровью [...]».

* Песн. 4:8. — *Прим. перев.*

Такими словами Джонатан Эдварде грозил сердцам своей паствы в Новой Англии, раскрывая им при этом несмягчаемый, душегубный аспект отца. Он пригвоздил их к церковным скамьям образами мифологического суда, поскольку, хотя пуритане и запретили образы запечатленные, они позволяли себе создавать идолов словесных. «Кара, — громогласно вещал Джонатан Эдварде, — Кара Божья подобна великим Водам, удерживаемым до настоящего; они все прибывают и прибывают, выше и выше, пока не дадут им Выход; и чем дольше Поток запружен, тем быстрее и могущественнее его Течение, как только его освободят. Истинно, что Суд ваших греховных Дел не был до сих пор отправлен и Приливы Господнего Мщения сдерживались; но ваша Вина тем Временем постоянно нарастала, и вы каждый День скапливали большую Кару; Воды непрестанно повышались, прибывали и становились более могущественными; и нет ничего, кроме Удовольствия Господа, что развернуло бы вспять Воды, не желающие останавливаться. И если только Господь снимет Руку с Ворот Плотины, она немедленно распахнется, и огненные Воды Неистовства Кары Божьей поспешат вперед с непостижимой Яростью и обрушатся на вас со всемогущей Силой; и даже если бы ваша Сила была в Десять тысяч Раз больше, чем она есть, да, в Десять тысяч Раз больше, чем

Сила самого сильного и крепкого Дьявола Адского, она будет ничем и не сможет устоять и выдержать это [...]».

Использовав для устрашения стихию воды, пастор Джонатан обращается затем к стихии огня. «Господь, удерживающий вас от Провала Ада, так же, как некто удерживает Паука или иное Насекомое от Огня, ненавидит вас и весьма раздражителен; Его Кара против вас пылает Огнем; он не видит вас Достойными ничего более, кроме поглощения в Огне; Его Очи слишком чисты, чтобы стерпеть Зрелище вас; вы в Десять тысяч Раз отвратительнее в Его Очах, чем самая ненавистная ядовитая Змея для наших глаз. Вы оскорбили его намного злее, чем даже упрямый Мятежник, сделавший себя Князем; и все же нет ничего, кроме Его Руки, что удерживает вас от падения в Провал в этот же Миг. [...]

О, Грешные! [...] Вы висите на тонкой Нити; она окружена языками Пламени Божьей Кары, готовыми в любой Миг опалить ее и пережечь надвое; и вам нет Пользы в каком-либо Посреднике, и не за что ухватиться, чтобы спастись, чтобы избежать Пламени Кары, — ничто из того, что имеете, ничто из того, что вы совершили, ничто из того, что вы могли бы совершить, не способно склонить Господа сжалиться над вами и на Мгновение [...]».

Затем, наконец, возникает великий и решающий образ второго рождения — впрочем, совсем ненадолго:

«Поэтому все вы, кто никогда не проходил великую Перемену Сердца, вызванную в ваших душах могущественной Силой Духа ГОСПОДА, все, кто не был рожден вновь и не сделан новым Творением, и не восстал от смерти во Грехе, к Состоянию новому, а до того не испытывал Света и Жизни (хотя вы и могли изменять свою Жизнь во многих Отношениях, и иметь религиозные Наклонности, и придерживаться какой-либо Формы Религии в своих Семействах, и Кладовых, и Домах Господа, и могли быть строгими в этом), пребываете по этой причине в Руках разгневанного Господа; нет ничего, кроме Его простого Удовольствия, что удерживает вас от того, чтобы в этот же Миг быть проглоченными вечным Уничтожением»[45].

«Простое Удовольствие Господа», оберегающее грешника от стрелы, потопа и пламени, именуется в традиционном лексиконе христианства «Божьей милостью», а «могущественная сила духа Господа», благодаря которой изменяется сердце, — «Божьим благоволением». В большинстве мифологий образы милости и благоволения

проявляются настолько же ярко, как и образы справедливости и кары, так что сохраняется определенное равновесие, и сердца людей поддерживаются, а не только наказываются на всем их пути. «Не бойся!» — провозглашает жест руки бога Шивы, когда он танцует перед поклоняющимся ему танец всеобщего уничтожения[46]. «Не бойся, ибо все успокаиваются в Боге. Формы, приходящие и уходящие, — и твое тело лишь одна из них, — являются вспышками моих танцующих конечностей. Признай Меня во всем; чего тогда сможешь устрашиться?» Магия причастий (действенность которых возникает благодаря страстным чувствам Иисуса Христа или добродетелям медитаций Будды), оберегающая сила примитивных амулетов и чар и сверхъестественные помощники из мировых мифов и волшебных сказок представляют собой уверения человечества в том, что стрелы, языки пламени и наводнения не настолько ужасны, какими кажутся.

Губительный аспект отца является отражением собственного эго жертвы — продуктом оставленной позади, но переносимой в будущее сцены младенческого восприятия, а зафиксированное идолопоклонство этой воспитательной уловки само по себе является ошибкой, удерживающей человека погруженным в чувство греха, ограждающей потенциально зрелый дух от уравновешенной, более реалистической точки зрения в отношении отца и, следовательно, мира. Воссоединение (вос-со-един-ение) представляет собой не что иное, как отказ от этого сотворенного самим человеком двуликого чудовища — дракона, который считается Богом (суперэго[47]), и дракона, который считается Грехом (подавленного *ид)*. Но в таком требовании отказаться от привязанности к самому эго и заключается основная трудность. Человек должен верить, что его отец милосерден, а затем обрести уверенность в этой милости. Вслед за этим центр его убеждений переносится за пределы тесного чешуйчатого кольца терзающего бога, и страшные людоеды исчезают.

Именно в таком суровом испытании герой способен обрести надежду и успокоение со стороны помогающего ему женского образа, магия которого (чары пыльцы или заступническая сила) оберегает его на протяжении всех пугающих опытов инициации и разрушения эго отца. Если невозможно довериться пугающему лику отца, то вера человека должна быть сосредоточена на ком-то ином (на Женщине-Пауке или Богородице), и, благодаря уверенности в этой опоре, человек способен выдержать

основной кризис — только для того, чтобы в конце концов обнаружить, что отец и мать отражают друг друга и являются, по сути своей, одним и тем же.

Когда Близнецы-Воины навахо, покинувшие Женщину-Паука и вооруженные ее советами и защитными чарами, завершили свой рискованный путь через обрушивающиеся скалы, режущие тростники, раздирающие кактусы и бурлящие пески, они приблизились к дому Солнца, своего отца. Дверь дома охраняли два медведя. Они поднялись на задние лапы и зарычали, но слова, которым мальчиков научила Женщина-Паук, заставили зверей вновь опуститься на землю. После медведей они столкнулись с парой змей, затем с двумя ветрами и, наконец, с двумя молниями, стражами последнего порога[48]. Впрочем, слова заклинания легко умиротворяли всех стражников.

Сделанный из бирюзы, квадратный дом Солнца был огромным и стоял на берегу бескрайнего моря. Мальчики вошли в него и увидели женщину, сидящую на востоке, двух красивых молодых людей на юге, двух прекрасных девушек на севере. Женщина поднялась и, не проронив ни слова, обернула прибывших четырьмя небесными покровами и положила их на полку. Мальчики лежали там очень тихо. В этот момент двери четыре раза с грохотом содрогнулись, и одна из девушек сказала: «Наш отец возвращается».

Приносящий Солнце шагнул через порог, снял со своей спины солнце и повесил его на колышек на западной стене комнаты; солнце затряслось и зазвенело, издавая звук «тла-тла-тла». Отец повернулся к женщине и гневно спросил: «Кто те двое, что вошли сюда сегодня?» Но женщина ничего не ответила. Молодые люди переглянулись. Приносящий Солнце свирепо повторил свой вопрос четыре раза, и женщина наконец ответила: «Лучше бы ты не говорил так много. Двое юношей пришли сюда сегодня в поисках своего отца. Ты говорил, что не ходишь в гости, когда выходишь наружу, и что ты никогда не встречал женщин, кроме меня. Чьи же тогда они сыновья?» И она указала на узел, лежащий на полке, а дети многозначительно улыбнулись друг другу.

Приносящий Солнце снял с полки узел, снял четыре покрова (одеяния рассвета, голубого неба, желтого вечернего света и темноты), и мальчики упали на пол. Он немедленно схватил их. В ярости он бросил их на огромные острые шипы из белых раковин, расположенные на востоке. Мальчики крепко сжали свои живые перья и были отброшены назад. Тогда Приносящий Солнце вновь схватил их и бросил сначала на шипы из бирюзы на юге, затем в зловонную кучу на западе и наконец на черные скалы на

севере[49]*. Мальчики все время крепко сжимали свои живые перья и оставались невредимыми. «Мне очень хотелось бы, чтобы это было правдой, — сказал Солнце, — чтобы они действительно были моими сыновьями».*

Затем ужасный отец решил сварить мальчиков до смерти в сильно натопленной парилке. Там им помогли ветры, обеспечившие героям безопасное убежище на потайной полке. «Да, они мои дети», — сказал Солнце, когда они вышли наружу, — но это была всего лишь уловка, потому что он все еще рассчитывал перехитрить их. Последним испытанием была курительная трубка с ядом. Но покрытая иглами гусеница предостерегла мальчиков и дала им кое-что, что они должны были положить в рот. Поэтому они курили трубку без вреда для себя и передавали друг другу, пока она не прогорела. Они даже сказали, что табак очень вкусный. Солнце был горд и полностью удовлетворен. «Теперь, дети мои, — сказал он, — скажите, чего вы от меня хотите? Почему вы искали меня?» Близнецы-Герои завоевали полное доверие Солнца, своего отца[50]*.*

Потребность в сильной опеке со стороны отца, прием в его доме только после суровых испытаний иллюстрируются печальным подвигом юного Фаэтона, описанным в известной греческой легенде. Фаэтон был рожден девой в Эфиопии, и его друзья часто подшучивали над ним, искушая отправиться на поиски отца, после чего он пересек Персию и Индию, разыскивая дворец Солнца — ибо его мать сказала, что его отцом был Феб, бог, управляющий солнечной колесницей.

«Дворец Солнца стоял высоко, на величественных колоннах, сверкая сияющим золотом и бронзой, пылающей, как огонь. Светящаяся слоновая кость украшала его фронтон; двустворчатые двери излучали блеск полированного серебра, а совершенство его форм было еще прекраснее, чем эти материалы».

Поднявшись по крутой тропе, Фаэтон входит под его своды и видит Феба, восседающего на изумрудном троне в окружении Часов Дня и Времен Года, а также Днями, Месяцами, Годами и Столетиями. Смелому юноше приходится остановиться на пороге, ибо его глаза смертного не могут вынести этого сияния; но отец нежно обращается к нему через весь зал:

«Зачем ты пришел? — спрашивает отец. — Чего ты ищешь, о Фаэтон, сын, от которого не отрекся бы ни один отец?»

Юноша почтительно отвечает: «О мой отец, если ты даруешь мне право называть тебя так! Феб! Светоч всего мира! Дай мне доказательство, отец мой, благодаря которому я пойму, что я действительно твой сын».

Великий бог откладывает в сторону свой ослепительный венец и жестом повелевает мальчику приблизиться. Он обнимает его, а затем заверяет, скрепив свое обещание клятвой, что предоставит ему любое доказательство, какого только Фаэтон пожелает.

И Фаэтон желает колесницу своего отца и право управлять крылатыми конями в течение дня.

«Такая просьба, — отвечает отец, — подтверждает, что мое обещание было опрометчивым». Он отстраняет юношу от себя и пытается убедить его отказаться от этого желания. «В своем неведении, — говорит он, — ты просишь большего, чем может быть даровано даже богам. Любой бог может поступать, как ему заблагорассудится, и все же никто, за исключением меня, не обладает правом занять место в моей огненной колеснице — даже сам Зевс».

Феб рассудителен, но Фаэтон — непреклонен. Не в силах нарушить свою клятву, отец до последней возможности затягивает время, но наконец вынужден провести своего упрямого сына к изумительной колеснице: у нее золотые оси и золотое дышло, колеса ее с золотыми ободами и серебряными спицами; хомут украшен хризолитом и драгоценностями. Часы Дня уже вывели из прекрасной конюшни четверку коней, дышащих пламенем и досыта накормленных амброзией. На них наложены бряцающие уздечки, и огромные животные нетерпеливо бьют копытами. Феб смазывает лицо Фаэтона притиранием, защищающим от языков пламени, а затем водружает ему на голову лучистый венец.

«Раз уж ты не послушался предупреждений отца, — советует ему божество, — то пощади свою плеть и крепче держись за поводья. Кони и сами по себе скачут достаточно быстро. И не направляйся прямо по дороге через пять отделов небес, но сверни на развилке налево — ты должен будешь ясно видеть следы моих колес. Чтобы земля и небо нагревались в равной мере, следи за тем, чтобы не опускаться слишком низко и не подниматься слишком высоко, ибо, если ты поднимешься слишком высоко, то сожжешь небеса, а если опустишься слишком низко, то воспламенишь землю. Середина — самый безопасный путь.

Но поспеши! Пока я говорил, влажная Ночь уже достигла западного берега. Нас ожидают. Смотри, рассвет уже разгорается. Юноша, да пребудет с тобой помощь Фортуны и направит тебя лучше, чем ты сам способен направить себя. Вот, держи поводья».

Тефида, богиня моря, опустила преграды, и кони, встряхнувшись, внезапно сорвались с места, раскалывая копытами облака, разрывая воздух крыльями, обгоняя все ветры, поднимающиеся в этой восточной четверти. Мгновенно — ведь колесница была такой легкой в сравнении с привычным для коней весом — повозка начала раскачиваться, как корабль без балласта на волнах. Охваченный паникой возница позабыл о поводьях и не разбирал дороги. Неистово рванувшись ввысь, колесница коснулась высших небес, и самые далекие созвездия содрогнулись. Большая и Малая Медведицы были опалены. Дракон, обвивающий полярные звезды, согрелся и вместе с жаром выросла его опасная ярость. Волопас пытался укрыться, но ему помешал его плуг. Скорпион ударил хвостом самого себя.

Колесница, носившаяся какое-то время по неизвестным воздушным областям и ударявшаяся о звезды, бешено рухнула вниз, к облакам, висящим над самой землей; и Луна в изумлении наблюдала, как кони ее брата проносятся мимо ее собственной колесницы. Облака испарились. Земля была объята пламенем. Горы кипели; города расплавлялись вместе со своими стенами; целые народы были превращены в пепел. Именно в этот момент люди в Эфиопии стали черными, ибо кровь была притянута жаром к поверхности их тел. Ливия стала пустыней. Нил в ужасе убежал к краю земли и спрятал голову; она до сих пор скрыта.

Мать Земля, прикрывая обожженные брови рукой, кашляя от раскаленного дыма, подняла великий шум и умоляла Юпитера, отца всех вещей, спасти свой мир. «Посмотри вокруг! — кричала она ему. — Небеса дымятся от полюса до полюса. Великий Юпитер, если погибнут моря, и земли, и все царства небес, мы вновь окажемся в хаосе первоначала! Подумай! Позаботься о безопасности нашей вселенной! Спаси то, что еще осталось, от пламени!»

Юпитер, Всемогущий Отец, спешно отправил богов удостовериться в том, что, если не принять каких-либо мер, все будет уничтожено. Затем он поспешил к зениту, сжал в правой руке молнию и метнул ее из-за уха. Повозка раскололась; испуганные кони

вырвались на волю, а Фаэтон с объятыми огнем волосами полетел вниз, как падающая звезда, и его сожженное тело приняла река По.

Наяды той земли заключили его останки в гробницу, увенчав ее такой эпитафией:

«Здесь погребен Фаэтон, колесницы отцовской возница;

Пусть ее не сдержал, но, дерзнув на великое, пал он»[51].

Эта история о потворствующем родителе иллюстрирует античную идею о том, что, когда непосвященный принимает на себя неподобающую ему роль в жизни, вокруг воцаряется хаос. Когда ребенок перерастает всеобщую идиллию материнской груди и обращается лицом к миру специфических взрослых поступков, он переходит, в духовном смысле, в сферу отца, который становится для своего сына знаком задачи на будущее, а для своей дочери — символом будущего мужа. Независимо от того, понимает он это или нет, независимо от его положения в обществе, отец всегда является проводящим инициацию жрецом, с помощью которого юное существо переходит в более широкий мир. И теперь он действует точно так же, как мать, олицетворявшая ранее «хорошее» и «плохое», с одним лишь дополнительным усложнением: в общей картине возникает новый элемент соперничества — сын, сражающийся с отцом за господство над Вселенной, и дочь, восстающая против матери за право *стать* подвластным миром.

Традиционная идея инициации совмещает в себе посвящение кандидата в техники, обязанности и привилегии его поприща и радикальную корректировку его эмоционального отношения к образам родителей. Мистагог (отец или некто заменяющий отца) обязан доверить символы обряда лишь такому сыну, который действительно очистился от всех несоответствующих его новому положению инфантильных катексисов , — для которого беспристрастное, безличное использование этих сил не станет невозможным по причине подсознательных (или, возможно, даже сознательных и рациональных) импульсов самоутверждения, личных предпочтений или обид. В идеальном случае посвящаемый должен быть лишен всей своей обычной человечности и стать представителем безличной космической силы. Он — «дважды рожденный»; он сам стал отцом. И, следовательно, теперь он обладает полным правом принять на себя роль посвящающего, проводника, солнечной двери, через которую человек может пройти от младенческих иллюзий «доброго» и «злого» к восприятию величия космического закона, очиститься от надежды и страха и прийти к спокойному постижению разоблаченного бытия.

«Однажды мне приснилось, — рассказывает маленький мальчик, — что меня взяли в плен пушечные ядра. Все они начали прыгать и кричать. Я очень удивился, увидев, что это моя собственная гостиная. Там был камин, а на нем — чайник с кипятком. Они бросили меня в него, и время от времени приходил повар, тыкал в меня вилкой и проверял, не сварился ли я. Потом он вынул меня и дал своему хозяину; тот как раз собирался укусить меня, и я проснулся»[52].

«Мне снилось, что я сижу за столом рядом со своей женой, — говорит образованный джентльмен. — Во время еды я дотянулся рукой и взял нашего второго ребенка, младенца, и, словно это было само собой разумеющееся, опустил его в очень горячую супницу с зеленым супом; он совершенно сварился и был похож на куриное фрикасе. Я положил этот деликатес на доску для хлеба и нарезал кухонным ножом. Когда я съел все, за исключением небольшого кусочка, вроде куриного горлыш-

В психоанализе: перенос либидо на внешний объект. — *Прим. перев.*

ка, я обеспокоенно взглянул на свою жену и спросил: "Ты уверена, что хотела, чтобы я это сделал? Или, может, стоило оставить его на ужин?"

Она снисходительно нахмурилась: "Раз он был так хорошо приготовлен, то ничего иного тебе не оставалось". Я собирался доесть последний кусочек, но проснулся»[53].

Этот архетипический ночной кошмар отца-людоеда превращается в реальность в испытаниях первобытной инициации. Мальчики австралийского племени мурнгин, как нам уже известно, запугиваются и убегают к своим матерям. Великий Отец Змей требует их крайнюю плоть[54]. Это ставит женщин в положение защитниц. В начале обряда дуют в огромный рог под названием *юрлунггур;* предполагается, что это призыв Великого Отца Змея, выбравшегося из своей норы. Когда мужчины приходят за мальчиками, женщины хватают копья и имитируют не только сражение, но и причитания и оплакивания, потому что их маленькие дети будут отобраны и «съедены». Треугольная мужская площадка для танцев олицетворяет тело Великого Отца Змея. На ней мальчикам в течение нескольких ночей показывают многочисленные танцы, символически изображающие тотемных прародителей, и рассказывают мифы, объясняющие существующий в мире порядок. Кроме того, их отправляют в долгие путешествия в соседние и далекие кланы, имитирующие мифологические скитания фаллических предков[55]. Таким образом, пока мальчики пребывают, так сказать, «внутри» Великого Отца Змея, их вводят в интересный и новый объективный мир, компенсирующий для них расставание с

матерью, а центральной точкой (*axis mundi)* их воображения становится, вместо материнской груди, мужской фаллос.

Кульминационной церемонией этой долгой цепочки обрядов является освобождение собственного героя-пениса мальчика от покровительства крайней плоти в результате пугающего и болезненного нападения того, кто совершает обрезание[56]. У племени арунта, к примеру, в этот момент решительного разрыва с прошлым со всех сторон слышатся крики быков. Все происходит ночью, и в призрачном свете костра внезапно возникает тот, кто будет проводить обрезание, и его помощник. Шум, издаваемый подражающими ревущим быкам мужчинами, является голосом великого демона церемонии, а те двое, кому предстоит совершить операцию, обеспечивают его видимый образ. С бородами, зажатыми во рту, что является признаком гнева, с широко расставленными ногами и протянутыми вперед руками, эти двое стоят совершенно неподвижно: главное действующее лицо впереди держит в руках небольшой кремниевый нож, которым будет проводиться операция, а его помощник подталкивает его сзади, так что их тела постоянно соприкасаются. Затем приближается человек с факелом; он старается удержать в равновесии лежащий на его голове щит, одновременно щелкая большими и указательными пальцами рук. Грохот ревущих «быков» становится оглушительным, и его слышат женщины и дети в отдаленной деревне. Человек со щитом на голове опускается на одно колено прямо перед проводящим операцию, и дядья немедленно подхватывают с земли одного из мальчиков; они выносят его ногами вперед и укладывают на щит. В это время все мужчины низкими и громкими голосами затягивают монотонное песнопение. Операция происходит очень быстро, грозные фигуры мгновенно покидают освещенное место, и мальчик, все еще пребывающий в более или менее затуманенном состоянии, начинает принимать поздравления мужчин, к положению равного которым он только что перешел. «Ты молодец, — говорят они, — ты не плакал»[57].

Согласно мифологии коренных австралийцев, первый обряд инициации проводился таким образом, что все молодые люди погибли[58]. Таким образом, этот ритуал оказывается, помимо прочего, драматическим воссозданием эдиповой агрессии старшего поколения, а обрезание — смягченной кастрацией[59]. Однако эти обряды предусматривают также каннибалистические, отцеубийственные порывы молодой, подрастающей части мужчин и в то же время раскрывают милостивый, жертвенный

аспект архетипического отца — ибо в течение длительного срока символических наставлений существует период, во время которого инициируемым приходится питаться только свежей кровью старших мужчин. «Аборигенов, — рассказывают нам, — особенно заинтересовал подобный обряд христианского сообщества, и, услышав о нем от наших миссионеров, они немедленно сравнили его со своим собственным ритуалом питания кровью»[60].

«Вечером мужчины пришли и заняли места согласно первенству в племени; мальчик лежал, положив голову на бедра отца. Он не должен был двигаться под угрозой смерти. Отец собственными руками завязал ему глаза, потому что, если бы мальчик стал свидетелем последующих событий, он поверил бы, что его *отец и мать умерли.* Возле одного из братьев матери мальчика разместили деревянный долбленый сосуд, и дядя, слегка перетянув руку, проколол ее в верхней части костью и держал над сосудом, пока из руки не вытекло достаточное количество крови. Затем руку проколол сидящий рядом с ним, потом следующий, и так далее, пока сосуд не был полон до краев (его объем составлял около двух кварт). Мальчик сделал большой глоток крови. На случай, если его желудок взбунтуется, отец зажал горло мальчика, не позволяя ему извергнуть кровь — если бы это случилось, *его отец, мать, сестры и братья, все бы погибли.* Немного крови выплеснули мальчику на голову.

С этого момента, иногда до самого полнолуния, мальчику не разрешено принимать иной пищи, кроме человеческой крови; этот закон установил Ям- минга, мистический предок. [...] Иногда кровь в сосуде засыхает, и тогда стражник разрезает ее на кусочки костью, продетой в его нос, и скармливает ее мальчику, начиная с двух последних кусков. Кусочки должны быть определенного размера, иначе мальчик может умереть» [61].

Часто мужчины, отдающие свою кровь, теряют сознание и примерно в течение часа остаются в состоянии комы . «В иных случаях, — пишет другой исследователь, — эту кровь (кровь, преназначенную для проходящих ритуал инициации) получают от человека, умерщвленного специально для этой цели; иногда поедаются и части его тела» . «В этом случае, — комментирует доктор Рохейм, — мы приближаемся к ритуальному представлению убийства и поедания первоначального отца настолько близко, насколько это вообще возможно» .

Не может быть сомнений: независимо от того, насколько неразвитыми могут показаться нам не имеющие даже одежды австралийские дикари, их символические церемонии

представляют собой дожившую до наших дней невероятно древнюю систему духовных наставлений, обширные свидетельства которой можно обнаружить не только на всех землях и островах Индийского океана, но и среди руин архаических центров того, что мы склонны считать нашей собственной, совершенно особенной цивилизацией[65]. По опубликованным свидетельствам наших западных исследователей, трудно судить о том, насколько много известно старейшинам. Но, если сравнить образы австралийского ритуала с теми, которые знакомы нам по более высоким культурам, можно увидеть, что великие темы, вневременные архетипы и их воздействие на души остается одним и тем же:

«Дифирамб, мой сын, укройся
Ты к отцу в мужское чрево!»

Этот вопль Зевса Громовержца, обращенный к его ребенку, его сыну Дионису, является лейтмотивом греческих мистерий инициации второго рождения. «И доносился бычий рев из-под незримых, устрашающих внешних подобий, а из барабана — бой такой, как если бы это был гром подземный, рожденный в воздухе, отягощенном страхом»[67]. Само слово «Дифирамб» как эпитет погибшего и воскресшего Диониса использовалось греками для обозначения «того, кто за двойными дверьми», того, кто пережил устрашающее чудо второго рождения. Нам известно, что хоральные песнопения (дифирамбы) и темные, отуманенные кровью праздничные обряды, посвященные этому богу (связанные с обновлением растительного мира, обновлением луны, обновлением солнца и перерождением души и отмечаемые в каждый период воскрешения этого бога года), представляют собой ритуальные начала аттической трагедии. Подобные мифы и обряды встречаются в древнем мире повсюду: смерть и воскрешение Таммуза, Адониса, Митры, Вирбия, Аттиса и Осириса и их разнообразных животных олицетворений (козлов и овец, быков, свиней, коней, рыб и птиц) известны каждому, кто изучал сравнительную религию; популярные карнавальные игры, посвященные Масленице, Рождеству, Джону Ячменное Зерно, Проводам Зимы, Встрече Лета и т. д. в шаловливом духе продолжили эту традицию в современных календарях[68]. В христианской церкви (в мифологии Грехопадения и Искупления, Распятия и Воскрешения, во «втором рождении» в баптизме, в инициирующем ударе по щеке при конфирмации, при символическом причастии к Плоти и Крови) мы торжественно и, нередко, действенно объединяемся с этими бессмертными образами могущества инициации благодаря сакра-

ментальным действиям, посредством которых человек с самых ранних своих дней на земле рассеивал ужасы своей феноменальности и победно проникал к всепреображающему видению бессмертного бытия. «Ибо, если кровь тельцов и козлов и пепел телицы чрез окропление освящает осквернённых, дабы чисто было тело, то кольми паче Кровь Христа, Который Духом Святым принес Себя непорочного Богу, очистит совесть нашу от мертвых дел, для служения Богу живому и истинному!»[69]

В племени басумбва из Восточной Африки существует народное сказание о человеке, перед которым возник его покойный отец, пасущий стада Смерти. Отец провел его по тропе, уходящей вглубь земли, в большую нору. Они пришли в огромную пещеру, где были другие люди. Отец спрятал сына и пошел спать. На следующее утро появился Великий Вождь, Смерть. Одна его половина была прекрасна, но вторая была вся прогнившая, и с нее на землю падали личинки. Его свита собирала этих личинок. Они промыли раны своего повелителя, и, когда они закончили, Смерть сказала: «Родившийся сегодня: если он начнет торговать, его ограбят. Женщина, забеременевшая сегодня, умрет вместе с зачатым ребенком. Человек, который сегодня обрабатывает землю: его посев засохнет. Тот, кто сегодня собирается в джунгли, будет съеден львом».

Таким образом, Смерть объявила всемирное проклятие и вернулась в свои покои. Но на следующее утро его помощники промыли и надушили его прекрасную половину, умастив ее маслом. Когда они закончили, Смерть огласила благословение: «Тот, кто родится сегодня: да будет он богат. Пусть женщина, которая забеременеет сегодня, подарит своему ребенку жизнь до старости. Тот, кто родился сегодня: пусть он отправится на рынок; да будет у него удачная торговля; пусть он торгует со слепцами. Человек, который пойдет сегодня в джунгли: пусть убьет он дичь; пусть даже он выследит слона. Потому что сегодня я оглашаю благословение».

Тогда отец сказал своему сыну: «Если бы ты пришел сегодня, многое досталось бы тебе во владение. Но сейчас ясно, что тебе предопределена нищета. Тебе лучше уйти отсюда завтра». И сын вернулся домой[70].

Солнце в Подземном Мире, Владыка Мертвых является обратной стороной того же излучающего свет властителя, который управляет светом и дарит день, ибо: «Кто посылает вам удел с неба и земли? Или — кто владеет слухом и зрением? И кто выводит живое из мертвого и выводит мертвое из живого? И кто правит делом?»[71]. Вспомним легенду вачага о бедняке Кьязимбе, который был перенесен старухой в зенит, где

останавливалось для отдыха Солнце[72]; Великий Вождь одарил бедняка богатством. Вспомним также о божестве-шутнике Эдшу, описанном в истории с противоположного побережья Африки[73], — величайшей его радостью было распространение вражды. Все они представляют собой различные точки зрения на одно и то же устрашающее Провидение. В нем содержатся и из него происходят противоречия, доброе и дурное, смерть и жизнь, страдание и удовольствие, блага и лишения. Словно образ солнечных дверей, оно является первоисточником всех пар противоположностей. «У Него ключи тайного. [...] Потом — к Нему ваше возвращение, потом Он сообщит вам, что вы делали»[74].

Загадка противоречащего самому себе отца прекрасно иллюстрируется образом великого божества доисторического Перу по имени Виракоча. Его тиара — солнце, в обеих руках он сжимает молнии, а слезы, стекающие из его глаз, проливаются на землю дождями, обновляющими жизнь долин мира. Виракоча — Всеобщий Бог, творец всего сущего, и все же в легендах о его появлении на земле он изображается скитающимся в лохмотьях, как нищий, и подвергающимся оскорблениям. При этом вспоминается евангельская история о Марии и Иосифе у дверей гостиницы Вифлеема[75], а также классическая легенда о Юпитере и Меркурии, побирающихся у дома Бавкиды и Филемона[76]. Вновь возникают ассоциации и с неузнанным Эдшу. Эта тема встречается в мифологии очень часто, а ее смысл хорошо передается словами Корана: «...и куда бы вы ни обратились, там лик Аллаха»[77]. «Он скрыт во всех существах, — говорят индусы, поэтому Он не является как Я. Но видящим тонкое Он виден через острый и тонкий разум»[78]. «Преломите ветку, — гласит афоризм гностиков, — и найдете там Иисуса».

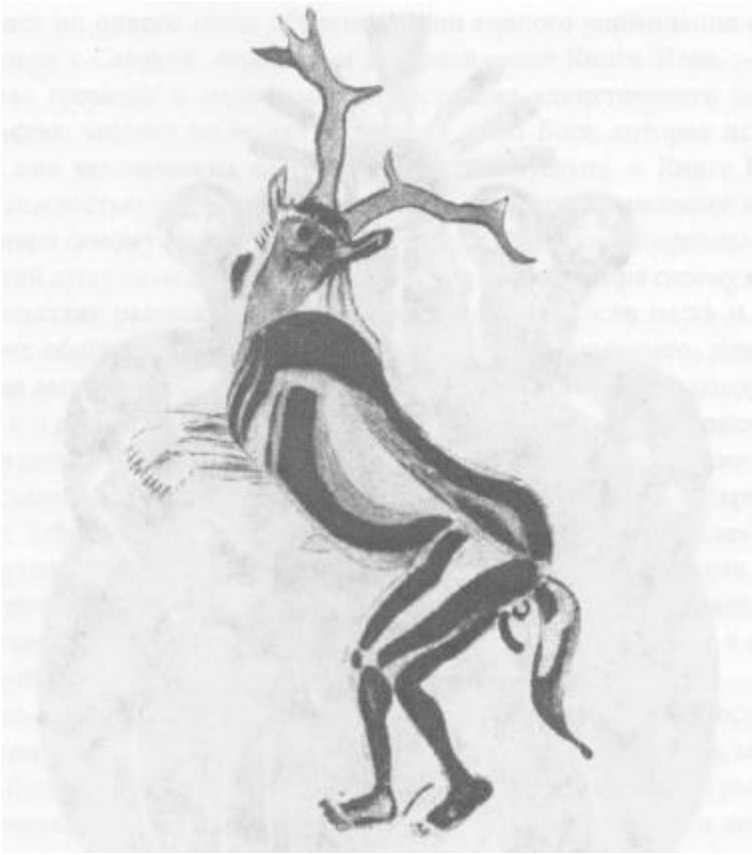
Следовательно, Виракоча, проявляющий в таком поведении свою вездесущность, разделяет общий характер высочайших всеобщих богов. Более того, нам знаком и этот синтез бога солнца и бога бури. Он известен нам из еврейской мифологии, по образу Яхве, в котором соединены два бога (Яхве, бог бури, и Эл, бог солнца); такое слияние заметно и в персонификации отца Близнецов-Воинов навахо, очевидно в фигуре Зевса, равно как и в символах палицы грома и нимба в образе Будды. Смысл заключается в том, что благоволение, проливающееся во вселенную через солнечную дверь, является тем же самым, что и энергия уничтожающей, разрушительной по своей природе молнии; свет Непреходящего, разрушающий ложные иллюзии, является тем же светом, который

созидает. Или же, если говорить в терминах полярностей в природе: огонь, бушующий в солнце, пылает и в оплодотворяющей буре: за парами противоположных стихий, огня и воды, кроется одна и та же энергия.

Но самой необычайной и наиболее волнующей особенностью Виракочи, этого прекрасного перуанского изображения всеобщего бога, является деталь, присущая исключительно ему, а именно — слезы. Слезы Бога являются живой водой. В них мирообнажающее прозрение монаха: «Жизнь есть страдание» совмещается с миропорождающим утверждением отца: «Да будет жизнь!». С ясным пониманием мучительности существования творений его рук, в полном осознании ревущей, опустошающей боли, раскалывающего мозг жара обманутой, саморазрушающей, похотливой и яростной созданной им вселенной, это божество приступает к подвигу восполнения жизни жизнью. Удерживать плодотворные воды означало бы уничтожать — но испускать их означает вновь сотворять известный нам мир, ибо сущностью времени является скоротечность, растворение минутного существования, а сущностью жизни является время. В своем благоволении, в своей любви к формам времени, этот демиургический человек среди людей привносит сочувствие в океан острой боли; однако полное осознание того, что он совершает, превращает даруемые им плодотворные воды жизни в слезы, текущие из его глаз.

Изначальной тайной отца является парадокс творения, прихода форм времени из вечности. Его никогда не удастся полностью объяснить. По этой причине в любой теологической системе существует точка пуповины, ахиллесова пята, которой коснулся палец материнской жизни и в которой снижена возможность совершенного знания. Проблема героя заключается в том, чтобы пронзить себя (и, вместе с тем, свой мир) именно в этой точке, разрушить и уничтожить этот ключевой узел своего ограниченного существования.

Задача же героя, которому предстоит встреча с отцом, заключается еще и в том, чтобы расширить свою душу за пределы ужаса — до такого уровня, на котором он созреет для понимания того, что величие Бытия придает законную силу всем болезненным и безумным трагедиям этого огромного и безжалостного космоса. Герой возвышается над жизнью со свойственными ей слепыми пятнами и на какое-то мгновение восходит к мимолетным видениям самого ее источника. Он видит лицо своего отца, проникается пониманием, — и эти двое воссоединяются.



Ил. VII. Маг (палеолитический пещерный рисунок, Французские Пиренеи)

В библейской истории Иова Господь не предпринимает попыток оценивать с человеческой или какой-либо иной точки зрения болезнь, назначенную его добродетельному слуге, который был «непорочен, справедлив и богобоязнен, и удалялся от зла». Не было и каких-то грехов, по причине которых слуги Иова были убиты халдеями, а сыновья и дочери погибли под обрушившейся кровлей. Когда к Иову с утешениями являются друзья, они объявляют, с благочестивой верой в Божью справедливость, что Иов наверняка совершил некое зло, из-за которого и был так ужасно наказан. Но честный, смелый и стремящийся к самым горизонтам страдалец настаивает на том, что его деяния всегда были добрыми, после чего один из утешителей, Елиуя, обвиняет его в богохульстве за то, что оправдывает себя больше, чем Бога.

Когда сам Господь отвечает Иову из бури, Он не делает попыток объяснить Свою деятельность с этической точки зрения, но лишь восхваляет Свое Лицо,

Ил. VIII. Плачущий Отец Вселенной Виракоча

(Аргентина)

предлагая Иову делать то же самое на земле, в человеческом подражании путям небесным: «Препояшь, как муж, чресла твои; Я буду спрашивать тебя, а ты отвечай Мне. Ты хочешь ниспровергнуть суд Мой, обвинить Меня, чтобы оправдать себя? Такая ли у тебя мышца, как у Бога? И можешь ли возгреметь голосом, как Он? Укрась же себя величием и славою, облекись в блеск и великолепие. Излей ярость гнева своего, посмотри на все гордое и смири его. Взгляни на всех высокомерных, и унизь их, и сокруши нечестивых на местах их. Зарой всех их в землю, и лица их покрой тьмою. Тогда и Я признаю, что десница твоя может спасать тебя»[79].

Здесь нет ни одного слова объяснения, ни единого упоминания о сомнительном споре с Сатаной, описанном в первой главе Книги Иова, — только наполненная громами и молниями демонстрация единственного истинного обстоятельства: человек не может оценивать волю Бога, которая исходит из источника вне человеческих категорий. И действительно, в Книге Иова эти категории полностью разрушены Всемогущим и остаются таковыми до самого конца. Однако самому Иову это откровение представляется имеющим облагораживающий душу смысл. Он был героем, который,

благодаря своему мужеству в обстоятельствах раскаленной топки, своей неспособности пасть и пресмыкаться перед общими представлениями о характере Всевышнего, доказал, что он способен выдержать более возвышенное откровение, чем то, которое удовлетворило его друзей. Его слова в последней главе невозможно истолковать как слова запуганного человека. Это слова того, кто *увидел* нечто, превосходящее любые *высказанные* оправдания: «Я слышал о Тебе слухом уха; теперь же мои глаза видят Тебя; поэтому я отрекаюсь и раскаиваюсь в прахе и пепле»[80]. Благочестивый утешитель унижен; Иов награжден новым домом, новыми слугами, новыми дочерьми и сыновьями. «После того Иов жил сто сорок лет, и видел сыновей своих и сыновей сыновьих до четвертого рода. И умер Иов в старости, 81 насыщенный днями» .

Сын, по-настоящему созревший для постижения отца, с готовностью переносит агонии суровых испытаний; мир является уже не юдолью слез, но благотворящим, бесконечным проявлением Лица. Противоположностью рассказам о карах разгневанного Господа, известного Джонатану Эдвардсу и его пастве, является приведенная ниже нежная лирика, рожденная в убогом восточно-европейском гетто нашего столетия:

О Господь Вселенной!
Я спою Тебе песнь.
Где смогу найти Тебя?
И где не смогу найти Тебя?
Где прохожу — там Ты.
Где остаюсь — там тоже Ты.
Ты, Ты и только Ты.
Если хорошее — благодаря Тебе,
Если неладное — благодаря Тебе же.
Ты есть. Ты был и Ты будешь вовек.
Правил, правишь и будешь править.
Твои Небеса, Твоя и Земля.
Ты наполняешь высшие сферы.
И Ты наполняешь низшие сферы.
Куда ни обращусь — там Ты. о Ты![82]

5. ОБОЖЕСТВЛЕНИЕ

Одним из наиболее могущественных и любимых бодхисаттв буддизма ма- хаяны Тибета, Китая и Японии, является Несущий Лотос Авалокитешвара, «Бог, который смотрит вниз с сочувствием», названный так за то, что он с состраданием относится ко всем ощущающим творениям, страдающим от бедствий существования[83]. К нему обращена миллионы раз повторяемая молитва молитвенных колес и храмовых гонгов Тибета: *Ом мани падме хум,* «О Сокровище в сердцевине лотоса». Вероятно, ежеминутно к нему восходит больше молитв, чем к какому-либо другому известному человеку божеству, ибо, когда во время своей последней жизни на Земле в форме человеческого существа он разрушил для себя границы последнего порога (и в этот миг ему открылась вневременность пустоты, окружающей космос), он остановился: поклялся, что перед тем, как войдет в эту пустоту, он принесет просветление всем без исключения созда- ниям. И с тех пор он пропитывает всю ткань сущего божественным благоволением своего помогающего присутствия, так что к самой малой молитве, обращенной к нему из любого уголка огромной духовной империи Будды, милостиво прислушиваются. В различных формах он пересекает десять тысяч миров и появляется в часы необходимости и молитвы. Он являет себя в человеческом образе двуруким, а в сверхчеловеческой форме — четырех-, шести-, двенадцати- или тысячеруким и удерживает в одной из левых рук лотос мира.

Как и сам Будда, это богоподобное создание является моделью божественного состояния, которого достигает человеческий герой, вышедший за пределы последних страхов неведения. «Когда оболочка сознания разрушается, он становится свободным от любого страха за пределами того, что затрагивается изменениями»[84]. Это высвобождение таящихся внутри каждого из нас потенциальных возможностей, которых может достичь, став героем, любой; ибо сказано: «Все состояния — состояния Будды»[85] или, в другом месте (это иная форма того же утверждения): «Все существа лишены индивидуальности».

Мир наполнен и озарен Бодхисаттвой («тем, чье бытие есть просветление»), но не удерживает его; скорее, сам Бодхисаттва удерживает мир (лотос). Страдание и удовольствие не ограничивают его; он ограничивает их — причем, с глубочайшим спокойствием. И, поскольку он представляет собой то, чем может стать любой из нас, нам помогает его существование, его образ, одно лишь его имя. «На нем венок с восемью тысячами лучей, в котором в полной мере отражается состояние совершенной

красоты. Тело его цвета пурпурного золота. В цвете ладоней его смешались цвета пяти тысяч лотосов, а на каждом кончике пальца восемьдесят четыре тысячи отметин, и каждая имеет восемьдесят четыре тысячи цветов; и у каждого цвета восемьдесят четыре тысячи лучей, мягких, нежных и озаряющих все сущее. Этими драгоценными руками он притягивает и обнимает всех существ. Ореол, окружающий его голову, усыпан пятью сотнями Будд, чудесным образом преображенных, и каждый из них в сопровождении пятисот бодхисаттв, а их, в свою очередь, сопровождают бесчисленные боги. И когда он ставит стопу свою на землю, цветы из алмазов и драгоценностей рассыпаются вокруг во всех направлениях. Лицо его золотого цвета, а в высоком венце из драгоценных камней стоит Будда высотой в двести пятьдесят лиг» [8б].

В Китае и Японии этот возвышенно кроткий Бодхисаттва представляется не только в мужском, но и в женском облике. Гуаньинь в Китае, Каннон в Японии — Мадонна Дальнего Востока — является именно этим благотворным опекуном мира. Ее изображения можно найти в любом буддистском храме Дальнего Востока. Она в равной мере превозносится и простодушными, и умудренными, ибо за ее клятвой кроется глубочайшая, мироискупляющая, мироподдерживающая интуиция. Остановка на пороге Нирваны, решительный отказ погружаться до окончания времени (которое никогда не заканчивается) в нетронутую пучину вечности представляют собой осознание того, что различие между временем и вечностью — лишь иллюзия, сотворенная по необходимости рациональным рассудком, но рассеиваемая в совершенном знании разума, который превзошел пары противоположностей. Это означает, что время и вечность являются двумя аспектами одного и того же восприятия целого, двумя планами единственной, недуалистичной невыразимости; таким образом, сокровище вечности покоится на лотосе рождения и смерти: *Ом мани падме хум.*

Первой удивительной особенностью, которую следует отметить, является андрогинный характер Бодхисаттвы: мужчина Авалокитешвара и женщина Гуаньинь. В мировых мифах двуполые боги встречаются совсем нередко. Они всегда несут в себе какую-то загадку, потому что выводят разум за пределы его объективного опыта в символическую область, где дуальность остается позади. Об Авонавилоне, верховном боге индейцев зуньи, создателе и вместилище всего сущего, иногда говорят в мужском роде, хотя на самом деле он относится к обоим полам. Высшее Начало, о котором говорится в китайских трактатах, священная женщина Тайюань (Тайцзи) объединяет в себе мужской

Ян и женский Инь[87]. Каббалистическое учение средневековых иудеев, равно как и христианские писания гностиков второго столетия представляют Слово, Ставшее Плотью, как андрогина — каковым, в действительности, и было состояние Адама после его сотворения и до того момента, когда его женский аспект, Ева, был изъят и перенесен в другую форму. У греков двуполым был не только Гермафродит (ребенок Гермеса и Афродиты)[88], но и Эрос, божество любви (согласно Платону, первый из богов)[89].

«И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их»[90]. Может возникнуть вопрос о природе этого образа Божия, но ответ уже дается в самом писании, и он достаточно ясен. «Когда Святой, Славься Он, сотворил первого человека, Он сотворил его двуполым»[91]. Перемещение женского начала в другую форму символизирует начало падения от совершенства к дуальности; за ним естественным образом последовало открытие дуальности добра и зла, изгнание из сада, в котором Бог ходит по земле и, вслед за этим, создание стены Рая, сложенной из «случайного стечения противоположностей»[92], ограждающей Человека (теперь уже мужчину и женщину) не только от зрелища, но и от воспоминаний об образе Господа.

Версии этого библейского мифа известны во многих краях. Он является одним из основных способов символического представления загадки сотворения: перехода вечности во время, разделения единого пополам, а затем и на многое, а также создание новой жизни путем воссоединения двоих. Этот образ возникает в самом начале космогонического цикла и, не менее уместно, в завершение задачи героя, в тот миг, когда исчезает стена Рая, обнаруживается и вспоминается божественная форма и к герою возвращается мудрость[94].

Слепой мудрец Тиресий был и мужчиной, и женщиной: его глаза были закрыты разрушенным формам света, мира пар противоположностей, и все же он увидел в своей внутренней тьме судьбу Эдипа[95]. В проявлении, известном как Ардханаришвара, «Бог — Наполовину Женщина», Шива предстает слившимся в одном теле со своей супругой Шакти — он является правой стороной, а она левой[96]. Родовые идолы некоторых африканских и меланезийских племен являются существами, имеющими одновременно материнскую грудь и отцовские бороду и пенис[9'], а в Австралии, примерно через год после обряда обрезания, кандидат на полную мужскую зрелость подвергается второй ритуальной операции — подрезанию (рассечению нижней части пениса, в результате чего в уретре образуется постоянная щель). Это отверстие называется «утробой пениса»

и символизирует мужское влагалище. Благодаря такой церемонии герой становится чем-то большим, чем просто мужчиной[98].

Кровь для церемониальных рисунков и наклеивания на тело перьев белых птиц извлекается австралийскими отцами именно из этих рассеченных отверстий. Они вновь открывают старые раны и заставляют их кровоточить [99]. Это одновременно символизирует и менструальную кровь влагалища, и мужское семя, а также мочу, воды и мужское молоко. Кровотечение означает, что старейшины обладают собственным внутренним источником жизни и питания[100], то есть они и неистощимый мировой источник являются одним и тем же[101].

Призыв Великого Отца Змея пугал ребенка; мать становилась его защитой. Но затем приходил отец. Он был проводником и инициатором, посвящающим в загадки неведомого. Как первый незваный гость, врывающийся в рай младенца в объятиях матери, отец является архетипическим врагом; по этой причине в течение жизни все враги являются (для подсознательного) символическим олицетворением отца. «Все убитое становится отцом»[102]. Отсюда следует поклонение головам, принесенным домой после набегов кровной мести, в сообществах охотников за головами (к примеру, на Новой Гвинее)[103]. Из этого же возникает и неудержимое стремление к войнам: порыв к уничтожению отца постепенно превращается во внешнюю жестокость. Старейшины примитивных сообществ или народов защищают себя от своих подрастающих сыновей психологической магией тотемных церемоний. Они разыгрывают роли отцов-людоедов, а затем раскрываются и в образах кормящих матерей. Так устанавливается новый, более обширный рай, хотя он не включает в себя традиционно враждебные племена или народы, на которые по-прежнему систематически изливается агрессивность. Все «хорошее» содержание отца-матери приписывается родине, тогда как «плохое» распространяется вовне и за пределы, «ибо кто этот необрезанный Филистимлянин, что так поносит воинство Бога живого?»[104]. «И не слабейте в поисках врагов. Если вы страдаете, то и они страдают так, как вы страдаете, притом что вы надеетесь от Аллаха на то, на что они не надеются»[105].

Тотемные, племенные, расовые и агрессивно-миссионерские культы представляют собой лишь частичное разрешение психологической проблемы смягчения ненависти любовью; они являются инициирующими только отчасти. В них эго не уничтожается, но скорее разрастается: вместо того чтобы думать только о себе, личность становится преданной

всему *своему* обществу. Остальной мир (вообще говоря, намного большая часть человечества) тем временем остается вне сферы его сочувствия и защиты, поскольку пребывает вне области покровительства его бога. За этим следует то драматическое разделение двух принципов любви и ненависти, примерами которого обильно испещрены страницы истории. Вместо того чтобы очистить свое собственное сердце, фанатик пытается очистить весь мир. Законы Града Божьего применяются только внутри его группы (племени, церкви, нации, класса и всего прочего), а против всех необрезанных, варварских, языческих, «коренных» народов и инородцев, которым случилось занимать положение соседей, разжигаются пламена беспрестанной святой войны (с чистой совестью и с подлинным ощущением благочестивого служения)[106].

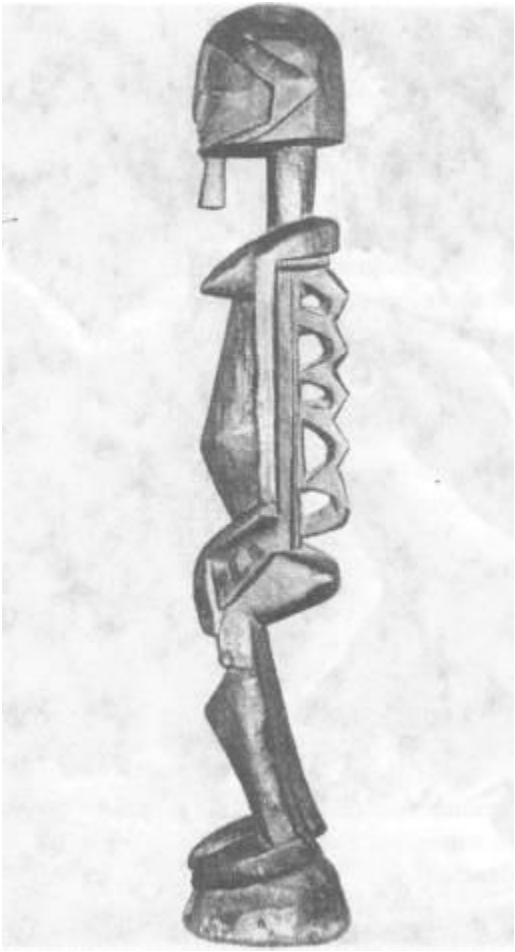
В результате мир наполнен соперничающими друг с другом группировками, почитающими тотемы, флаги или партийные программы. Даже так называемые христианские народы — которые, как считается, следуют за Спасителем *Мира* — прославились в истории скорее своим колониальным варварством и междоусобицами, чем какими-либо практическими воплощениями той безусловной любви, равнозначной действенному покорению эго, мира эго и племенного бога эго, которой учил признаваемый ими верховный Бог: «Но вам слушающим говорю: любите врагов ваших, благотворите ненавидящим вас. Благословляйте проклинающих вас и молитесь за обижающих вас. Ударившему тебя по щеке подставь и другую; и отнимающему у тебя верхнюю одежду не препятствуй взять и рубашку. Всякому, просящему у тебя, давай, и от взявшего твое не требуй назад. И как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними. И если любите любящих вас, какая вам за то благодарность? ибо и грешники любящих их любят. И если делаете добро тем, которые вам делают добро, какая вам за то благодарность? ибо и грешники то же делают. И если взаймы даете тем, от которых надеетесь получить обратно, какая вам за то благодарность? ибо и грешники дают взаймы грешникам, чтобы получить обратно столько же. Но вы любите врагов ваших, и благотворите, и взаймы давайте, не ожидая ничего; и будет вам награда великая, и будете сынами Всевышнего; ибо Он благ и к неблагодарным и злым. Итак будьте милосердны, как и Отец ваш милосерд»[107].

Как только мы освобождаемся от предрассудков нашего личного, провинциального, ограниченного, екклесиастического, племенного или национального толкования всемирных архетипов, становится возможным понимание того, что посвящение,

проводимое местными отцами с чертами матерей, которые защищают себя путем переноса агрессивности на соседей, не является высшей инициацией. Благая весть, которую несет Спаситель Мира и которую многие из нас с такой радостью слушают, с такой ревностью проповедуют и с такой неохотой демонстрируют на практике, заключается в том, что Бог есть Любовь, что он может быть и должен быть любим и что все без исключения — дети Его[108]. Даже такие сравнительно тривиальные вопросы, как подробности доктрины, методы поклонения и планы епископальной организации (которые настолько поглотили интересы западных теологов, что обсуждаются сегодня как важнейшие проблемы религии)[109], являются простой западней педантизма, если не учитывать их вспомогательный характер по отношению к основному учению. Действительно, если к ним не относиться как к дополнительным, они приводят к обратному результату: они вновь уменьшают образ отца до измере ний тотема. Именно это, разумеется, и произошло в христианском мире. Кто-то может считать, что нашим призванием является разрешение или постижение того, кого из всех нас Отец любит больше, но само учение совсем не так прямолинейно: «Не судите, да не судимы будете»[110]. Крест Спасителя Мира, несмотря на поступки его преданных священнослужителей, является намного более демократичным символом, чем местный флаг[111].

Ил. IX. Шива, Бог Космического Танца (Южная Индия)

В течение буйных столетий, истекших с того момента, когда св. Августин объявил священную войну Civitas Dei против Civitas Diaboli, понимание последнего — и решающего — подтекста мироспасительных слов и символов традиции христианского сообщества пришло в такой беспорядок, что современный мыслитель, пытающийся понять значение этой мировой религии (то есть доктрины всеобщей любви), должен обратить свой разум к иному великому (и более древнему) культурному сообществу — к миру Будды, в котором изначальным словом по-прежнему остается мир — мир всем существам.



Ил. X. Андрогин-первопредок (Судан)

К примеру, приведенные ниже тибетские стихи из двух гимнов поэта-святого Миларепы были написаны примерно в то же время, когда Папа Урбан II призывал к Первому Крестовому походу:

В Граде Иллюзорности Шести Мировых Планов

Основные причины — грех и помрачение, рожденное кознями зла;

Там бытие следует повелениям вожделений и отвращений

И никогда не способно познать Равенство.
Избегай, о сын мой, вожделений и отвращений'Ч
Если осознаете Пустоту Всего Сущего, Сострадание воссияет
в ваших сердцах. Если перестанете различать себя и других, окажетесь
способными служить другим. И когда добьетесь успеха в служении другим,
тогда встретитесь со мной.
И, обнаружив меня, достигнете Буддовости .

Мир пребывает в сердце всего, потому что Авалокитешвара-Каннон, могущественный Бодхисаттва, Безграничная Любовь включает в себя, заботится и обитает в каждом (без исключения) живом существе. Он видит совершенство изысканных крылышек насекомого, разрушаемых с течением времени, — и он сам является и их совершенством, и их уничтожением. Многолетняя агония человека, мучающего самого себя, введенного в заблуждение, запутавшегося в тонких сетях собственного исступления, тщетного, и все же несущего внутри себя нераскрытую, совершенно неиспользуемую тайну освобождения: Бодхисаттва видит это — и является этим. В безоблачном небе над человеком — ангелы; под ним — демоны и несчастные мертвые, и все они притягиваются к Бодхисаттве лучами его драгоценных рук; они есть он, и он есть они. Мириады ограниченных, скованных центров сознания на всех планах существования (не только в нашей вселенной Млечного Пути, но и за ее пределами, на всем протяжении пространства), галактики далеко за галактиками, миры вне пределов миров Вселенной, переходящие к существованию из вневременной бездны пустоты, взрывающиеся жизнью и затем, подобно пузырям, исчезающие; время и вновь время; жизнь в многообразии; повсеместное страдание; каждое существо сдерживается узким и тесным кольцом самого себя, бичующее, убивающее, ненавидящее и жаждущее мира после достигнутой победы, — все это дети, безумные образы мимолетного, но неистощимого продолжительного мирового сна Всевидящего, сущность которого является сущностью Пустоты, — «Бог, который смотрит вниз с сочуствием».

Но это имя означает также: «Бог, который виден внутри»[115]. Все мы — отражения образа Бодхисаттвы. В нас страдает именно это божественное существо. Мы и этот оберегающий отец являемся одним. Это — спасительное прозрение. Защищающий отец пребывает в каждом встреченном человеке, и поэтому необходимо понять, что, хотя это невежественное, ограниченное, оберегающее только себя и страдающее тело может

считать, что некто другой — враг — несет ему угрозу, этот некто тоже является Богом. Великан уничтожает нас, но герой, подготовленный кандидат проходит инициацию «как мужчина»; но смотрите же, это был отец: мы в Нем, и Он в нас[116]. Любимая оберегающая мать нашего тела не способна защитить нас от Великого Отца Змея. Смертное материальное тело, которым она одарила нас, было вверено его пугающему могуществу. Но смерть не означает конец. Нам даруется новая жизнь, новое рождение, новые знания о существующем (чтобы мы, подобно Бодхисаттве, могли жить не только физически, но и во всех своих телах, во всех физических проявлениях мира). Отец сам стал утробой, матерью, вторым рождением[117].

В этом значение образа двуполого бога. Он является загадкой смысла инициации. Нас отнимают от матери, пережевывают по кусочкам и делают частью мироуничтожающего тела людоеда-великана, для которого все утонченные формы и существа являются всего лишь яствами на пиршестве; но затем, чудесным образом перерожденные, мы становимся чем-то большим, чем были раньше. Если Бог является племенным, расовым, национальным или сектантским архетипом, мы становимся воителями его дела; но если он есть Господь всей вселенной, мы выступаем в роли посвященных, для которых *все* люди — братья. В любом случае, преодолеваются детские образы родителей и идеи «добра» и «зла». Мы больше не испытываем ни желаний, ни страхов; мы являемся тем, что желало и боялось раньше. В нас, словно в нимбе могущественного держателя лотоса мира, сосредоточились все боги, бодхисаттвы и будды.

Поэтому: «Пойдем и возвратимся к Господу! ибо Он уязвил — и Он исцелит нас, поразил — и перевяжет наши раны; оживит нас через два дня, в третий день восставит нас, и мы будем жить пред лицем Его. Итак познаем, будем стремиться познать Господа; как утренняя заря — явление Его, и Он придет к нам как дождь, как поздний дождь оросит землю»

Таков смысл первой удивительной особенности Бодхисаттвы: андрогинного характера его образа. Благодаря этому соединяются два, казалось бы, проти- воложных мифологических приключения: Встреча с Богиней и Воссоединение с Отцом. В первом из них инициируемый постигает, что мужское и женское начала являются, как это выражено в «*Брихадараньяка Упанишад*», «двумя половинами расколовшейся горошины»[119], тогда как во втором обнаруживается, что Отец предшествует разделению полов: местоимение «Он» было лишь оборотом речи, а миф о Сыне, который служил

направляющим побуждением, должен быть уничтожен. И в обоих случаях оказывается (или, скорее, вспоминается), что сам герой является тем, что он стремился найти.

Второе чудо, которое следует выделить в мифе о Бодхисаттве, кроется в уничтожении различия между жизнью и освобождением от жизни — которое символизируется, как мы уже отмечали, отречением Бодхисаттвы от Нирваны. *Нирвана* означает «Тушение Тройного Огня Желания, Враждебности и Иллюзии»[120]. Читатель может вспомнить о том, что в легенде об Искушении под Деревом Бодхи (см. ранее, стр. 31—32) антагонистом Будущего Будды был Кама-Мара, имя которого буквально означает «Желание-Враждебность», или «Любовь и Смерть», чародей Иллюзии. Он являет собой персонификацию Тройного Огня и трудностей окончательного испытания, последним стражем порога, одолеть который предстоит герою в его возвышенном путешествии к Нирване. Подавив в себе во время решающей схватки последние тлеющие угли Тройного Огня, который является движущей силой Вселенной, Спаситель изображается отражающим, как зеркало, все, что его окружает: последние всплески фантазий его примитивной физической воли, стремящейся жить так, как живут остальные человеческие существа, — жить в соответствии с обычными побуждениями желаний и отвращений, в иллюзорном окружении феноменальных причин, следствий и средств. Его атакует последняя ярость пренебрегаемой плоти. Все зависит от этого мгновения, ибо даже из крохотного уголька может вновь разгореться большой пожар.

Эта прославленная легенда представляет великолепный пример тесных отношений, которыми связаны на Востоке миф, психология и метафизика. Эта яркая персонификация готовит интеллект к доктрине взаимной зависимости внутреннего и внешнего миров. Без сомнения, читатель был поражен определенным сходством этой древней мифологической доктрины динамики души с учениями современной фрейдистской школы. Согласно последней, желание жизни (*эрос*, или *либидо*, что соответствует буддистскому понятию *кама,* «страсть») и желание смерти (*танатос*, или *деструдо*, равнозначные буддистскому *мара,* «враждебность», «смерть») являются двумя побудительными причинами, которые не только побуждают личность изнутри, но и оживляют для нее окружающий мир . Более того, гнездящиеся в подсознательном иллюзии, на основе которых возникают желания и враждебность, рассеиваются в обеих системах психологическим анализом (санскрит: *вивека)* и прозрением (санскрит: *видъя)*. И все же цели этих двух учений — древнего и современного — не совсем одинаковы.

Психоанализ представляет собой методику лечения личностей, чрезмерно страдающих от неверно направленных подсознательных желаний и отвращений, которые сплетают вокруг них индивидуальную паутину воображаемых страхов и противоречивых стремлений; освобожденный от них пациент обнаруживает, что он способен достаточно удовлетворительно участвовать в восприятии более реалистичных страхов, отвращений, в эротических и религиозных практиках, деловых предприятиях, войнах, развлечениях и семейных делах, предлагаемых ему его культурной средой. Но для того, кто намеренно предпринял трудное и опасное путешествие за пределы своей деревни, подобные интересы также должны считаться основанными на ошибке. Таким образом, цель рассматриваемого нами религиозного учения заключается не в исцелении пациента путем его возвращения к более всеобщим иллюзиям, а в освобождении его от иллюзий вообще; не в исправлении набора желаний *(эрос)* и отвращений *(танатос)* — это лишь породило бы новую иллюзорную обстановку, — но *уничтожение* этих движущих сил вплоть до их корней, в соответствии с известным буддистским Восьмистадийным Путем:

Правильное суждение. *Правильное побуждение*. *Правильная речь*.
Правильные действия. *Правильное отношение к жизни*. *Правильные усилия*,
Правильная умственная деятельность. *Правильное созерцание.*

С окончательным «искоренением иллюзий, желания и отвращения» (*нирвана*) разум начинает понимать, что он не есть то, что он думает: мышление уходит, а разум покоится в своем истинном состоянии. В нем он пребывает до тех пор, пока не разрушится тело.

Как на звезды, тьму, светильник, призрак, росу и пузырь.
Как на сон, вспышку молнии и облако:
Так следует смотреть на все сотворенное[122]

Бодхисаттва, однако, не покидает жизнь. Вновь обратив свою заботу от внутренней сферы превосходящей мышление истины (которая может быть описана только как «пустота», ибо пребывает за пределами возможностей речи) вовне, к феноменальному миру, он воспринимает снаружи тот же океан бытия, какой обнаружил внутри. «Форма есть пустота, пустота и есть форма. Нет формы помимо пустоты, нет пустоты помимо формы. Так же и восприятие, именование, концепции и знания пусты»[123]. Преодолев иллюзии своего прежнего самоутверждающего, самооборонающего, самоозабоченного

эго, он обнаруживает один и тот же покой и внутри, и вовне. То, что он наблюдает снаружи, представляет собой видимый аспект величайшей, превосходящей мышление пустоты, на которой основано его восприятие эго, формы, чувств, речи, концепций и знаний. И тогда он исполняется состраданием к запугивающим самих себя существам, пребывающим в объятиях собственных кошмаров. Он восстает, обращается к ним и вселяется в них, в лишенном эго центре, благодаря которому во всей своей простоте проявляется принцип пустоты. В этом и заключается его великий «акт сострадания», ибо на его примере обнаруживается, что для того, в ком погас Тройной Огонь Желания, Враждебности и Иллюзии, мир *есть* Нирвана. От такого существа ко всем нам исходят «волны даров». «Эта жизнь в мире является деятельностью самой Нирваны; ни малейшего отличия между ними не существует»[124].

Таким образом, можно сказать, что в современной терапии исцеление, целью которого является возвращение к жизни, достигается в конечном счете средствами древнего религиозного учения, просто круг путешествия Бодхисаттвы чрезвычайно велик, а его исход из мира считается не ошибкой, а первым шагом благородного пути, на последнем повороте которого обретается прозрение в отношении глубочайшей пустоты всеобщего круговорота. Подобный идеал хорошо известен и в индуизме: человек, освобожденный от жизни (*джи- ван мукта),* лишенный желаний, сострадательный и мудрый. «Йогой приведенное в гармонию "я" видит Высшее Я пребывающим во всем сущем и все сущее пребывающим в Высшем Я; всюду оно видит одно. [...] живет во Мне, каков бы ни был его образ жизни»[125].

Рассказывают историю о философе-конфуцианце, обратившемся к Двадцать Восьмому буддистскому Патриарху Бодхидхарме с мольбой «успокоить его душу». Бодхидхарма тут же сказал: «Предъяви ее — и я успокою ее». Конфуцианец ответил: «В том-то и беда, что я не могу найти ее», и Бодхидхарма сказал: «Твое желание исполнено». Конфуцианец постиг эти слова и ушел в покое[126].

Те, кто понимает не только то, что Вечность пребывает в них, но и то, что они, как и все сущее, в действительности *являются* Вечностью, живут в рощах исполняющих желания деревьев, пьют напиток бессмертия и всюду слышат недоступную слуху музыку извечной гармонии. Они — бессмертные. Китайские и японские пейзажные картины даосов в совершенстве изображают небесность этого земного состояния. Четыре вида благотворных животных — феникс, единорог, черепаха и дракон — обитают среди

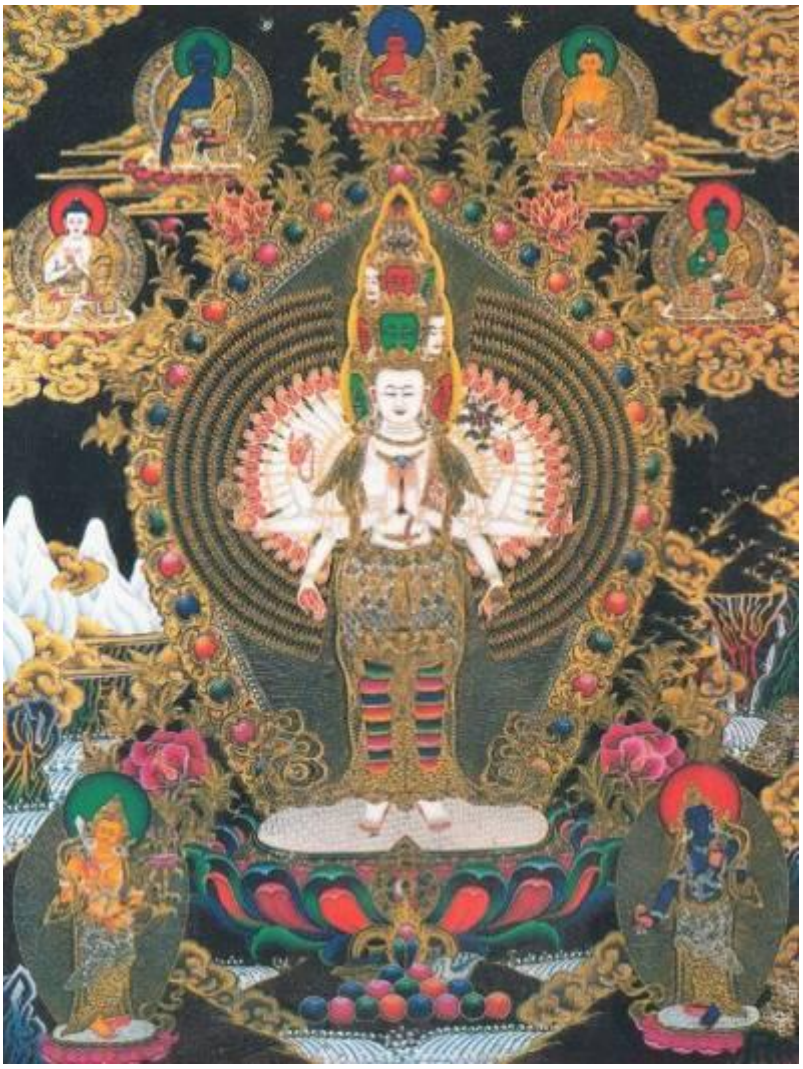
ивовых садов, бамбуковых зарослей и сливовых деревьев, в туманах священных гор, неподалеку от прославленных мест. Мудрецы с искривленными телами, но вечно юным духом медитируют среди этих скалистых пиков, пересекают волны бессмертия верхом на причудливых символических животных или ведут очаровательные беседы за чашкой чая под звуки флейты Лань Цайхэ.

Хозяйкой этого небесного рая китайских бессмертных является волшебница-богиня Си-Ванму, «Золотая Мать Черепахи». Она живет во дворце на горе Куньлунь, окруженной ароматными цветами, с зубцами из драгоценностей и садом за золотой стеной[127]. Богиня соткана из чистой квинтэссенции западного ветра. На периодическом «Празднестве Персиков» (отмечается во время созревания персиков бессмертия, раз в шесть тысяч лет) изящные дочери Золотой Матери угощают гостей в беседках и шатрах у Озера Драгоценных Камней. Его воды образуют здесь огромный фонтан. Гости вкушают костный мозг феникса, печень дракона и прочие яства, а персики и вино одаряют их бессмертием.

Слышна музыка незримых инструментов и песни, исходящие не из смертных уст, а танцы дев становятся проявлением радости вечности во времени .

Японская чайная церемония проводится в духе даосского земного рая. Чайная комната, которая называется «обителью фантазии», представляет собой эфемерную структуру, созданную для ограждения мгновений поэтической интуиции. Ее называют иначе «обителью пустоты»: эта комната лишена украшений. Обычно в ней можно увидеть лишь один рисунок или композицию из цветов. Чайный домик называется «обителью несимметричного»: несиммет ричное предполагает движение, а то, что намеренно незавершено, оставляет пустоту, позволяющую наполнить себя потоком воображения наблюдателя.

Ил. XI. Бодхисаттва (Китай)



Ил. XII. Бодхисаттва (Тибет)

Гость приближается к зданию по садовой дорожке, после чего ему приходится согнуться, чтобы проникнуть в низкий дверной проем. Он почтительно кланяется рисунку или букету цветов и кипящему чайнику и занимает свое место на полу. Самый простой предмет, облагороженный сдержанной простотой чайного домика, предстает перед участником в своей загадочной красоте, а окружающая тишина несет в себе тайну преходящего существования. Каждому гостю предоставляется возможность обогатить восприятие самого себя. Таким образом участники церемонии созерцают Вселенную в миниатюре и начинают осознавать свое скрытое братство с бессмертными.

Великие мастера чайных церемоний заботились о том, чтобы превратить это божественное чудо в чувственное восприятие; затем это воздействие переносилось из чайного домика в домашнюю обстановку, а из дома растекалось по всей стране[129]. В течение продолжительного и мирного периода Токугавы (1603—1868), до появления в 1854 году Коммодора Перри, ткань жизни японцев была настолько пропитана подобными примечательными формализация- ми, что их исполнение вплоть до малейших деталей стало сознательным выражением вечности, а сама обстановка — святилищем. Подобным образом всюду на Востоке, в доколумбовой Америке и по всему древнему миру общество и природа представали для разума невыразимыми. «Растения, скалы, огонь, вода, все живое. Они наблюдают за нами и понимают наши нужды. Они видят, когда мы остаемся совершенно беззащитными, — говорит старый рассказчик из племени апачей, — и тогда они открываются и разговаривают с нами»[130]. Буддист назвал бы это «поучением неодушевленного».

Один индийский аскет, который прилег отдохнуть у священного Ганга, возложил ноги на символ Шивы («лингам», объединяющий образы фаллоса и вульвы и символизирующий союз этого Бога с его супругой). Проходивший мимо священник увидел расположившегося таким образом человека и упрекнул его. «Как ты смеешь осквернять символ Бога, опустив на него ноги?» — гневно спросил священник. Аскет ответил: «Добрый господин, я прошу прощения; но не будете ли вы столь любезны, чтобы поднять мои ноги и найти для них то место, где нет священного лингама?» Священник схватил аскета за лодыжки и переместил их вправо, но, как только он опустил их, из земли вырос фаллос, и ноги оказались в том же положении, что и раньше. Он вновь схватил их и сдвинул влево, но они опустились прямо на мгновенно выросший из земли

фаллос. «О, я понял!» — сказал пристыженный священник; он низко поклонился отдыхающему святому и пошел своей дорогой.

Третье чудо мифа о Бодхисаттве заключается в том, что первое чудо (а именно, его двуполая форма) является символическим отражением второго (тождества вечности и времени), ибо на языке божественных образов мир времени представляет собой огромное материнское лоно. В нем жизнь, порождаемая отцом, смешивается с материнской тьмой и отцовским светом [131]. Мы зачаты в этом лоне и пребываем в нем отделенными от отца, но, когда мы покидаем лоно времени в момент смерти (являющийся мигом рождения в вечности), мы предаемся его рукам. Мудрые, даже пребывая в этой утробе, осознают, что они изошли от отца и возвращаются к нему, но мудрейшие знают, что в сущности своей она и он есть одно.

В этом заключается значение тех тибетских образов, на которых изображено слияние будд и бодхисаттв с их собственными женскими аспектами и которые показались столь непристойными многим христианским критикам. В соответствии с одной из традиционных точек зрения на эти помогающие в медитации образы, женская форма (тибетское *юм)* рассматривается как время, а мужская (*яб)* — как вечность. Союз этих двух начал порождает мир, в котором все существующее является одновременно и преходящим, и вечным, поскольку создано по подобию самопознающего двуполого Бога. Путем медитации инициируемого подводят к воспоминанию этой Формы Форм (*яб-юм*) в самом себе. С другой стороны, мужской образ можно считать символом принципа, метода посвящения; женское начало в этом случае обозначает цель, к которой стремится инициируемый. Однако эта цель — Нирвана (вечность), и именно по этой причине мужское и женское начала следует поочередно представлять себе как время и как вечность. Таким образом, можно сказать, что эти два есть одно, каждое есть оба, а их дуальная форма *(яб-юм)* является всего лишь результатом иллюзии, которая сама по себе, впрочем, ничем не отличается от просветления[132].

Это — высочайшее олицетворение великого парадокса, благодаря которому разрушается стена между парами противоположностей, и кандидат допускается к зрелищу Бога, создавшего его мужчиной и женщиной, когда творил человека по своему образу. В правой руке мужского начала — палица грома, означающая само это начало; в левой руке зажат колокольчик, символизирующий богиню. Молния означает как метод, так и вечность, а колокольчик —

«просветленный разум»: его звон является прекрасным звуком вечности, доступным слуху чистого разума во всем сотворенном, то есть — в нем самом .

Именно этот звон раздается на христианской мессе в тот момент, когда Бог, призванный силой священных слов, нисходит в хлеб и вино. И христианское понимание значения этого нам знакомо: *Et Verbum саго factum est*[iyi] — то есть «О Сокровище в сердцевине Лотоса»: *Ом мани падмехум*[135].

6. ОКОНЧАТЕЛЬНАЯ НАГРАДА

Когда принц Уединенного Острова шесть дней и ночей оставался на золотом ложе с Королевой Таббер Тинтай — ложе опиралось на колеса из золота, и колеса непрестанно вращались; ложе двигалось по кругу, не останавливаясь ни днем, ни ночью, — на седьмой день он сказал: «Теперь мне пора покинуть это место». Он спустился с ложа и наполнил три бутыли водой из пылающего колодца. В золотых покоях был стол, сделанный из чистого золота, и на столе лежали баранья нога и ломоть хлеба; и даже если бы все люди Ирландии круглый год питались бы с этого стола, баранина и хлеб оставались бы нетронутыми на вид.

«Принц присел за стол, вдоволь наелся мяса и хлеба и оставил их такими, какими они были до того. Потом он поднялся, взял свои три бутыли, положил их в котомку и собрался было выйти из комнаты, но сказал самому себе: "Стыдно было бы уйти отсюда, не оставив чего-то, чтобы Королева могла узнать, кто был здесь, пока она спала". И он написал письмо, гласившее, что сын короля Ирландии и королевы Уединенного Острова провел шесть дней и ночей в золотых покоях Таббер Тинтай, взял с собой три бутыли воды из пылающего колодца и поел у золотого стола. Положив эту записку под подушку Королевы, он вышел, подошел к открытому окну, спрыгнул на спину тощей и косматой лошаденки и пересек лес и реку живым - невредимым»[136].

Легкость, с какой в этом случае заканчивается приключение, указывает на то, что герой является сверхчеловеком, королем от рождения. Подобной легкостью отличаются многие волшебные сказки и все легенды о деяниях воплощенных богов. Там, где обычный герой встретился бы с испытаниями, избранный не совершает ошибок и не сталкивается с какими-либо задерживающими препятствиями. Колодец олицетворяет Пуп Земли, его пылающая вода — неразрушимую суть существования, а непрестанно вращающееся ложе — Мировую Ось. Спящий замок является той последней бездной,

где нисходящее сознание погружается в сновидение, где жизнь личности оказывается на грани растворения в однородной энергии — такое растворение означало бы смерть, но смертью стало бы и возвращение без огня. Мотив неистощимого блюда, извлеченный из младенческих фантазий и символизирующий бесконечные жизнетворящие, формообразующие силы всеобщего источника, является сказочным двойником мифологического образа рога изобилия и пиршества богов. С другой стороны, объединение двух великих символов встречи с богиней и похищения огня с ясностью и простотой показывает статус антропоморфических сил в царстве мифа. Они важны не сами по себе, но как стражи, воплощения или дарители напитка, молока, пищи, огня или иного блага неразрушимой жизни.

Такую образность можно с готовностью истолковать как изначально — хотя и не исключительно — психологическую, поскольку в ранних стадиях развития ребенка легко заметить симптомы пробуждающейся «мифологии» состояния вне превратностей времени. Они возникают как реакция или самопроизвольная борьба с фантазиями о разрушении тела — фантазиями, которые обуревают ребенка, когда его лишают материнской груди [137]. «Дитя реагирует вспышками раздражения, и они сопровождаются фантазиями, в которых он вырывает что-либо из тела матери. [...] Затем ребенок начинает опасаться возмездия за такие порывы, то есть боится, что нечто будет вырвано из его собственного тела»[138]. Формирующуюся душу начинают направлять обеспокоенность целостностью своего тела, фантазии восстановления прежнего положения, молчаливое, глубокое желание неразрушимости и защиты от «злых» сил как извне, так и снаружи; эти факторы остаются определяющими и в более поздних невротических — и даже обычных — формах жизненной деятельности, духовных стремлений, религиозных верований и ритуальных отправлений взрослого человека.

К примеру, практика шаманизма, этого ядра любого первобытного общества, «возникает [...] на основе детских фантазий о разрушении тела средствами набора защитных механизмов»[139]. Основные представления австралийцев заключаются в том, что духи удаляют из тела шамана внутренности и заменяют их галькой, кристаллами кварца, длинной веревкой, а иногда и небольшой змеей, наделенной особой силой[140]. «Первой формулой является высвобождение эмоционального напряжения путем воспоминаний о травмирующих впечатлениях в воображении ("мой внутренний мир уже уничтожен"), за которой следует реакция-формирование ("мой внутренний мир не есть нечто

испорченное и наполненное испражнениями; это нечто, не способное испортиться и наполненное кристаллами кварца"). Вторая формула — проекция: "В тело пытаюсь проникнуть не я, а неизвестные волшебники, ранящие людей субстанциями болезней". Третья формула — восстановление исходного состояния: "Я не желаю испортить внутренний мир людей, я излечиваю их". В то же время, однако, исходный элемент фантазии о извлечении ценного содержимого из тела матери возвращает к методикам исцеления: высасыванию, выдергиванию, вычищению чего-либо из пациента»[141].

Другой образ неразрушимости представлен в народном сознании идеей о духовном «двойнике» — некоей внешней душе, неподверженной потерям и повреждениям настоящего тела и существующей в каком-то отдаленном безопасном месте[142]. «Моя смерть, — говорит один великан, — далеко отсюда, и ее трудно найти в бескрайнем океане. В том море есть остров, на острове растет зеленый дуб, под дубом сундук, в сундуке корзинка, в корзинке заяц, в зайце утка, а в утке — яйцо. Кто найдет это яйцо и разобьет его, убьет меня в тот же миг» [143]. Сравним со сновидением преуспевающей деловой девушки: «Меня выбросило на пустынный остров. Там был католический священник. Он прокладывал доски от этого острова к другому, чтобы люди могли переходить между ними. Мы перешли на другой остров, и там я спросила у встретившейся женщины, откуда я пришла. Она ответила, что я ныряла вместе с какими-то ныряльщиками. Затем я отправилась куда-то вглубь острова и обнаружила пруд с прекрасной водой, полный драгоценностей и сокровищ; в нем в водолазном костюме была другая "Я". Я стояла и смотрела вниз на саму себя»[144]. Существует очаровательная индийская сказка о царской дочери, которая могла выйти замуж лишь за того, кто найдет и разбудит ее двойника в Стране Лотоса Солнца, на дне океана[145]. Прошедший инициацию австралиец после женитьбы препровождается своим дедом в священную пещеру, где ему показывают небольшой кусок дерева, покрытый аллегорическими узорами. «Это, — говорят ему, — твое тело; ты и это — одно и то же. Не переноси это в другое место, иначе ты испытаешь боль»[146]. Манихеи и христиане-гностики первых столетий нашей эры учили, что, когда душа праведника восходит в рай, ее встречают святые и ангелы, приносящие предназначенные ему «одеяния света».

Высший дар, необходимый для обретения Неразрушимого Тела, неизменно пребывает в Рае Неистощимой Молочной Реки. «Возвеселитесь с Иерусалимом и радуйтесь о нем, все любящие его! возрадуйтесь с ним радостью, все сетовавшие о нем, чтобы нам

питаться и насыщаться от сосцев утешений его, упиваться и наслаждаться преизбытком славы его. Ибо так говорит Господь: вот, Я направляю к нему мир как реку [...] поток для наслаждения вашего; на руках будут носить вас и на коленах ласкать»[147].

Духовная и телесная пища, облегчение сердца являются «всеисцеляющим» даром, неистощимым сосцом. Гора Олимп возносится к самым небесам; боги и герои пиршествуют на ней, угощаясь амброзией (а — «не»; *брозос*— «смертный»). В высокогорном замке Одина четыре сотни и тридцать две тысячи героев едят неуменьшающееся мясо Сэхримнира, Космического Вепря, и пьют мед, текущий из вымени богини-козы Хейдрун: она питается листьями Иггдрасиль, Мирового Ясеня. Среди сказочных холмов Ирландии бессмертные Племена Богини Дану поедают самообновлящихся свиней Мананнана, упиваясь элем Гоибниу. В Персии боги, отдыхающие в горном саду на горе Хара Березаити, пьют напиток бессмертия *хаома*, сок Дерева Гаокерена, древа жизни. Японские боги пьют *сакэ*, полинезийские — *авэ*, а боги ацтеков — кровь мужчин и девиц. Праведников Яхве угощает в своем саду неистощимой и восхитительной плотью чудовищ Бегемота, Левиафана и Цица и поит их водами четырех сладких рек рая[148].

Очевидно, что детские фантазии, которыми все мы по-прежнему тешимся в бессознательном, непрерывно перетекают в миф, волшебную сказку и церковные учения в качестве символов неуничтожимого бытия. Это очень полезно, поскольку рядом с этими образами разум чувствует себя как дома, и, судя по всему, они помогают ему вспоминать ранее известное. Впрочем, это обстоятельство является и препятствующим, ибо в пределах этих символов чувства находят покой и страстно сопротивляются любым попыткам выйти за их пределы. Предел, за которым символы уступают и позволяют превзойти себя, становится огромной бездной, отделяющей младенчески блаженные массы людей, наполняющие мир благоговением, от подлинной свободы. «О вы, которые в челне зыбучем, желая слушать, плыли по волнам вослед за кораблем моим певучим, поворотитесь к вашим берегам! — пишет Данте, покидая Земной Рай. — Не доверяйтесь водному простору! Как бы, отстав, не потеряться вам! Здесь не бывал никто по эту пору: Минерва веет, правит Аполлон, Медведиц — Музы указуют взору»[149].

Вот та черта, за которую не заходит мышление, за которой все чувства воистину мертвы; она подобна последней стоянке в предгорьях, откуда альпинисты начинают восхождение и куда они возвращаются, чтобы беседовать с теми, кто любит горный воздух, но боится

высоты. Невыразимое знание об этой красоте, превосходящей любые фантазии, возвращается к нам облаченным, в силу неизбежной необходимости, в образы, вызывающие воспоминания о воображаемых прелестях детства. В этом заключается и причина недостаточности любого чисто психологического их толкования[150].

Под воздействием искусного мифологического толкования в духе метафизической доктрины, утонченность юмора инфантильного воображения предстает перед нами в великолепной форме одного из наиболее известных великих мифов восточного мира: *в индийской легенде о битве между титанами и богами за напиток бессмертия в изначальные времена. Древний творец земли Кашьяпа («Черепаха») был женат на тринадцати дочерях еще более древнего демиурги- ческого основателя Дакши, «Бога Добродетели». Две его дочери по имени Дити и Адити подарили жизнь соответственно титанам и богам. Многие сыновья Кашьяпы были убиты в непрекращающейся цепи семейной вражды, но однажды, благодаря великой суровости жизни и медитациям, верховный священник титанов снискал расположение Шивы, Бога Вселенной, и Шива наделил его способностью воскрешать умерших. Это предоставило титанам значительное преимущество, и боги быстро ощутили его в следующей же битве. Они в смятении удалились и, посовещавшись, обратились к высшим божествам, Брахме и Вишну*[151]*. Те посоветовали им заключить с врагами-братьями временный мир, во время которого титаны должны были помочь им в пахтанье Молочного Океана и извлечении из него масла — Амриты* (а — «не»; *мрита* — «смертный»), «нектара бессмертия». *Польщенные этим приглашением, которое они сочли признанием их превосходства, титаны с удовольствием приняли участие в пахтанье — так началось эпохальное совместное приключение в начале четырех эпох мирового цикла.*

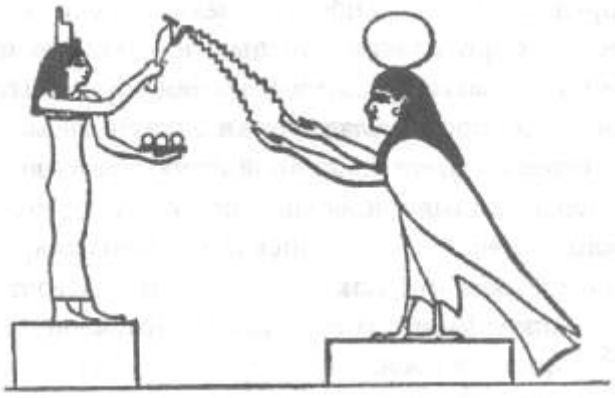


Рис. 7. Исида, дарующая хлеб и воду душе

В качестве мутовки была выбрана гора Мандару. Васуки, Царь Змеев, согласился стать веревкой для вращения горы. Сам Вишну в облике черепахи погрузился в Молочный Океан, чтобы подпереть спиной основание горы. Боги взялись за один конец веревки, обвили ее вокруг Мандару и вручили второй конец титанам. После этого все собравшиеся в течение тысячелетий пахтали океан.

Первым, что поднялось на поверхность моря, был черный ядовитый дым под названием Калакута, «Черная Вершина», то есть высшее средоточие могущества смерти. «Испейте меня», — сказал Калакута, и пахтанье не могло продолжаться, пока не найдется кто-то способный выпить весь яд. Поодаль отстранение восседал Шива. Величественно, оставив положение глубокой, направленной внутрь медитации, он приблизился к собравшимся на пахтанье Молочного Океана. Собрав смертоносный налет Калакуты в чашу, он проглотил ее одним глотком, но с помощью своих йогических сил удержал ее в горле, и его шея стала синей. Поэтому Шиву называют иначе Нилакантха, «Синяя Шея».

После этого пахтанье возобновилось, и из неистощимых глубин начали поочередно подниматься утонченные формы сосредоточенной силы. Возникли апсары (нимфы), богиня судьбы Лакшми, молочно-белый конь по имени Уч- чайхшравас, «Громкое Ржание», жемчужина среди драгоценных камней Каус- тубха и другие сущности и предметы, общим числом тринадцать. Последним появился искусный врач Дханвантари, который держал в руках луну, чашу нектара жизни.

Немедленно началось великое сражение за обладание бесценной чашей. Одному из титанов, Раху, удалось сделать глоток из чаши, но ему отсекли голову прежде, чем жидкость успела миновать горло, поэтому тело его разложилось, а голова осталась бессмертной. Она продолжает вечно преследовать луну в небесах, вновь пытаясь схватить ее, но даже если ей это удается, чаша с легкостью входит в ее рот и выходит через горло — ив эти моменты происходят лунные затмения.

Тем временем Вишну, испугавшийся, что боги могут потерять добытое преимущество, обернулся прекрасной танцующей девой. И пока титаны, которые были довольно сластолюбивыми парнями, застыли, очарованные обаянием девы, она схватила луну-чашу Амриты, махнула ею, поддразнивая титанов, и неожиданно передала богам. Вишну немедленно принял прежнюю форму могущественного героя, присоединился к

богам в битве с титанами и помог им загнать врагов в скалы и темные пропасти в глубинах земли. С тех пор боги вечно вкушают Амриту в своих прекрасных дворцах на центральной вершине мира, горе Сумеру[152].

Юмор является основной особенностью подлинной мифологии, отличающей ее от более прямолинейного и сентиментального теологического расположения духа. Боги как образы не являются конечной целью. Захватывающие мифы переносят разум и дух *не к ним,* но *за их пределы,* в кроющуюся за ними пустоту. И с этой позиции самые громоздкие теологические догмы выглядят всего лишь педагогическими хитростями; их функция заключается в том, чтобы перенести неповоротливый интеллект из его плотного хаоса фактов и событий в сравнительно разреженную область, где в качестве окончательной награды все сущее — небесное, земное или инфернальное — можно, наконец, узреть преображенным в подобие легких и мимолетных, повторяющихся и простых детских сновидений о блаженстве и страхе.

«С одной стороны, все эти божества существуют, — сказал недавно тибетский лама, отвечая на вопросы мыслящего западного гостя, — но, с другой стороны, они нереальны» . В этом заключается ортодоксальное учение древних тантр: «Все мысленно видимые божества являются не чем иным, как символами, олицетворяющими различные события, происходящие на Пути»[154], равно как и доктрина современных школ психоанализа . То же мета-теологическое прозрение, судя по всему, кроется в завершающих строфах Данте, где он описывает просветленного путешественника, который оказывается, наконец, способным перевести отважный взгляд с дарящего блаженство зрелища Отца, Сына и Святого Духа к единому Вечному Свету[156].

Таким образом, боги и богини должны пониматься как телесные воплощения и хранители эликсира Неуничтожимого Бытия, но не как нечто Окончательное в своем основном облике. В своем общении с ними герой пытается найти не их самих, но их благоволение, то есть силу поддерживающей их субстанции. Неуничтожимой является именно эта — и только эта — чудодейственная энергия-субстанция, но имена и облики божеств, которые воплощают ее в себе, распространяют и олицетворяют ее, возникают и исчезают. Эта субстанция — чудесная энергия молний Зевса, Яхве и Верховного Будды, плодородный дождь Виракочи, благость, о которой возвещает колокольный звон мессы при причастии , и свет окончательного просветления святого и мудреца. Даже ее стражи осмеливаются высвобождать эту энергию только при настоятельной необходимости.

Но боги могут оказаться слишком суровыми и сверхосторожными, и в этом случае герою приходится овладевать их сокровищем с помощью хитрости. Такая задача, к примеру, возникла перед Прометеем. В подобном расположении духа даже верховные боги предстают злобными, утаивающими благо великанами, и герой, которому удается обмануть, сразить или умиротворить их, почитается как спаситель мира.

Полинезийский Мауи выступил против Маху-ики, стража огня, намереваясь вырвать у него это сокровище и вернуть его человечеству. Мауи пришел прямо к гиганту Маху-ика и сказал ему: «Очисти это плоское поле от кустарников, чтобы мы могли померяться силами в дружеской борьбе». Необходимо объяснить, что Мауи был великим героем и талантливым изобретателем.

«Маху-ика спросил: "В каком искусстве доблести мы будем соперничать?"

"В искусстве подбрасывания", — ответил Мауи.

Маху-ика согласился на это; тогда Мауи спросил: "Кто начнет?"

Маху-ика ответил: "Я начну".

Мауи подтвердил свое согласие, и Маху-ика схватил его и подбросил в воздух; тот поднялся высоко в небо и упал вниз прямо в руки Маху-ики; Маху- ика вновь подбросил Мауи, приговаривая: "Бросок, бросок — выше лети!"

Мауи поднимался все выше, а Маху-ика прочитал такое заклинание:

Выше лети на первое небо,

Выше лети на второе небо,

Выше лети на третье небо,

Выше лети на четвертое небо,

Выше лети на пятое небо.

Выше лети на шестое небо,

Выше лети на седьмое небо,

Выше лети на восьмое небо.

Выше лети на девятое небо,

Выше лети на десятое небо!

Мауи несколько раз перевернулся в воздухе, потом начал падать вниз и свалился прямо позади Маху-ики; тогда Мауи сказал: "Похоже, тебе очень весело!"

"Ну конечно! — воскликнул Маху-ика. — И ты считаешь, что сможешь заставить кита летать в небе?"

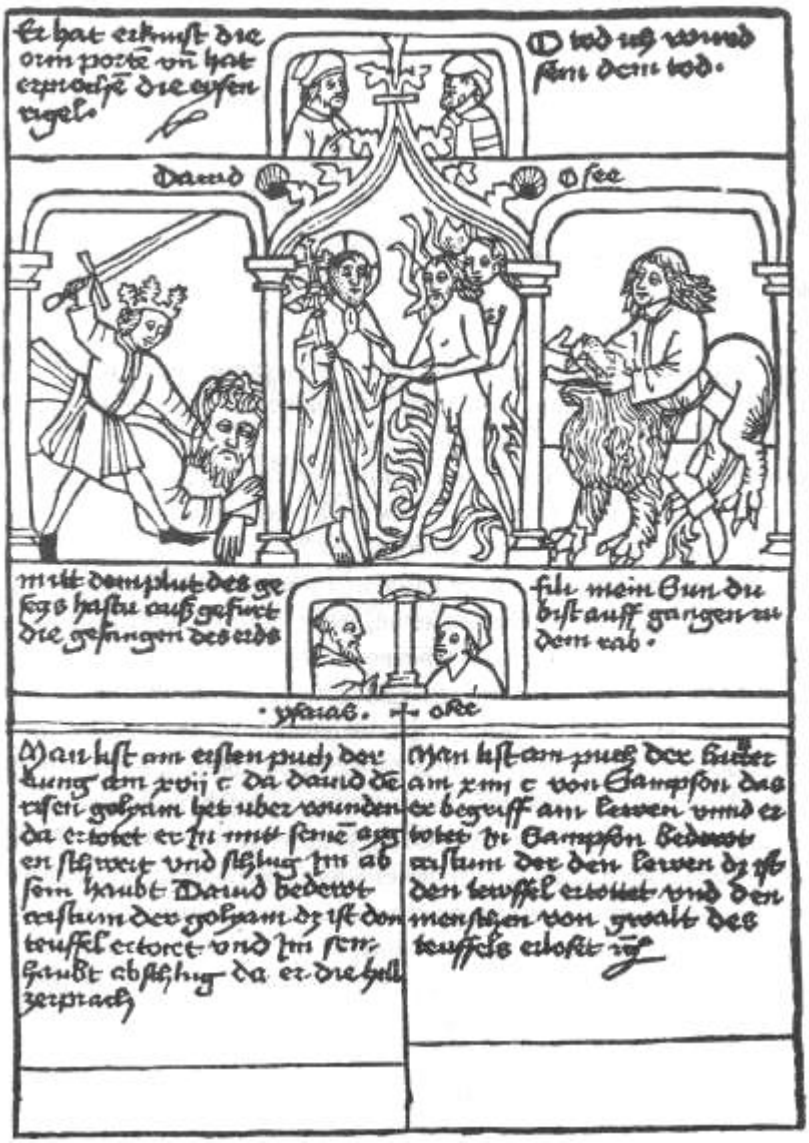


Рис. 8. Победа над чудовищем. Давид и Голиаф; Выведние из Ада; Самсон и лев "Попробую!" — ответил Мауи.

Маху-ика несколько раз перевернулся в воздухе и начал падать вниз, но, когда он почти коснулся земли, Мауи проговорил такие волшебные слова: "Тот, вверху, — пусть он ударится о землю головой!"

Маху-ика упал на землю, его шея полностью сложилась, так что он умер».

Герой Мауи тут же схватил голову гиганта Маху-ики и отрезал ее, а потом завладел сокровищем огня и подарил его миру .

Величайшей историей о поиске эликсира в месопотамской, добиблейской традиции является сказание о Гильгамеше, *легендарном царе шумерского города Урука, который*

отправляется за цветком бессмертия, растением «Никогда- не-старей». После того как он невредимым минует львов, охраняющих подступы к холмам, и людей-скорпионов, приглядывающих за горами, на которые опирается небосвод, он находит в горах райский сад цветов, плодов и драгоценных камней. Продолжая свой путь, он выходит к морю, окружающему мир. В пещере у самой воды живет Сидури-Сабиту, проявление богини Иштар, и эта женщина, укрытая покрывалом, затворяет перед ним дверь. Но когда он рассказывает ей свою историю, она впускает его и советует оставить поиски и научиться наслаждаться радостями бренной жизни:

«Гильгамеш! Куда ты стремишься?
Жизни, что ищешь, не найдешь ты!
Боги, когда создавали человека, —
Смерть они определили человеку,
Жизнь в своих руках удержали.
Ты же, Гильгамеш, насыщай желудок.
Днем и ночью да будешь ты весел.
Праздник справляй ежедневно,
Днем и ночью играй и пляши ты!
Светлы да будут твои одежды.
Волосы чисты, водой омывайся,
Глядя, как дитя твою руку держит,
Своими объятьями радуй подругу —
Только в этом дело человека!»

Но Гильгамеш настаивает, и Сидури-Сабиту дает ему разрешение пройти и рассказывает ему об опасностях пути.

Женщина предлагает ему разыскать корабельщика Уршанаби, и Гильгамеш находит его, валящего деревья в лесу под защитой группы идолов. Гильгамеш разбивает этих стражей (их называют «те, кто радуется жизни», «те, кто из камня»), и корабельщик соглашается переправить его через воды смерти. Это путешествие продолжается полтора месяца. Пассажира предупреждают, чтобы он не касался глади воды.

В далеких землях, куда они направляются, расположено жилище Утнапишти, героя первобытного потопа[160], ныне живущего там со своей женой в покое бессмертия. Утнапишти издалека замечает небольшую ладью, одиноко пересекающую бесконечные

воды, и удивляется в своем сердце: «Почему эти идолы на ладье разбиты, И плывет на ней не ее хозяин? Тот, кто подходит, — не человек он».

Вышедшему на берег Гильгамешу приходится выслушать от партриарха довольно продолжительную декламацию истории потопа. Затем Утнапишти повергает своего гостя в сон, и тот спит в течение шести дней. Утнапишти предлагает своей жене испечь семь хлебов и кладет их в голове спящего у лодки Гильгамеша. После этого Утнапишти касается Гильгамеша, тот пробуждается, и хозяин приказывает корабельщику Уршанаби отвести гостя умыться и сменить одежду. Затем Утнапишти оглашает Гильгамешу тайну растения:

«Я *открою, Гильгамеш, сокровенное слово,*
И тайну цветка тебе расскажу я:
Этот цветок — как терн на дне моря,
Шипы его, как у розы, твою руку уколют.
Если этот цветок твоя рука достанет, —
Будешь всегда ты молод».

Рос этот цветок на дне космического океана.

Уршанаби вновь вывозит героя на воды смерти. Гильгамеш привязывает к ногам камни и ныряет[161]*. Пока корабельщик дожидается его в лодке, герой на пределе сил спешит в глубины. Когда ныряльщик достигает дна бездонного океана, он срывает цветок, хотя и укалывает при этом руку, отрезает от ног камни и направляется к поверхности. Когда он появляется, корабельщик помогает ему забраться в лодку, и Гильгамеш ликующе провозглашает:*

«Уршанаби, цветок тот — цветок знаменитый.
Ибо им человек достигает жизни.
Принесу я его в Урук огражденный,
Накормлю народ мой, цветок испытаю:
Если старый от него человек молодеет,
Я поем от него — возвратится моя юность».

Они вновь пересекают море. Оказавшись на берегу, Гильгамеш купается в яме с холодной водой и ложится отдохнуть. Но, пока он спит, чудесный аромат цветка чует змея; она устремляется к нему и уносит прочь. Съев его, змея немедленно обретает способность сбрасывать свою кожу и, следовательно, возвращаться к юности.

Гильгамеш просыпается, садится и горько плачет: «И слезы катились по стене его носа»

Возможность физического бессмертия до наших дней чарует человеческое сердце. Утопическая пьеса Бернарда Шоу «*Назад к Мафусаилу»,* созданная в 1921 году, превратила эту тему в современную социобиологическую притчу. За четыреста лет до этого более буквально понимающий легенды Хуан Порее де Леон открыл Флориду во время поисков земли «Бимини», где он надеялся найти родник молодости.

Многими столетиями ранее, в далеких краях китайский философ Гэхун провел последние годы своей долгой жизни, изготавливая пилюли бессмертия. «Возьмите три фунта настоящей киновари, — писал Гэхун, — и фунт белого меда. Смешайте их. Высушите смесь на солнце. Затем прожаривайте ее на огне до тех пор, пока из нее можно будет сделать пилюли. Каждое утро принимайте по десять пилюль размером с зернышко конопли. Через год седые волосы станут черными, гнилые зубы снова вырастут, а тело станет гладким и блестящим. Если старец будет принимать эти пилюли достаточно долгое время, он превратится в юношу. Тот, кто будет принимать их постоянно, насладится вечной жизнью и никогда не умрет»[163]. Однажды к одинокому экспериментатору и философу заглянул друг, но он обнаружил только одежды Гэхуна. Старик исчез — он перешел в царство бессмертных[164].

Исследования и поиски *физического* бессмертия являются следствием ошибочного понимания традиционных учений. Основная же их задача противоположна: расширить видение ученика, чтобы *тело* и сопутствующая ему личность не препятствовали более его восприятию. Тогда бессмертие воспринимается как свершившийся факт: «Здесь! Здесь!»[165].

«Все вещи расцветают и возвращаются к своему началу. Травы расцветают, чтобы затем вернуться к корням. Возвращение к началу подобно поиску покоя. Поиск покоя подобен обращению к судьбе. Обращаться к судьбе подобно вечности. Знание вечности есть просветление, а незнание вечности приносит хаос и зло.

Знание вечности приносит мудрость, мудрость приносит открытый разум, а широкий взгляд приносит благородство; благородный подобен небу.

Небо подобно Дао. Дао вечно. Разложения тела не следует страшиться»[166].

У японцев есть поговорка: «Боги только смеются, когда люди просят у них богатства». Благо, которым одаривается молящийся, всегда соразмерно его уровню и соответствует

характеру его преобладающего желания; этот дар является всего лишь символом жизненной энергии, выделяемой согласно потребностям конкретного случая. Разумеется, определенная ирония кроется в том факте, что герой, завоевавший милость бога и имеющий возможность попросить дар совершенного просветления, обычно стремится к долголетней жизни, к оружию, которым он может убивать своих ближних, или к здоровью своих детей.

Греки рассказывает о царе Мидасе, которому Вакх пообещал любую награду, какую он только захочет. Мидас попросил, чтобы все, к чему он ни прикоснется, превращалось бы в золото. По дороге домой он для проверки сорвал ветку дуба, и та мгновенно стала золотой; он подобрал камень, и тот обернулся золотом, а яблоко превратилось в золотой слиток. В полном восторге, он устроил пышное празднество, чтобы восславить это чудо. Но когда он сел за стол, и его пальцы коснулись мяса, оно преобразилось, прикосновение его губ превратило вино в жидкое золото, а когда его маленькая дочь, которую он любил больше всего на свете, подошла к нему с утешениями в его несчастье, он обнял ее, и она в тот же миг стала прекрасной золотой статуей.

Агония преодоления личных ограничений является агонией духовного роста. Искусство, литература, миф и культ, философия и аскетическая дисциплина являются теми инструментами, которые помогают индивидуальности прорваться за ограничивающие горизонты в области непрерывно расширяющегося осознания. По мере того как он пересекает порог за порогом, убивает одного дракона за другим, уровень божества, привлекаемого к высочайшему желанию героя, все возрастает, пока это желание не охватывает весь космос. Наконец разум разрушает и границы сферы космоса и приходит к осознанию, превосходящему любое восприятие формы — любой символизм, любых божеств; это осознание окончательной пустоты.

Таким образом, когда Данте сделал последний шаг своего духовного путешествия и перед ним предстало финальное символическое зрелище Триединого Бога в Небесной Розе, ему предстояло испытать еще одно прозрение, осознание пребывающего даже вне форм Отца, Сына и Святого Духа. «Бернард с улыбкой показал безгласно, что он меня взглянуть наверх зовет; но я уже так сделал самовластно. Мои глаза, с которых спал налет, все глубже и все глубже уходили в высокий свет, который правда льет. И здесь мои прозренья упредили глагол людей; здесь отступает он, а памяти не снесть таких обилий»[167].

«Туда не проникает глаз, не проникает ни речь, ни разум. Мы не знаем Это, не знаем, как можно учить об Этом. Поистине, Это отлично от всего познанного и пребывает также за пределами непознанного» [168].

Это высочайшее и окончательное распятие не только героя, но и его бога. В нем в равной мере уничтожаются и Сын, и Отец — личности-маски того, что не имеет имени. Вымыслы сновидения вызываются жизненной энергией одного лишь сновидящего, представляя собой текучие брызги и запутанность этой единственной силы — подобно этому, все формы во всех мирах, как земные, так и божественные, отражают всеобщую силу единой непостижимой тайны: силу, соединяющую атомы и управляющую орбитами звезд.

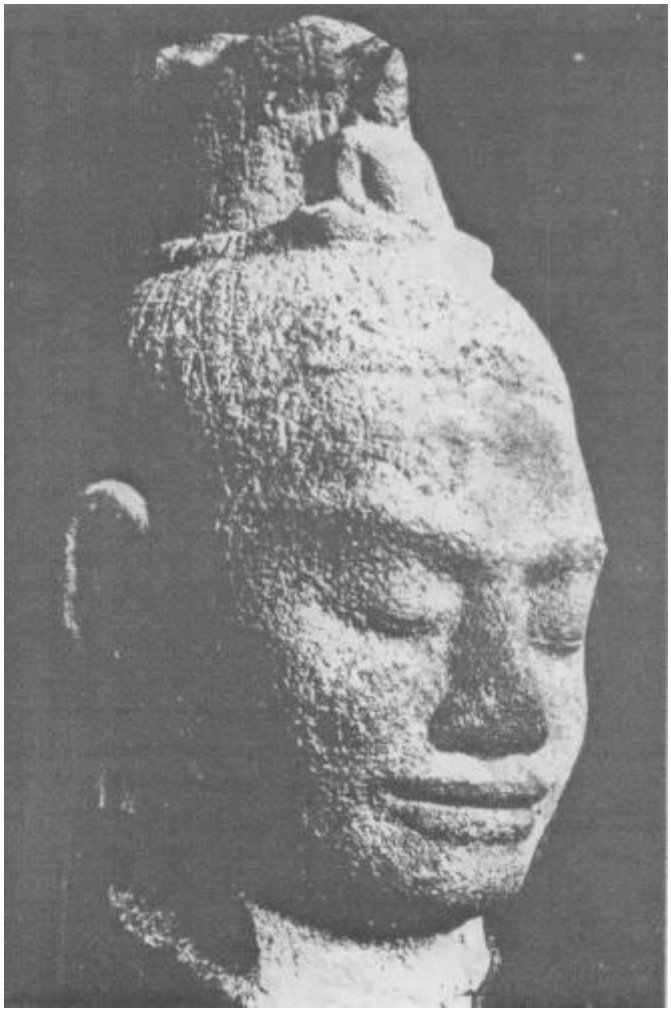
Этот источник жизни является сердцевиной индивидуальности, и человек найдет его в самом себе — если окажется способным снять с него все покровы. Языческий германский бог Один (Водан) отдает глаз за возможность прорваться сквозь вуаль света к знанию этой бесконечной тьмы, а затем подвергает себя ради этого страданиям распятия:

Знаю, висел я в ветвях на ветру девять долгих ночей,
пронзенный копьем, посвященный Одину, в жертву себе
же, на дереве том, чьи корни сокрыты в недрах неведомых

Легенда о Будде под Деревом Бодхи представляет собой классический восточный пример такого подвига. Мечом своего разума он пронзает пузырь Вселенной — и тот лопается, превращается в ничто. Весь мир естественного восприятия, а также континенты, небеса и адские обители традиционных религиозных верований взрываются вместе с их богами и демонами. Но чудом из чудес является то, что, несмотря на это уничтожение, все непременно восстанавливается, возрождается к жизни и восславляется лучезарностью истинного бытия. Воистину, все боги спасенных небес громкими голосами оглашают гармоничное приветствие человека-героя, проникшего за пределы их владений в пустоту, которая была их жизнью и источником: «Стяги и знамена, поднявшись на восточном краю мира, простерли свои ленты до западного края мира; так же и те, что поднялись на западном крае мира, протянулись до восточного края мира; и те, что поднялись на северном краю мира, достигли южного края мира, а те, что поднялись на южном крае мира, коснулись северного края мира.

Ил. XIII. Ветвь вечной жизни (Ассирия)

Флаги, которые вознеслись от уровня земли, летели, пока не ударились о мир Брахмы, а те, что были опущены из мира Брахмы, касались уровня земли. В десяти тысячах миров цветоносные деревья расцвели, а плодовые согнулись под тяжестью плодов; древесные лотосы распустились на стволах деревьев и на ветвях деревьев, виноградные лотосы — на лозе, висящие лотосы — в небесах, лотосы на стеблях прорвались сквозь камни; и появлялись они по семь цветков. Все десять тысяч миров стали, как букет цветов, подброшенный вверх и вращающийся в воздухе, или как толстый цветочный ковер.



Ил. XIV. Бодхисаттва (Камбоджа)

Находящиеся меж мирами пространства ада протяженностью в восемь тысяч лиг, которые ранее не смогло бы осветить и сияние семи солнц, были теперь озарены лучами; воды океана глубиной в восемьдесят четыре тысячи лиг стали сладкими на вкус; реки изменили свое течение; слепые от рождения обрели зрение; глухие от рождения начали слышать; к искалеченным от рождения вернулось владение членами; и оковы и узы пленников раскрылись и рассыпались»[170].

ГЛАВА III

ВОЗВРАЩЕНИЕ

1. ОТКАЗ ОТ ВОЗВРАЩЕНИЯ

Когда поиски героя окончились, когда он проник к самому источнику или добился милости какой-либо мужской или женской, человеческой или животной персонификации, путешественнику все еще предстоит возвращение назад с его жизнепреображающим трофеем. Полный круг, обычный для мономифа, требует, чтобы

теперь герой вернул руны мудрости, Золотое Руно или спящую красавицу в царство человечества, где этот дар сможет стать источником обновления сообщества, народа, планеты или десяти тысяч миров.

Но случается, что герой отказывается от такой ответственности. Даже достигший триумфа Будда сомневался, что весть о просветлении может быть передана другим, и согласно жизнеописаниям святых, многие из них навсегда переходят в божественный экстаз. Подлинные герои нередко выбирают извечное пребывание на блаженном острове нестареющей Богини Бессмертного Бытия.

Существует трогательная история о древнем индийском царе-воине по имени Мучукунда. *Он был рожден в левом боку своего отца, потому что отец по ошибке проглотил зелье плодовитости, приготовленное брахманами для его жены*[1]. *В полном согласии с многообещающим символизмом этого чуда, рожденное без матери диво, плод мужской утробы, стал царем среди царей, и однажды, когда боги терпели поражение в своей извечной борьбе с демонами, они признали его на помощь. Он помог им одержать великую победу, и они в своей божественной милости одарили его возможностью исполнения самого страстного желания. Но чего мог желать такой царь, который и так был почти всемогущим? К какой величайшей из даров награде мог стремиться этот влас- гелии среди людей? После сражения, как повествует легенда, царь Мучукунда* был невероятно усталым, поэтому он попросил всего лишь бесконечного сна; при этом любой, кто разбудит его, должен был быть сожжен дотла первым же взглядом его глаз.

Награда была дарована. Царь Мучукунда погрузился в сон в пещере, глубоко в недрах горы и покоился там в течение долгих эонов времени. Личности, народы, цивилизации и мировые эпохи исходили из пустоты и вновь возвращались в нее, но древний царь продолжал существование в состоянии бессознательного блаженства. Пребывающий вне времени, как фрейдистское бессознательное, скрывающееся за волнующимся миром времени нашего неустойчивого эго-восприятия, этот древний человек, упивающийся глубоким сном, продолжал жить.

Пробуждение все же наступило — но было вызвано неожиданным поворотом событий, который приводит к новой точке зрения на всю проблему кругового путешествия героя, а также на загадку награды могущественного царя сном как высочайшим из мыслимых благ.

Вишну, Бог Мира, воплотился в прекрасном юном человеке по имени Кришна, который избавил земли Индии от тиранической расы демонов и воцарился на престоле. Ему удалось создать в стране утопический покой, как вдруг с северо-запада в нее вторглись варвары. Царь Кришна выступил против них, но, в соответствии со своей божественной природой, одержал победу играючи, с помощью простой уловки. Невооруженный и укрытый гирляндами лотосов, он вышел из своей крепости и искушающими словами заставил вражеского царя погнаться за собой, после чего спрятался в пещере. Когда варвар ворвался следом, он увидел в зале спящего человека.

«Ага! — подумал он. — Он заманил меня сюда, а теперь притворился невинным спящим*».*

Он толкнул лежащее на земле тело ногой, и оно зашевелилось. Это был царь Мучукунда. Человек поднялся, и глаза, которые были закрыты в течение неисчислимых циклов сотворения, мировой истории и уничтожения, медленно открылись свету. Первый взгляд вонзился во вражеского царя, который вспыхнул факелом пламени и немедленно превратился в дымящуюся горстку пепла. Мучукунда обернулся, и второй его взгляд упал на украшенного гирляндами прекрасного юношу, в котором пробудившийся царь мгновенно узнал, благодаря его сиянию, инкарнацию Бога. И Мучукунда склонился перед своим Спасителем со следующей молитвой:

«О Господь! Когда я жил и действовал как человек, я жил и действовал, беспокойно блуждая; в течение многих жизней, рождение за рождением, я искал и страдал, никогда не пытаясь остановиться или передохнуть. Горе я принимал за радость. Миражи, возникающие над пустыней, я считал освежающими водами. Стремился к удовольствиям, но испытывал лишь невзгоды. Царская власть и земное обладание, богатство и могущество, друзья и сыновья, жена и соратники, все, что искушает чувства, — я хотел всего этого, ибо верил, что все это принесет мне счастье. Но в тот миг, когда не стало у меня ничего, все это изменило свою природу и стало для меня как обжигающий огонь.

Тогда я проложил себе путь к богам, и они приветствовали меня как равного. Но все же, где конец? Где покой? Существа этого мира, включая самих богов, — все обмануты, мой Господь, твоими игривыми шутками. Вот почему продолжают они свой тщетный круг рождения, агонии жизни, старости и смерти. Между жизнями они

встречаются с владыкой смерти и вынуждены терпеть ад всех степеней безжалостных мучений. И все это исходит от Тебя!

Мой Господь, обманутый твоими игривыми шутками, я тоже был жертвой мира, скитающейся в лабиринте ошибок, оплетенный сетью эгоистичного сознания. Теперь же я нахожу убежище в Тебе, безграничном, обожаемом, желая лишь освобождения от всего этого».

Когда Мучукунда вышел из пещеры, он увидел, что со времени его ухода люди стали меньше ростом. Он казался среди них великаном. И тогда он вновь ушел от них, укрывшись в высоких горах, и там предался аскетическим практикам, которые должны были наконец освободить его от последней привязанности к формам бытия[2].

2. ВОЛШЕБНОЕ БЕГСТВО

Если герой триумфально завоевывает расположение богини или бога, после чего ему недвусмысленно поручают вернуться в мир с каким-либо эликсиром, способным оживить общество, эта финальная стадия его путешествия подкрепляется всеми силами сверхъестественного покровителя. С другой стороны, если этот трофей был обретен в столкновении с его хранителем или если возвращению героя в мир препятствуют боги или демоны, последняя стадия мифологического круга превращается в яркое и, нередко, комическое преследование. Побег может осложняться также чудесами магических препятствий и ловушек.

В Уэльсе, например, рассказывают историю о *приключениях героя Гвиона Баха [Gwion Bach] в Озере Под Волнами. Точнее, он оказался на дне озера Бала в Мерионетшире на севере Уэльса. Там, на дне озера, жили древний гигант Тегид Плешивый [Tegid the Bald] и его жена Каридвен [Caridwen]. В одном из своих аспектов Каридвен была покровительницей злаков и обильных урожаев, а в другом — богиней поэзии и литературы. У нее был огромный котел, в котором она хотела сварить напиток науки и вдохновения. С помощью колдовских книг она приготовила черное варево, а затем поставила кипятиться на огне на целый год, в результате чего должны были появиться три благословенные капли эликсира вдохновения.*

Она приставила нашего героя, Гвиона Баха, помешивать жидкость в котле, а слепца по имени Мордэ — поддерживать под котлом огонь, «и сказала им, что они не должны позволить кипению прерваться на протяжении одного года и одного дня. Сама же она ежедневно собирала, согласно книгам астрологов и планетным часам, колдовские

травы. И однажды, когда год подходил к концу и Каридвен перебирала травы и творила свои чары, случилось так, что три капли волшебной жидкости вылетели из котла и попали на руку Гвиона Баха. Они были такими горячими, что он немедленно сунул руку в рот, и в тот же миг, когда чудодейственные капли оказались у него во рту, он предвидел все, чему суждено было случиться, и постиг, что величайшей его заботой станет защита от коварства Каридвен, ибо искусство ее было велико. В великом страхе он побежал к своим родным землям. А котел разорвался надвое, потому что вся жидкость в нем, кроме тех трех чудодейственных капель, была ядовитой, так что все кони Гвиддно Гаранхир отравились водой ручья, в которую попало варево из котла, и с той поры поток этого ручья называют Отравой Коней Гвиддно.

Тем временем Каридвен вошла и увидела, что все труды целого года пропали понапрасну. Она схватила толстую деревянную палку и била слепца Мордэ по голове, пока его глаза не выкатились на щеки. И он сказал: "По ошибке ты обезобразила меня, ибо я невиновен. Твоя потеря — не моя вина". "Правду говоришь, — сказала Каридвен. — Это Гвион Бах обокрал меня".

И она погналась, побежала за ним. Он же, увидев ее, превратился в зайца и укрылся. Тогда она стала борзой и нашла его. Он поспешил к реке и стал рыбой. Но Каридвен в облике выдры преследовала его под водой, пока ему не пришлось обернуться птицей в небе. Она же в образе сокола погналась за ним и не давала ему покоя и в небесах. Когда она уже нависла над ним и он почувствовал страх близкой смерти, он заметил неподалеку гору обвеянного зерна на полу гумна и превратился в одно из зерен. Тогда она стала черной курицей с высоким гребешком, подошла к зерну и начала разгребать его когтями, нашла его и проглотила. После этого, как гласит история, она носила его в течение девяти месяцев, а когда разрешилась от бремени, ее сердце не позволило ей убить его по причине его красоты. Потому она положила его в кожаную сумку и бросила в море на милость Бога, а случилось это на двадцать девятый день апреля»[3].

Иркутсткие буряты, к примеру, рассказывают, что Моргон-Кара, их первый шаман, был настолько искусен, что ему удавалось возвращать душу умершим. Тогда Владыка Мертвых пожаловался Высшему Богу Неба, и Бог решил устроить шаману испытание. Он завладел душой одного человека и поместил ее в бутылку, заткнув отверстие в горлышке большим пальцем. Этот человек заболел, и его родственники послали за

Моргон-Карой. Шаман искал пропавшую душу повсюду. Он обыскал леса, воды, горные ущелья, страну мертвых и, наконец, вознесся «верхом на барабане» ввысь, на небо, где ему вновь предстояли долгие поиски. Наконец он увидел, что Высший Бог Неба прикрывает бутылку большим пальцем, и, обдумав обстоятельства, сообразил, что в этой бутылке находится именно та душа, которую он ищет.

Хитрый шаман превратился в осу, подлетел к Богу и так сильно ужалил его в лоб, что тот отнял палец от бутылки, и плененная душа улетела. Прежде чем Бог понял, что причиной этого был шаман, Моргон-Кара снова уселся на барабан и помчался к земле со спасенной душой. В этом случае, впрочем, бегство было не вполне удачным. Невероятно разгневанный Бог немедленно и навечно уменьшил силы шамана, расколов его барабан пополам. Вот почему, согласно этой бурятской легенде, барабаны шаманов, которые изначально имели две обтянутые кожей поверхности, в наши дни состоят только из одной[4].

Популярной разновидностью волшебного побега являются примеры, в которых позади беглеца оставляются предметы, откликающиеся от его имени, что задерживает преследователя. *Новозеландские маори рассказывают о рыбаке, который однажды вернулся домой и обнаружил, что его жена проглотила их двух сыновей. Она лежала на полу и стонала. Он спросил ее, что с ней случилось, и она ответила, что заболела. Тогда он пожелал узнать, где их два мальчика, и она сказала, что они ушли. Но рыбак понял, что она лжет. Используя магию, он заставил ее извергнуть их, и они вышли наружу живыми и невредимыми. Тогда этот человек испугался своей жены и решил как можно скорее убежать от нее вместе с сыновьями.*

Когда жена-людоед отправилась за водой, муж с помощью магии заставил воду опуститься и отступать от нее, так что ей пришлось пройти довольно долгий путь. Затем он заколдовал хижины, деревья вокруг деревни, выгребную яму и храм на вершине холма так, чтобы они отзывались вместо него, когда его жена возвратится и начнет звать его. Он сам вместе с мальчиками сел в каноэ, и они уплыли. Женщина вернулась и, никого не обнаружив, начала звать их. Первой ответила выгребная яма. Жена повернулась в том направлении и позвала снова. Тогда откликнулись дома, а потом деревья. Один за другим ей отвечали самые разные *окружающие предметы, и она, совершенно сбитая с толку, металась во все стороны. Она ослабела, начала пыхтеть и*

всхлипывать, пока, наконец, не догадалась, как ее провели. Она бросилась к храму на вершине холма и всмотрелась в океан, но каноэ стало уже крошечным пятнышком на горизонте.

Другим распространенным вариантом волшебного бегства являются случаи, в которых неистово несущийся герой разбрасывает позади себя разнообразные задерживающие препятствия. *«Играли раз братец с сестрицей у колодца и, играючи, упали оба в колодец. А жила там внизу ундина, вот она и говорит: "Уж теперь-то вы мои! Теперь вы должны на меня прилежно работать", — и увела их с собой. Дала она девочке прясть запутанный жесткий лен, и к тому же ей пришлось наливать воду в бездонную бочку; а мальчика заставила рубить дерево тупым топором; и получали они вместо еды одни только твердые, как камень, клецки. Стало, наконец, детям совсем невмоготу, и они выждали, когда однажды в воскресный день ундина была в церкви, и убежали. А так как церковь находилась по пути, то ундина заметила, что птички-то улетели, и пустилась за ними большими прыжками в погоню.*

Но дети увидели ее издали, и бросила девочка позади себя щетку, — и выросла вдруг большая гора щеток с тысячами тысяч колючек, и пришлось ундине пробираться через нее с большим трудом; но наконец она все-таки сквозь нее пролезла. Как увидели это дети, бросил мальчик тогда позади себя гребенку, — и поднялась большая гора из гребенок с тысячами тысяч зубцов; но ундина знала, как за них уцепиться, и все-таки по ним прошла.

Бросила тогда девочка вслед за собой зеркало, — и выросла зеркальная гора, и была она такая скользкая, что никак не могла злая ундина через нее перелезть. И подумала Ундина: "Лучше пойду я скорее домой, возьму свой топор да разрублю зеркальную гору надвое". Но пока она вернулась назад и разрубила зеркало, дети уже давно убежали далеко-далеко, — и пришлось Ундине опять опуститься в свой колодец»[6].

К силам бездны нельзя относиться легкомысленно. На Востоке уделяется огромное внимание опасностям занятий йогой в отсутствие опытного наставника, т. к. это может привести к психическим расстройствам. Медитации ученика должны быть строго согласованными с его уровнем, чтобы его воображение на каждой стадии могло быть защищено *девататами* (воображаемыми божествами), пока не наступит тот миг, когда

подготовленный дух сможет продолжать развитие самостоятельно. По чрезвычайно мудрому наблюдению доктора Юнга: «Ни с чем не сравнимая полезная функция догматического символа [заключается в том], что он защищает человека от прямого восприятия Бога до тех пор, пока человек подчиняется этому и не продвигается вперед. Но если [...] он оставляет дом и семью, слишком долго пребывает в одиночестве и слишком пристально вглядывается в это темное зеркало, такая ужасающая встреча может случиться. Однако даже традиционный символ, в течение столетий достигавший своего полного расцвета, может подействовать как исцеляющий свежий поздух и отвести смертоносное вторжение живого божества в освященные пространства церкви»[7]. Волшебные предметы, разбрасываемые убегающим в панике героем, — защищающие толкования, принципы, символы, рационализации и все, что угодно, — задерживают и поглощают могущество спущенной Гончей Небес, что позволяет путешественнику вернуться в свой загон невредимым и, вполне возможно, с обретенным даром. Но неизбежные потери не всегда незначительны.

Одним из самых шокирующих побегов с использованием препятствующих преследователям средств является бегство греческого героя Язона. Он решил отправиться на поиски Золотого Руна, спустил на воду величественный «Арго» и, в сопровождении большого числа воинов, отплыл в сторону Черного моря. Преодолев множество невероятных опасностей, он проложил многомильный путь за Босфор и добрался, наконец, до города и дворца царя Ээта. За дворцом располагалась роща, а в ней — дерево с охраняемым драконом Руном.

Дочь царя, Медея, прониклась всепоглощающей любовью к блистательному иностранному гостю и, когда ее отец навязал ему неразрешимую задачу, пообещав в качестве награды Золотое Руно, занялась волшебством, которое позволило ему справиться с заданием. Задача состояла в том, чтобы вспахать поле с помощью огнедышащих быков с бронзовыми ногами, затем засеять поле зубами дракона и уничтожить всех воинов, немедленно вырастающих из этих зерен. Язону удалось совладать с быками, потому что его тело и доспехи были смазаны снадобьем, приготовленным Медеей; а когда из драконового семени появились воины, Язон бросил в толпу камень, что обратило их лицом к лицу, и они сами перебили друг друга.

Ослепленная любовью девушка проводила Язона к дубу, на котором висело Руно. Охраняющий его дракон выделялся своим гребнем, тройным языком и отвратительными крючковатыми когтями, но, воспользовавшись соком травы, эта пара смогла погрузить страшное чудовище в сон. Затем Язон сорвал свою награду, а Медея бежала с ним, и «Арго» вновь пустился по морю. Но царь немедленно снарядил быструю погоню. И когда Медея увидела, что расстояние между кораблями сокращается, она убедила Язона убить Апсирта, ее младшего брата, которого она взяла с собой, и разбросала куски его расчлененного тела по воде. Это заставило ее отца, царя Ээта, остановиться, собрать останки сына и вернуться во дворец, чтобы предать его приличествующему погребению. Тем временем поднялся попутный ветер, и «Арго» скрылся за горизонтом[8].

Рис. 9а. Сестра-Горгона преследует Персея, убегающего с головой Медузы

В японских «*Кодзики*» встречается другая душераздирающая история, имеющая, однако, очень важное значение: *рассказ о нисхождении первобытного нсеотца Идзанаки в подземный мир, чтобы вернуть из страны Желтого Источ-*

ника свою покойную сестру-супругу Идзанами. Она встречает его у дверей, ведущих в нижний мир, и он говорит ей: «Твое Величество, моя прекрасная младшая сестра! Земля, которую сделали мы с тобой, еще не закончена — возвращайся назад!» Она отвечает: «Воистину, прискорбно, что ты не явился ранее! Я уже отведала пищи Земли Желтого Источника. И все же я горжусь честью прихода сюда Твоего Величества, мой прекрасный страший брат, и я хотела бы вернуться. Более того, я собираюсь просить об этом у самих божеств Желтого Источника. Но будь осторожен, не смотри на меня!»

Она возвращается во дворец. Но, поскольку она задерживается слишком долго, Идзанаки переполняет нетерпение. Он выламывает один зубец из гребня, застрявшего в его величественном левом пучке волос, и, используя его как небольшой факел, входит внутрь и осматривается. Там он видит копошащихся личинок и полуразложившуюся Идзанами.

Ошеломленный этим зрелищем, Идзанаки убегает прочь. Идзанами говорит ему вслед: «Ты опозорил меня».

Рис. 9б. *Персей, убегающий с головой Медузы в своей заплечной сумке*

Идзанами посылает в погоню Безобразную Женщину нижнего мира. Идзанаки, не задерживая свой бег, снимает черный головной убор и бросает его назад. Тот мгновенно превращается в виноград и, пока его преследовательница останавливается и пожирает ягоды, Идзанаки продолжает свое стремительное бегство. Но она продолжает гнаться за ним и настигает. Он вынимает и ломает многозубчатый и густой гребень в правом пучке своих волос и бросает его на землю. Тот немедленно превращается в бамбуковые побеги, и, пока женщина срывает и поедает их, он убегает.

Тогда его младшая сестра отправляет в погоню восемь громовых божеств и полторы тысячи воинов Желтого Источника. Выхватив саблю, которая украшала его пояс, Идзанаки избавляется от божеств, размахивая ею позади себя. Но воины продолжают преследовать его. Достигнув границы, разделяющей мир живых и страну Желтого Источника, Идзанаки срывает растущие там три персика, выжидает и, когда армия приближается к нему, швыряет персики в них.

Наконец появляется лично Ее Величество Идзанами. Тогда Идзанаки поднимает камень, который могла бы поднять только тысяча мужчин, и перекры-

вает им проход между мирами. Стоя по разные стороны от камня, они обмениваются прощаниями, и Идзанами говорит: «Мой прекрасный старший брат, Твое Величество! Если ты поступишь так, я ежедневно буду приносить смерть тысяче из твоего народа в твоем царстве». Идзанаки отвечает: «Моя прекрасная младшая сестра, Твое Величество! Если ты поступишь так, я сделаю так, что каждый день полторы тысячи женщин будут рожать»[9].

Сдвинувшись лишь на шаг от созидательной сферы всеотца Идзанаки в область уничтожения, Идзанами пыталась защитить своего брата-мужа. Когда он увидел больше, чем мог выдержать, он потерял свое неведение смерти, но, по причине своей величественной воли к жизни, опустил, словно волшебный камень, ту оберегающую завесу, которую все мы с тех пор удерживаем, отделяя свои глаза от зрелища могилы.

Греческий миф об Орфее и Эвридике и сотни аналогичных историй всего мира, подобно этой древней дальневосточной легенде, предполагают, что, несмотря на описанную неудачу, у возлюбленного все же существует возможность вернуть утраченную любовь из ужасного царства за порогом. Но почти всегда случается небольшая ошибка, проявляется тонкий, но критический признак человеческой слабости, который не позволяет открыть взаимодействие между этими мирами, хотя мы соблазняемся искушением верить, что, если бы герой избежал этого незначительного неверного шага, все закончилось бы хорошо. Впрочем, в полинезийских версиях этой романтической истории, в которых паре влюбленных обычно удается убежать, а в греческой сатирической драме *«Алкестида»,* где мы также наблюдаем счастливое возвращение, исход не утешительный, но всего лишь сверхъестественный.

Мифы о провале волнуют нас трагедией жизни, но мифы с успешными завершениями — только своим неправдоподобием. И все же, если мономифу предназначено исполнять свое обещание, нам должен быть показан человеческий успех, а не человеческая неудача или успех сверхчеловеческий. В этом заключается проблема кризиса пересечения порога на обратном пути. Сначала мы рассмотрим ее в сверхчеловеческой символике, а затем попробуем найти в ней практический урок для исторического человека.

3. СПАСЕНИЕ ИЗВНЕ

Герой может возвратиться из своего сверхъестественного путешествия благодаря помощи извне. Можно сказать, что мир приходит и забирает его, поскольку самому

герою не так уж легко покинуть блаженство глубокой обители и вновь оказаться в саморазрушающем бодрствующем состоянии. «Кто из оставивших мир, — читаем мы, — захочет вновь вернуться? Он будет только *там*»[10]. И все же, до тех пор пока человек жив, жизнь будет манить его. Общество ревниво относится к тем, кто отстраняется от него, и оно непременно начнет стучаться в его дверь. Если герой, подобно Мучукунде, не желает вмешательства, вторгающийся пострадает от неприятного сопротивления, но, с другой стороны, если тот, кого призывает мир, всего лишь задержан, скован прелестью этого состояния совершенного бытия (которое напоминает смерть), результатом становится очевидное спасение, и путешественник возвращается домой.

*Когда Ворон из легенды эскимосов стрелой влетел в чрево самки кита со своими палочками для разведения огня, он оказался у входа в уютную комнату, в дальнем конце которой горела лампа. Он очень удивился, обнаружив там прекрасную девушку. Комната была сухой и опрятной; ее потолком был позвоночник самки кита, а стенами — ее ребра. По трубе, тянувшейся вдоль позвоночника, в лампу медленно стекало масло. Когда Ворон вошел в комнату, женщина подняла взгляд и воскликнула: «Как ты сюда попал? Ты первый мужчина, оказавшийся в этом месте». Ворон рассказал ей, как он здесь очутился, и она приказала ему сесть в противоположном углу комнаты. Эта женщина была душой (*инуа*) кита. Она расставила перед гостем еду, потчевала его ягодами и маслом, а сама тем временем рассказывала, как собирала эти ягоды еще год назад. Ворон оставался гостем* инуа *во чреве кита в течение четырех дней и все это время пытался понять, что за труба проходит вдоль потолка. Каждый раз, когда женщина выходила из комнаты, она запрещала ему прикасаться к трубе. Но затем, когда она вышла в очередной раз, он подошел к лампе, вытянул коготь, поймал им большую каплю и слизал ее языком. Масло было таким сладким, что он повторил свои действия, после чего начал ловить каплю за каплей, прежде чем они успевали упасть. Однако скоро алчность подсказала ему, что такое насыщение слишком медленно, поэтому он поднялся вверх, выломал кусок трубы и съел его. Но, как только он сделал это, в комнату хлынул ливень масла, свет погас, а сами покои начали тяжело раскачиваться из стороны в сторону. Эта качка продолжалась четыре дня. Ворон был полумертвым от усталости и ужасного шума, непрерывно раздававшегося со всех сторон. Но затем все стихло, и комната остановилась, потому что Ворон разорвал*

одну из сердечных артерий, и самка кита умерла. Инуа *так и не вернулась. Тело кита вынесло прибоем на берег.*

Теперь Ворон оказался узником. Размышляя о том, что ему делать дальше, он услышал беседу двух мужчин, поднявшихся на спину животного. Они решили позвать всех жителей деревни, чтобы те помогли разделать тушу кита. Очень скоро люди пробили дыру в верхней части огромного тела . Когда она стала достаточно большой, а все люди, нагрузившись кусками мяса, понесли их в деревню, Ворон незамеченным выскользнул наружу. Но прежде чем он спустился на землю, он вспомнил, что оставил внутри свои палочки для разведения огня. Он снял свои костюм и маску, и очень скоро жители деревни увидели направляющегося к ним маленького черного человека, закутанного в странную шкуру животного. Они с любопытством разглядывали его. Человек предложил им помощь, закатал рукава и принялся за работу.

Вскоре один из людей, работавших внутри кита, воскликнул: «Посмотрите, что я нашел! Палочки для разведения огня в брюхе кита!» Ворон сказал: «О, это скверно! Моя дочь однажды сказала мне, что, когда внутри разрезанного кита находят такие палочки, многие из людей умрут! Я предлагаю бежать!» Он снова опустил рукава и побежал прочь. Люди поспешно последовали его примеру. Так Ворон, который вскоре вернулся назад, получил в свое распоряжение всю добычу[12].

Одним из наиболее важных и очаровательных в японской традиции синто мифом, который считался древним уже во времена записи в восьмом веке нашей эры «*Кодзики*», является легенда об извлечении прекрасной богини солнца Аматэрасу из небесного каменного убежища в критический начальный период сотворения мира. Это пример спасения того, кто неохотно подчиняется внешней помощи. *Бог бури Сусаноо, брат Аматэрасу, вел себя совершенно непростительным образом, и, хотя она испробовала все средства, пытаясь успокоить его, и прощала ему самые невероятные выходки, он продолжал разорять ее рисовые поля и загрязнять ее владения. Последним оскорблением стало то, что он пробил дыру в куполе ее зала для ткачества и бросил в нее «небесного пегого коня, с которого он содрал шкуру и надел ее навыворот», при виде которого прислужницы богини, старательно ткущие прекрасные одежды для божеств, были настолько испуганы, что умерли от страха.*

Аматэрасу, также перепуганная этим зрелищем, скрылась в небесном гроте, затворила за собой дверь и заперла ее. Это было самым ужасным, что она могла сделать, поскольку долгое исчезновение солнца означало бы конец вселенной — она погибла бы, едва успев родиться. С уходом Аматэрасу вся равнина высших небес и вся центральная страна тростниковых полей погрузилась во тьму. В мире буйствовали злые духи, проявлялись разнообразные знамения несчастий, и мириады божеств вопили в один голос, кружась, словно мухи, вокруг луны.

Тогда восемь миллионов богов собрались на божественный совет у русла спокойной реки небес и убедили одного из собравшихся, бога Мысли, разработать план. В результате совещания было создано много божественно действенных предметов, в том числе зеркало, меч и одеяния. Было установлено огромное дерево, украшенное драгоценностями, принесли множество петухов, чтобы они непрерывно издавали крики, зажгли костры и принялись читать могущественные заклинания. К ветвям дерева привязали зеркало высотой в восемь футов. После этого юная богиня Удзумэ исполнила веселый и зажигательный танец. Восемь миллионов божеств так развеселились, что воздух заполнился их смехом, а равнина высоких небес задрожала.

Богиня солнца, укрывшаяся в пещере, услышала этот веселый гам и была поражена. Ей захотелось узнать, что происходит. Чуть приоткрыв дверь своего небесного каменного убежища, она произнесла: «Я думала, что после моего ухода равнина небес окажется во мраке и центральная страна тростниковых полей станет темной. Почему же тогда Удзумэ веселится, а все восемь миллионов божеств хохочут?» Тогда Удзумэ ответила, молвив: «Мы радуемся и веселимся, потому что нашлось божество, более блистательное, чем Твое Величество». Как только она сказала это, два божества подтолкнули вперед зеркало и почтительно показали его богине солнца Аматэрасу; она же, совершенно ошеломленная, медленно отходила все дальше от дверей и всматривалась в него. Сильный бог взял ее августейшую руку и потянул от грота; тем временем другой бог натянул позади нее, перед самым входом соломенную веревку (под названием сименава), *приговаривая: «Не сможешь пройти дальше этой черты!» После этого и равнины высоких небес, и страна тростниковых полей вновь озарились светом*[13]*. С тех пор солнце каждую ночь на некоторое время предается, подобно всему живому, восстанавливающему силы сну, но волшебная* сименава *не позволяет ему исчезнуть навсегда.*

Мотив солнца как богини, а не как бога, является редким и утонченным пережитком архаичного и, по всей видимости, очень распространенного когда- то мифологического контекста. Великим материнским божеством Южной Аравии была женщина-солнце Плат. В немецком, языке слово «солнце» (*die Sonne)* имеет женский род. В Сибири, как и в Северной Америке, часто встречаются истории о солнце-женщине, а в волшебной сказке о Красной Шапочке, которая была проглочена волком и извлечена из его брюха охотниками, можно уловить далекий отголосок приключения, случившегося с Аматэрасу. Следы этой темы можно обнаружить во многих землях, но лишь в Японии мы встречаем пример того, как этот некогда великий миф продолжает влиять на цивилизацию наших дней, поскольку Микадо считается прямым потомком внука Аматэрасу, и, как первопредок имперского рода, она почитается в национальной традиции синто в качестве одного из верховных божеств [14]. В ее приключениях можно почувствовать разнообразные мироощущения, вызываемые более широко известными мифологиями солнечного *бога:* определенную нежность в отношении восхитительного дара света, мягкую благодарность за способность

Рис. 10. Воскрешение Осириса

видеть мир — те, что когда-то, по-видимому, выделялись в религиозных настроениях многих людей.

Знакомы нам и образы зеркала, меча и дерева. Зеркало, отражающее богиню и заставляющее ее покинуть величественную обитель ее божественной непроявленности, является символом этого мира, пространства этого отраженного образа. В его пределах божество польщено собственной славой, и это удовольствие само по себе становится побуждением к акту проявления, или «сотворения». Меч представляет собой аналог палицы грома. Дерево является Мировой Осью в его исполняющем желания, плодоносящем аспекте, — тем же деревом, какое украшает дома христиан в период зимнего солнцестояния; этот радостный обычай унаследован от германского язычества, подарившего современному немецкому языку его *Sonne* женского рода. Танец Удзумэ и хохот богов соответствует празднику Масленицы: уход верховного божества вызывает в мире полную неразбериху, исполненную, однако, радости грядущего обновления. Что касается *сименавы*, волшебной соломенной веревки, натянутой позади богини, когда она вновь вышла наружу, то эта нить символизирует милостивое чудо возвращения света. *Сименава* является одним из наиболее заметных, важных и красноречивых в своей простоте традиционных символов народной религии Японии. Подвешенная над входами в храмы, украшающая улицы на празднествах Нового Года, она обозначает обновление мира после пересечения порога на обратном пути. Если христианский крест является более выразительным символом мифологического перехода в бездну смерти, то *сименава* является простейшим знаком воскрешения. Эти два образа олицетворяют загадку границы между мирами, проявление этой несуществующей черты.

Аматэрасу является восточной сестрой великой Инанны, верховной богини древнешумерских клинописных храмовых табличек, за нисхождением которой в нижний мир мы уже наблюдали. Инанна, Иштар, Астарта, Афродита, Венера — такими были имена, которые она носила в сменяющиеся культурные периоды развития Запада, но она была связана не с солнцем, а с получившей ее имя планетой и, одновременно, — с луной, небесами и плодородной землей. В Египте она стала богиней Собачьей Звезды, Сириуса, ежегодное появление которого в небе возвещало о начале сезона обильных плодов земли в долине Нила.

Как мы помним, Инанна спустилась с небес в адские земли своей сестры, ее прямой противоположности, Владычицы Смерти Эрешкигаль. Она оставила на небесах Ниншубура, своего посла, с наставлением спасти ее, если она не вернется. Обнаженной она предстает перед семью судьями, они устремляют на нее взгляды, и она

превращается в труп, а тело ее подвешивается на крюке. Когда прошло три дня и три ночи Ниншубур, ее посол. Глашатай слов милосердных ее. Вестник слов быстрокрылых ее, На холмах погребальных заплакал о ней, В доме собраний забил в барабан, Храмы богов для нее обошел. Лицо расцарапал, рот разодрал, Тело изранил ради нее, Рубище, точно бедняк, надел. В Экур, храм Энлиля, одиноко побрел.

Так начинается спасение богини; оно иллюстрирует тот случай, когда герой настолько хорошо осознает власть области, в которую направляется, что принимает предварительные меры преосторожности. Ниншубур приходит вначале к богу Энлилю, но этот бог говорит, что Инанна проделала путь с Великих Небес к Великим Недрам, а в подземном мире должно соблюдать правила подземного мира. Затем Ниншубур отправляется к богу Нанне, но и этот бог отвечает, что она спустилась с Великих Небес к Великим Недрам, а в подземном мире должно соблюдать правила подземного мира. Ниншубур направляется к богу Энки, и бог Энки разрабатывает план спасения[16]*. Он создает два бесполых существа и вручает им «траву жизни» и «воду жизни», приказывая отправиться в подземный мир и шестьдесят раз коснуться подвешенного трупа Инанны. На труп, свисающий с крюка, направили страх лучей огня, Шестьдесят раз травой жизни, и шестьдесят раз водой жизни*

ее тела коснулись.

Инанна встает.

Инанна из подземного мира выходит. Ануннаки хватают

ее.

«Кто из спускавшихся в мир подземный выходил невредимо

из мира подземного? Если Инанна покинет "Страну без возврата ", За голову

голову пусть оставит!» Инанна из подземного мира выходит, И малые

демоны «галла», как острые стрелы, И большие демоны «галла», как лес

знаменный, Со всех сторон ее окружили.

Тот, кто перед ней, — не гонец,, но жезл у него в руке,

Тот, кто за ней, — не боец, но оружье у него на боку.

Они, что за нею идут,

Они, что за Инанной идут,

Не ведают голода, не ведают жажды,

Муки просеянной не едят,

Воды проточной они не пьют.

Из объятий человека вырывают жену,

От груди кормилицы отрывают дитя.

Окруженная этой призрачной, кошмарной толпой, Инанна скитается от города к городу по землям Шумера .

Эти три примера — Ворон, Аматэрасу и Инанна — из самых различных культурных районов — вполне обстоятельно описывают спасение извне. Они демонстрируют, как на последней стадии путешествия возобновляется действие сверхъестественной помогающей силы, сопровождающей избранного во всех его суровых испытаниях. Хотя сознание героя умирает, его бессознательное восстанавливает равновесие, и он вновь рождается в мире, из которого ушел. Вместо того чтобы цепляться за свое эго и пытаться его сохранить, как это происходит в схеме волшебного бегства, он теряет его, и все же, благодаря высшей милости, оно возвращается к нему вновь.

Это подводит нас к решающему кризису круга, прелюдией которого был весь этот чудесный экскурс героя, — а именно, к тому парадоксальному, невероятно сложному пересечению порога на обратном пути, которое предстоит совершить герою, возвращающемуся из мистического царства в страну повседневности. Спасенному извне, получившему толчок изнутри или же мягко препровождаемому охраняющими его божествами, герою все еще необходимо проникнуть со своей наградой в давно забытую атмосферу, где люди-частички воображают себя целостными. Герою еще предстоит столкновение общества с его эго-разрушающим, жизнеспасительным эликсиром и трагические удары благоразумных расспросов, тяжелых обид и добрых людей, неспособных его понять.

4. ПЕРЕСЕЧЕНИЕ ПОРОГА НА ОБРАТНОМ ПУТИ

Два мира, божественный и человеческий, могут описываться только как отличные друг от друга — непохожие, как жизнь и смерть, как день и ночь. Герой отправляется в путешествие из известных нам земель во мрак; там он совершает свои подвиги, или просто оказывается потерянным для нас, или подвергается опасностям, а его возвращение описывается как приход из той далекой области. Однако — ив этом кроется важнейший ключ к пониманию мифа и символа, — эти два царства являются, по сути, одним. Царство богов представляет собой забытое измерение известного нам мира, а в

целенаправленных или непреднамеренных исследованиях этого измерения и заключается весь смысл деяний героя. Ценности и различия, кажущиеся важными в обычной жизни, исчезают в пугающем поглощении личности тем, что ранее было совершенно чуждым. Как показано в историях о каннибалах-великаншах, кошмар этой потери персонального отличия может стать для неподготовленных душ невыносимым бременем трансцендентального опыта. Но душа героя смело прорывается сквозь это испытание — и обнаруживает, что ведьмы превратились в богинь, а драконы — в сторожевых псов богов.

Однако с точки зрения нормального бодрствующего сознания, всегда должна существовать определенная несогласованность между мудростью, извлекаемой из глубин, и благоразумием, которое обычно доказывает свою действенность в озаренном светом мире. Из этого следует распространенное противоречие между добродетельностью и проистекающим из нее вырождением человеческого существования. Мученичество предназначено для святых, но у обычных людей есть свои институты, которым нельзя позволить расти как полевым лилиям; повторяя сцену в саду, Петр продолжает извлекать меч свой, защищая творца и хранителя мира[18]. Награда, принесенная из трансцендентальных глубин, быстро рационализируется до уровня ничтожества, и вновь появляется великая потребность в другом герое, который мог бы оживить мир.

Но как все же вновь научить тому, что правильно преподавалось и неверно усваивалось уже тысячи тысяч раз на протяжении тысячелетней благоразумной глупости человечества? В этом заключается важнейшая и труднейшая проблема героя. Как изъяснить на языке освещенного мира неподвластные речи проявления тьмы? Как представить на двумерной поверхности трехмерный образ или в трехмерной форме — многомерное содержание? Как перевести в понятия «да» и «нет» те откровения, что рассыпаются в бессмыслицу при малейшей попытке определения пар противоположностей? Как передать людям, настаивающим на недоступных их чувствам свидетельствах, сообщения всесозидающей пустоты?

Сложность пересечения этого жизнеутверждающего порога подтверждается множеством неудач. Основная трудность вернувшегося героя заключается в том, чтобы после душеспасительного опыта и зрелища осуществления мечты принять в качестве реальных преходящие радости и печали, банальность и суетливую непристойность жизни. Зачем

вновь входить в такой мир? Зачем пытаться сделать восприятие трансцендентального блаженства правдоподобным или интересным для мужчин и женщин, поглощенных собственными страстями? Сновидения кажутся значительными ночью, но совершенно глупыми при свете дня; поэт и пророк могут обнаружить, что они играют роль идиотов перед строгим судом трезвых глаз. Самым легким выходом было бы предать все сообщество воле дьявола, вновь удалиться в небесный грот, затворить за собой дверь и запереть ее. Но если за это время какой-либо небесный акушер натянул на пути отступления *сименаву,* деятельности по представлению вечности во времени и восприятию во времени вечности уже невозможно избежать.

История Рипа ван Винкля является примером затруднительного положения вернувшегося героя. Рип перемещается в богатое приключениями царство неосознанно — что каждую ночь происходит с каждым из нас, когда мы отправляемся спать. Во время глубокого сна, как утверждают индусы, личность становится единой и исполняется блаженства, поэтому глубокий сон называют состоянием познания[19]. Но хотя эти ночные визиты к источнику-тьме освежают нас и поддерживают в нас силы, они не преображают нашу жизнь; возвращаясь, мы, подобно Рипу, не можем предъявить в качестве свидетельства своего опыта ничего, кроме своих бакенбард.

«Он поискал свое ружье, но вместо чистого, обильно смазанного охотничьего ружья обнаружил старое кремниевое с отвалившимся запалом и изъеденным червями прикладом. [...] Поднявшись на ноги, он почувствовал, как затекли его суставы, и вспомнил о своей обычной подвижности. [...] Приближаясь к деревне, он встретил несколько человек, но никого из знакомых, что несколько удивило его, поскольку он считал, что знаком с каждым в этих окрестностях. Их одежда тоже выглядела не такой, как обычно. Все они всматривались в него с равным удивлением и, когда бы их взгляд ни останавливался на нем, они неизменно поджимали подбородок. Постоянное повторение этого жеста заставило Рипа непроизвольно делать то же самое, и тогда, к своему изумлению, он обнаружил, что его борода стала на фут длиннее. [...] Он начал подумывать, не заколдован ли он или весь мир вокруг него [...].

Вид Рипа с его длинной седеющей бородой, ржавым ружьем и странной одеждой, стоящего в окружении целой армии женщин и детей, очень скоро привлек внимание политиков из таверны. Они столпились вокруг него, отвели чуть в сторону и поинтересовались, за кого он голосует. Совершенно озадаченный, Рип молчал. Какой-то

невысокий, но деловитый парнишка потянул его руку и, поднявшись на цыпочки, спросил на ухо, федерал он или демократ. Рип все еще предпринимал отчаянные попытки понять вопрос, когда, прокладывая себе путь локтями, через толпу начал прорываться важный, исполненный собственного достоинства пожилой джентльмен в остроконечной шляпе. Остановившись перед Винклем — одна его рука уперлась в бок, другая покоилась на трости, а проницательные глаза и остроконечная шляпа слово проникали в самое сердце Рипа, — он строгим тоном потребовал ответить, что привело его на выборы с ружьем на плече, в сопровождении толпы, и не собирается ли он устроить в деревне бунт. "Увы! Джентльмены, — воскликнул совершенно отчаявшийся Рип, — я бедный и тихий человек, уроженец этой местности и покорный слуга Короля, храни его Бог".

Крики окружающих слились в громкий взрыв: "Тори, тори! Шпион! Беженец! Хватайте его! В тюрьму его!" Важному джентльмену в остроконечной шляпе с большим трудом удалось наконец восстановить порядок»[20].

Еще более удручающим, чем судьба Рипа, является то, что произошло с ираландским героем Ойсином, когда он вернулся домой после продолжительного пребывания у дочери Короля Страны Юности. Ойсин оказался более способным, чем бедняга Рип: во время перехода в царство приключений он держал свои глаза открытыми. Он сознательно (бодрствующим) сошел в мир бессознательного (глубокого сновидения) и соединил ценности бессознательного восприятия со своей бодрствующей личностью. Результатом стало преображение, но именно по причине этого невероятно благотворного обстоятельства более сложными стали и опасности его возвращения. Поскольку его личность была приведена в согласие с силами и формами вневременья, всем его новым принципам предстояло оказаться опровергнутыми, разрушенными под воздействием форм и сил времени.

«Ойсин, сын Финна Мак Куйла, охотился однажды со своими людьми в лесах Ирландии, как вдруг перед ним явилась дочь Короля Страны Юности. Слуги Ойсина ушли вперед с добычей дня, оставив своего хозяина с тремя псами без посторонней помощи, и тут к нему приблизилось загадочное существо с прекрасным женским телом, но головой свиньи. Она заявила, что уродливая голова появилась в результате заклинания друидов, пообещав, что она исчезнет в тот же миг, когда он женится на ней.

"Что ж, раз твое состояние так плачевно, — ответил Ойсин, — и если замужество освободит тебя от этого заклятья, я не позволю голове свиньи долго оставаться на твоей шее". Щ

Без промедления свиная голова исчезла, и они вдвоем отправились в Тир- на-н'Ог, Страну Юности. В течение долгих счастливых лет Ойсин жил и правил там. Но однажды он объявил своей сверхъестественной супруге: «Как бы мне хотелось вновь оказаться в Ирландии и увидеть своего отца и его людей!

"Если ты уйдешь, — ответила жена, — и твоя нога ступит на землю Ирландии, ты никогда больше не сможешь вернуться сюда, ко мне, и станешь слепым стариком. Сколько лет, по твоему, прошло с тех пор, как ты здесь?" "Около трех", — ответил Ойсин. "Прошло триста лет, — сказала она, — с той поры, как ты пришел сюда вместе со мной. Раз уж тебе так хочется вернуться в Ирландию, я дам тебе белого коня, чтобы ты ехал верхом, но если ты сойдешь с него и коснешься земли Ирландии, конь в ту же минуту вернется домой, а ты останешься там несчастным старцем". "Не бойся, я вернусь, — сказал Ойсин. — Разве у меня недостаточно причин вернуться? Но я должен еще раз увидеть отца, своего сына и своих друзей в Ирландии. Я должен увидеть их хотя бы на мгновение". Она приготовила для Ойсина коня и сказала: "Этот конь отвезет тебя туда, куда ты только пожелаешь".

Ойсин не останавливался ни на минуту, пока конь не вступил на землю Ирландии; затем он скакал до тех пор, пока не добрался до Нок-Патрик в Мюнстере и не увидел человека, пасущего коров. В поле, где коровы щипали траву, лежал большой плоский камень.

"Не мог бы ты подойти, — попросил Ойсин пастуха, — и перевернуть этот камень?" "Воистину, нет, — ответил пастух, — я не смогу поднять его; его не смогут поднять даже двадцать таких, как я".

*Ойсин подъехал к камню и, дотянувшись до него рукой, перевернул его. Под камнем оказался рог фианов (*борабу*), закрученный в форме морской раковины; существовало правило, что, если кто-то из ирландских фианов дует в борабу, остальные должны немедленно явиться из любого уголка страны, где бы они ни находились в это время*[21].

"Не подашь ли ты мне этот рог?" — спросил Ойсин пастуха. "Нет, — ответил пастух, — потому что ни я, *ни много таких, как я, не смогут оторвать его от земли".*

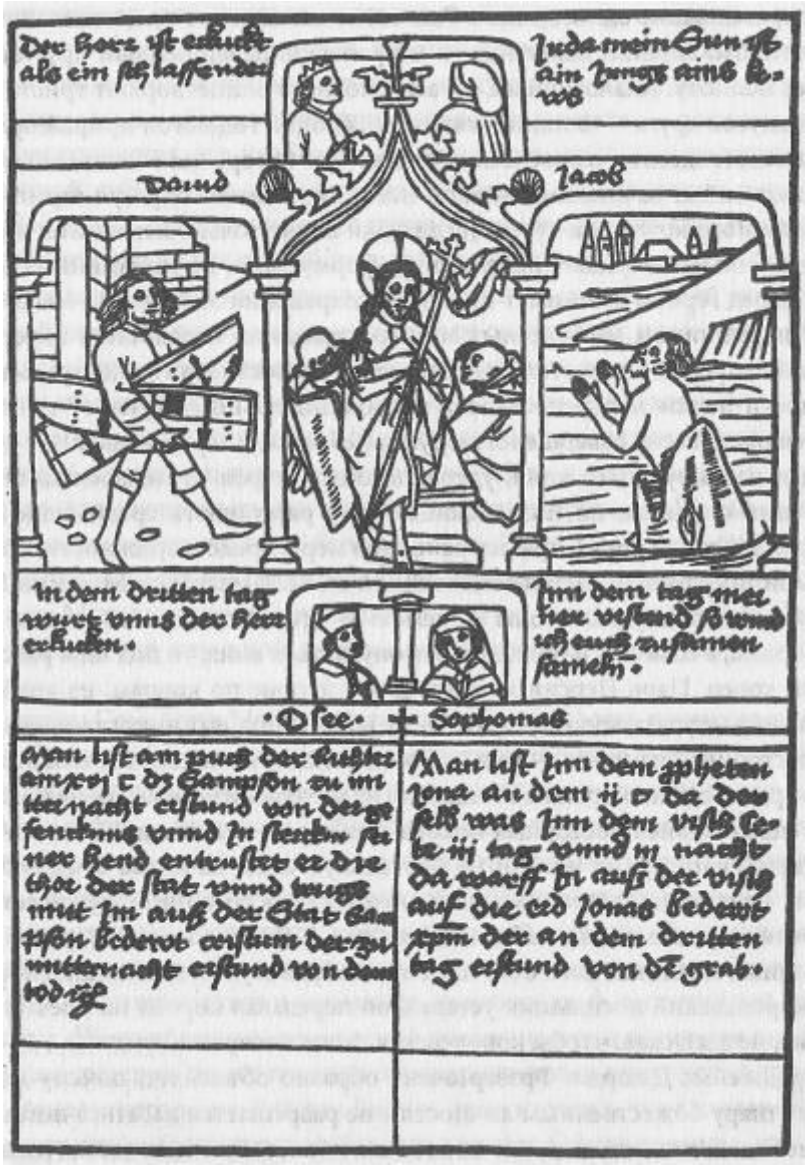


Рис. 11. Возвращение героя. Самсон с дверями храма; Христос Восстающий; Иона

Тогда Ойсин подъехал к рогу и потянулся к нему рукой; но его желание поскорее подуть в него было таким страстным, что он позабыл обо всем и
тянулся все ниже, пока одна нога не коснулась земли. В тот же миг конь исчез, и Ойсин оказался распростертым на земле слепым стариком» .

Приравнивание одного года в Раю сотне лет земного существования является мотивом, хорошо известным в мифологии. Завершенный круг столетия означает полноту. Аналогичным образом полноту олицетворяют триста шестьдесят градусов круга — в индийских пуранах один год богов приравнивается к трехстам шестидесяти человеческим годам. С точки зрения обитателей Олимпа, протекают эпохи за эпохами земной истории, извечно образуя гармоничную форму полного круга, так что там, где люди видят только изменения и смерть, благословенные созерцают неизменную форму, мир, не имеющий конца. Но теперь перед героем возникает проблема сохранения этой

космической точки зрения перед лицом мимолетных земных страданий и радостей. Вкус плодов понимания преходящего отвлекает сосредоточенность духа от центральной бесконечности эпохи и переносит его к провинциальному кризису мгновения. Теряется равновесие совершенства, дух колеблется, и герой падает.

Идея изолирующего коня, удерживающего героя от неизбежного соприкосновения с землей, но позволяющего ему разгуливать среди людей мира, представляет собой яркий пример основной меры предосторожности, предпринимаемой носителями сверхъестественной силы. Император Мексики Монте- сума никогда не опускал стопы на землю — его постоянно носили на плечах аристократы, а если ему и приходилось опускаться вниз, то под ним расстилали богатый ковер. Царь Персии ходил в своем дворце по коврам, на которые не разрешалось ступать никому другому, а вне дворца его никогда нельзя было увидеть стоящим на земле — только восседающим на колеснице или верхом на коне. В древности ни королям Уганды, ни их матерям и королевам не полагалось ходить пешком вне просторных покоев, в которых они жили. Когда бы они ни выбирались наружу, их носили на плечах мужчины из клана буффало, часть которых неизменно сопровождала королевских особ во всех путешествиях и поочередно принимала на себя ношу их тел. Король восседал верхом на шее носильщика, свешивая ноги с его плеч и подобрав ступни под мышки несущего. Когда королевский носильщик уставал, он передавал короля на плечи другого человека, не допуская, чтобы королевская стопа коснулась земли .

Сэр Джеймс Джордж Фрэзер очень образно объясняет, почему по всему земному шару божественным личностям не разрешается касаться ногами земли: «Очевидно, что святость, волшебное качество, табу — как бы мы ни называли это загадочное свойство, распространяющееся на все священные или табуированные особы, — воспринималось первобытным философом как физическая субстанция, или флюид, которым заряжен священный человек, подобно тому, как лейденская банка заряжена электричеством; и точно так же, как лейденская банка может потерять свой заряд при контакте с хорошим проводником, святость или волшебное качество может разрядиться и покинуть своего обладателя при контакте с землей, которая, согласно этой теории, является превосходным проводником магических флюидов. По этой причине, чтобы сохранить заряд и не позволить ему растратиться впустую, святую или табуированную личность следует тщательно оберегать от прикосновения к земле — если говорить на языке

электричества, его необходимо изолировать, чтобы он не лишился этой драгоценной субстанции, или флюида, которым, словно сосуд, наполнен до краев. Во многих случаях такая изоляция табуированной личности явно рекомендуется не столько для его собственной безопасности, сколько во имя других. Поскольку качество святости является, так сказать, мощнейшей взрывчаткой, способной детонировать даже при малейшем сотрясении, необходимым требованием всеобщей безопасности является сохранение его в надежных границах, иначе взрыв может разрушить, развеять и уничтожить все вокруг»[24].

Без сомнения, существует и психологическое оправдание такой предосторожности. Англичанин, переодевающийся к обеду в джунглях Нигерии, чувствует, что для этого поступка существует некая причина. Юный художник, гордо демонстрирующий бакенбарды в холле «Ритца», с удовольствием разъясняет, что это элемент его стиля. Римский воротник отличает проповедника от мирянина. Монахини двадцатого века плывут по улицам в одеяниях Средневековья. Жена в той или иной степени изолируется от общества обручальным кольцом.

Рассказы Сомерсета Моэма описывают метаморфозы, происходящие с носителем бремени белого человека, пренебрегающего табу обеденного костюма. Многие фольклорные песни являются свидетельствами опасности сломанного кольца. А мифы — например, собранные Овидием в его великом компедиуме *«Метаморфозы»*, — вновь и вновь повествуют о поразительных преображениях, происходящих в тех случаях, когда слой изоляции между высококонцентрированным центром могущества и полем низшей энергии окружающего мира внезапно устраняется без надлежащих мер предосторожности. Согласно сказочному фольклору кельтов и германцев, гном или эльф, застигнутый восходом солнца вне своего убежища, немедленно превращается в палку или камень.

Для завершения своего путешествия вернувшийся герой должен пережить воздействие нашего мира. Рип ван Винкль так и не узнал, что с ним *произошло,* и его возвращение было просто забавным казусом. Ойсин понимал, что именно пережил, но он потерял свою сосредоточенность на этом и по этой причине погрепел крах. Камар аз-Заману повезло во всем. Он в бодрствующем состоянии испытал блаженство глубокого сна и вернулся к свету дня с таким убедительным талисманом своего невероятного

путешествия, что ему удалось сохранить уверенность в себе перед лицом любых отрезвляющих разочарований.

Пока он спал в своей башне, два джинна, Дахнаш и Маймуна, принесли из далекого Китая дочь властителя островов и земель и семи дворцов, царевну Будур, и положили спящую девушку в постель, рядом с царевичем Персии. Джинн открыл обоим лица, и узрел, что эти двое похожи, словно близнецы. «Дахнаш воскликнул: "Клянусь Аллахом, хорошо, о госпожа! Моя любимая красивей!" — "Нет, мой возлюбленный красивей!" — сказала Маймуна». Так они спорили, вздорили и препирались, пока Дахнаш не предложил, наконец, чтобы они обратились к беспристрастному судье.

Маймуна «ударила рукой об землю, и оттуда появился ифрит — кривой, горбатый и шелудивый, с глазами, прорезанными на лице вдоль, а на голове у него было семь рогов и четыре пряди волос, которые спускались до пяток. Его руки были как вилы, ноги как мачты, и у него были ногти, как когти льва, и копыта, как у дикого осла». Чудовище почтительно облобызало землю у ног Маймуны и спросило, чего та от него желает. Получив приказ рассудить их, ифрит «посмотрел на лицо этого юноши и на лицо той девушки и увидел, что они спят обнявшись, и каждый из них положил руку под шею другого, и они сходны по красоте и одинаковы по прелести [...] и подивился их красоте и прелести, и продлил свои взгляды на юношу и девушку. Потом ифрит обратился к Маймуне и Дахнашу и сказал им:

"Клянусь Аллахом, если вы хотите истины, то я скажу, что оба они равны по красоте, прелести, блеску и совершенству, и отличить их можно только по полу — мужскому и женскому. Но у меня есть другой способ: разбудим одного из них так, чтобы другой не знал, и тот, кто загорится любовью к своему соседу, будет ниже его по красоте и прелести"».

На том и порешили. «Дахнаш принял образ блохи и укусил Камар аз-Зама- на, и тот вскочил со сна испуганный и стал скрести ногтями укушенное место на шее, — так сильно оно горело. Он повернулся на бок и увидел, что кто-то лежит с ним рядом, и дыхание его ароматнее благоухающего мускуса, а тело его мягче масла, и изумился этому до пределов изумления. И, поднявшись, он сел прямо и взглянул на то существо, которое лежало с ним рядом, и оказалось, что это девушка, точно бесподобная жемчужина или воздвигнутый купол [...] И Камар аз-Заман начал будить девушку, но она не просыпалась, так как Дахнаш сделал ее сон беспробудным. И тогда Камар аз-

Заман принялся трясти ее и шевелить, говоря: "О любимая, проснись и посмотри, кто я [...]". Но девушка не пробудилась и не шевельнула головой».

Камар аз-Заман вообразил, что Будур — та женщина, на которой его хотел женить отец, и исполнился страстного пыла. Но он испугался, что отец может прятаться где-то в комнате, наблюдая за ним, так что принц сдержал себя и удовольствовался тем, что снял с ее крошечного пальчика пестень и надел на свой мизинец. После этого ифриты вновь повергли его в сон.

Поведение Будур стало полной противоположностью действий Камар аз- Замана. Она и не задумалась о том, что кто-то может за ней наблюдать. Кроме того, Маймуна, которая будила ее, с женским злым умыслом поднялась по ее ноге и укусила прямо в то место, которому свойственно воспламеняться. Прекрасная, благородная, величественная Будур, обнаружив рядом с собой свое подобие в мужском облике, заметила, что он уже взял ее перстень, но не смогла ни разбудить его, ни понять, что он с ней сделал. «И сердце девушки раскололось, и душа ее затрепетала, поднялась в ней страсть, так как страсть женщин сильнее, чем страсть мужчин, и девушка смутилась. А потом она сняла перстень Камар аз-Замана с его пальца и надела его себе на палец вместо своего перстня, и поцеловала Камар аз-Замана в уста, и поцеловала ему руки, и не оставила на нем места, которого бы не поцеловала. И после этого она придвинулась к нему и взяла его в объятия и обняла его и положила одну руку ему под шею, а другую под мышку и, обняв его, заснула с ним рядом».

После этого у Дахнаша закончились аргументы. Будур вернули в Китай. На следующее утро, когда молодые люди проснулись и когда уже вся Азия разделяла их, они посмотрели вправо и влево, но не обнаружили никого рядом с собой. Они кричали на своих испуганных домашних, наказывали и казнили прислужников и совершенно сошли с ума. Камар аз-Заман зачах от тоски; его отец сидел у изголовья, рыдая и стеная над ним, и не оставлял его ни днем, ни ночью. Принцессу Будур пришлось заковать, но даже с железной цепью на шее ей едва не удалось выброситься из окна дворца[25].

Встреча и расставание, со всеми их необузданными последствиями, являются типичными для страданий любви: когда сердце настаивает на исполнении своей судьбы и сопротивляется всеобщим уговорам, его агония — как, впрочем, и опасность для окружающих — становится невероятной. Однако в движение приходят силы, не считающиеся с чувствами. Последовательность событий в противоположных уголках

земли постепенно сходится воедино, а чудесные совпадения превращаются в неизбежность. Кольцо-талисман, полученное после встречи души с ее второй половиной в месте воссоединения, предвещает, что сердце человека должно осознать то, что было упущено Рипом ван Винклем. Кроме того, оно служит для бодрствующего разума подтверждением в том, что реальность глубин не опровергается повседневностью. Оно становится знаком того, что теперь герою необходимо связать воедино оба своих мира.

Оставшаяся часть долгого повествования о Камар аз-Замане представляет собой историю медленного, но чудесного воплощения вызванной к жизни судьбы. Судьба есть не у каждого, но только у героя, у того, кто погрузился в глубины, чтобы прикоснуться к ней, и вновь вернулся на поверхность.

5. ХОЗЯИН ДВУХ МИРОВ

Возможность свободного перемещения через границу мира, перехода от перспективы существования во времени на точку зрения причинной глубины и обратно — не заражающего принципы одного концепциями второго, но все же позволяющего разуму познавать одно посредством другого — относится к правам хозяина. Космический Танцор, как заявляет Ницше, не остается в тягостном покое на месте, но радостно и легко поворачивается и перемещается из одного положения в другое. В каждое мгновение можно пребывать лишь на одной точке зрения, но это не обесценивает прозрений, полученных в других положениях.

Мифы не очень часто описывают загадку мгновенного перемещения в единственном образе, но, если это случается, сам миг перехода становится драгоценным, исполненным значимости символом, который следует беречь и созерцать, как сокровище. Таким было мгновение Преображения Христа:

«По прошествии дней шести, взял Иисус Петра, Иакова и Иоанна, брата его, и возвел их на гору высокую одних, и преобразился перед ними: и просияло лице Его как солнце, одежды же его сделались белыми как свет. И вот, явились им Моисей и Илия, с Ним беседующие. При сем Петр сказал Иисусу: Господи! хорошо нам здесь быть; если хочешь, сделаем здесь три кущи: Тебе одну, и Моисею одну, и одну Илии[26]*. Когда он еще говорил, се, облако светлое осенило их; и се, глас из облаков глаголющий: Сей есть Сын Мой Возлюбленный, в Котором Мое благоволение; Его слушайте. И услышавши ученики пали на лица свои и очень испугались. Но Иисус приступив коснулся их и сказал: встаньте й не бойтесь. Возведши же очи свои, они никого не увидели, кроме одного*

Иисуса. И когда сходили они с горы, Иисус запретил им, говоря: никому не сказывайте о сем видении, доколе Сын Человеческий не воскреснет из мертвых»[27].

В этом моменте кроется целый миф: Иисус — одновременно проводник, путь, видение и спутник в возвращении. Апостолы являются его учениками; они не хозяева этой тайны, и все же их вводят в полное восприятие парадокса двух миров в одном. Петр настолько напуган, что лепечет странности . Плоть растворилась перед их взором, чтобы обнажить Слово. Они пали на лица свои, а когда поднялись, дверь вновь была затворена.

Следует заметить, что этот момент вечности воспаряет намного выше романтического осознания Камар аз-Заманом его индивидуальной судьбы. Здесь же мы наблюдаем не только совершенство перехода через разделяющий миры порог, но и более глубокое — намного более глубокое — проникновение в запредельные бездны. Мотивом и темой этого видения не является личная судьба, ибо откровение узрели три свидетеля, а не один, то есть его невозможно удовлетворительно объяснить исключительно в психологических понятиях. Разумеется, его можно опровергнуть. Мы вполне можем усомниться в том, что подобная сцена действительно когда-либо имела место. Но это ничуть нам не поможет, поскольку в настоящий момент нас занимают проблемы символизма, а не историчности. Нас не особенно волнует, являлись ли Рип ван Винкль, Камар аз-Заман или Иисус Христос реальными личностями. Нам интересны их *истории,* и эти истории настолько широко распространены во всем мире — хотя и приписываются в различных землях разным героям, — что вопрос о том, мог ли тот или иной местный представитель этой всеобщей темы быть или не быть историческим лицом, реальным человеком, может иметь лишь вторичное значение. Повышенное внимание к такому историческому элементу привело бы к путанице, оно просто затуманило бы эту образную весть.

Каков же тогда общий смысл символа преображения? Вот вопрос, который нам следует задать. Но для того чтобы мы могли столкнуться с ним на обширном, а не ограниченном пространстве, необходимо рассмотреть еще один, не менее известный пример этого архетипического события.

Приведенные ниже строки являются отрывками из индийской «Божественной Песни», *«Бхагавад-Гиты»*[29]. *Господь, прекрасный юный Кришна, является инкарнацией Вишну, Всеобщего Бога; принц Арджуна — его ученик и друг.*

«Арджуна сказал:"[...] Если Ты думаешь, что я достоин видеть его, Господи, яви мне Свое вечное Я, о Владыка Йоги!" Благословенный молвил: "Созерцай, о Партха, Мою форму, столикую, тысячевидную, божественную, разнообразную по цвету и очертаниям. Созерцай Адитьев, Васу, Рудров, двух Ашвинов, а также Марутов [боги и ангелы]; созерцай бесчисленные, до сих пор невиданные чудеса, о Бхарата. Созерцай в Моем теле, о Гудакеша, всю Вселенную, со всем, что движется и что неподвижно, со всем, что ты жаждешь узреть. Но, воистину, ты не в силах созерцать Меня этими твоими глазами; божественные очи дарую тебе. Воззри на Мою царственную Йогу".

Молвив это [...] великий Господь Йоги, Хари, явил Арджуне царственную форму Свою. С бесчисленными устами и очами, во многих чудесных явлениях, с бесчисленными божественными украшениями, с многообразным поднятым божественным оружием; облаченный в божественные одежды и ожерелья, помазанный божественными благоуханными маслами, всечудесный беспредельный Бог, с обращенными всюду ликами. И если бы сияние тысячи солнц одновременно вспыхнуло на небе, таким великолепием могла бы сиять слава этой Великой Души. В Ней Арджуна увидел всю вселенную, разделенную на множество частей, соединенных воедино в теле Бога Богов. Тогда он, Дхананджая, потрясенный изумлением, с волосами, вставшими дыбом, склонил голову перед Богом и, сложив благоговейно руки, заговорил: "Внутри Твоей формы, о Бог, я вижу Богов. Все виды существ и каждый с отличием своим; Брама, Господь, и под Ним его чудесный лотос-престол, и все Риши, и Мудрости Змии из породы высокой. С руками, грудями, устами, очами без счета. Всюду я вижу Тебя; беспредельны твои проявленья. Источник, начало, середину, конец Твоей славы, Господь без конца, без границ, не могут узреть мои очи. Сиянье Твое, бесконечный Твой блеск вездесущий, Твой диск, и венец, и тиару я зрю; подобный огню, пламенея, как солнце, слепящее взор, стремишь Ты потоки лучей с небес необъятных. Превыше всех мыслей моих, неизменный Господь, Высочайший Ковчег, изливающий творчества силу, Вечной Дхармы бессмертный Хранитель, Человек, Пребывающий вечно: таким мыслит ум мой Тебя".

Это зрелище открылось Арджуне на поле боя, за мгновение до рева первой трубы, возвещающей битву. Перед тем, вместе с богом в роли возничего, великий принц выехал в поле, разделяющее две группы готовых к сражению воинов. Его армии собрались здесь, чтобы выступить против войск его незаконно захватившего власть двоюродного брата, но он увидел в рядах противника множество людей, которых знал и любил.

Боевой дух покинул его. «Увы! — говорит он божественному возничему. — Из желания владеть царством мы готовы совершить великий грех, мы готовы убить своих восставших родичей. Если бы меня, безоружного, несопротивляющегося, вооруженные сыны Дхритараштры убили в бою, мне было бы легче». Но прекрасный бог вселяет в него отвагу, излагая ему мудрость Господа и раскрывая, в завершение, описанное ранее видение. Ошеломленный принц наблюдает не только то, как его друг превращается в живую персонификацию Опоры Вселенной, но и то, как герои обеих армий устремляются в бессчисленные и ужасные уста божества. Он с содроганием восклицает:

« — Как радуга, переливаясь яркими цветами, касаешься Ты сводчатых небес. С отверстыми устами, вращая необъятные зрачки очей, Ты проникаешь трепетом все Существо мое. Взирая на Тебя, слабеет моя сила... уходит мой покой... Подобно времени сверкающим мечам виднеются ряды Твоих зубов, грозящих посреди раскрытых страшных челюстей. Увидя то, не знаю я, куда укрыться мне от вида Твоего. О пощади, Господь! Ты, мощное прибежище миров! Дхритараштры сыновья, и с ними множество царей из разных стран: и

Бхишма, Дрона, и Сути царственный сын, из вражеских станов обоих весь храбрых витязей цвет, все успешно устремились в отверстые уста Твои. Сверкают в них ряды страх наводящих зубов. Как жернова могучие, всех воинов, захваченных меж ними, они дробят, мгновенно превращая в прах. Как воды рек стремительно и шумно несутся с яростью в великий океан, так устремляются могучие те люди, цари земли, в Твои отверстые, палящие уста. Как моль, неудержимо ускоряя свой полет, летит в огонь, чтобы погибнуть в нем, так и они стремятся в страшные уста, чтобы исчезнуть в них, найти там смерть. Все поглощая впереди и позади, со всех сторон Огни бессчетных языков Твоих испепеляют всех. Наполнено пространство славою Твоей; пылает мир в огне Твоих всепожирающих лучей, о мой Господь! Твою Суть мне открой! Твой вид безмерно страшит! Я падаю ниц пред Тобой! Пощади, я молю, о могучий Господь! Что скрыто в Тебе, я стремлюсь познать, Твоя внешняя жизнь ужасает меня.

Благословенный Господь сказал:

— Я — Время, что несет отчаяние в мир, что истребляет всех людей, являя свой закон на их земле. Никто из воинов, которые, готовясь к битве, строились в ряды, не ускользнет от смерти. Ты один не перестанешь жить. И потому восстань! И достигай ты славы для себя, одолевай врагов и наслаждайся мощью царства своего! Моею волею они

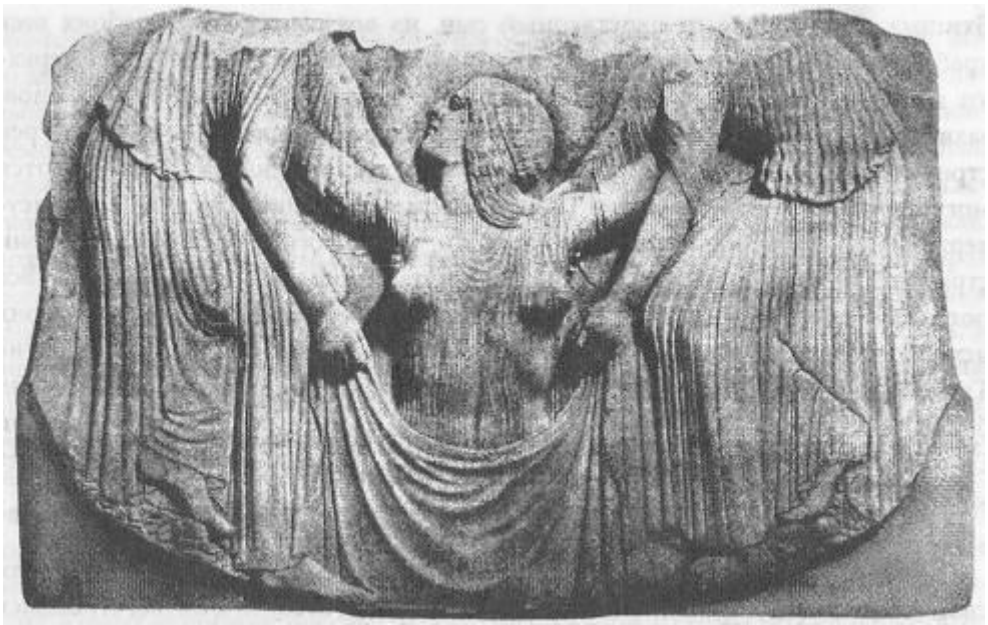
уже поражены. Ты дай лишь внешний вид, сразу их лишь рукою своей. Уже и Дрона, и Бхишма, и Джаядратха, и Карна, и воины все, что явились сюда, обречены они все на погибель свою. Бейся ж без страха, Арджуна, рази! И победа на поле сражения будет твоя.

Услышав те слова, что произнес Господь, дрожа и простираясь ниц, венчанный вождь, от страха заикаясь и склонившись, так к Кришне обратился вновь:

[...] — Из Богов нет выше Тебя, Старший из всех человеков; Высочайший Ковчег всего, что живет; Обитель горняя! Тобой проникнута Вселенная, О Познаваемый и Познающий, Она вмещается вся в образе Твоем. Ты — Вайю [Ветер], Яма [Смерть], Агни [Огонь] и Луна, Отец-Варуна [Вода], Предок всем живым; тысячеустая хвала Тебе и Слава! [...] Я видел Твою славу, до меня незримую никем; от радости и ужаса трепещет моя грудь. И я молю Тебя: прими былой Твой вид! О пощади, Господь Богов, Прибежище миров. В сверкающем венце и с царственным жезлом в руках я жажду видеть прежнего Тебя. Яви любимый и знакомый образ Твой. Сокрой для смертного невыносимое сторукое явление Твое!

Благословенный Господь сказал:

— Арджуна, милостью Моей ты познал Тот высочайший образ Мой, всепроникающий и вечный, что раскрывается лишь в йоге, лишь в слиянии со Мной, которого никто, кроме тебя, не видел никогда. [...] Смущение свое и ужас



Ил. XV. Возвращение (Древний Рим)

погаси, не бойся, что узрел ты страшный образ Мой, забудь свой страх, развесели свой дух. Воззри на облик Мой, знакомый для тебя!»

Молвив эти слова, Васудева явил снова Свой собственный образ и утешил потрясенного Арджуну[30].

Ученик был милостиво одарен видением, превосходящим рамки обычной человеческой судьбы и возвышающимся вплоть до мимолетного взгляда на сущность природы космоса. Ему была открыта не его личная судьба, а судьба человечества, жизни в целом, атома и всех солнечных систем, — причем в понятиях, доступных человеческому пониманию, в категориях, так сказать, антропоморфического видения, Космического Человека. Аналогичная инициация могла бы быть вызвана посредством не менее достоверных образов Космического Коня, Космического Орла, Космического Дерева или Космического Богомола[31]. Более того, откровения, описанные в *«Божественной Песне»,* были явлены в понятиях, присущих касте и расе Арджуны. Космический Человек, которого он узрел, был, как и сам Арджуна, аристократом и индусом. Соответственно, в Палестине Космический Человек возникал в облике еврея, а в древней Германии — как германец; у племени басуто он негр, в Японии — японец. Раса и положение этой фигуры, символизирующей неизменное и трансцендентальное Всеобщее, являются историческими, а не семантическими категориями;

Ил. XVI. Богиня Космического Льва, удерживающая Солнце (Северная Индия)

Это относится и к его полу — Космическая Женщина, изображаемая в иконографии джайнов[32], является настолько же красноречивым символом, что и Космический Мужчина.

Символы являются всего лишь *носителями* сообщения, их нельзя путать с окончательным содержанием, *общим смыслом* того, к чему они относятся. Независимо от того, насколько привлекательными или впечатляющими они могут казаться, они продолжают оставаться только удобными средствами, способствующими пониманию. По этой причине личность или персонификация Бога – *представлена* она в понятиях триединства, двойственности или единственного, в политеистической, монотеистической или генотеистической форме, в визуальном или словесном описании, — не следует пытаться понимать или истолковывать как нечто окончательное. Задача теологии заключается в сохранении полупрозрачности своего символа, чтобы он не препятствовал тому самому свету, который, как предполагается, он собой выражает. «Ибо лишь тогда мы подлинно веруем в Бога, — пишет св. Фома Аквинский, — когда мы веруем в то, что Он намного выше всего мыслимого о Боге человеком»[33]. Подобной точки зрения придерживается и *«Кена Упанишад»*: «Он известен тому, кому Он неизвестен; тот не знает, кому он известен»[34]. Ошибочное понимание носителя как его содержания может привести к проливанию не только дешевых чернил, но и бесценной крови.

Еще одним моментом, который следует подчеркнуть, является то, что свидетелями преображения Иисуса были ученики, уничтожившие свою индивидуальную волю, люди, задолго до того покончившие с «жизнью», «личной судьбой», «предопределением» благодаря полному самоотречению в Учителе. «И не может никто увидеть Меня таким, каким ты видел Меня, хотя бы и знал он все Веды, и предавался подвижничеству, и приносил подаянья и дары, — объявляет Кришна, восстанавливая свой привычный Арджуне облик. — Одной лишь благоговейной любви доступно такое созерцание, Арджуна; лишь любви дано созерцать Меня в Моей сокровенной Сути и слиться со Мною, о Парантапа. Тот, кто делает все во имя Мое, для кого Я — высочайшее благо, кто предан Мне, свободный от привязанности, недоступный вражде, тот приходит ко Мне, о Пандава»[35]. Иисус выражает аналогичное утверждение более кратко: «Кто потеряет душу свою ради Меня, тот обретет ее»[36].

Значение этих слов очевидно; в этом заключается любая религиозная практика. Благодаря продолжительной психологической дисциплине личность полностью расстается со всеми привязанностями к своим индивидуальным ограничениям, чертам характера, надеждам и страхам и уже не сопротивляется тому самоуничтожению, которое является необходимым преддверием перерождения к осознанию истины; так человек становится, наконец, достаточно зрелым для великого *вос-соедин-ения.* Его личные стремления полностью исчезают, он уже не цепляется за жизнь и по собственной воле подчиняется всему, что способно разрушить его; можно сказать, что его индивидуальность становится анонимностью. Закон, пребывающий в нем, получает неограниченные права.

Существует — особенно, в социальных и мифологических традициях Востока — множество фигур, воплощающих это конечное состояние анонимного присутствия. Мудрецы уединенных рощ и скитающиеся нищие, играющие столь заметную роль в жизни и легендах Востока; такие мифологические образы, как Вечный Жид (презираемый, неизвестный, но все же несущий в своей котомке жемчужину невероятной ценности); оборванный попрошайка, которого травят собаками; удивительный странствующий бард, от музыки которого замирает сердце; мужественные боги Один, Виракоча или Эдшу, — все это примеры таких образов. «Временами глупец, временами мудрец, а иногда и некто, обладающий царственным великолепием; иногда скитающийся, иногда неподвижг ный, как питон, и изредка принимающий милостивый облик; часто уважаемый, часто оскорбленный и иногда никому не известный — таким выглядит осознавший человек, извечно исполненный счастья и высшего блаженства. Точно так же, как актер неизменно остается человеком, независимо от того, надевает он костюм своей роли или откладывает его в сторону, так и совершенный, познавший Непреходящее, всегда является Непреходящим — и ничем иным»[37].

6. СВОБОДА, ЧТОБЫ ЖИТЬ

Каков все же результат чудесного перехода и возвращения?

Поле боя является символом сферы жизни, где каждое создание живет благодаря смерти других. **1.** Осознание неизбежной вины, кроющейся в жизни, может настолько омрачить сердце таких, как Гамлет или Арджуна, что человек способен отказаться продолжать следовать этим путем. **2.** С другой стороны, подобно большинству из нас, человек может изобрести ложный и в конечном счете несправедливый образ самого себя как

исключительного мирового явления, не настолько виновного, как остальные, и оправданного в своей неминуемой греховности, поскольку он олицетворяет добро. Такая самовнушенная праведность ведет к неверному пониманию не только самого себя, но и природы как человека, так и космоса. Цель мифа заключается в том, чтобы рассеять потребность в таком неведении жизни путем согласования индивидуального сознания со всеобщей волей. Это происходит благодаря осознанию подлинных взаимоотношений преходящих феноменов времени и неизменной жизни, живущей и умирающей во всем сущем.

«Подобно тому как Человек, сбросив ветхую одежду, надевает новую, так бросает Он изношенные тела и облекается в новые. Оружие не рассекает Его, огонь не палит Его, вода Его не мочит, ветер не сушит Его. Ибо нельзя ни рассечь, ни спалить, ни пропитать влагой, ни высушить Его: постоянный, всепроникающий, устойчивый, незыблемый, извечный Он»[38].

Человек в мире действия теряет свою сосредоточенность на принципе вечности, если он озабочен результатами своих поступков; но, укладывая свои деяния и их плоды к ногам Живого Бога, он освобождается, словно при жертвоприношении, от оков океана смерти. «...Без привязанности совершай должные действия [...] Предоставив все действия Мне, устремив свои мысли на Высочайшее Я, свободный от вожделений и себялюбия, исцелившись от душевной горячки, сражайся, Арджуна!»[39].

Могущественный в своем прозрении, хладнокровный и свободный в своих действиях, ликующий от того, что в его руку прольется милость Виракочи, герой становится сознательным носителем великого и ужасного Закона — независимо от того, выступает он в роли мясника, обманщика или царя.

Гвион Бах, испробовавший три капли вдохновения из ядовитого котла, проглоченный ведьмой Каридвен, заново родившийся в облике младенца и брошенный в океан, был найден на следующее утро в рыболовных сетях неудачливым и совершенно разочарованным молодым человеком по имени Эльфин, сыном того самого богатого землевладельца Гвиддно, чьи кони отравились зельем из взорвавшегося котла. Когда люди вынули из сетей кожаную ловушку, открыли ее и увидели лоб младенца, они сказали Эльфину: «Смотри, какая лучистая бровь (*тальесин*)!» «Так будет он наречен Тальесином», — провозгласил Эльфин. Он поднял мальчика на руки и, сетуя на свою несчастную судьбу, уложил позади себя. И он пустил своего коня легким шагом, хотя

никогда не ездил медленнее, чем рысью, и вез дитя так нежно, как только мог, и тому было спокойно, словно он сидел в мягчайшем в мире кресле. И тогда ребенок вслух провозгласил в стихах утешения и восхваления Эльфину и предсказал ему честь и славу:

Милый Эльфин, не горюй!
Не стоит печалиться тем, что имеешь.
Отчаяние не принесет пользы.
Никому не ведомо, что пойдет ему впрок. [...]
Слабый и маленький, как я,
Выброшенный на берег океана —
В день беды я смогу пригодиться тебе
Больше, чем три сотни осетров [...].

Когда Эльфин вернулся в замок своего отца, Гвиддно спросил его, хорош ли был его улов, и Эльфин ответил, что поймал нечто получше рыбы. «Что же?» — поинтересовался Гвиддно. «Барда», — ответил Эльфин. Гвиддно сказал: «Увы, какой тебе в нем прок?» Ему ответил сам младенец: «Он принесет ему больше, чем твое море когда-либо приносило тебе». Гвиддно спросил: «Разве ты, такой малыш, способен говорить?» Ребенок ответил: «Я способен говорить лучше, чем ты — задавать вопросы». «Послушаем же, что ты сможешь сказать», — сказал Гвиддно, и Тальесин спел ему философскую песню.

Вскоре после того король собрал свой двор, а Тальесин расположился в укромном уголке. «И когда барды и герольды начали восхвалять щедрость и свидетельствовать могущество короля и его власти, они проходили мимо того угла, где спрятался Тальесин. Он выпятил вслед им губы и, ударяя по ним пальцами, сыграл "трям-трям". Никто из проходивших мимо не обратил на него особого внимания, и все прошли вперед, пока не остановились перед королем. Они поклонами выразили ему свое почтение, как вдруг, против своей воли и не вымолвив ни единого слова, ударили пальцами по губам и сыграли "трям-трям", в точности так, как это сделал мальчик. Такое зрелище заставило короля удивиться, и он счел в своих мыслях, что певцы чересчур много выпили. По этой причине он приказал одному из своих вассалов, прислуживавших за столом, подойти к ним и вразумить, объяснить им, где они находятся и как им приличествует себя вести. Вассал с радостью сделал это. Но они не прекратили свое глупое поведение и разгулялись пуще прежнего. Тогда король послал к ним во второй раз, и в третий,

приказав покинуть зал. Наконец король повелел одному из сквайров наказать их предводителя по имени Хейнин Вардд; сквайр взял метлу и ударил Вардда по голове так, что тот опрокинулся на спину. Вардд поднялся, опустился на колени и в этом унизительном положении взмолил короля о милости, объясняя, что их оскорбительное поведение имело своей причиной не невежество и не пьянство, а влияние какого-то духа, наполнившего зал. Так заговорил Хейнин: "О благородный король, да будет известно твоей милости, что не из-за крепости напитка и не по причине обильного возлияния мы онемели, лишившись дара речи, словно пьяницы, но под воздействием какого-то духа, сидящего вон в том углу в облике ребенка". Тотчас король повелел сквайру привести дитя, и тот пошел в убежище, где прятался Тальесин, и принес его к трону. Король спросил его, что он такое и откуда пришел. И ребенок ответил королю стихами:

Главный бард я у Эльфина,
Родина моя — страна летних звезд;
Идно и Хейнин звали меня Мирддин,
А ныне каждый король зовет меня Тальесин.
Я был с моим Господом в высших сферах
При падении Люцифера в бездны ада.
Я нес флаги впереди Александра;
Мне известны имена звезд от севера до юга;
Я был в галактике у трона Распространителя;
Я был о Ханаане, когда Авессалом был убит;
Я провожал Божественный Дух к уровню долины Хеврона; Я был при дворе
Дона до рождения Гвидиона; Я был наставником Илии и Еноха.
Меня несли крылья гения ослепительного святого посоха; Я был говорлив еще
до того, как меня наделили речью; Я был у места распятия милосердного
Сына Божьего; Три срока провел я в тюрьме Арианрода;
Я был главным начальником на строительстве Башни Нимрода;
Я — чудо неведомого происхождения.
Я был в Азии в ковчеге у Ноя;
Я видел разрушение Содома и Гоморры;
Когда строился Рим, я был в Индии;
А теперь явился сюда, к Останкам Трои.

Я был с моим Господом в яслях осла;

Я придал сил Моисею водами Иордана;

Я был на небесной тверди с Марией Магдалиной;

Я получил дар Муз из котла Каридвен;

Я был бардом-арфистом Ллеона из Аохлина;

Я был на Белом Холме, при дворе Кинвелина,

Провел день и год в цепях и оковах;

Страдал от голода во имя Сына Девы;

Я был вскормлен в стране Божества;

Я был учителем всего разумного;

Я могу научить всю вселенную;

Я останусь на земле до Судного Дня,

И неизвестно, что есть моя плоть — мясо или рыба.

Затем провел я девять месяцев

В утробе ведьмы Каридвен;

Был я раньше маленький Гвион —-

Теперь же я, наконец, Тальесин.

И когда король и его придворные услышали эту песню, они весьма удивились, ибо никогда не слышали ничего подобного от такого маленького мальчика» .

Большая часть песни барда посвящена пребывающему в нем Непреходящему, и лишь несколько строк описывают подробности его личной биографии. Слушающие песню начинают ориентироваться на Непреходящее в самих себе и потому невольно усваивают фрагменты информации о нем. Хотя он боялся

* Перевод К. Семенова.

ужасной ведьмы, он был съеден и возродился. Его индивидуальное эго погибло, и он вновь возник укрепившимся в Высшем «Я».

Герой является первым в процессе становления, но не в завершении, потому что герой всегда *есть.* «Прежде нежели был Авраам, Я *есмъ»* (Иоан. 8:58). Ему не свойственно ошибочно принимать внешние проявления изменчивости во времени в качестве постоянного свойства Бытия; не боится он и следующего мгновения (или «нового») как уничтожающего неизменное переменой. *Не сохраняет ничто неизменным свой вид;*

обновляя Вещи, одни из других обновляет обличья Природа. Не погибает ничто — поверьте! — в великой Вселенной[41]

Таким образом, новому мгновению разрешается прийти лишь для того, чтоб оно миновало.

Когда Принц Вечности поцеловал Принцессу Мира, ее сопротивление ослабло. «Открыла Шиповничек глаза, проснулась и ласково на него поглядела. И сошли они вместе с башни. И вот проснулись король с королевой и все придворные, и они удивленно посмотрели друг на друга. Поднялись лошади на дворе и стали отряхиваться. Вскочили гончие собаки и замахали хвостами. Подняли голуби на крыше свои головки, огляделись и полетели в поле. Мухи стали ползать по стене. Огонь в кухне поднялся тоже, запылал и стал варить обед; жаркое начало снова жариться и шипеть. А повар дал такую затрещину поваренку, что тот так и вскрикнул; а стряпуха стала поскорей ощипывать курицу»[42].

ГЛАВА IV

КЛЮЧЕВЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ

Путешествие можно описать такой диаграммой:

Мифологический герой, покинувший свою повседневную хижину или замок под воздействием принуждения, искушения или по собственной воле, подходит к порогу путешествия. Там он встречается с образом-тенью, охраняющей проход. Герой должен победить или снискать расположение этой силы, после чего он живым переходит в царство тьмы (схватка с братом, схватка с драконом; подношение, чары); если же противник убивает его, он нисходит туда мертвым (расчленение, распятие).

Рис. 12. Возвращение Язона[1]

За порогом герой путешествует по миру неведомых, но странно знакомых сил, одни из которых запугивают его (испытания), а другие наделяют волшебной помощью (помощники).

Когда он приближается к нижней точке мифологического круга, он проходит последнее суровое испытание и обретает свою награду. Этот триумф может олицетворяться сексуальным слиянием героя с богиней-матерью мира (священный брак), признанием со стороны отца-создателя (воссоединение с отцом), превращением в божество (обожествление) или — если могущественные силы по-прежнему остаются к нему неблагосклонными — его бегством с той наградой, за которой он отправлялся (похищение невесты, похищение огня). По своей внутренней сути все это означает расширение сознания и, вместе с ним, бытия (просветление, преображение, освобождение). Последним свершением героя является его возвращение. Если высшие силы благословили его, он облекается их покровительством (посланник); в противном случае он убегает от преследователей (бегство с изменениями облика, бегство с созданием препятствий). После пересечения порога на обратном пути трансцендентальные силы навсегда остаются позади, а герой вновь возникает из царства ужасов (возвращение, воскрешение). Благо, которое он приносит с собой (эликсир), возрождает мир.

Видоизменения, обвивающие простую линию мономифа, неподвластны описаниям. Многие истории выделяют и придают огромное значение одному- двум типичным элементам полного цикла (мотив испытаний, тема бегства или похищения невесты); в других (например, в *«Одиссее»)* несколько независимых циклов объединяются в единый ряд. Различные персонажи и эпизоды общей схемы могут сливаться, но в то же время один элемент может повторяться или претерпевать разнообразные изменения.

Контуры мифов и сказок часто подвергаются нарушениям и искажениям, их архаические особенности нередко устраняются или ослабляются. Заимствованные материалы пересматриваются и согласуются с местными колоритом, обычаями и верованиями и в таком процессе неизменно растрачивают исходное содержание. Более того, неизбежными являются и случайные либо преднамеренные искажения, возникающие при многочисленных пересказах даже традиционных историй. Для объснения тех

элементов, которые стали по той или иной причине бессмысленными, выдумываются — обычно с поразительной виртуозностью — вторичные толкования[2].

Использованный в эскимосской легенде о Вороне во чреве кита мотив палочек для разведения огня пострадал от существенных искажений и последовавшей рационализации. Архетип героя во чреве кита широко известен. Важнейшим подвигом такого путешественника обычно является разведение костра в брюхе чудовища, что приводит к смерти кита и освобождению героя. Огонь, разводимый с помощью палочек, является символическим отображением полового акта. Две палочки — одна осевая, другая с углублением — следует понимать, соответственно, как образы мужчины и женщины, а пламя олицетворяет новую порождаемую жизнь. Таким образом, образ героя, разводящего костер во чреве кита, является вариацией темы священного брака.

Однако в легенде эскимосов о Равене образ разведения огня претерпел существенные изменения. Женское начало здесь персонифицируется прекрасной девушкой, которую Ворон встретил в огромном зале внутри животного, тогда как слияние мужского и женского начал независимым образом олицетворяется потоком масла из трубы в горящую лампу. Равен пробует это масло на вкус, то есть становится участником акта. Последовавший за этим катаклизм представляет собой типичный кризис надира, нижней точки путешествия, завершение одной эпохи и начало новой. Освобождение Ворона символизирует чудо возрождения. Таким образом, первоначально используемые палочки для разведения огня становятся излишним элементом, и для того, чтобы обосновать их присутствие в легенде, изобретается искусный и поразительный эпилог. Позабыв свои палочки в брюхе кита, Ворон оказывается способным истолковать их обнаружение как дурной знак, отпугивает людей и получает всю добычу ворвани в свое личное распоряжение. Это окончание является превосходным примером вторичной доработки. Оно опирается на хитрость характера героя, не являясь при этом элементом основного повествования.

На поздних стадиях развития множества мифологий их ключевые образы скрываются, словно иголки в огромных стогах сена, в привнесенных эпизодах и рационализациях, поскольку, когда цивилизация переходит от мифологической к мирской точке зрения, древние образы уже не ощущаются или же не вполне поощряются. В эллинистической Греции и имперском Риме древние боги были низведены до уровня обычных светских покровителей, домашних животных и литературных любимцев. Непонятые

унаследованные темы, подобные легенде о Минотавре — темном и ужасном ночном аспекте древнего египто-критского олицетворения воплощенного солнечного бога и божественного царя, — были рационализированы, чтобы прийти в согласие с современными реалиями. Гора Олимп превратилась в Ривьеру избитых скандалов и мелочных склок, а матери-богини — в истерических нимф. Мифы читались как романы из жизни сверхлюдей.

Для сравнения, в Китае, где гуманистическая, морализирующая сила конфуцианства, фактически, опустошила формы древних мифов в их изначальной грандиозности, официальная мифология сегодняшнего дня представляет собой беспорядочную груду анекдотов о сыновьях и дочерях провинциальных властителей, которые за те или иные заслуги перед сообществом были посвящены своими благодарными подданными в сан местных божеств. В современном прогрессивном христианстве Христос — Воплощение Логоса и Спаситель Мира — является в первую очередь исторической личностью, безобидным мудрецом полувосточного прошлого, проповедовавшим благодатную доктрину воздаяния «по делам вашим» и все же осужденным в качестве преступника. Его смерть понимается как великолепный урок целостности и силы духа.

Как только поэзия мифа начинает истолковываться как биография, история или наука, она уничтожается. Яркие образы становятся отстраненными явлениями далеких времен и земель. Более того, чрезвычайно легко показать, что миф абсурден как наука или история. Когда цивилизация начинает переистолковывать свою мифологию таким образом, мифы теряют искру жизни, храмы превращаются в музеи, а связь между этими двумя перспективами исчезает. Подобная пагубная атмосфера, без сомнения, окутала Библию и, в целом, весь христианский культ.

Чтобы вернуть эти образы к жизни, человеку необходимо отыскивать не занимательные приложения к делам современным, но озаряющие намеки вдохновенного прошлого. Как только они обнаружены, обширные пространства полумертвой иконографии вновь раскрывают свое неизменное человеческое значение.

Например, на Великую Субботу в католической церкви, после благословения нового огня, освящения пасхальных свечей и чтения пророчеств, священник надевает пурпурную ризу и, подняв перед собой обрядовые крест и подсвечник с зажженной освященной свечой, подходит в сопровождении прислужников к купели для крещения; в это время звучит следующее песнопение: «Как лань желает к потокам воды, так желает

душа моя к Тебе, Боже! Жаждет душа моя к Богу крепкому, живому: когда прийду и явлюсь пред лице Божие! Слезы мои были для меня хлебом день и ночь, когда говорили мне всякий день: "где Бог твой?"» (Пс. 41:2—4).

Приблизившись к порогу баптистерия, священник останавливается для чтения молитвы, затем входит и благословляет воды купели, «дабы небесный отпрыск, зачатый освящением, восстал из непорочного лона божественной купели, возродил новую тварь, и вся она, независимо от отличий пола по плоти или лет во времени, могла быть приведена к единому младенчеству благодатью, ее духовной матерью». Он касается воды рукой и молится, чтобы она очистилась от злого умысла Сатаны; он осеняет воду крестным знамением; он разделяет воду рукой и разбрызгивает ее в четырех направлениях; он трижды дует на воду, повторяя знак креста. Затем он погружает в воду пасхальную свечу и нараспев проговаривает: «Пусть сила Святого Духа снизойдет на воды этой купели». Он вынимает свечу, затем окунает ее еще глубже и на более высокой ноте пропевает снова: «Пусть сила Святого Духа снизойдет на воды этой купели». Опять он вынимает свечу и опускает ее в воду в третий раз, до самого дна купели, повторяя еще на более высокой ноте: «Пусть сила Святого Духа снизойдет на воды этой купели». Затем, трижды дунув на воду, он продолжает: «И сделает все естество этой воды приносящим плод возрождения». Потом он вынимает свечу из воды, и, после нескольких завершающих молитв, его помощник окропляет святой водой всех присутствующих .

Женская вода, духовно оплодотворенная мужским огнем Святого Духа, является христианским двойником воды преображения, известной всем системам мифологических образных рядов. Эта церемония представляет собой разновидность священного брака, того первоначального мгновения, во время которого создается и воссоздается мир и человек, — именно та загадка, которую символизирует индийский лингам. Войти в эту купель означает погрузиться в мифологическое царство; нарушить поверхность воды — все равно что пересечь порог моря ночи. Младенец символически совершает это путешествие, когда на его голову проливают воду; его наставниками и помощниками становятся священник и крестные родители. Целью крещения является посещение вместе с родителями его Вечного «Я», Духа Божьего и Лона Милости[5]. Затем он возвращается к родителям его физического тела.

Мало кто из нас подозревал о таком содержании церемонии крещения, которое являлось нашим посвящением в христианскую Церковь. Однако этот смысл явно заложен в словах

Иисуса: «Истинно, истинно говорю тебе: если кто не родится свыше, не может увидеть Царствия Божия. Никодим говорит Ему: Как может человек родиться, будучи стар? неужели может он в другой раз войти в утробу матери своей и родиться? Иисус отвечал: Истинно, истинно говорю тебе: если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие»[6].

Распространенное истолкование крещения заключается в том, что оно «смывает первородный грех», — то есть основное внимание уделяется, скорее, очищению, чем идее перерождения. Но это лишь вторичная интерпретация. В ней вспоминается о традиционном рождении, но ни слова не говорится о предшествующем браке. Однако мифологическим образам необходимо следовать вплоть до всех подразумеваемых ими деталей, и лишь тогда они развернутся в полную систему соответствий, благодаря которым эти образы представляют, посредством аналогий, тысячелетнее путешествие души.

ЧАСТЬ II

КОСМОГОНИЧЕСКИЙ цикл

ГЛАВА I

ПРОЯВЛЕНИЕ

1. ОТ ПСИХОЛОГИИ К МЕТАФИЗИКЕ

Современному интеллектуалу нетрудно согласиться с тем, что символизм мифологии имеет психологическое значение. В частности, после появления работ психоаналитиков не возникает слишком много сомнений ни в том, что мифы и сновидения обладают общей природой, ни в том, что сновидения представляют собой признаки динамики души. В течение последних десятилетий Зигмунд Фрейд, Карл Г. Юнг, Вильгельм Штекель, Отто Ранк, Карл Абрахам, Геза Рохейм и многие другие разработали обильно подкрепленную документами современную науку толкования сновидений и мифов, и, хотя психоаналитики могут значительно расходиться во мнениях, они объединены в одно огромное современное движение значительными объемами общих принципов. После открытия факта, что модели и логика волшебных сказок и мифов соответствуют принципам сновидений, не внушавшие ранее доверия химеры архаичного человека резко и неожиданно вернулись на первый план современного сознания.

В соответствии с этой точкой зрения оказывается, что волшебные сказки — которые, как считалось, представляют собой вымышленное описание жизни легендарных героев, божественных сил природы, духов умерших и тотемных предков рода — являются символическим выражением тех бессознательных желаний, страхов и комплексов, которые лежат в основе сознательных шаблонов человеческого поведения. Иными словами, мифология представляет собой психологию, ошибочно понимаемую как биография, история или космология. Современный психолог способен перевести ее, привести к исходным знакам и, таким образом, спасти для повседневного мира богатое и выразительное содержание глубочайших глубин человеческой личности.

Тогда, словно под воздействием флюороскопа, перед нами открыто предстают сокровенные процессы загадки *Homo sapiens* — западного и восточного, примитивного и цивилизованного, современного и архаичного, — и это зрелище разворачивается перед нами во всей полноте. Нам нужно лишь прочесть его, изучить его неизменные структуры, проанализировать возникающие отклонения, и тогда мы придем к пониманию тех

глубинных сил, которые придают форму человеческой судьбе и непрерывно определяют нашу как личную, так и общественную жизнь.

Ил. XVII. Источник Жизни (Фландрия)

Ил. XVIII. Лунный царь и его народ (Южная Родезия)

Но если мы хотим уловить всю ценность этих материалов, необходимо заметить, что мифы все же отличаются от сновидений. Хотя их образы возникают из одного источника

— колодцев фантазии бессознательного, — а грамматика идентична, мифы не являются спонтанными продуктами сна. Напротив, их структуры контролируются сознательно, а подразумеваемой функцией является служение в роли могущественного образного языка выражения традиционной мудрости. Это справедливо даже для мифологий так называемых примитивных народов. Сверхвосприимчивый шаман и посвященный жрец антилопы не являются ни простодушными в отношении мудрости мира, ни неопытными в принципах общения способом аналогий. Метафоры, в окружении которых они пребывают и благодаря которым действуют, вынашивались, отбирались и обдумывались в течение столетий — и даже тысячелетий. Более того, они служили целым народам в качестве оплота мысли и жизни. С их помощью обретали форму культурные образцы. Молодежь воспитывалась и, подрастая, становилась мудрой посредством изучения, восприятия и понимания этих эффективных форм инициации.

На самом деле, они затрагивают и приводят в действие жизненные энергии всей человеческой души. Они соединяют бессознательное со сферами практических действий — но не иррационально, как при невротической проекции, а таким образом, что при этом обеспечивается созревание и трезвость разума, практическое понимание фактического мира, позволяющее вновь вернуться в царство детских желаний и страхов, но уже при условии жесткого контроля. Но раз это справедливо для мифологий сравнительно простых народов (мифических и ритуальных систем, с помощью которых поддерживаются охотничьи и рыбачьи племена), то что можно сказать о тех величественных космических метафорах, которые отражены в великих поэмах Гомера, «*Божественной комедии*» Данте, Книге Бытия и неподвластных времени храмах Востока? Вплоть до нашего века они были поддержкой всей человеческой жизни и источником вдохновения философии, поэзии и искусства. Там, где унаследованных символов коснулись Лао-цзы, Будда, Заратустра, Христос или Мохаммед — где они были использованы совершенным владыкой духа в качестве носителя глубочайшего морального и метафизического наставления, — мы, очевидно, испытываем присутствие скорее безмерного сознания, чем погружения в темноту.

Таким образом, для того чтобы постичь подлинное значение опускающихся к нам мифологических персонажей, следует понять, что они представляют собой не только признаки бессознательного (каковыми, по сути, являются все человеческие мысли и поступки), но и контролируемые и сознательные утверждения определенных духовных

принципов, которые остаются неизменными в течение всей человеческой истории как форма и нервная структура самой души человека. В своей краткой формулировке, всеобщая доктрина заключается в том, что все видимые образования мира — все предметы и существа — представляют собой результат действия вездесущей силы, из которой они происходят, которая поддерживает и наполняет их в течение всего периода их проявления и в которой они в конце концов с неизбежностью исчезают. Эта сила известна науке как энергия, меланезийцам — как *мана*, индейцам племени сиу — как *ваконда*, индусам — как *шакти*, а христианам — как воля Господня. Ее проявления в душе именуются в психоанализе понятием *либидо*[1]. Ее проявления в космосе представляют собой структуру и постоянное движение самой Вселенной.

Восприятие *источника* этого недифференцированного и все же распределенного во всем субстрата неизбежно искажается самими органами, посредством которых это восприятие достигается. Формы чувствительности и категории человеческого мышления[2], которые сами по себе являются проявлениями этой силы[3], настолько ограничивают разум, что в обычном состоянии он не способен не только видеть, но даже мысленно проникнуть сквозь красочный, подвижный, бесконечно разнообразный и непрерывно вводящий в заблуждение спектакль феноменального мира.

Функция ритуала и мифа заключается в том, чтобы сделать возможным и содействовать прыжку — восприятию путем аналогий. Формы и концепции, доступные пониманию разума и его органов чувств, представляются и располагаются таким образом, чтобы они предполагали запредельную истину или открытость вовне. Затем обеспечиваются условия для созерцания, и человек остается в одиночестве. Миф является лишь предпоследним шагом; последним же уровнем является открытость — пустота или бытие вне категорий[4], — в которую разум должен погружаться в одиночестве и в которой ему предназначено раствориться. Таким образом, Бог и боги являются всего лишь удобным средством — сами по себе они имеют природу мира наименований и форм, но при этом выражают невыразимое и являются окончательными проводниками к нему. Они — символы, приводящие разум в движение, пробуждающие и выводящие его за пределы самих себя[5].

Небеса, ад, мифическая эпоха, Олимп и все прочие обители богов истолковываются психоаналитиком как символы бессознательного. Ключом к современным системам психологической интерпретации, таким образом, является равенство: метафизическое

пространство = бессознательное. Соответственно, ключом, отпирающим дверь с противоположной стороны, является обратное тождество: бессознательное = мифологическое пространство. «Ибо, — как выразил это Иисус, — вот, Царствие Божие внутрь вас есть» .

Действительно, скачок сверхсознания в состояние бессознательности является точнейшим содержанием библейского образа Грехопадения. Ограничение сознания, по причине которого мы не способны видеть сам источник всеобщей силы и наблюдаем только феноменальные формы, отраженные этой силой, превращает сверхсознательное в бессознательное и в тот же миг и в том же символическом значении сотворяет наш мир. Спасение заключается в возвращении к сверхсознанию и, одновременно, в уничтожении мира. Такова великая тема и грандиозная формула космогонического цикла, мифического образа проявления мира и его последующего возвращения в непроявленное состояние.

Рождение, жизнь и смерть индивидуальности в равной мере можно рассматривать как нисхождение в бессознательное и возвращение. Герой является той личностью, которая, продолжая существование, постигает и олицетворяет собой требования сверхсознания — остающиеся в процессе бытия в той или иной степени бессознательными. Путешествие героя означает тот миг его жизни, когда он достигает просветления, — центральное мгновение, когда он, оставаясь живым, обнаруживает и вступает на путь к свету за пределами темных стен нашей мертвой жизни.

Именно по этим причинам космические символы являют нам омрачающий рассудок величественный парадокс. Царствие Божие внутри, но, одновременно, и снаружи; Бог представляет собой всего лишь удобное средство пробуждения спящей красавицы, души. Жизнь — ее сон, смерть — ее пробуждение. Герой, пробуждающий собственную душу, сам по себе является лишь удобным средством самоуничтожения. Бог, пробуждающий душу, немедленно вызывает при этом собственную смерть.

Возможно, наиболее выразительным из всех возможных символов этой загадки является образ Бога Распятого, бога, предложившего «себя себе». В таком прочтении значение заключается в переходе феноменального героя к сверхсознанию: тело с его пятью чувствами остается — подобно телу принца Пять Оружий, прикованного к Липким Волосам, — висящим на кресте знания жизни и смерти, пригвожденное к нему в пяти местах (две руки, две ноги и голова, покрытая терновым венцом)[8]. Но, кроме того, Бог по

Собственной воле спустился в мир и принял на Себя эту феноменальную агонию. Бог обрекает Себя на жизнь человека, а человек освобождает Бога в себе в центральной точке того же перекрестного, «случайного стечения противоположностей» [9], на пороге той же солнечной двери, через которую Бог нисходит, а Человек восходит — и каждый при этом стремится к пище другого[10].

Разумеется, современный исследователь может изучать эти символы, как ему заблагорассудится — либо как признаки чужого или собственного неведения, либо в понятиях сведения метафизики к психологии, либо наоборот. Традиционный способ заключается в медитации на символах в обоих смыслах этого слова . В любом случае, они метафорически излагают судьбу человека, его надежды, его веры и его темной загадки.

Английское слово meditate означает и «глубокое размышление», и «глубокое созерцание». — Прим. перев.

2. ВСЕОБЩИЙ КРУГОВОРОТ

Как сознание личности покоится в море ночи, в которое оно опускается, погружаясь в сон, и из которого таинственно восстает, пробуждаясь, так и в образном ряде мифа Вселенная исходит из безвременья, существует на его основе и вновь исчезает, возвращаясь в него. Подобно тому как умственное и физическое здоровье человека основано на регулярном притоке жизненных сил в сферу пробуждающего дня из бессознательной тьмы, так и в мифе продолжение космического порядка обеспечивается только контролируемым притоком силы из ее первоисточника. Боги являются символическим олицетворением законов, управляющих этим потоком. Боги возникают с рассветом мира и растворяются в его сумерках. Они не вечны в том смысле, в каком вечна ночь. Круг космогонической эпохи выглядит невероятно продолжительным исключительно с точки зрения еще более краткого периода человеческого существования.

Космогонический цикл обычно представляется как повторяющийся, как мир, не имеющий конца. В каждый великий цикл чаще всего включаются малые уничтожения, подобные периодам сна и пробуждения, повторяющимся в течение человеческой жизни. По версии ацтеков, очередной мировой период прекращается одной из четырех стихий — водой, землей, воздухом и огнем: эпоха воды завершается потопом, период земли — землетрясением, воздуха — ураганом, а текущая эра будет прекращена огнем[11].

Согласно стоической доктрине периодического мирового пожара, все души поглощаются мировой душой, или изначальным огнем. Когда это всеобщее растворение завершается, начинается образование новой вселенной (*реноваций* Цицерона), все повторяется вновь, и каждый человек снова исполняет свою прежнюю роль. Сенека представил описание этого уничтожения в своей *«De Consolatione ad Marciam»* и, судя по всему, с нетерпением ожидал новой жизни в грядущем цикле[12].

Величественный образ космогонического круга представлен в мифологии джайнов. Самым последним пророком и спасителем этой очень древней индийской секты был Махавира, современник Будды (шестой век до нашей эры). Его родители были последователями намного более древнего джайнского спасителя-пророка Паршванатхи, которого изображают со змеями, исходящими из плеч; считается, что он жил в 872—772 гг. до нашей эры. *За многие столетия до Паршванатхи жил джайнский мудрец Неминатха, который, как утверждают, был двоюродным братом любимейшего индусского божественного воплощения, Кришны. Но и у него были предшественники-пророки, числом двадцать один, вплоть до Ришабханатхи, который жил в самую раннюю эпоху мира, когда мужчины и женщины появлялись на свет как супружеские пары, рост человека составлял две мили, а жил он бесчисленные годы. Ришабханатха научил людей семидесяти двум наукам (письму, арифметике, чтению предзнаменований и так далее), женщин — шестидесяти четырем умениям (приготовление пищи, шитье и т. п.), а также основал сто искусств (гончарное дело, ткачество, живопись, работа с металлами, умение стричь и т. д.); кроме того, он ввел понятие политики и основал первое царство.*

*До этого подобные нововведения были бы излишними, поскольку все потребности людей предшествующего периода — их рост составлял четыре мили, у них было сто двадцать восемь ребер и жили они в течение двух периодов бесчисленных лет — удовлетворялись десятью «исполняющими желания деревьями» (*кальпа врикша*) со сладкими плодами; у них были листья в форме горшков и тазов, листья, поющие нежные песни, листья, излучающие свет по ночам, цветы, услаждающие обоняние и взгляд, плоды, совершенные как на вид, так и на вкус, листья, служившие драгоценными украшениями, и кора, обеспечивающая прекрасную одежду. Одно из этих деревьев было подобно многоэтажному дворцу, в котором можно было жить; другое отбрасывало мягкое сияние, сравнимое со светом множества небольших ламп. Земля тогда была сладкой,*

как сахар, а океан — восхитительным, как вино. И все же до этой счастливой эры была еще более блаженная эпоха — период, ровно в два раза более счастливый, — когда мужчины и женщины были ростом в восемь миль и у них было двести пятьдесят шесть ребер. Когда эти великаны умирали, они переходили непосредственно в мир богов, хотя никогда не слышали о религии, ибо их естественная добродетельность была так же совершенна, как их красота.

*Джайны воспринимают время как бесконечный круговорот. У них время описывается как колесо с двенадцатью спицами, или эпохами, разделенными на две группы по шесть спиц. Первый набор называется «нисходящим» (*авасарпи- ни); *он начинается эпохой совершенных супружеских пар гигантов. Этот райский период продолжается десять миллионов по десять миллионов по сто миллионов по сто миллионов периодов бесчисленных лет, и лишь затем медленно подбирается к середине этого блаженного срока, когда рост мужчин и женщин начинает составлять всего четыре мили. В третью эпоху — в эру Ришабханатхи, первого из двадцати четырех мировых спасителей, — к счастью примешивается немного печалей, а к добродетелям — немногочисленные пороки. К завершению этого периода мужчины и женщины уже не появляются на свет парами, живущими вместе как муж и жена.*

Б течение четвертого периода неуклонно продолжается постепенное ухудшение качеств мира и населяющих его людей. Продолжительность жизни и рост людей постоянно уменьшаются. Рождаются двадцать три спасителя мира; каждый из них вновь оглашает извечную доктрину джайнов в понятиях, соответствующих условиям своего времени. Через три года и восемь с половиной месяцев после смерти последнего спасителя и пророка Махавиры этот период подходит к концу.

Наша современная эпоха, пятая из ряда эонов нисхождения, началась в 522 году до нашей эры и будет продолжаться двадцать одну тысячу лет. В течение этого периода не будет рожден ни один спаситель-джайн, и вечная религия джайнов постепенно исчезнет. Это эра неудержимых и усиливающихся проявлений зла. Рост самых высоких людей едва достигает семи локтей, а максимальная продолжительность жизни составляет сто двадцать пять лет. У людей только шестнадцать ребер. Они эгоистичны, бесчестны, жестоки, похотливы, горды и алчны.

Однако в шестой из эпох нисхождения состояние человека и его мира будет еще более скверным. Продолжительность самой долгой жизни снизится до двадцати лет; рост

самых высоких будет составлять всего лишь один локоть, а ребер у этих тощих людей будет только восемь. Днем будет очень жарко, ночью — очень холодно, будут свирепствовать болезни и совершенно исчезнет чистота. Над землей будут бушевать бури, и к моменту завершения периода они станут непрестанными. В конце концов, всему живому — людям, животным и растениям — придется искать убежища в окрестностях Ганга, в жалких пещерах и на океанских островках.

*«Нисходящий» ряд эпох закончится, а эры «восхождения» (*утсарпини) *начнутся, когда ураганы и опустошение достигнут невыносимого уровня. Тогда в течение семи дней будут идти ливни, и пройдет семь видов проливного дождя; почва обретет новые силы, и в ней вновь начнут прорастать семена. Ужасные гномы засушливой горькой земли выйдут из своих пещер, но совсем не скоро можно будет ощутить легкое повышение их нравственности, здоровья, роста и красоты; к тому времени они уже будут жить в таком мире, какой известен нам сегодня.*

А потом на свет появится спаситель по имени Падманатха, который вновь огласит вечную религию джайнов. Внешний вид человечества опять достигнет совершенства, и красота человека затмит сияние солнца. Наконец, земля станет сладкой, а воды обратятся в вино, и исполняющие желания деревья одарят своими щедрыми радостями блаженное население идеально подходящих друг другу пар-близнецов. Счастье человеческого сообщества удвоится, а все колесо, через десять миллионов по десять миллионов по сто миллионов по сто миллионов периодов бесчисленных лет, приблизится к точке начала нисходящего обращения, что вновь приведет к исчезновению вечной религии и постепенно возрастающему шуму непотребных празднеств, войн и пагубных ураганов[13].

Это непрестанно вращающееся колесо времени джайнов с двенадцатью спицами является аналогом цикла четырех эпох у индусов: *первая эпоха представляет собой длительный период полного блаженства, красоты и совершенства, продолжающийся 4800 божественных лет*[14]*; вторая эра, которой присуща чуть меньшая добродетельность, длится 3600 божественных лет; третьей эпохе в равной мере свойственны добродетели и пороки, и продолжается она 2400 божественных лет; наконец, последняя, современная эпоха неуклонно усиливающегося зла длится 1200 божественных лет или, при пересчете в привычные единицы, 432 тысячи земных лет. Но по окончании текущего периода, вместо немедленного начала улучшения (как в*

цикле, описываемом джайнами), все сущее сначала уничтожается в катаклизме пожара и потопа и, таким образом, возвращается к изначальному состоянию первобытного вневременного океана и пребывает в нем в течение срока, равного суммарной продолжительности четырех эпох. Затем опять начинается великий мировой цикл.

Этот наглядный образ позволяет постичь основную концепцию восточной философии. Сегодня невозможно сказать, был ли этот миф иллюстрацией философской формулы или же последняя выкристаллизовалась из мифа. Очевидно, что этот миф уходит в глубины веков, но это справедливо и для философии. Кто может знать, какие мысли посещали разум древних мудрецов, которые разрабатывали, бережно хранили и передавали через поколения этот миф? Очень часто во время анализа и проникновения в тайны архаичных символов исследователь может ощутить лишь то, что наши общепринятые представления об истории философии основаны на совершенно ложном допущении, а именно, на уверенности в том, что абстрактное и метафизическое мышление начинаются там, где они впервые регистрируются сохранившимися до наших дней записями.

Философская формула, иллюстрируемая космогоническим циклом, заключается в круговом движении сознания по трем планам бытия. Первый план представляет собой бодрствующее восприятие: познание жестких, плотных фактов внешней вселенной, озаренной светом солнца и принадлежащей всем. Вторым планом является восприятие сновидения: познание текучих, тонких форм индивидуального, внутреннего мира, самоосвещающего и сотканного из той же субстанции, что и сновидящий. Третий план — состояние глубокого сна: отсутствие сновидений, полное блаженство. На первом плане человек сталкивается с обучающим опытом жизни; на втором этот опыт усваивается, поглощается внутренними силами сновидящего; тогда как на третьем плане все приносит наслаждение и становится известным бессознательно, в «пространстве внутри сердца», в обители внутреннего правителя, источника всего, начала и конца существ[15].

Космогонический цикл следует понимать как переход всеобщего сознания из глубокого сна в зоне непроявленного через сновидение к полудню пробуждения, а затем, вновь через сновидение, — назад, к вневременной тьме. Все присущее реальному опыту любого живого существа свойственно и грандиозному образу живого космоса: в бездне

сна его энергии восстанавливаются, а в дневных трудах растрачиваются. Жизнь Вселенной угасает, чтобы обновиться.

Окруженный безмолвием неведомого, космогонический цикл пульсирует вовне, к проявлению, и внутрь, к непроявленности. Индусы представляют эту тайну святым словом АУМ. В нем звук «А» олицетворяет бодрствующее сознание, звук «У» — сознание сновидения, а звук «М» — глубокий сон. Молчание, окружающее это слово, символизирует неведомое, которое называется просто «Четвертое»[16]. Само по себе, это слово есть Бог как творец-хранитель-разрушитель, но безмолвие является Богом Вечным, совершенно невовлеченным в периодические начала и завершения циклов.

Это невидимое, неизреченное, неуловимое.

неразличимое, немыслимое, неуказуемое.

Это сущность самопостижения единого.

присущая всем состояниям сознания.

Все проявленное растворяется в нем.

Это покой, это блаженство, это недвойственность[17].

Мифы неизменно заключены в пределах цикла, но представляют этот цикл окруженным и пронизанным внешним безмолвием. Миф представляет собой откровение полноты безмолвия внутри и снаружи каждого атома существования. Миф является средством, которое с помощью глубочайших по содержанию форм направляет разум и сердце к той окончательной тайне, что наполняет и окружает все сущее. Даже в самых комических и очевидно легкомысленных своих подробностях мифология указует разуму путь к тому непроявленному, которое простирается за пределами досягаемости зрения.

«Древнейший из Древнейших, Неизвестнейший из Неизвестного, имеющий форму и все же не имеющий формы» — гласит каббалистический текст средневековых евреев. «У него есть форма, посредством которой сохраняется Вселенная, но у него нет формы, поскольку его невозможно объять разумом»[18]. Этот Древнейший из Древнейших

представляет в образе лица, обращенного в профиль — и только в профиль, потому что его обратную сторону невозможно постичь. Оно называется «Великим Ликом», Макропрозопом; из волосков его белой бороды происходит весь существующий мир. «Эта борода, истина всех истин, исходит от уровня ушей и спускается к устам Священного; и нисходит, и восходит, укрывая щеки, именуемые местом обильного благоухания; она имеет цвет белый; и она опускается в гармонии уравновешенного могущества, и украшает покровом грудь вплоть до середины. Это борода красоты, истинная и совершенная, из которой низвергаются тринадцать фонтанов, разбрызгивающих драгоценнейший бальзам великолепия. Она располагается в тринадцати формах. [...] И все расположения, обнаруживаемые во вселенной, подчиняются тринадцати расположениям, присущим этой древнейшей бороде, и они открываются вовне, в тринадцать врат милостеи» .

Белая борода Макропрозопа возвышается над другой головой — над «Малым Ликом», Микропрозопом. Лицо Микропрозопа видимо целиком, и у него черная борода. «Великий Лик» не имеет век, и поэтому его глаз никогда не закрывается, но глаза «Малого Лика» открываются и закрываются в медленном ритме, соответствующем судьбе Вселенной. Эти открывающиеся и закрывающиеся глаза определяют космогонический круг. «Малый Лик» носит имя «БОГ», а «Великий Лик» — имя «Я ЕСМЬ».

Макропрозоп являет Несотворенное Несотворяющее, а Микропрозоп — Несотворенное Сотворяющее. Это, соответственно, безмолвие тишины и слово АУМ, непроявленное и проявленное, присущие космогоническому кругу.

3. ИЗ ПУСТОТЫ — ПРОСТРАНСТВО

Святой Фома Аквинский утверждает: «Именование мудрого сохраняется лишь для того, чье внимание сосредоточено на окончании Вселенной — каковое окончание является также и началом Вселенной»[20]. Основной принцип любой мифологии заключается в том, что начало есть конец. Мифы о сотворении пропитаны ощущением роковой судьбы, непрерывно отзывающей все проявленные формы к Непреходящему, из которого они возникли. Формы исходят из него в расцвете сил, но неизбежно достигают апогея, разрушаются и возвращаются к своему источнику. В этом смысле точка зрения мифологии трагична; однако в том отношении, что она размещает наше истинное бытие не в бренных формах, а в Непреходящем, из которого они незамедлительно исходят

вновь, мифология возвышенна и отнюдь не прискорбна[21]. Действительно, трагедия просто невозможна там, где царят мифологические настроения — скорее там преобладает настроение сновидения. Подлинное бытие при этом проявляется не в формах, а в самом сновидящем.

Подобно тому, как это происходит в сновидении, образы мифа занимают пределы между возвышенным и смехотворным. Разуму не дозволяется покоиться в его привычных оценках; его вновь и вновь волнует и потрясает уверенность в том, что теперь он наконец нечто постиг. Мифология терпит поражение, когда разум торжественно успокаивается своими излюбленными или устоявшимися образами и защищает их так, словно они сами по себе являются той вестью, которую несут. К таким образам следует относиться не иначе как к теням неизмеримых глубин запредельности, куда не проникает ни око, ни речь, ни разум, ни даже набожность. Подобно тривиальным событиям сновидения, тривиальные элементы мифа огромны в своем значении.

Первая фаза космогонического цикла описывает переход бесформенности в форму, которая отражена, к примеру, в следующей песне о сотворении народа маори из Новой Зеландии: *Те Коре* (Пустота)

Те Коре-туа-тахи (Первая Пустота) *Те Коре-туа-руа* (Вторая Пустота) *Те Коре-нуи* (Обширная Пустота) *Те Коре-роа* (Необъятная Пустота) *Те Коре-пара* (Увядшая Пустота) *Те Коре-вивиа* (Ничем не Владеющая Пустота) *Те Коре-равеа* (Восхитительная Пустота) *Те Коре-те-тамауа* (Затвердевшая Пустота) *Те По* (Ночь)

Те По-теки (Нависшая Ночь) *Те По-тереа* (Несомая Ветром Ночь) *Те По-вава* (Плачущая Ночь) *Хине-маке-моэ* (Дочь Беспокойного Сна)

Те Ата (Рассвет) *Те Ау-ту-роа* (Терпеливый День) *Те Ао-марама* (Светлый День) *Ваи-туа* (Пространство)

В пространстве возникают две сущности без формы:

Маку (Влажность [мужское начало])

Махора-нуи-а-ранги (Великая Протяженность Неба [женское начало])

Ил. XIX. *Мать богов (Мексика)*

Из них исходят Ранги-потики (Небеса [мужское начало]) Папа
(Земля [женское начало])
Ранги-потики и Папа порождают богов[22].

Из пустоты за пределами всех пустот начинают исходить мирообразующие, подобные семенам, таинственные эманации. Десятой становится ночь, а восемнадцатой — пространство, или эфир, вместилище видимого мира; девятнадцатой является полярность мужского и женского начал, двадцатой — вселенная, какой мы ее видим. Такой ряд предполагает существование бездны вне глубины

Ил.XX. Тангароа, производящий богов и людей (остров Руруту)

загадочности бытия. Уровни соответствуют глубинам, в которые погружается герой в своем путешествии постижения мира; они отсчитывают духовные слои, известные разуму, сосредоточенному на самом себе в медитации. Они олицетворяют бездонность темной ночи души[23].

Еврейская каббала представляет процесс сотворения как ряд эманаций «Я ЕСМЬ», «Великого Лика». Первой из них является сама голова, обращенная в профиль, из которой затем исходит «девять ярких огней». Эти эманации изображаются также как ветви перевернутого космического дерева, корни которого уходят в «непостижимую высь». Известный нам мир является обращенным образом этого дерева.

Согласно представителям индийской философии *санкхъя* восьмого столетия до нашей эры, пустота уплотняется и образует стихию эфира, или пространство. Из нее вычленяется воздух. Из воздуха рождается огонь, из огня — вода, из воды — стихия земли. Одновременно с каждой стихией появляются чувственные функции, позволяющие ее воспринимать: слух, осязания, зрение, вкус и обоняние соответственно[24].

Любопытный китайский миф персонифицирует эти испускаемые стихии в образах пяти почтенных мудрецов, изошедших из сферы хаоса, висящей в пустоте:

«Прежде чем небо и земля отделились друг от друга, все являло собой огромный шар тумана, именуемого хаосом. В те времена духи пяти первоэлементов обрели форму, а затем превратились в пять древних. Первого звали Желтым Древним, и он был господином земли. Второго звали Красным Древним, и он был господином огня. Третьего звали Темным Древним, и он был господином воды. Четвертого звали Владыкой Дерева, и он был господином дерева. Пятую звали Матерью Металла, и она была госпожой металлов»[22].

«Тогда каждый из пяти древних привел в движение изначальный дух, из которого он изошел, так что вода и земля опустились вниз, небеса воспарили вверх, и земля стала твердой в недрах. Затем вода собралась в реки и озера, и возникли горы и равнины. Небеса очистились, и земля разделилась; затем появились солнце, луна и все звезды, песок, облака, дождь и роса. Желтый Древний выпустил на волю чистейшую силу земли, и к тому были добавлены проявления огня и воды. Тут же возникли травы и деревья, птицы и животные и поколения змей, и насекомых, и рыб, и черепах. Владыка Дерева и Мать Металла соединили свет и тьму и, сделав так, сотворили человеческий род, мужчину и женщину. Так постепенно возник весь мир...»[26].

* В китайской традиции: «У ди». – *Прим. перев.*

4. В ПРОСТРАНСТВЕ — ЖИЗНЬ

Первым этапом космогонического проявления является образование мировой сцены, или пространства; вторым же становится возникновение на этой сцене жизни. Во имя самопроизводства жизнь разделяется на дуальные формы мужского и женского начал. Весь этот процесс можно представить в сексуальных терминах как период беременности и роды. Такая идея превосходно воплощена в другом метафизическом повествовании маори: От зачатия — разрастание, От разрастания — мысль. От мысли — память, От памяти — сознание. От сознания — желание. Слово стало плодоносным; Оно пребывало в тусклом мерцании; Оно породило ночь; Великую ночь, долгую ночь, Низменную ночь, возвышенную ночь, Густую ночь, ощутимую, Ночь, которой можно коснуться. Ночь, которая незрима, Ночь, приводящую к смерти. Из ничего — рождение, Из ничего — разрастание. Из ничего — изобилие. Сила возрастания, Живое дыхание.

Оно пребывало в пустом пространствеи сотворило воздух, который над
нами. Воздух, парящий над землей, Великий небесный свод над нами,
Пребывал в раннем рассвете, И появилась луна. Воздух, который над нами,
Пребывал в тлеющем небе, И тогда появилось солнце.
Луна и солнце были подброшены ввысь, Как огромные глаза небес, И тогда
Небеса стали светом: Раннее утро, начало дня. Полдень: пламя дневное с
небес. Небеса, что вверху, стали Хаваики, И породили землю.

В середине девятнадцатого века Пайоре, верховный вождь полинезийского острова Анаа, нарисовал схему начала сотворения. Основным элементом этой картины был большой круг, состоящий из двух элементов: Те Туму, «Основания» (мужского начала), и Те Папа, «Слоистой Горы» (женского начала)[28].

«Вселенная, — сказал Пайоре, — была похожа на яйцо, внутри которого находились Те Туму и Те Папа. Наконец оно лопнуло, и возникли три вложенных слоя — слой внизу поддерживает два верхних. В этом нижнем слое остались Те Туму и Те Папа, которые создали человека, животных и растения.

Первым мужчиной был Матата, не имеющий рук, но он умер вскоре после того, как был создан. Вторым мужчиной был Аиту; у него былаодна рука, но не было ног, и он умер, как и его старший брат. Наконец был создан третий мужчина Хоатеа [Небо-пространство], и он был совершенным. После этого появилась женщина по имени Хоату [Плодородие] Земли. Она стала женой Хоатеа, и они произвели человеческий род.

Когда нижний слой земли наполнился сотворенными вещами, люди проделали отверстие в центре к среднему слою, так что они смогли взобраться и на него, и там они поселились, взяв с собой растения и животных снизу. Потом они приподняли верхний слой (так, чтобы он стал потолком над средним слоем) [...] и в конце концов обосновались и на этом слое, так что теперь у человеческих существ есть три места пребывания.

Над землей были небеса — они тоже состояли из слоев, опускались вниз и опирались на свои горизонты, и некоторые из них соединялись горизонтами с землей; тогда люди продолжили работу, расширяя небеса одно за другим, пока все не было приведено в порядок»[29].

Большую часть иллюстрации Пайоре занимает изображение людей, расширяющих мир, которые стоят друг у друга на плечах и поднимают небеса. В нижней части мира видны

две изначальных стихии, Те Туму и Те Папа. Слева от них — порожденные ими растения и животные; справа и чуть выше нарисован первый, плохо сформированный мужчина и первые совершенные мужчина и женщина. В верхней части неба заметен огонь, окруженный четырьмя фигурами, он олицетворяет одно из ранних событий истории мира: «Сотворение Вселенной едва не было прервано, когда Тангароа, которому злые дела приносили удовольствие, развел огонь на высших небесах, пытаясь таким образом уничтожить все созданное. Но, к счастью, Таматуа, Ору и Руануку заметили распространяющееся пламя, быстро поднялись с земли и погасили его»[30].

Образ космического яйца известен множеству мифологий; он возникает в греко-орфической, египетской, финской, буддистской и японской традициях. «В начале мира было просто небытйе, — говорится в священном тексте индусов. — Оно было сущим. Оно развивалось. Оно превратилось в яйцо. Оно сохранялось в течение года. Оно раскололось пополам. Одна половина скорлупы стала серебряной, другая — золотой. Та, что была серебряной, — земля. Та, что стала золотой, — небо. То, что было внешней пленкой, сейчас горы. То, что было внутренней пленкой, сейчас облака и туман. То, что было прожилками, сейчас реки. То, что было жидким, сейчас океан. А то, что родилось из них, — солнце»[31]. Скорлупа космического яйца представляет собой пределы пространства мира, а плодородное внутреннее содержание-семя олицетворяет неистощимую динамику жизни в природе.

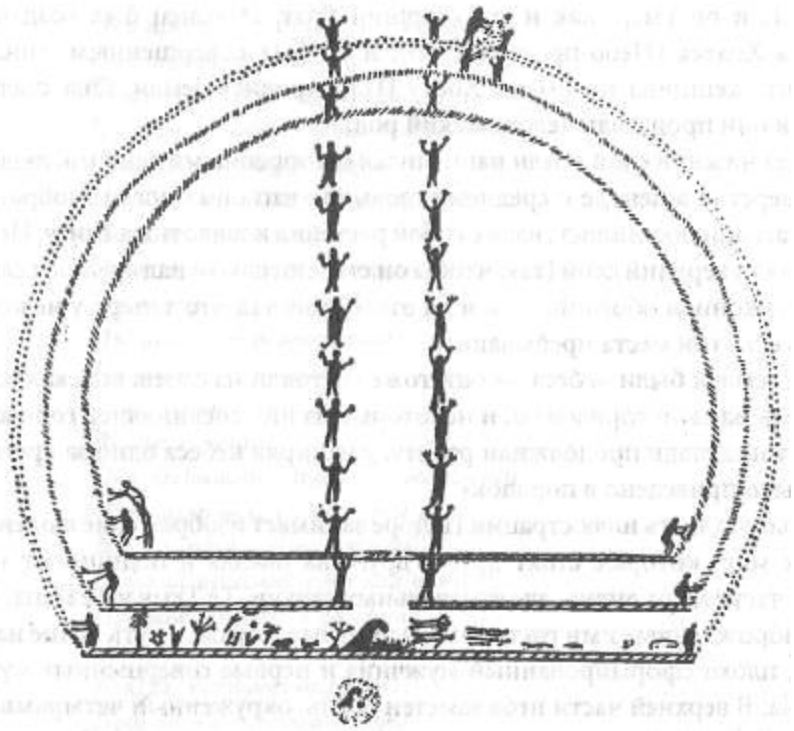


Рис. 13. Схема сотворения Туамоту. Внизу: Космическое Яйцо. Вверху: Люди возникают и придают форму Вселенной

«Пространство беспредельно как вложенная форма, но не как огромная протяженность. *То, что существует,* представляет собой полую скорлупу, плавающую в бесконечности *того, что не существует».* Эта сжатая формулировка физика начала нашего века, иллюстрирующего картину мира, каким он видел его в 1928 году[32], в точности совпадает со смыслом мифологического космического яйца. Более того, эволюция жизни, описываемая современной биологией, согласуется с преданиями о ранних стадиях космогонического цикла. Наконец, предсказания об уничтожении мира, которое, по словам физиков, неизбежно наступит по мере истощения нашего солнца и окончательном закате всего космоса[33], сохраняются в рубцах, оставшихся на земле после пожара Тангароа: мироуничтожающее воздействие творца-разрушителя будет неуклонно возрастать, пока в завершение второй половины космогонического цикла все сущее не окажется погруженным в океан блаженства.

Иногда космическое яйцо разрывается, раздуваясь изнутри, и высвобождает устрашающий образ в человеческом облике. Это антропоморфная персонификация силы произрождения, Всемогущий , как ее называют в каббале. «Могучий Таароа, проклятьем которого была смерть, — он создатель мира». Так говорят на Таити, еще одном из островов Южных Морей[34]. «Он был один. У него воистину не было ни отца, ни матери. Таароа просто жил в пустоте. Не было ни земли, ни неба, ни моря. Земля была соткана из тумана; у нее не было тверди. Тогда Таароа сказал:

О *место* для земли, о место для неба,
Бесполезный мир внизу, существующий в туманном состоянии, Тянущемся и продолжающемся со времен незапамятных, Бесполезный мир внизу —
раздайся!

Лицо Таароа выглянуло наружу. Оболочка Таароа отвалилась и стала землей. Посмотрел Таароа: Земля появилась на свет, море появилось на свет, небо появилось на свет. Таароа жил как бог, созерцая свой труд»[35].

В одном египетском мифе демиург сотворяет мир в акте мастурбации[36]. Индийский миф описывает демиурга пребывающим в йогической медитации; затем формы его

внутреннего видения, к его собственному изумлению, вырываются вовне и окружают его в виде пантеона лучезарных богов[37]. В другом индийском тексте всеотец представлен вначале как раскалывающийся на мужское и женское начала, а затем — как порождающий все существующее:

«В начале эта вселенная была только "Я" в человеческой форме. Он посмотрел вокруг и не увидел ничего, кроме себя. Тогда, в начале, он воскликнул: "Я есть он". Так появилось именование "Я". Вот почему даже сегодня, когда чело-

* *В оригинале: the Mighty Living One.* — Прим. псрев.

век обращается к другому, он сначала говорит: Это я , и лишь потом оглашает иное имя, которое носит.

Он испугался. Вот почему люди боятся одиночества. Он подумал: "Но чего я боюсь? Нет ничего, кроме меня". И тогда его страх ушел. [...]

Он был несчастлив. Вот почему люди несчастны, когда они одиноки. Он хотел иметь супругу. Он стал большим, как обнимающиеся мужчина и женщина. Он разделил свое тело, которое было он сам, на две части. С того времени существуют муж и жена. [...] Поэтому тело человека (прежде чем он женится) подобно одной из двух половин расколовшейся горошины. [...] Он объединился с ней, и тогда родились люди.

Она подумала: "Как он может соединяться со мной, после того, как произвел меня из себя? Раз так, мне нужно спрятаться". Она превратилась в корову, но он стал быком и соединился с ней, и так появился скот. Она стала кобылицей, а он жеребцом, она стала ослицей, а он ослом, и соединился с ней; так появились животные с копытами. Она стала козой, а он козлом, она стала овцой, а он бараном, и соединился с ней; так были рождены козы и овцы. И так они породили все, что существует в парах, вплоть до жуков.

Тогда он понял: "Воистину, я сам есть творение, ибо я породил весь мир". С тех пор его называют Творение [,..]»[38].

Согласно этим мифологиям, неизменное основание индивидуальности и прародитель Вселенной являются одним и тем же — именно по этой причине демиург в последнем мифе именуется "Я". Восточный мистик открывает это глубинное, неизменное присутствие в его изначальном, андрогинном состоянии, когда погружается в медитации в самого себя.

На чем выткано небо, земля и воздушное пространство Вместе с разумом и всеми дыханиями — Знайте: лишь то одно — Единая Душа.

Оставьте иные речи. Это мост к бессмертию .

Таким образом, обнаруживается, что все мифы о сотворении хотя и повествуют о самом далеком прошлом, одновременно рассказывают и о современных источниках личности. «Каждая душа и каждый дух, — читаем мы в «*Зогаре»,* — которым предстоит войти в этот мир, состоят из мужского и женского начал, объединенных в одно существо. Когда оно нисходит на эту землю, две части разделяются и вдыхают жизнь в два разных тела. При бракосочетании Святой , слава Ему, которому ведомы все души и духи, вновь объединяет их в то, чем они были ранее, и они вновь становятся одна плоть и одна душа, образуя, как и ранее, правое и левое единой индивидуальности. [...] Это единение, однако,

[4] В оригинале: the Holy One. — *Прим. перев.*

подвергается воздействию деяний человека и тех путей, которым он следует. Если человек чист, а поступки его услаждают взор Божий, он объединяется с той женской частью его души, которая была его составной частью до рождения»[40].

Этот фрагмент каббалистического текста представляет собой комментарий к эпизоду Бытия, в котором из Адама возникает Ева. Аналогичное зачатие описывается в платоновском *«Пире».* Согласно такому мистицизму половой любви, ее окончательное восприятие является осознанием того, что за пределами иллюзорной двойственности пребывает тождественность: «каждый есть оба». Подобное осознание может перерасти в открытие того, что идентичность кроется за пределами всех многочисленных индивидуальностей окружающей вселенной — человечества, животных, растений и даже минералов; после этого ощущение любви становится космическим, а возлюбленный, впервые открывший такое видение, превозносится как зеркало всего сотворенного. Мужчина или женщина, знакомые с этим чувством, одержимы тем, что Шопенгауэр назвал «знанием повсеместной красоты». Такой человек «восходит и нисходит по мирам, питаясь тем, чего желает, и принимая любые формы, какие пожелает»; он восседает, напевая песнь всеобщего единства, которая начинается словами: «О прекрасное! О прекрасное! О прекрасное!»[41].

5. РАЗДЕЛЕНИЕ ЕДИНОГО НА МНОГООБРАЗНОЕ

Поступательное движение космогонического колеса низвергает Единое и порождает множественное. Великий разлом, огромная трещина раскалывает сотворенный мир на два, на первый взгляд, несовместимых плана бытия. В схеме Пайоре люди приходят из низших, темных областей и незамедлительно принимаются поднимать небо[42]. При этом они изображаются перемещающимися с очевидной свободой. Они проводят собрания, они решают, они планируют — они принимают на себя все заботы по наведению порядка в мире. Однако нам понятно, что за сценой, подобно кукольнику, действует Неподвижная Движущая Сила.

Когда бы мифология ни привлекала основное внимание к Неподвижной Движущей Силе, Всемогущему, при этом можно заметить чудодейственную самопроизвольность придания формы Вселенной. Ее элементы уплотняются и приходят в движение по собственному почину или под воздействием незначительного слова Создателя; части самораскалывающегося космического яйца занимают надлежащее положение без какой-либо посторонней помощи. Но когда точка зрения смещается и сосредоточивается на живых существах, когда панорама пространства и природы рассматривается с позиции особ, которым предписано населить этот мир, космическая сцена затемняется внезапным преображением. Кажется, что формы мира немедленно прекращают двигаться согласно модели живой, развивающейся и гармоничной структуры и становятся непокорными или, в лучшем случае, инертными. Реквизит всеобщей сцены приходится расставлять заново и даже «втискивать» в нужную форму. На земле

будут произрастать терние и волчцы, а человек — есть свой хлеб в поте лица своего .

Таким образом, мы встречаемся с двумя формами мифа. В первом варианте демиургические силы продолжают действовать по собственной воле; согласно второму, они передают инициативу людям и даже противопоставляют себя дальнейшему развитию космогонического круга. Трудности, возникающие в этой последней форме мифа, могут начинаться уже в период продолжительной тьмы изначальных, порождающих объятий космических родителей. Позволим легендам маори представить нам эту ужасную тему:

Ранги (Небо) так крепко прижался к животу Папа (Мать-Земля), что дети не могли высвободиться из ее лона. «Они пребывали в неустойчивом положении, парили в мире мрака, и таков был их внешний вид: одни ползали [...] другие стояли прямо с поднятыми руками [...] одни лежали на боку [...] другие на спине; одни скрючились, другие

наклонили голову, третьи задрали ноги [...] некоторые стояли на коленях [...] иные двигались в темноте ощупью. [...] Все они находились в объятиях Ранги и Папа. [...]

Наконец существа, порожденные Небом и Землей, устали от постоянной темноты, посоветовались друг с другом и сказали: "Давайте решим, что нам делать с Ранги и Папа и что будет лучше — убить их или просто разделить?" Тогда заговорил Ту-матауэнга, самый свирепый из детей Неба и Земли: "Хорошо, давайте убьем их".

Тогда заговорил Тане-махута, отец лесов и всего, что их населяет или делается из дерева: "Нет, не надо. Лучше разделить их и поставить небо высоко над нами, а землю положить под ноги. Пусть небо станет нам чужим, но земля останется близкой нам, как кормящая мать"».

Несколько братьев-богов тщетно пытались разделить небо и землю. Наконец успеха в этом титаническом проекте добился сам Тане-махута, отец лесов и всего, что их населяет или делается из дерева. «Голову он погрузил глубоко в его мать-землю, а ноги он поднял очень высоко и уперся ими в его отца-небо, а

* См. Быт. 3:18—19. — *Прим. перев.*

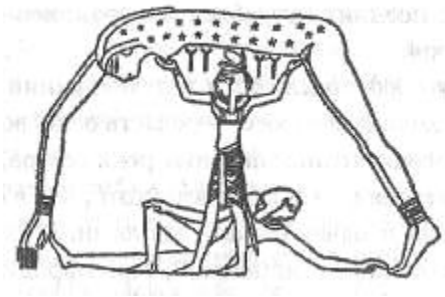


Рис. 14. Разделение Неба и Земли

спину и конечности он натянул с могучей силой. Тогда разделились Ранги и Папа, и с плачем и стонами скорби они пронзительно закричали: "Почему вы убиваете своих родителей? Для чего совершаете такое ужасное преступление, убивая нас, разделяя нас друг с другом?" Но Тане-махута не останавливался и не обращал внимания на их крики и плач: дальше, дальше от себя он придавливал вниз землю; дальше, дальше от себя он отталкивал ввысь небо [,..]»[43].

Грекам эта история известна в изложении Гесиода, по его повествованию об отделении Урана (Отца-Неба) от Геи (Матери-Земли). Согласно этой версии, титан Кронос кастрировал своего отца серпом и оттолкнул его в сторону[44]. В египетской иконографии

положение космических супругов изменено: мать является небом, а отец — жизненной силой земли[45], однако общая структура мифа сохраняется: эта пара разделяется их ребенком, богом воздуха Шу. Этот образ преподносится нам и в клинописных текстах шумеров, датируемых треть- им-четвертым тысячелетиями до нашей эры. В начале существовал первобытный океан; первобытный океан породил космическую гору — слияние неба и земли. Ан (Небеса-Отец) и Ки (Земля-Мать) произвели на свет Энлиля (Бога Воздуха), который незамедлительно отделил Ан от Ки, а затем сам соединился со своей матерью и породил человечество[46].

Хотя подобные поступки доведенных до отчаяния детей кажутся жестокими, они выглядят невинными в сравнении с полным уничтожением могущества родителей, которое можно обнаружить в исландских *«Эддах»* и в аккадском тексте *«Энума элиш»* («Таблички сотворения»). Окончательное оскорбление выражается в них в характеристике демиургической силы бездны как «зловещей», «темной» и «мрачной». Блистательные юные сыновья-воины презирают сотворяющий источник, персонификацию зачаточного состояния глубокого сна; они немедленно убивают ее, рубят на части, полосуют на всем протяжении и выстраивают из обломков структуру мира. Этот поступок является моделью победы во всех более поздних истреблениях драконов и началом эпохальной истории подвигов героя.

По свидетельству *«Эдд»,* после того, как «зияющий пролом»[47] породил на севере мглистый мир холода, а на юге — область огня, вслед за тем, как жар юга воздействовал на многочисленные ледяные реки севера, в воздух поднялся пенистый яд. Он превратился в мелкий дождь, который, в свою очередь, опустился инеем. Иней растаял и начал стекать каплями, и из этих капель возникла жизнь в форме неподвижной, гигантской, гермафродитичной распростертой фигуры по имени Имир. Он спал и во сне «он вспотел, и под левой рукой у него выросли мужчина и женщина. А одна нога зачала с другою сына».

Иней продолжал таять и стекать каплями, и «возникла из него корова по имени Аудумла, и текли из ее вымени четыре молочные реки, и кормила она Имира». Сама же корова кормилась так: «она лизала соленые камни, покрытые инеем, и к исходу первого дня, когда она лизала те камни, в камне выросли человечьи волосы, на второй день — голова, а на третий день возник весь человек. Его прозывают Бури». Затем у Бури родился сын по имени Бор (мать осталась неизвестной), который взял в жены одну из гигантских

дочерей из числа тех созданий, что были порождены Имиром. Она родила троицу — Оди- на, Вили и Ве, и эти братья закололи спящего Имира и расчленили его тело:

Имира плоть стала землей, кровь его — морем, кости —
горами, череп стал небом, а волосы — лесом. Из век его
Мидгард людям был создан богами благими; из мозга его
созданы были темные тучи .

В вавилонской версии героем является Мардук, бог-солнце, а жертвой — Тиамат, ужасающая, драконоподобная, окруженная стаей демонов женская персонификация самой изначальной бездны: хаос как мать богов, которая становится затем угрозой миру. С луком и трезубцем, с дубиной и сетью, в сопровождении боевых ветров, бог поднялся на свою колесницу; пасти четырех коней, наученных топтать противников копытами, были покрыты клочьями пены.

Но Тиамат не повернула головы,
Недрогнувшими губами молвила она мятежные слова. [...]
Тогда владыка поднял молниеносную дубину, могучее оружие свое,
И к Тиамат презрительной обратил такие речи:
"Великой стала ты, высоко вознесла себя,
И твое сердце повлекло тебя к сраженью. [...]
И против богов, отцов моих, ты возымела свой злобный умысел,
Вооружила сонмы воинств, оружьями препоясалась!
Встань! Я и ты, давай сойдемся в битве!" [...]
Как только Тиамат услышала слова такие,
Враз стала словно одержимой, потеряла разум.
Издала дикие, пронзительные крики.
Она дрожала и тряслась до самых оснований.
И молвила заклятье, напустила свои чары,
И боги битвы обратились к своему оружью.
Тогда сошлись Тиамат и Мардук, богов посланец.
К сраженью приступили, вступив в ближний бой.
Бог сеть свою открыл, ее опутал
И ветер злой из-за спины пустил в лицо ей.
Ужасные ветра ее объяли чрево.

Лишилась она доблести, и рот ее открылся.

Он же схватил трезубец ее, воткнул ей брюхо,

Выпустил внутренности и пронзил ей сердце.

Он победил ее и жизнь ее отрезал,

На землю бросил тело и над ним стоять остался.

Покорив после этого толпящиеся сонмы демонов, вавилонский бог вернулся к останкам матери мира:

И встал владыка у Тиамат повергнутых частей. Безжалостной дубиной череп раздробил ей. Сосуды крови перерезал в теле

И ветру северному поручил забрать их в место потайное. [...]

Затем бог отдохнул, взирая на погибшей тело,

[...] и произвел план хитроумный.

Рассек ее, как рыбу плоскую, на две он части;

Одну поставил как покров небесный.

Зажимами скрепив, приставил стражей

И наказал им не пускать наружу ее воды;

На небеса поднялся и обозрел весь мир оттуда

И прямо над Пучиной установил жилище Нудиммуда,

Измерил бог устройство той Пучины

Мардук героически приподнял водный небосвод вверх, а глубины вод опустил вниз. В образовавшемся срединном мире он сотворил человека.

Мифы неустанно подчеркивают точку зрения, что конфликт сотворенного мира не является тем, чем он кажется. Хотя Тиамат была убита и расчленена, она не была тем самым уничтожена. Если эту битву рассматривать под иным углом, чудовище хаоса выглядит разрушающимся по собственной инициативе, а ее фрагменты самостоятельно перемещаются к соответствующим положениям. Мардук и все его поколение богов представляют собой всего лишь частицы ее субстанции. С точки зрения этих сотворенных форм, все выглядит свершающимся словно по воле какой-то могущественной, опасной и приносящей страдание руки, но с позиции центра созидательной сущности плоть поддается по собственной воле, а рассекающая ее рука является, в конечном итоге, лишь проводником воли самой жертвы.

В этом кроется основной парадокс мифа — парадокс двойственной точки зрения. Точно так же, как в начале космогонического цикла можно было сказать «Бог не вовлечен», но в то же время — «Бог есть создатель-хранитель-разрушитель», так и в это критическое мгновение, когда Единое разделяется на многообразное, судьба «случайна» — и, одновременно, «преднамеренна». С позиции самого источника, мир является величественной гармонией форм, появляющихся на свет, распускающихся и исчезающих; но скоротечные существа воспринимают мир как ужасающую какофонию криков и страданий сражения. Мифы не отрицают эту агонию (распятие); они лишь показывают, что в ней, за ней и вокруг нее кроется составляющий сущность мира покой (Райская Роза)[50].

Смещение перспективы от покоя центральной Причины к возмущениям периферийных следствий представлено в истории Грехопадения Адама и Евы в Эдемском Саду. Они вкусили от запретного плода, «и открылись глаза у них обоих»[51]. Райское блаженство было прервано, и они узрели сферу сотворения по другую сторону преображающего покрова — и с тех пор им пришлось воспринимать неизбежное как труднодостижимое.

6. ФОЛЬКЛОРНЫЕ ИСТОРИИ СОТВОРЕНИЯ

Простота историй о первоначале в неразвитых фольклорных мифологиях контрастирует с вызывающими глубокие мысли мифами о космогоническом цикле[52]. В них нельзя заметить никаких долговременных попыток вникнуть в загадки, скрывающиеся за покровом пространства. Призрачная фигура создателя прорывается сквозь глухую стену вневременья в мир форм, чтобы придать ему очертания. По своей продолжительности, текучести и всеобъемлющему могуществу его эпоха подобна сновидению. Земля еще не стала твердью, и очень многое предстоит сделать, прежде чем она станет пригодной для обитания грядущего человечества.

Как рассказывают блэкфуты из Монтаны, по миру странствовал Древний — он сотворял людей и приводил в порядок землю. «Он шел с юга и направлялся на север, делая по пути животных и птиц. Сначала он создал горы, прерии, леса и кустарники. Так он шел вперед, направляясь к северу, сотворяя по пути разные вещи, разбрасывая там и тут реки, а на них — перекаты, раскрашивая землю тут и там в красный цвет — он делал мир таким, каким мы видим его сегодня. Он создал Молочную Реку (Тетон), пересек ее и, почувствовав себя уставшим, поднялся на холм и прилег отдохнуть. Он лег на спину, вытянулся на земле, раскинул руки и окружил себя камнями, отметив форму тела,

головы, рук, ног и всех частей тела. Эти камни можно увидеть там и сейчас. Отдохнув, он опять пошел на север, споткнулся о бугор и упал на колени. Тогда он сказал: "Об этот бугор можно сильно расшибиться"; поэтому он поднял там два больших холма и назвал их Колени, и так они называются до сих пор. Он прошел еще дальше к северу и с помощью нескольких камней, которые он нес с собой, построил Холмы Сладкой Травы. [...]

Однажды Древний решил, что ему стоит сделать женщину и ребенка, и поэтому он вылепил обоих — женщину и ребенка, ее сына, — из глины. После того как он придал глине человеческую форму, он сказал ей: "Будьте людьми", а затем спрятал их и оставил, а сам ушел. На следующее утро он пришел к этому месту, снял покровы и увидел, что очертания глины немного изменились. На второе и на третье утро перемены были еще заметнее. На четвертое утро он пришел на это место, снял покровы, посмотрел на глиняные фигуры и приказал им подняться и пойти; и они начали ходить. Вместе со своим Создателем они пришли к реке, и там он сказал им, что его зовут *На-пи,* Древний. Когда они стояли у реки, женщина сказала ему: "Что будет? Мы будем жить вечно? Будет ли этому конец?" Он ответил: "Я никогда не думал об этом. Нам нужно принять решение. Я возьму эту бизонью лепешку и брошу ее в реку. Если она поплывет, люди будут умирать, но снова оживать через четыре дня; они будут умирать всего на четыре дня. Но если она утонет, они будут умирать окончательно". Он бросил лепешку в реку, и она поплыла. Женщина обернулась, подобрала с земли камень и сказала: "Нет, я брошу в воду этот камень. Если он поплывет, мы будем жить вечно, а если утонет, люди будут умирать и поэтому всегда будут жалеть друг друга". Женщина бросила в воду камень, и он утонул. "Хорошо, — сказал Древний, — ты сама выбрала. Они будут умирать"»[53].

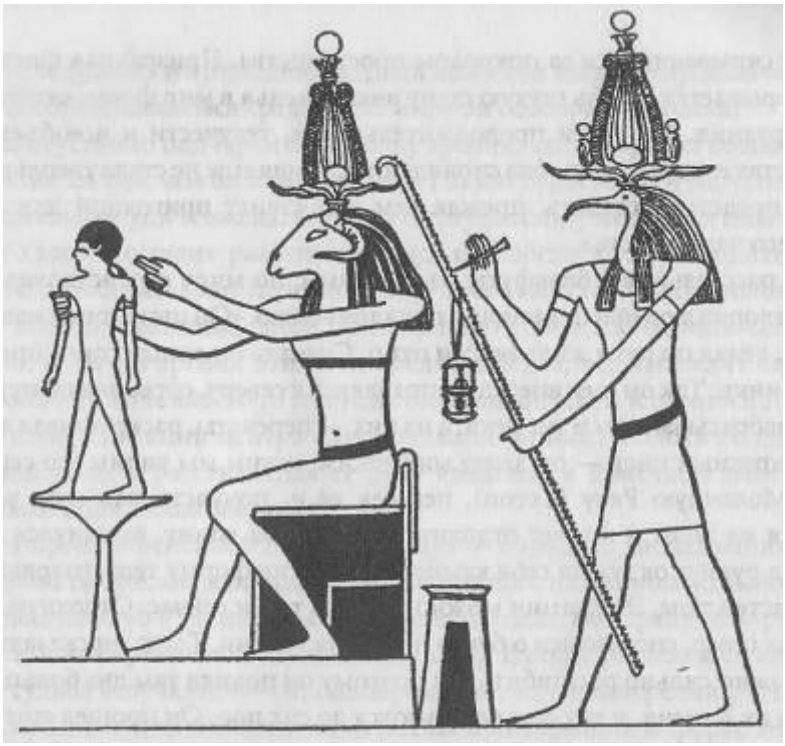


Рис. 15. Хнум лепит на гончарном круге сына фараона, а Тот отмеряет срок его жизни

Упорядочивание мира, создание человека и принятие решения в отношении смерти являются типичными темами историй о примитивном творце. Трудно понять, насколько серьезно и в какой степени верят в эти легенды сами примитивные народы. Общее настроение этих мифов является не столько прямолинейным, сколько косвенным: все выглядит так, *как будто* Древний сделал то-то и то-то. Многие рассказы, отнесенные к категории историй о первоначале, с определенностью рассматривались скорее как популярные волшебные сказки, чем как книги бытия. Подобная игривая мифологизация распространена во всех цивилизациях, как высокого, так и низкого уровня. Простодушные члены сообщества могут относиться к возникающим образам с чрезмерной серьезностью, однако в целом нельзя утверждать, что эти образы представляют собой доктрину или местный «миф».

К примеру, у маори, в утонченности космогонии которых мы уже убедились, существует *история о яйце, оброненном птицей в первобытное море; оно лопнуло, и на свет появились мужчина, женщина, мальчик, девочка, свинья, собака и каноэ. Все сели в каноэ, и их отнесло к Новой Зеландии*[54]*. Это очевидная пародия на миф о космическом яйце. С другой стороны, жители Камчатки утверждают — очевидно, с полной серьезностью, — что Бог первоначально обитал на небесах, но потом спустился на землю. Когда он шел по ней на снегоступах, свежая земля поддавалась под ним, словно*

тонкий и податливый лед. С тех пор поверхность земли стала неровной[55]. Еще один пример из легенд центрально-азиатских киргизов: *когда два древних человека, ухаживавших за огромным быком, очень долго оставались без воды и были полумертвыми от жажды, это животное добыло для них воду, пробив своими большими рогами отверстия в земле. Так в стране киргизов появились озера*[56].

В мифах и фольклорных историях часто возникает комическая фигура, действующая наперекор доброжелательному творцу; она символизирует несчастья и трудности существования по эту сторону разделяющего покрова. Меланезийцы из Новой Британии *рассказывают о призрачном существе, о «том, кто сначала был там», который нарисовал на земле две мужские фигуры, разорвал собственную кожу и окропил рисунки своей кровью. Он подобрал два больших листа дерева и накрыл ими фигуры, которые вскоре стали первыми людьми. Их звали То Кабинана и То Карвуву.*

То Кабинана прогуливался в одиночестве, забрался на кокосовое дерево со светло-желтыми орехами, сорвал два незрелых плода и бросил их на землю; они разбились и стали прекрасными женщинами. То Карвуву был восхищен ими и спросил своего брата, где тот нашел их. «Поднимись на кокосовое дерево, — ответил То Кабинана, — сорви два незрелых ореха и брось на землю». Но То Карвуву сбросил орехи верхушкой вниз, и у возникших женщин оказались уродливые приплюснутые носы[57].

Однажды То Кабинана вырезал из дерева рыбу Тум и бросил ее в океан, чтобы в нем всегда была живая рыба. Затем рыба Тум привела к побережью рыбу Маливаран, и То Кабинана с легкостью поймал их прямо с берега. То Карвуву был восхищен рыбой Тум и тоже захотел сделать ее; То Кабинана научил его этому, но То Карвуву вырезал из дерева акулу, и эта акула съела рыбу Маливаран вместо того, чтобы привести ее к берегу. Плачущий То Карвуву пришел к своему брату и сказал: «Как я жалею, что сделал эту рыбу; она не приносит никакой пользы, и только поедает всех остальных рыб». «А что это за рыба?» — спросил То Кабинана. «Я сделал акулу», — ответил То Карвуву. «Ты действительно отвратительный парень, — сказал его брат. — Теперь все наши смертные потомки будут страдать. Твоя рыба будет поедать всю остальную рыбу и людей»[58].

Из описаний подобной глупости можно заключить, что первопричина (пожертвовавшее собой призрачное существо) внесла в рамки мира двойственность — добро и зло. Эта история не так наивна, как может показаться[59]. Более того, любопытная логика

последнего диалога предполагает метафизическое предсуществование платонического архетипа акулы. Подобные концепции присущи любому мифу. Порождения антагониста, представителя зла, выступающего в роли шута, также являются всеобщими. Дьяволы — как огромные тупицы, так и остроумные и изощренные обманщики — всегда являются шутами. Однако хотя они и способны достичь триумфа в мире пространства и времени, и они сами, и плоды их деятельности просто исчезают, когда точка зрения смещается к трансцендентальному. Они являются причиной ошибочного восприятия теней как материальности; они символизируют неизбежное несовершенство царства теней, и, пока мы остаемся по эту сторону покрова, от них невозможно избавиться.

Тюрки Сибири рассказывают, что, *когда демиург Паджана сотворил первых человеческих существ, он обнаружил, что не может вдохнуть в них животворный дух. Поэтому он приставил лишенного шерсти пса охранять созданные им тела, а сам отправился на небеса, чтобы взять души у Кудэ, Верховного Бога. Во время его отсутствия появился дьявол Эрлик. Он сказал псу: «У тебя нет шерсти. Я подарю тебе золотую шерсть, если ты отдашь в мои руки этих бездыханных людей». Пес очень обрадовался такому предложению и отдал искусителю охраняемых людей. Эрлик осквернил их своей слюной и скрылся в тот же миг, как только увидел Бога, возвращающегося, чтобы вдохнуть в них жизнь. Бог увидел, что произошло, и вывернул человеческие тела наизнанку. Вот почему в наших внутренностях есть слизь и нечистоты*[60].

Фольклорные мифологии касаются истории сотворения только в той части, в которой трансцендентальные эманации превращаются в пространственные формы. Однако они ничуть не отличаются от великих мифологий в своих оценках условий существования человечества. Их символические персонажи соответствуют по своему содержанию — а иногда и в характерных чертах и подвигах — высочайшим героям мифологии, а чудесный мир, в котором они действуют, в точности походит на область великих откровений — на мир в периоде между глубоким сном и пробуждением сознания, на ту сферу, в которой Единое раскалывается на многообразное и множественное согласуется в Единстве.

ГЛАВА II

НЕПОРОЧНОЕ РОЖДЕНИЕ

1. МАТЬ ВСЕЛЕННАЯ

Миросотворяющий дух отца переходит к многообразию земного опыта благодаря преобразующему посреднику — матери мира. Она является персонификацией первичного элемента, упоминаемого во второй строфе Книги Бытия, в которой говорится, что «Дух Божий носился над *водою».* В индийском мифе это женский образ, посредством которого Высшее Я порождает все сущее. В более абстрактном понимании она представляет собой мироограни- чивающие рамки: «пространство, время и причинность» — скорлупу космического яйца. С еще более абстрактной точки зрения она есть соблазн, побуждающий самопознающий Абсолют к акту творения.

В мифологиях, особо выделяющих материнский, а не отцовский аспект творца, эта первичная женская сущность изначально наполняет сцену мира и играет роли, которые в большинстве случаев приписываются мужским началам. Кроме того, она — девственница, поскольку ее супругом является Незримое Неведомое.

Странное представление об этом образе обнаруживается в финской мифологии. В первой руне *«Калевалы»*[1] рассказывается о том, как *девственная дочь воздуха опустилась из небесных дворцов в первобытное море и долгие столетия плавала на поверхности вечных вод.*

Начал дуть свирепый ветер.

Поднялась с востока буря,

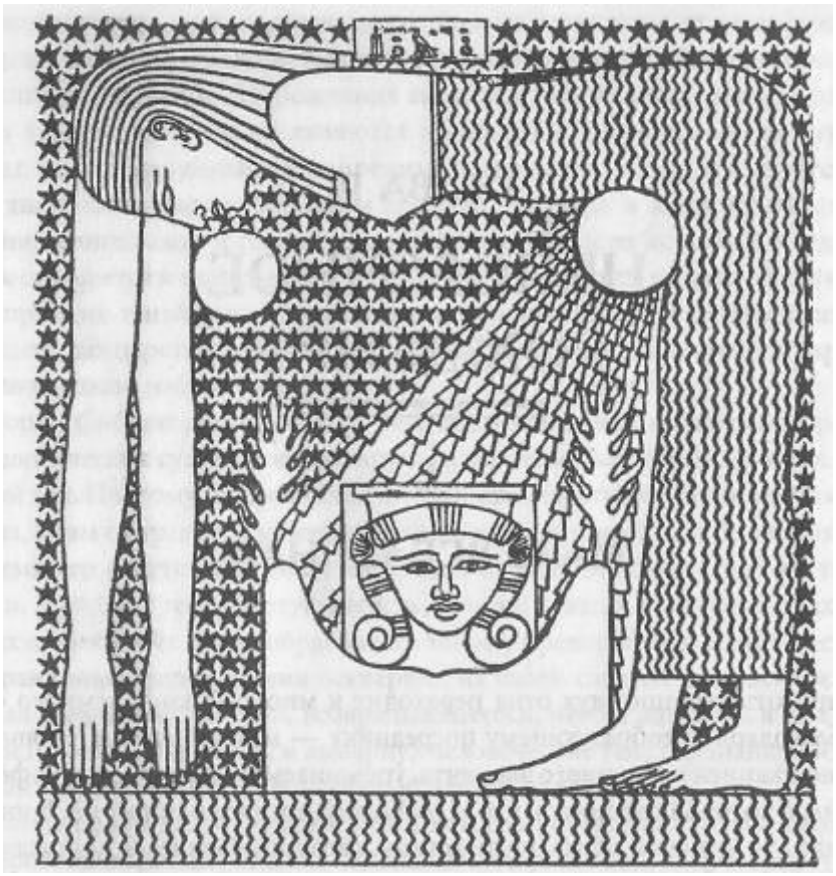


Рис. 16. Нут (Небо) дарит жизнь Солнцу; его лучи озаряют Хатор (Любовь и Жизнь) на горизонте

Замутилось море пеной, Поднялись высоко волны.
Ветром деву закачало, Било волнами девицу. Закачало в
синем море, На волнах с вершиной белой. Ветер плод
надул девице. Полноту дало ей море[2]*.*

В течение семи столетий Мать Воды плавала с ребенком во чреве, но не могла родить. Она молилась Укко, верховному богу, и он послал утку, которая свила гнездо на колене девы. Утиные яйца скатились с колена и разбились; их части превратились в землю, небо, солнце, луну и тучи. Затем сама Мать Воды, продолжавшая плавать в океане, принялась за работу в качестве Творца Мира.

Наконец, в году девятом, На десятое уж лето Подняла
главу из моря И чело из вод обширных, Начала творить
творенья, Создавать созданья стала На хребте прозрачном
моря, На равнинах вод открытых. Только руку простирала
— Мыс за мысом воздвигался; Где ногою становилась —
Вырывала рыбам ямы; Где ногою дна касалась — Вглубь

глубины уходили. Где земли касалась боком — Ровный берег
появлялся; Где земли ногой касалась — Там лососьи тони
стали; И куда главой склонялась — Бухты малые возникли.
Отплыла от суши дальше, На волнах остановилась —
Созидала скалы в море И подводные утесы. Где суда,
наткнувшись, сядут, Моряки найдут погибель[4].
Все это время дитя оставалось в ее утробе и достигло довольно зрелого возраста:
Только вещий песнопевец Вяйнамёйнен не рождался.
Старый, верный Вяйнамёйнен В чреве матери блуждает,
Тридцать лет он там проводит. Зим проводит ровно
столько ж На водах, дремотой полных. На волнах морских
туманных. Он подумал, поразмыслил:
Как же быть и что же делать На пространстве этом
темном, В неудобном, темном месте, Где свет солнца не
сияет, Блеска месяца не видно. Он сказал слова такие И
такие молвил речи: «Месяц, солнце золотое И Медведица на
небе! Дайте выход поскорее Из неведомой мне двери. Из
затворов непривычных Очень тесного жилиьца! Дайте вы
свободу мужу. Вы дитяти дайте волю, Чтобы видеть месяц
светлый, Чтоб на солнце любоваться. На Медведицу
дивиться, Поглядеть на звезды неба!» Но не дал свободы
месяц, И не выпустило солнце. Стало жить ему там
тяжко, Стала жизнь ему постыла; Тронул крепости
ворота, Сдвинул пальцем безымянным, Костяной замок
открыл он Малым пальцем левой ножки; На руках ползет с
порога, На коленях через сени. В море синее упал он, Ухватил
руками волны. Отдан муж на милость моря, Богатырь
средь волн остался[5].

Прежде чем Вяйнамёнен — уже родившийся герой — смог выбраться на сушу, он преодолел суровое испытание второй материнской утробы — лона изначального космического океана. Ему, оказавшемуся без внешней защиты, пришлось пройти инициацию нечеловеческих по своей сути сил природы. Вода и ветер заставляют его

вновь испытать то, что было ему уже хорошо знакомо. *Пролежал пять лет он в море, В нем пять лет и шесть качался.*

И еще семь лет и восемь. Наконец, плывет на сушу, На неведомую отмель, На безлесный берег выплыл. Приподнялся на колени. Опирается руками, Встал, чтоб видеть светлый месяц, Чтоб на солнце любоваться, На Медведицу дивиться, Поглядеть на звезды неба. Так родился Вяйнамёйнен, Племени певцов удалых Знаменитый прародитель, Девой Ильматар рожденный[6].

2. МАТРИЦА СУДЬБЫ

Всеобщая богиня являет себя людям во множестве обличий, ибо результаты творения многообразны, запутанны и внутренне противоречивы, если воспринимаются с точки зрения сотворенного мира. Мать жизни является одновременно и матерью смерти; она носит маски уродливых дьяволиц голода и болезней.

Шумеро-вавилонская звездная мифология приписывает аспекты космического женского начала фазам планеты Венеры. Как Утренняя Звезда, она дева; как Вечерняя — девка. Когда она царит в ночном небе, она супруга Луны, но когда затмевается пламенем Солнца — адская ведьма. Повсюду, куда распространялось влияние Месопотамии, характерные черты богини рассматривались в свете этой мерцающей звезды.

Миф из юго-восточной Африки, записанный в племени вахунгве-макони из Южной Родезии, отражает аспекты Венеры-матери в соответствии с первыми стадиями космогонического цикла. Луна является в нем первым человеком, Утренняя Звезда — его первой женой, а Вечерняя Звезда — второй. Подобно Вяйнамёйнену, возникшему из утробы благодаря самостоятельным действиям, *этот лунный человек появился из вод бездны. Ему и его женам предстояло стать прародителями всех созданий на земле. Эта история дошла до нас в таком виде:*

«Маори (Бог) создал первого человека и назвал его Мвуетси (Луна). Он погрузил его на дно Дзивоа (озеро) и дал ему рог-нгона и масло-нгона[7]*. Мвуетси жил в Дзивоа.*

Мвуетси сказал Маори: "Я хочу выйти на сушу". Маори сказал: "Ты пожалеешь об этом". Мвуетси сказал: "И все же я хочу выйти на сушу". Маори сказал: "Тогда иди на сушу". Мвуетси вышел из Дзивоа и оказался на суше.

Земля была холодной и пустой. Не было ни травы, ни кустов, ни деревьев. Не было и животных. Мвуетси заплакал и сказал Маори: "Как мне жить здесь?" Маори сказал: "Я

предупреждал тебя. Ты вступил на путь, в конце которого умрешь. Однако я дам тебе кое-кого, похожего на тебя". Маори дал Мвуетси девушку, которую звали Массасси, Утренняя Звезда. Маори сказал: "Массасси будет твоей женой два года". Маори дал Массасси орудие для разведения огня.

Вечером Мвуетси вошел вместе с Массасси в пещеру. Массасси сказала: "Помоги мне. Мы разведем костер. Я соберу чимандра *(хворост), а ты будешь крутить* русика *(вращающаяся часть орудия для разведения огня)". Массасси собрала хворост. Мвуетси крутил* русика. *Когда костер разгорелся, Мвуетси лег по одну сторону, а Массасси — по другую. Между ними горел костер.*

Мвуетси думал: "Зачем Маори дал мне эту девушку? Что же мне делать с этой девушкой Массасси?" Когда наступила ночь, Мвуетси достал свой рог-нгона. Он смочил указательный палец каплей масла-нгона. Мвуетси сказал: "Ндини чаамбука мгири не мгирир*" ("Я собираюсь перепрыгнуть через костер"*[8]*). Мвуетси перепрыгнул через костер. Мвуетси подошел к девушке Массасси. Мвуетси коснулся тела Массасси влажным пальцем. Затем Мвуетси вернулся к своей постели и заснул.*

Когда Мвуетси проснулся утром, он посмотрел на Массасси. Мвуетси увидел, что тело Массасси разбухло. С началом дня у Массасси начались роды. Массасси родила траву. Массасси родила кусты. Массасси родила деревья. Массасси рожала без остановки, пока вся земля не покрылась травой, кустами и деревьями.

Деревья росли. Они росли, пока их верхушки не коснулись неба. Когда верхушки деревьев коснулись неба, начался дождь.

Мвуетси и Массасси жили в достатке. У них были фрукты и зерно. Мвуетси построил дом. Мвуетси сделал железную лопату. Мвуетси сделал мотыгу и посадил хлеб. Массасси сплела ловушки для рыбы и ловила рыбу. Массасси приносила хворост и воду. Массасси готовила еду. Так Мвуетси и Массасси прожили два года.

Через два года Маори сказал Мвуетси: "Срок кончился". Маори забрал Массасси с земли и вернул ее в Дзивоа. Мвуетси оплакивал ее. Он рыдал и оплакивал ее и сказал Маори: "Что мне делать без Массасси? Кто будет приносить хворост и воду для меня? Кто будет готовить для меня?" Мвуетси плакал восемь дней подряд.

Так Мвуетси проплакал восемь дней подряд. Тогда Маори сказал: "Я предупреждал тебя, что ты идешь к смерти. Но я дам тебе другую женщину. Я дам тебе Моронго,

Вечернюю Звезду. Моронго будет с тобой два года. Потом я заберу и ее". Маори дал Мвуетси Моронго.

Моронго пришла в хижину Мвуетси. Вечером Мвуетси захотел лечь по свою сторону от костра. Моронго сказала: "Не ложись там. Ложись рядом со мной". Мвуетси лег рядом с Моронго. Мвуетси достал рог-нгона и помазал свой указательный палец маслом. Но Моронго сказала: "Не делай так. Я не такая, как Массасси. Теперь помажь свои бедра маслом-нгона. Помажь мои бедра маслом- нгона". Мвуетси сделал так, как она сказала. Моронго сказала: "Теперь соединись со мной". Мвуетси соединился с Моронго. Мвуетси заснул.

Мвуетси проснулся рано утром. Посмотрев на Моронго, он увидел, что ее тело разбухло. С началом дня Моронго начала рожать. В первый день Моронго родила кур, овец и коз.

Во вторую ночь Мвуетси снова спал вместе с Моронго. На следующее утро она родила антилоп и коров.

В третью ночь Мвуетси снова спал вместе с Моронго. На следующее утро Моронго родила сначала мальчиков, а потом девочек. Мальчики, которые родились утром, стали взрослыми к сумеркам.

В четвертую ночь Мвуетси снова захотел спать вместе с Моронго. Но началась гроза, и Маори сказал: "Оставь меня в покое. Ты быстро идешь к своей смерти". Мвуетси испугался. Гроза закончилась. Когда она закончилась, Моронго сказала Мвуетси: "Сделай дверь и закрой вход в хижину. Тогда Маори не сможет увидеть, что мы делаем. Тогда ты сможешь спать вместе со мной". Мвуетси сделал дверь. Он закрыл дверью вход в хижину. Потом он спал вместе с Моронго. Мвуетси заснул.

Утром Мвуетси проснулся. Мвуетси увидел, что тело Моронго разбухло. С началом дня Моронго начала рожать. Моронго родила львов, леопардов, змей и скорпионов. Маори увидел это. Маори сказал Мвуетси: "Я предупреждал тебя".

В пятую ночь Мвуетси снова захотел спать с Моронго. Но Моронго сказала: "Смотри, твои дочери выросли. Соединись со своими дочерьми". Мвуетси нос мотрел на своих дочерей. Он увидел, что они красивы и уже выросли. Поэтому он спал вместе с ними. У них родились дети. Дети, которые родились утром,

стали взрослыми к сумеркам. Так Мвуетси стал Мамбо *(королем) боль*

народа.

Но Моронго спала со змеей. Моронго уже не рожала. Она жила со змеей. Однажды Мвуетси вернулся к Моронго и захотел спать вместе с ней. Моронго сказала: "Оставь меня в покое". Мвуетси сказал: "Но я хочу". Он лег рядом с Моронго. Под постелью Моронго лежала змея. Змея укусила Мвуетси. Мвуетси заболел.

После того как змея укусила Мвуетси, Мвуетси заболел. На следующий день не было дождя. Все засохло. Реки и озера обмелели. Все животные умерли. Люди начали умирать. Много людей погибло. Дети Мвуетси спросили: "Что нам делать?" Дети Мвуетси сказали: "Мы погадаем на хаката *(священных костях)". Дети погадали на* хаката. Хаката *сказали:* "Мамбо *Мвуетси болен и высыхает. Отправьте Мвуетси назад в Дзивоа".*

Тогда дети Мвуетси задушили Мвуетси и похоронили его. Они похоронили Моронго вместе с Мвуетси. Потом они выбрали другого человека, и он стал Мамбо. *Моронго тоже прожила в* Зимбабве[9] *Мвуетси два года».*

Очевидно, что каждый из трех этапов порождения олицетворяет эпоху развития мира. Течение этого процесса было заранее предсказано и просматривалось почти явно — на него указывали предупреждения Всевышнего. Но Лунный Человек, Всемогущий, не мог противостоять исполнению своей судьбы. Беседа на дне озера представляет собой диалог вечности и времени, «Вопрос Жизни»: "Быть или не быть?". Неутолимое желание, наконец, представляет возможность погубить себя: деятельность начинается.

Жены и дочери Лунного Человека являются персонификациями и орудиями его судьбы. С развитием его миросотворяющей воли добродетели и качества богини-матери подверглись метаморфозе. Две жены, рожденные изначальной утробой, были дочеловеческими, предчеловеческими. Но по мере того, как протекал космогонический цикл и период развития перешел от первобытных к человеческо-историческим формам, владычицы космических рождений самоустранились, и сфера мира перешла в распоряжение смертных женщин. По этой причине древний демиургический отец становится для его сообщества метафизическим анахронизмом. Когда, наконец, он утомляется чисто человеческим и вновь устремляется к матери своего изобилия, мир на мгновение покоряется силе его желания, но затем освобождается от него и вырывается на волю — инициатива переходит к сообществу детей. Символические, подобные неприятным образам сновидения фигуры родителей сбрасываются в изначальную бездну, и на благоустроенной земле остается только человек. Колесо сдвинулось.

3. ЛОНО ИСКУПЛЕНИЯ

Теперь проблемой становится мир человеческой жизни. Направляемая практичными решениями царей и указаниями жрецов с костями божественного откровения[10], сфера сознания настолько сокращается, что благородные черты человеческой комедии полностью теряются в неразберихе противоречивых намерений. Перспективы видения человека становятся плоскими; оно замечает лишь отражения света на осязаемой поверхности существования. Примечательной формой человеческой агонии становится потеря способности наблюдать. Общество погружается в круговорот ошибок и бедствий — Малое Эго узурпирует судейское место Высшего Я.

Такова непрестанная тема мифа, таков привычный вопль голосов пророков. Люди тоскуют по личности, которая вновь начертала бы в мире искривленных тел и душ контуры образа вочеловечения. Такой миф существует и в нашей собственной традиции. Он возникает повсюду, пусть и под разнообразными масками. Когда царь Ирод (крайняя степень символа скверного управления и упрямого эго) низверг человечество к низшей точке духовного унижения, сокровенные силы цикла пришли в движение по собственной воле. В неприметном селении рожает дева, удержавшая себя от растления всеобщими ошибками своего поколения — миниатюрный образ космической женщины, невесты ветра среди людей. Ее лоно, остающееся девственным, как первобытная пучина, самой своей готовностью призывает ту изначальную силу, что оплодотворила пустоту.

«Однажды, когда Мария остановилась у источника, чтобы наполнить свой кувшин, Ангел Господен явился Ей и сказал: "Благословенна Ты, Мария [...], ибо в лоне Твоем уготована Тобою обитель Господу. [...] Все свет небесный низойдет и будет обитать в Тебе, через Тебя же воссияет он во всем мире"»[11].

Эта история излагается повсеместно, причем с такими поразительными сходствами в своих основных контурах, что ранним христианским миссионерам пришлось прийти к выводу о том, что сам дьявол, должно быть, рассевает пародии на их учение, куда бы они ни простерли руки. Фрэй Педро Симон отмечает в своей работе «*Noticias historiales de las conquistes de Tierra Firme en las Indias Occidentals*» (1627), что после начала работы среди народов Тунхи и Согамосо в южноамериканской Колумбии «демон этого места начал внушать противные доктрины. И, помимо прочего, он устремился опозорить то, чему священник научал в отношении Вочеловечения, и утверждал, что оно еще не случилось, но что вскоре Солнце свершит его, облачившись плотью в утробе девы в поселке Гуачета; и зачнет она от солнечных лучей, оставаясь при этом девой. Эти

известия распространились по всему району. И случилось так, что *у предводителя упомянутого поселка было две дочери-девицы, и каждая жаждала, чтобы чудо исполнить именно ей. Тогда обе начали каждое утро покидать отцовский дом и уединение в саду с первыми проблесками рассвета и поднимались на один из многочисленных в округе холмов, двигаясь в направлении восхода, и располагались там так, чтобы первые лучи солнца освещали их.*

Так продолжалось много дней, и было позволено демону по божественному разрешению (Того, Чьи пути неисповедимы), чтобы обстоятельства сложились так, как тот предполагал. И таким образом, одна из дочерей отяжелела, как и желала, от солнца. Девять месяцев миновало, и она принесла миру огромный и ценный акуата, *что на их языке означает изумруд. Девица приняла его и, обернув тканью, расположила на груди и продержала там много дней, после чего он преобразился в живое создание — все по указаниям демона. Ребенка назвали Горанчачо, и его держали в домашних владениях предводителя, его деда, до двадцати четырех лет». Затем этот юноша триумфальной процессией проследовал в столицу страны и превозносился во всех провинциях как «Дитя Солнца»*[12].

Индусская мифология повествует о деве Парвати, дочери царя гор Химава- та, содержавшего ее в высоких холмах для воспитания в суровой строгости. Тиран-асур по имени Тарака захватил власть над миром, и, согласно пророчеству, свергнуть его мог только сын Верховного Бога Шивы. Шива, однако, был образцовым богом йоги — отстраненным, одиноким и погруженным в медитацию. Невозможно было и думать о том, чтобы Шива когда-либо зачал сына.

Парвати исполнилась решимости изменить ситуацию в мире, сравнявшись с Шивой в искусстве медитации. Отстраненная, одинокая и погруженная в себя, она подставляла свое обнаженное тело обжигающим лучам солнца, добавляя к его теплу жар четырех больших костров в четырех направлениях. Ее прекрасное тело сморщилось и превратилось в хрупкие кости, обтянутые жесткой и грубой кожей. Волосы ее спутались и растрепались. Мягкие влажные глаза были воспалены.

Однажды к ней подошел юный брамин. Он спросил ее, почему такая прекрасная женщина убивает себя подобными мучениями.

«Я стремлюсь, — ответила она, — к Шиве, Высшей Цели. Шива — бог одиночества и непоколебимой сосредоточенности. Для того я и упражняюсь в аскетизме, чтобы вывести его из состояния уравновешенности и заставить полюбить меня».

«Шива, — сказал юноша, — бог уничтожения. Шива — Разрушитель Мира. Радость Шивы в том, чтобы медитировать на погребальных кострах, среди трупного смрада; там он созерцает разложение в смерти — это свойственно его опустошенному сердцу. Гирлянды Шивы — из живых змей. Шива — нищий, и никому неведомо ничего о его рождении».

Дева сказала: «Он вне понимания таких, как ты. Нищий, но источник богатства; ужасающий, но источник милости; гирлянды из змей или гирлянды из драгоценностей — их он надевает по собственной воле. Как мог он быть рожден, если он творец всего несотворенного! Шива — любовь моя».

Тогда юноша сбросил свою маску — и оказался Шивой[13].

4. ФОЛЬКЛОРНЫЕ ИСТОРИИ О НЕПОРОЧНОМ МАТЕРИНСТВЕ

Будда снизошел с небес в лоно своей матери в облике молочно-белого слона. Бог приблизился к ацтекской Коатликуэ («Она в платье из змей»), в образе покрытого перьями шара. Главы «*Метаморфоз*» Овидия пестрят рассказами о нимфах, которых осаждают боги, наряженные в самые разнообразные маскарадные костюмы, а Юпитер предстает в них то быком, то лебедем, то золотым дождем. Любого случайно проглоченного листочка, ореха или даже вдоха воздуха может оказаться достаточно для того, чтобы оплодотворить подготовленную утробу — порождающая сила таится повсюду. И, согласно капризу или предопределенности момента, зачат может быть как герой-спаситель, так и мироуничтожающий демон — никто не может знать этого заранее.

Образы непорочного рождения изобилуют и в народных сказках, и в мифах. Достаточно будет лишь одного примера: причудливой фольклорной истории с островов Тонга, входящей в небольшой цикл легенд о «красавчике» Синилау. Эта история представляет особый интерес — не из-за ее предельной абсурдности, но по той причине, что она явно, хотя и в форме бессознательной пародии, провозглашает все важнейшие мотивы типичной жизни героя: непорочное рождение, поиски отца, суровые испытания,

воссоединение с отцом, успение и коронование девственной матери и наконец возвышенный триумф подлинных сыновей и наказание ложных притворщиков.

«Жили однажды один человек и его жена, и она была беременна. Когда ей пришло время родить ребенка, она попросила своего мужа подойти и приподнять ее, чтобы она могла родить. Но она родила моллюска, и муж в ярости швырнул ее об пол. Но она умоляла его взять моллюска и бросить его в заводь, где купался Синилау. И вот Синилау пришел купаться и опустил в заводь половинку скорлупы кокосового ореха, с помощью которой обычно обливал себя водой. Моллюск скользнул к ней, присосался к скорлупе и забеременел.

Однажды женщина, мать моллюска, увидела, как этот моллюск катится к ней. Она сердито спросила, зачем он пришел, но моллюск ответил, что сейчас не время злиться, и попросил ее отгородить место, где можно было бы родить. Они поставили перегородку, и моллюск родил красивого крупного младенца-мальчика. Потом моллюск опять укатился в свою заводь, а женщина стала заботиться о ребенке, которого назвали Фатаи-проходящий-под-сандаловым-деревом. Прошло какое-то время, и вот моллюск снова забеременел и прикатился к дому, чтобы родить там ребенка. Все повторилось, и моллюск опять родил красивого мальчика, которого назвали Миртле-случайно-переплетенный-с-дбашяи. Он тоже остался на попечении женщины и ее мужа.

Когда оба мальчика выросли и возмужали, женщина узнала, что Синилау собирается устроить праздник, и решила, что ее внуки обязательно должны туда попасть. Она позвала юношей и велела им приготовиться, добавив, что человек, который устраивает праздник, — их отец. Когда они явились к месту проведения праздника, все присутствующие не могли оторвать от них глаз. Не было ни одной женщины, которая отвела бы от них взор. Когда они проходили мимо женщин, те предлагали им остановиться, но юноши отказывались и продолжали идти, пока не пришли туда, где угощали напитком кава. *Там они выпили* кава.

Но Синилау, рассердившись из-за того, что юноши нарушили его праздник, приказал, чтобы принесли две чаши. Потом он приказал своим людям схватить одного из юношей и зарезать его. Для этого наточили бамбуковый нож, но, когда его острие коснулось тела юноши, оно просто скользнуло по его коже, а он воскликнул:

Нож был направлен и соскользнул. Так сидите же и смотрите
на нас, Нравимся мы вам или нет.
Тогда Синилау спросил у своих людей, что сказал юноша, и ему повторили эти строки. И он приказал, чтобы юношей привели к нему, и спросил, кто их отец. Они ответили, что он и есть их отец. Тогда Синилау поцеловал обоих вновь обретенных сыновей и попросил их пойти и привести с собой их мать. Они пошли к заводи, достали моллюска и принесли его к своей бабушке. Та разбила раковину, и из нее появилась прекрасная женщина по имени Хина-живущая-в- реке.
Затем все отправились к Синилау. Юноши были одеты в рогожи с бахромой, из тех, что называют тауфохуа; но на их матери была одна из лучших одежд под названием туоуа. Сыновья шли впереди, а Хина следом за ними. Когда они пришли к Синилау, они увидели, что он сидит среди своих жен. Мальчики сели на колени Синилау, а Хина — рядом. Тогда Синилау попросил, чтобы его люди пошли и разожгли очаг и раскалили его; и они взяли жен и детей, убили и изжарили их, а Синилау женился на Хине-живущей-в-реке»[14].

ГЛАВА III

ПРЕОБРАЖЕНИЯ ГЕРОЯ

1. ПЕРВОБЫТНЫЙ ГЕРОЙ И ЧЕЛОВЕЧЕСТВО

Мы миновали две стадии: первую, стадию непосредственного проявления Несотвореиного Сотворяющего в текучих, но вневременных действующих лицах мифологической эпохи, и вторую, от этих Сотворенных Творцов до возникновения сферы человеческой истории. Испущенные эманации уплотнились, а область сознания сократилась в размерах. Там, где ранее можно было наблюдать носителей причинности, в фокусе внимания крошечного, замечающего лишь неопровержимое, зрачка человеческого глаза остались только их вторичные последствия. Таким образом, отныне космогонический цикл будет развиваться не силами ставших незримыми богов, но с помощью более или менее близких по своему характеру к человеку героев, посредством которых начнет исполняться судьба мира. Это та черта, за которой мифы о сотворении начинают уступать место легендам — как происходит в Книге Бытия после изгнания из Сада. Метафизика перетекает в первобытную историю, туманную и неопределенную в своих началах, но постепенно проясняющуюся вплоть до подробностей по мере становления. Герои становятся все более правдоподобными, пока, наконец, на последних стадиях различных местных традиций легенда не превращается в привычный дневной свет летописей.

Мвуетси, Лунный Человек, был отрезан, как застрявший якорь, а сообщество детей отправилось в открытое плавание по освещенному миру пробужденного сознания. Однако в истории утверждается, что среди этих детей были и такие сыновья этого скрывшегося под поверхностью вод отца, которые, подобно детищам его первого зачатия, перешли из младенчества до зрелости всего за один день. Эти особые носители космического могущества составили духовную и социальную аристократию. Наполненные двойным зарядом созидательной энергии, они сами стали источниками откровения. Таких личностей можно обнаружить на стадии рассвета легендарного прошлого в любой традиции. Обычно это культурные герои, основатели городов.

В китайских летописях отмечено, что после того, как земля стала твердью, люди обосновались в долинах рек, и ими правил Фуси, «Небесный Император» (2953—2838 гг. до н. э.). Он научил свое племя ловить рыбу сетями, охотиться и разводить домашних животных; он разделил людей на кланы и установил законы брака. На основе

*сверхъестественной таблички, подаренной ему чешуйчатым, похожим на коня водным чудовищем реки Мэн, Фуси создал Восемь Триграмм (*Ба Гуа*), которые до сих пор остаются основополагающими символами традиционного китайского мышления. Фуси родился в результате чудесного зачатия и созревал в утробе матери двенадцать лет; у него было тело змеи, человеческие руки и голова быка*[1].

Рост его преемника Шэнь-Нуна, «Земного Императора» (2838—2698 гг. до н. э.) составлял два с половиной метра; у него было человеческое тело, но бычья голова. Зачат он был чудесным образом, под влиянием дракона. Пристыженная мать оставила свое дитя в горах, но дикие звери спасли и вскормили его, и, когда мать узнала об этом, она забрала его домой. За один день Шэнь-Нун открыл семьдесят ядовитых растений и противоядия к ним — он мог наблюдать воздействие и усвоение каждой травы благодаря прозрачной стенке своего желудка. Затем он составил фармакопею, которая используется до наших дней. Он изобрел земледельческие орудия и систему меновой торговли. Китайские крестьяне поклонялись ему как «владыке злаков». В возрасте ста шестидесяти восьми лет он присоединился к Бессмертным[2].

Подобные цари-змеи и минотавры отмечают те давние времена, когда император был носителем особой миросотворяющей, мироподдерживающей силы, намного более великой, чем та, что связана с обычными человеческими физическими возможностями. В те времена свершалась труднейшая, титаническая деятельность, устанавливалось массивное основание человеческой цивилизации. Однако по мере развития цикла наступила эпоха, когда предстоящие труды уже не были прото- или сверхчеловеческими; пришла пора подлинно человеческих свершений — управление страстями, развитие искусств, создание экономических и культурных институтов государства. Уже не требовались ни воплощения Лунного Быка, ни Змеиная Мудрость Восьми Триграмм Судьбы, — лишь человеческий дух, восприимчивый к нуждам и надеждам сердца. Соответственно этому, космогонический цикл породил императора в человеческом облике, которому предстояло стать для всех грядущих поколений образцом человека-правителя.

Хуан-Ди, «Желтый Император» (2697—2597 гг. до н. э.) был третьим из августейших Трех. Его мать, наложница правителя провинции Чжао-дянь, зачала сына однажды ночью, когда узрела ослепительный золотой свет, окружающий созвездие Большой Медведицы. Ребенок заговорил, когда ему исполнилось семьдесят дней от роду, и занял

трон в возрасте одиннадцати лет. Его отличительным даром была способность к сновидениям: во сне он посещал самые отдаленные земли и беседовал с Бессмертными в их сверхъестественном царстве. Вскоре после своего восхождения на престол Хуан-Ди погрузился в сновидение, которое продолжалось целых три месяца. В результате он научился управлять своим сердцем. Из второго, не менее долгого сновидения он вернулся, обладая способностью обучать людей. Он научил их власти над силами природы в своих сердцах.

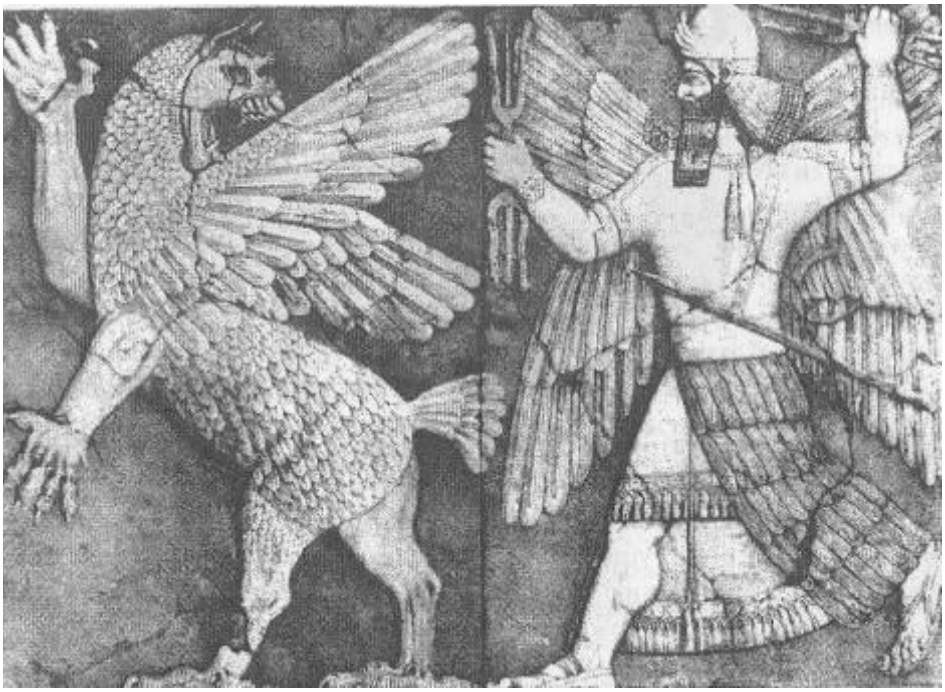
Этот замечательный человек правил Китаем в течение ста лет, и во время его правления страна переживала настоящий Золотой век. Он окружил себя шестью министрами, создал с их помощью календарь, изобрел основы математических вычислений и научил людей изготавливать утварь из дерева, глины и металлов, строить лодки и средства передвижения на колесах, ввел деньги и музыкальные инструменты из бамбука. Он основал общественные места поклонения Богу. Он установил границы и законы частной собственности. Его жена открыла искусство вышивания шелком. Он распространил выращивание сотни разновидностей злаков, овощей и деревьев; поощрял разведение птиц, четвероногих, рептилий и насекомых; обучал использованию воды, огня, дерева и земли и управлял приливами и отливами. Перед его смертью, наступившей в возрасте ста одиннадцати лет, в имперских садах появились феникс и единорог — свидетельства совершенства его правления[3]

2. ДЕТСТВО ГЕРОЯ-ЧЕЛОВЕКА

Герой ранней культуры с телом змеи и головой быка, от рождения носил в себе стихийную созидательную силу мира природы — таково содержание, кроющееся за этими формами. С другой стороны, герою-человеку необходимо «спуститься вниз», чтобы восстановить связь с предчеловеческим. Как мы уже убедились, именно в этом заключается смысл путешествия героя.

Но составители легенд редко удовлетворялись образами великих героев мира как простых человеческих сущетв, проникших за ограничивающие их собратьев горизонты и вернувшихся с теми же дарами, добыть которые мог бы любой человек равной устремленности и отваги. Напротив, в легендах неизменно наблюдается тенденция наделять героев сверхчеловеческими способностями от рождения или даже от момента

зачатия. Вся жизнь героя изображается обычно в форме пышного зрелища чудес, кульминацией которых становится его величайшее и важнейшее путешествие. Это вполне согласуется с той точкой зрения, что героический подвиг является предопределенным, а не случайным; однако при этом возникает проблема достоверности биографии личности. К примеру, Иисуса можно рассматривать как человека, достигнувшего мудрости посредством строгого аскетизма и глубоких размышлений; с другой стороны, человек может верить, что это Бог, снизошедший и принявший на себя трудности человеческой судьбы. Первый подход может привести человека к буквальному подражанию учителю, что позволяет, подобно ему, прорваться к трансцендентальному, освобождающему



Ил. XXI. Чудовище Хаоса и Бог Солнца (Ассирия)

Ил. XXII. Юный бог маиса (Гондурас)

восприятию. Однако вторая позиция утверждает, что герой является скорее предназначенным для созерцания символом, чем примером, которому необходимо следовать в буквальном смысле. Божественное существо представляет собой откровение всемогущего Высшего Я, пребывающего в каждом из нас. По этой причине к созерцанию жизни следует прибегать как к размышлению о собственной врожденной божественности, а не как к вступлению к точнейшему подражанию, ибо уроком было не «Делай так и стань добродетелен», но — «Познай так и стань Богом»[4].

В первой части «Путешествие героя» мы рассматривали мироспасительный подвиг с первой точки зрения, которую можно назвать психологической. Теперь нам необходимо описать его со второй позиции, в которой он становится символом той же метафизической тайны, в раскрытии и обнажении которой состояло само свершение героя. В данной главе, таким образом, мы обсудим сначала чудесное детство, в котором демонстрируется, как особые проявления врожденного божественного принципа воплощаются в нашем мире, а вслед за этим — различные жизненные роли, посредством

которых герой способен осуществить свое предназначение. Все они различаются в своем величии и согласно потребностям времени.

В определенных выше понятиях, первой задачей героя является сознательное восприятие предшествующих стадий космогонического цикла, прорыв в прошлое, к эпохам проявления. Второй же задачей является возвращение из этой бездны к плану современной жизни, где ему предстоит стать человеком-реформатором, исполнителем демиургических потенциальных возможностей. *Хуан-Ди обладал способностью к сновидениям; они были его путем нисхождения и возвращения. Второе, водное рождение Вяйнамёйнена вернуло его назад, к восприятию изначальной стихии. В сказке островов Тонга о жене-моллюске исход начинается с рождения матери: братья-герои появляются из предчелове- ческой утробы.*

Свершения героя во второй части его собственного кругового путешествия обычно пропорциональны глубине его погружения в первой половине путешествия. Сыновья жены-моллюска поднялись с уровня животных, и их физическая красота была невероятной. Вяйнамёйнен заново родился от изначальных вод и ветров, и его дарованием стала способность воодушевлять и успокаивать бардовскими песнями стихии природы и человеческое тело. Хуан-Ди какое-то время жил в царстве духов, и его научили гармонии сердца. Будда преодолел даже границы области деятельных богов и вернулся из пустоты; после этого он огласил путь спасения от самого космогонического круга.

Если подвиги реальной исторической личности заставляют причислить ее к героям, то создатели легенд о ней непременно изобретут для нее соответствующие приключения в глубинах. Они изображаются как путешествия в чудесные царства, и истолковывать их символику надлежит, с одной стороны, как нисхождение в море ночи души, а с другой — как образы тех планов или аспектов человеческого предназначения, которые проявляются в соответствующих жизнях.

1. *Мать Саргона, царя Агаде занимала низкое положение, а отец был неизвестен. Пущенный в камышовой корзине в плавание по Евфрату, он был найден Акки-землепашцем, который принял его к себе, чтобы сделать своим садовником. Но юноше покровительствовала богиня Иштар, поэтому в результате он стал царем и императором, прославленным живым богом.*

Чандрагупту (IV век до н. э.), основателя индийской династии Маурья, оставили в глиняном кувшине на пороге хлева. Мальчика нашел и воспитал пастух. Однажды, когда он играл со своими сверстниками в Верховного Царя на Троне Судьи, юный Чандрагупта приказал, чтобы самым злостным преступникам отсекли руки и ноги; затем, по одному его слову, отнятые члены немедленно вернулись на свое место. Проходящий мимо царевич, увидевший эту чудесную игру, выкупил ребенка за тысячу харшапан, а дома обнаружил на мальчике физические признаки того, что тот Маурья.

Папа Григорий I Великий (540?—604 гг. н. э.) был зачат близнецами-аристократами, совершившими кровосмешение по наущению дьявола. Раскаивающаяся мать бросила дитя в море в маленькой корзине. Рыбак нашел ребенка и воспитывал его до шести лет, после чего отправил на обучение в монастырь. Но мальчик стремился к жизни благородного рыцаря. Он вошел в лодку, и она чудесным образом принесла его в страну родителей, где он завоевал руку королевы — которая, как выяснилось позднее, оказалась его матерью. Обнаружив этот второй инцест, Григорий наложил на себя епитимью и в течение семнадцати лет оставался прикованным к скале посреди моря. Ключи от оков были выброшены в воду, но к концу этого долгого срока их нашли в брюхе рыбы, и это сочли знаком провидения: кающийся грешник был препровожден в Рим, где впоследствии был избран папой[5]*.*

2. *Будучи ребенком, Шарлемань (742— 814) подвергался издевательствам со стороны старших братьев и бежал в сарацинскую Испанию. Там он принял имя Майне и служил королю как гонец по передаче сообщений. Он обратил королевскую дочь в христианскую веру, и эти двое тайно обвенчались. После множества подвигов королевич вернулся во Францию, свергнул своих старых обидчиков и триумфально занял престол. Затем он правил в течение сотен лет в окружении зодиака, двенадцати аристократов. Согласно всем свидетельствам, у него были очень длинные и белые борода и волосы*[6]*. Однажды, когда он сидел под своим судейским деревом, он очень справедливо рассудил случай одной змеи, и в благодарность пресмыкающееся одарило его особым амулетом, втянувшим его в любовную интригу с уже покойной женщиной. Этот амулет упал в колодец в Эксе; вот почему Экс стал любимой резиденцией этого императора. После продолжительных войн с сарацинами, саксами, славянами и норманнами нестареющий император скончался, но он всего лишь уснул, и проснется, когда*

*** Другое название Аккада. — *Прим. перев.*

вновь понадобится своей стране. Однажды, в позднее Средневековье, он уже пробуждался от смерти, чтобы принять участие в крестовом походе [1].

Все эти биографии демонстрируют объясняемую различными причинами тему изгнания и возвращения ребенка. Она представляет собой заметную характерную черту всех легенд, народных сказок и мифов; обычно предпринимаются попытки придать ей видимость реального правдоподобия. Однако, если описываемый герой является великим патриархом, кудесником, пророком или воплощенным божеством, чудесам позволяется распространяться за любые пределы возможного.

Популярная еврейская легенда о рождении отца Авраама представляет собой пример откровенно сверхъестественного изгнания младенца. Его рождение было предугадано Нимродом по звездам, «ибо сей нечестивый царь был искусным астрологом, и было показано ему, что в его дни родится человек, который восстанет против него и триумфально изобличит его религию. В страхе перед судьбой, предсказанной звездами, он отправил за своими князьями и начальниками и попросил совета в этом деле. Они ответили, и молвили ему: "Наш единодушный совет таков, что ты должен выстроить большой дом, поставить у входа стража и оповестить по всему своему царству, что все женщины на сносях должны направляться туда к повитухам и пребывать там, пока не разрешатся от бремени. Когда придет матери время рожать и родится дитя, повитуха должна будет убить его, если то будет сын. Но если родится дочь, следует сохранить ей жизнь, мать наградить подарками и дорогими одеждами, а глашатай чтобы объявлял, что так делается для матери, родившей дочь".

Царь был доволен таким советом и по всему царству распространил объявление, призывающее архитекторов, чтобы построили для него большой дом шестидесяти локтей в высоту и восьмидесяти в ширину. После того как дом выстроили, он издал второй указ, призывающий туда всех женщин на сносях, и там они должны были оставаться до самых родов. Были назначены чиновники, забирающие женщин в этот дом, а вокруг и внутри дома поставлены стражи, чтобы женщины не убежали оттуда. И были призваны в этот дом повитухи, и приказали им убивать младенцев мужского пола прямо у груди матери. Но если женщина рожала дитя женского пола, такую мать наряжали в парчу, шелка и вышитые одежды и провожали из охраняемого дома в великом почете.

Так было уничтожено не менее семидесяти тысяч младенцев. Тогда ангелы предстали перед Господом и сказали: "Как не видишь Ты, что он делает, тот грешник и богохульник Нимрод, сын Ханаана, убивающий столько невинных младенцев, не принесших вреда?" И Господь ответил им и сказал: "Ангелы святые, Я знаю о том и Я вижу то, ибо не дремлю и не сплю. Я вижу и знаю тайные вещи и вещи откровенные, и вы засвидетельствуете, как Я поступлю с этим грешником и богохульником, ибо Я обращу руку Мою против него, дабы покарать его".

И было это в те времена, что Фарра взял в жены мать Авраама, и она ожидала ребенка. [...] Когда пришел ее срок, она оставила город в сильном страхе и скиталась в пустыне и бродила у края долины, пока не случилась у нее на пути пещера. Она вошла в это прибежище, а на следующий день была объята муками и дала рождение сыну. Вся пещера озарилась сиянием лика ребенка, словно светом солнца, и мать чрезвычайно возрадовалась. Ребенок, которого она родила, был наш отец Авраам.

И мать его опечалилась и сказала сыну: "Увы мне, что родила тебя, когда Нимрод царем. За тебя семьдесят тысяч младенцев мужского пола были убиты, и я объята страхом за тебя, что он услышит о тебе родившемся и убьет тебя. Лучше уж тебе погибнуть в этой пещере, нежели глаза мои увидят тебя умирающим у моей груди". Она взяла одеяния, в которые была облачена, и обернула вокруг сына. Затем она оставила его в пещере, сказав: "Да пребудет с тобой Господь, и не отступит Он от тебя и не оставит тебя".

Так Авраам был покинут в пещере без кормилицы и начал рыдать. И послал Господь Гавриила, чтобы дал ему молока, и повелел ангел молоку течь из мизинца правой руки ребенка, и тот сосал молоко, пока не исполнилось ему десять дней от роду. Тогда он поднялся и пошел и вышел из пещеры и пошел у края долины. Когда солнце опустилось и звезды явились на небе, он сказал: "Вот боги!" Но пришел рассвет и звезд не было более видно, и сказал он: "Не буду поклоняться им, ибо не боги они". Тогда взошло солнце, и он сказал: "Вот мой бог, его буду превозносить". Но вновь опустилось солнце, и он сказал: "Не бог оно", и узрел луну и назвал ее богом, которому будет выражать божественное почтение. Но луна побледнела, и он воскликнул: "И она не бог! Но есть Единый, кто приводит всех их в движение"»[8].

Черноногие из Монтаны рассказывают о юном победителе чудовищ Кут- о-исе, который был найден его приемными родителями, *когда старик и старуха варили в котле сгусток*

бизоньей крови. «Оттуда немедленно раздались крики плачущего ребенка, которому было больно, который обжегся и обварился. Они заглянули в котел, увидели там малыша и быстро вынули его. Они очень удивились. [...] А на четвертый день ребенок заговорил и сказал: "Привяжите меня ко всем столбам этого дома по очереди, и когда привяжете к последнему, я выскользну из веревок и стану взрослым". Старуха так и сделала, и когда она привязывала его к столбам, видно было, что он растет, и, наконец, когда они привязали его к последнему столбу, он стал взрослым мужчиной»[9].

* Племя североамериканских индейцев.

В фольклорных историях тема изгнания обычно дополняется или вытесняется мотивом презираемости или ущербности: оскорбляемый младший сын или дочь, сирота, пасынок или падчерица, гадкий утенок или низкородный оруженосец.

Девушка-пуэбло помогала матери разминать ногами гончарную глину и ощутила, как комок глины прилепился к ее ноге, но тут же позабыла об этом. «Через несколько дней девушка почувствовала, как что-то шевелится у нее в животе, но не могла даже предположить, что ждет ребенка. Она ничего не сказала матери. Но живот становился все больше и больше. Одним утром она почувствовала себя совсем больной, а после обеда у нее родилось дитя.

Только тогда мать впервые узнала, что ее дочь была беременна. Мать очень рассердилась, но, посмотрев на ребенка, она увидела, что это не ребенок — это было нечто круглое с двумя ручками, торчащими в стороны; это был маленький горшок. "Откуда это взялось?" — спросила ее мать. Но девушка только плакала. В это время пришел отец. "Не волнуйся, я очень рад, что у нее родился ребенок", — сказал он жене. "Но это не ребенок", — ответила жена. Тогда отец посмотрел на ребенка и увидел, что это небольшой горшок для воды. И этот маленький горшок ему очень понравился. "Он шевелится", — сказал отец. Маленький горшок рос очень быстро. Через двадцать дней он стал большим. Он играл с другими детьми и умел говорить. "Дедушка, возьми меня во двор, я хочу посмотреть на мир", — сказал он. И каждое утро дедушка выносил его во двор, чтобы он мог смотреть на детей, а дети его очень любили и выяснили, что он — мальчик, Мальчик-Горшок-для-Воды. Они узнали это из его собственных рас-сказов»[10].

Итак, ребенку судьбы приходится столкнуться с длительным периодом затмения. Это время предельных опасностей, препятствий и немилости. Его отбрасывает либо внутрь, в

собственные глубины, либо вовне, в неизвестное, и в обоих случаях он прикасается к непознанному мраку. Эта тьма является областью незаметного присутствия как благотворных, так и зловредных сущностей: перед ним возникает то ангел, то полезное животное, то рыбак, то охотник, то ведьма или крестьянин. Воспитанный животными или, подобно Зигфриду, вскормленный в подземелье гномов соком корней древа жизни, или же выросший в одиночестве в крошечной комнатке (эта история рассказывается в тысячах разновидностей), юный ученик мира усваивает уроки тех изначальных сил, которые пребывают непосредственно за границами сферы измеренного и имеющего название.

* Название американских индейцев, живущих в резервациях, а также самих резерваций. — *Прим.*перев.

Все мифы сходятся в том, что для того, чтобы выдержать подобный опыт, требуются невероятные способности. В этих историях младенцы обладают не по годам развитыми физической силой, сообразительностью и мудростью. Геракл задушил змею, посланную к его колыбели богиней Герой. Полинезийский Мауи поймал в ловушку и остановил солнце, чтобы его мать успела приготовить обед засветло. Авраам, как мы уже знаем, достиг познания Единого Господа. Иисус ставил в тупик мудрых старцев. Младенца Будду оставили однажды в тени дерева, и его няньки заметили, что тень дерева за весь день не сдвинулась с места, а дитя пребывало в йогическом трансе.

Подвиги любимого индийского спасителя Кришны, который в детстве был изгнан к стадам Гокулы и Бриндабана, составляют целый цикл ярких легенд. *Один демон по имени Путана предстал перед ним в облике прекрасной женщины с ядовитой грудью. Она вошла в дом Ясоды, кормилицы ребенка, вела себя очень дружелюбно и, наконец, поднесла ребенка к груди, чтобы покормить его. Но Кришна схватил ее грудь так сильно, что высосал всю ее жизнь, и она упала замертво, восстановив свои огромные и отвратительные формы. Однако когда ужасное тело сжигали, оно издавало сладкое благоухание, ибо, высасывая ее молоко, божественный младенец одарил дьяволицу спасением.*

Кришна был довольно озорным малышом. Ему нравилось опустошать горшки с творогом, когда молочницы спали. Он постоянно забирался на самые высокие полки, поедая и разливая расставленные там продукты. Девушки называли его Похитителем Масла и жаловались Ясоде, но Кришна всегда выдумывал какие-либо оправдания.

Однажды, когда он играл во дворе, его приемной матери сказали, что он попытался есть глину. Она явилась к нему с розгами, но он вытер губы и отрицал случившееся. Она заставила его открыть грязный рот, но, заглянув в него, увидела всю вселенную, «Три Мира». Она подумала: "Какая я глупая, раз вообразила, что мой сын может быть Владыкой Трех Миров". Затем зрелище было скрыто от нее, и в тот же миг все воспоминания о случившемся изгладились из ее памяти. Она приласкала малыша и отвела его домой.

Пастухи обычно поклонялись богу Индре, индусскому двойнику Зевса, владыки небес и богу дождя. Однажды, когда они совершали свои подношения, юный Кришна сказал им: "Индра не верховное божество, хотя он и владыка небес. Но он боится асуров. Более того, дождь и процветание, о которых вы молитесь, зависят от солнца, притягивающего к себе воду и позволяющего ей вновь падать вниз. На что способен Индра? Что ни случается, все определяется законами природы и духа". Потом он обратил их внимание к окрестным лесам, ручьям и холмам, и особенно к горе Говардхан, как к более достойным объектам их поклонения по сравнению с далеким повелителем воздуха. И тогда они поднесли цветы, плоды и сладкие фрукты горе.

И Кришна принял свой второй облик, образ бога гор, и принял подношения людей, оставаясь при этом в своей прежней форме среди них и поклоняясь вместе с ними горному повелителю. Бог принял подношения и отведал их [и].

Индра пришел в ярость, послал за царем туч и повелел ему обрушивать ливни на этих людей, пока всех их не смоет с лица земли. Сонмы грозовых туч возникли над этим местом, и начался потоп; казалось, близок конец света. Но юный Кришна исполнил гору Говардхан жаром своей неистощимой энергии, приподнял ее мизинцем и предложил людям укрыться под ней. Дождь низвергался на поверхность горы и с шипением испарялся. Ливень продолжался семь дней, но ни единая капля не коснулась группы пастухов.

Тогда бог Индра понял, что его противником является воплощение Изначального Существа. Когда на следующий день Кришна вышел пасти коров и начал играть на своей флейте, Царь Небес спустился к нему на огромном белом слоне Айравате, пал ниц у ног улыбающегося юноши и выразил ему свою покорность[12].

Завершение периода детства представляет собой возвращение или признание героя, когда, после длительного непонимания, обнаруживается его подлинная сущность. Этому

событию может предшествовать сильнейший кризис, поскольку в нем выявляется существование сил, несвойственных обычной человеческой жизни. Прежние представления раскалываются на части и исчезают; перед взорами предстает несчастье. И все же после мгновений очевидного разрушения в поле зрения вторгается созидательная ценность нового фактора, а мир вновь обретает свою форму в невиданной ранее славе. Эта тема распятия- воскрешения может разворачиваться либо на образе плоти самого героя, либо в проявлениях его воздействия на свой мир. Первый вариант обнаруживается в продолжении истории пуэбло о горшке для воды.

«Мужчины собрались на охоту на кроликов, и малыш Горшок-для-Воды тоже захотел пойти. "Дедушка, возьми меня с собой к подножию горы, я тоже хочу поохотиться на кроликов". "Бедный внучек, ты не можешь охотиться на кроликов, ведь у тебя нет рук и ног", — сказал дед. Но Горшок-для-Воды очень хотел пойти. "Возьми меня с собой. Ты старый и сам не справишься". Его мать заплакала, потому что у ее мальчика не было ни ног, ни рук, ни глаз, и они кормили его через горлышко горшка. На следующее утро дед взял его с собой к югу столовой горы. Тогда мальчик покатился вперед и очень скоро заметил следы кролика и пошел по его следу. Вскоре показался и сам кролик, и мальчик пустился в погоню. Но прямо на его пути оказался камень, Горшок ударился об него, разбился, и из него выскочил мальчик. Он был очень рад, что его скорлупа разбилась, и теперь он стал мальчиком, большим мальчиком. У него на шее висели длинные бусы, а еще на нем были бирюзовые серьги и танцевальная

юбка и мокасины и рубашка из оленьей кожи». Поймав множество кроликов,

,, 13

он вернулся и отдал их своему деду, который с ликованием привел его домой .

Космические энергии, пылающие в выдающемся ирландском воине Куху- лине — центральном герое средневекового уладского цикла, так называемого «Цикла Рыцарей Красной Ветви»[14]*, — внезапно взорвались и изверглись, ошеломив его самого и разрушая все вокруг. Согласно легенде, когда ему было четыре года, он отправился попытать счастья в соревнованиях на «юношеском собрании» при дворе его дяди, короля Конхобара. Взяв с собой медную клюшку, серебряный мяч, метательный дротик и игрушечное копье, он явился ко двору столицы Эмайн, и, не спросив ни у кого разрешения, нырнул в группу мальчиков — «числом трижды по пятьдесят, игравших клюшками на траве и упражняющихся в рукопашной во главе с сыном Конхобара*

Фолламайном». Присутствовавшие на поле начали бросать в него всем подряд. Кулаками, локтями, ладонями и маленьким щитом он отражал клюшки, мячи и копья, летевшие в него со всех сторон. Затем впервые в жизни им овладело бешенство воина (странное, характерное преображение, именуемое далее его "припадком" или "искажением"), и, прежде чем кто-то успел понять, что произошло, он уложил на землю пятьдесят лучших мальчиков. Пять групп юношей позорно спрятались за королем, который играл в фидхелл с Фергусом Сладкоречивым. Конхо- бар поднялся и в замешательстве задержал руку Кухулина, но тот не остановился, пока все юноши не оказались под надежной охраной и в безопасности[15].

Первый день приобщения Кухулина к оружию стал поводом к его полному самопроявлению. В нем не было никакого безмятежного контроля, ничего общего с той игривой иронией, которая ощущается в подвигах индийского Кришны. Напротив, переполняющая Кухулина сила в первый раз открылась не только окружающим, но и ему самому. Она вырвалась из глубин его существа, и тогда ему пришлось овладевать ею быстро и без подготовки.

Второй случай вновь произошел при дворе короля Конхобара, в тот день, когда Катбад Друид объявил в своем предсказании, что если какой-то юноша в этот день приобщится к оружию и доспехам, то его «имя превзойдет имена всех юношей Ирландии, но жизнь его, однако, будет скоротечной». Кухулин тотчас потребовал себе боевое снаряжение. Сила его была так велика, что он изломал семнадцать предложенных ему наборов оружия, пока Конхобар не предоставил ему собственные доспехи. Затем юноша сломал все предложенные ему колесницы, и лишь королевская оказалась достаточно прочной и выдержала его натиск.

Кухулин приказал возничему Конхобара отвезти его за далекий «Дозорный поток», и они достигли отдаленной крепости Дуна Сыновей Нехтана, где Куху-

* *Игра, подобная шахматам.* — Прим. перев.

лин отсек головы его стражей и укрепил их по бокам колесницы. На обратном пути он соскочил на землю и «благодаря легкому бегу и большой скорости» поймал двух огромных оленей. Метнув два камня, он сбил в воздухе две дюжины летящих лебедей. Оленей и птиц он также привязал к колеснице ремнями.

Леборхан Прорицательница с тревогой наблюдала за пышной процессией, приближающейся к городу и замку Эмайн. «Эта колесница украшена окровавленными

головами его врагов, — объявила она. — Прекрасные белые птицы вокруг колесницы сопровождают его и дикие непокорные олени привязаны к ней». «Я знал этого воина на колеснице, — сказал король, — еще маленьким мальчиком; сын моей сестры подступает сейчас к границам. Очевидно, что он обагрил свою руку, и если ярость его не будет своевременно успокоена, все юноши Эмайн погибнут от него». Немедленно принялись искать способ умерить его пыл, и такое средство было найдено. Полторы сотни женщин замка во главе с их предводительницей Скандлах, «разоблачили себя совершенно, вплоть до самых природных одеяний, и без каких-либо колебаний выступили навстречу ему». Юный воин, смущенный или, возможно, ошеломленный таким зрелищем женственности, потупил взор, и в тот же миг был схвачен мужчинами и погружен в бочку с ледяной водой. Клепки и обручи первой бочки разлетелись в стороны. Во второй приготовленной бочке вода выкипела, а в третьей стала всего лишь очень горячей. Так покорили Кухулина и спасли город[16].

«Воистину, был он прекрасным юношей: по семь пальцев было на ногах Кухулина и столько же на каждой руке; глаза у него были яркими и по семь зрачков было в каждом, и каждый зрачок переливался семью драгоценными искрами. На каждой щеке было по четыре родимых пятна: голубое, малиновое, зеленое и желтое. Меж одним ухом и другим было у него пятьдесят ярко-желтых длинных локонов, желтых, как пчелиный мед или как брошь белого золота, когда она сверкает, открытая солнцу. Носил он зеленую накидку, сцепленную серебряной пряжкой на груди, и шитую золотом рубаху»[17]. *Но когда его охватывал его припадок, или искажение, «он становился страшным и многоликим и волшебным и потому — неведомым существом».*

Весь он с головы до ног, вся его плоть и члены, суставы, конечности и сочленения содрогались. Передние жилы на его голове оттягивались назад к шее и набухали крупнее, чем голова одномесячного ребенка. «Один глаз вваливался у него так глубоко, что вряд ли даже дикая цапля смогла бы дотянуться до него, потому что он доходил почти до самого затылка; а второй глаз, напротив, внезапно выкатывался так, что оказывался чуть ли не на щеке. Рот его перекашивался и искривлялся, пока не встречался с ушами [...] и пылающие хлопья падали из него. Звучные удары сердца раздавались из его груди, словно рычание цепных псов, исполняющих свою службу, или же рев льва, разрывающего жертву. В туманных облаках над его головой видны были ядовитые ливни и вспышки красного пламени, вскипавшие над ним из-за его бешеной

ярости. Волосы вставали дыбом у него на голове [...] и если бы над ним раскачивалась цветущая яблоня, то можно заподозрить, что ни одно яблоко с нее не смогло бы достичь земли, но скорее накололось бы каждое на отдельный волосок — такими жесткими становились его волосы во гневе. Его "геройский припадок" проявлялся и на лбу, который становился больше и толще, чем точильный камень лучшего из людей, носящих оружие. [И, наконец,] выше, толще, тверже и больше, чем мачта большого корабля, был вертикальный фонтан темной крови, хлеставший из самой макушки его черепа прямо вверх и разливавшийся затем в четырех главных направлениях; и благодаря этому всюду распространялся волшебный туман, напоминающий дымчатую пелену, укрывающую королевские покои и указующую королю приближение начала ночи в зимний день»[18].

3. ГЕРОЙ КАК ВОИН

Место рождения героя или далекая страна изгнания, из которой он возвращается, чтобы исполнить свои зрелые подвиги среди людей, является срединной точкой, или Пупом Земли. Как рябь на поверхности воды вызывается подводным ключом, так формы Вселенной распространяются концентрическими кругами из ее источника.

«Над широкими неподвижными глубинами, под девятью сферами и семью этажами неба, в центральной точке, в Пупе Земли, в самом спокойном на земле месте, где луна не убывает и солнце не заходит, где царит вечное лето и раздаются нескончаемые крики кукушки, — там обрел сознание Белый Юноша». Так начинается геройский миф сибирских якутов. *Белый Юноша отправляется в путь, чтобы узнать, где он был и на что похожа его родина. К востоку от него простиралось огромное невозделанное поле, в центре которого возвышался высокий холм, а на вершине холма росло гигантское дерево. Смола этого дерева была прозрачна и пахла сладко, кора никогда не высыхала и не трескалась, сок отливал серебром, буйная листва никогда не увядала, а сережки напоминали связки перевернутых чаш. Крона дерева поднималась над семью этажами неба и служила шестом для верховного бога Юрюнг Айы Тойона; а корни дерева проникали в подземные бездны и служили там опорами жилищ мифических существ, обитающих в том мире. Шелестом листвы дерево вело беседу с существа неба.*

Когда же Белый Юноша обратился лицом к югу, он увидел в середине поросшей зеленой травой равнины тихое Молочное Озеро, поверхность которого никогда не возмущалась ветром; а вдоль берегов озера тянулись застывшие топи. К северу от юноши стоял

тенистый лес с деревьями, шелестящими день и ночь, а в ней обитали самые разные животные. Высокие горы поднимались за лесом, и казалось, что они украшены шапками из меха белого зайца; они подпирали небо и защищали это срединное место от северных ветров. Заросли кустарника простирались на западе, за ними стоял высокий еловый лес, а за лесом блистало множество одиноких скал с округлыми вершинами.

Таков был мир, в котором Белый Юноша увидел свет дня. Однако вскоре устал он от одиночества и направился к огромному дереву жизни. «Почтенная Высокая Владычица, Мать моего Дерева и Обители, — взмолился он. — Все живущее существует в парах и приумножается потомством, но я — один. Хочу отправиться сейчас и найти жену из моего рода; хочу померяться силами с теми, кто моего рода; хочу встретиться с людьми — чтобы жить согласно природе людей. Не откажи мне в своем благословении, покорно прошу. Склоняю свою голову и преклоняю колено».

Тогда листва дерева начала шептать, и мягкий молочно-белый дождь опустился с них на Белого Юношу, и ощутил он теплое дыхание ветра. Дерево заскрипело, и из-под корней его показалась женская фигура, видимая до пояса: женщина среднего возраста с пылким взором, распущенными волосами и нагой грудью. Богиня предложила юноше молоко из своей пышной груди, и, вкусив его, он почувствовал стократное увеличение силы. Тогда богиня пообещала юноше всяческого счастья и благословила его так, что ни вода, ни огонь, ни железо, ни что бы то ни было еще не могли навредить ему[19].

От этого срединного места герой отправляется осуществлять свое предназначение. Его зрелые свершения проливаются в мир созидательной силой.

Начал мудрый Вяйнамёйнен. Всколыхнулися озера, Горы медные
дрожали, Камни твердые трещали, Со скалы скала свалилась,
Раздроблялися утесы[20].

Строфы о герое-барде отражаются в магии слова силы; аналогичным образом, острие меча героя-воина вспыхивает энергией созидательного Источника, и перед ним рассыпаются скорлупы Изношенного.

Мифологический герой является поборником не уже существующего, но переходящего к существованию, и драконом, которого предстоит убить герою,

Рис. 17. Палеолитический петроглиф (Алжир)

является именно это чудовище статус-кво — «Клещ», хранитель прошлого. Герой возникает из забвения, но на троне власти восседает великий и полный подозрительности враг. Он враг, дракон и тиран, потому что оборачивает в свою личную пользу власть, дарованную его положением. Он «Клещ» не потому, что цепляется за *прошлое,* но потому, что *цепляется.*

Тиран горделив, и в этом кроется его погибель. Он горд, поскольку считает свою силу своей собственной; по этой причине он оказывается в роли шута, ибо ошибочно принимает призрачную тень за саму сущность. Его судьба заключается в том, чтобы быть обманутым. Мифологический герой, вновь возникающий из той тьмы, что является источником всех дневных форм, приносит с собой знание тайны гибели тирана. Жестом простым, словно нажатие кнопки, он уничтожает впечатляющие очертания правителя. Геройский подвиг представляет собой непрерывное разрушение застывающего мгновения. Цикл обращается, и мифология сосредоточивается на предстоящем. Характерной чертой живого Бога является преобразование, текучесть, но ни в коем случае не неподатливая тяжеловесность. Великий образ мгновения существует лишь для того, чтобы быть разрушенным, разрезанным на куски и расколотым на части. Если говорить кратко, то великан-тиран является защитником устойчивого факта, а герой — поборником созидательной жизни.

Период мировой деятельности героя в *человеческом* облике начинается только тогда, когда на земле образуются поселения и города. По удаленным районам продолжает рыскать множество чудовищ первобытной эпохи, которые противопоставляют себя человеческому сообществу по причине злобности или безумия. Землю необходимо очистить от них. Более того, возникают тираны из человеческого племени, незаконно захватывающие блага своих соседей, и они также становятся причиной широко распространяющихся невзгод. Их необходимо подавить. Первоначальные подвиги героя заключаются в очищении поля[21].

После того как Кут-о-иса, или «Сгусток Крови», вынули из котла и он возмужал в течение одного дня, он убил кровожадного зятя своих приемных родителей, а затем

выступил против обитающих в окрестностях великанов. Он истребил род жестоких медведей — за исключением одной самки, которой вскоре предстояло стать матерью. «Она так жалобно умоляла сохранить ей жизнь, что он оставил ее в живых. Не сделай он этого, в мире уже не было бы медведей». Затем он уничтожил племя змей, но вновь за исключением одной из них, «которая вот-вот должна была родить». После этого он неторопливо побрел по дороге, которая, как ему сказали, была очень опасной. «Когда он шел по ней, на него вдруг налетела сильная буря, подхватила его и принесла к пасти огромной рыбы. Это была всасывающая рыба, а буря была ее дыханием. Оказавшись в брюхе рыбы, он увидел там очень много людей. Большинство из них уже погибли, но были и живые. Он сказал этим людям: "Где-то здесь должно быть ее сердце. Нам нужно станцевать танец". И он раскрасил лицо белым, окружил глаза и рот черными кругами и привязал к голове нож из белого камня, так что его острие было обращено вверх. Принесли несколько трещоток, сделанных из копыт. Затем все люди начали танцевать. Сгусток Крови размахивал руками, как крыльями, и пел песни. Потом он поднялся и начал танцевать, подпрыгивая вверх-вниз до тех пор, пока нож на его голове не угодил рыбе в сердце и не распорол его. Потом Сгусток Крови вырезал дыру между ребрами рыбы и выпустил всех наружу.

И вновь Сгусток Крови сказал, что ему нужно отправляться в путешествие. Прежде, чем он вышел, люди предупредили его, сказав, что скоро он встретится с женщиной, которая предлагает всем посостязаться с ней в борьбе, но с ней нельзя даже заговаривать. Он не придал значения тому, что говорили люди, и не успел он пройти и нескольких шагов, как увидел женщину, которая попросила его подойти ближе. *"Нет,* — сказал Сгусток Крови, — *я спешу".* Однако, когда женщина в четвертый раз предложила ему подойти, он сказал: *"Хорошо, но тебе придется подождать, потому что я устал. Я хочу отдохнуть. Когда я отдохну, я подойду и буду бороться с тобой".* Пока он отдыхал, он увидел множество больших ножей, торчащих из земли и скрытых травой. Тогда он понял, что женщина убивала тех, с кем боролась, бросая их на эти ножи. Отдохнув, он подошел к ней. Женщина предложила ему бороться в том месте, где он видел ножи, но он сказал: "*Нет, я еще не совсем готов. Давай немного поиграем, прежде чем начнем"*. И они с женщиной стали играть, и он быстро обхватил ее, бросил на ножи, и они разрезали ее пополам.

Сгусток Крови продолжил свой путь и через некоторое время подошел к костру, у которого сидели старухи. Они сказали ему, что немного дальше он встретится с женщиной на качелях, но ему ни в коем случае не стоит кататься вместе с ней. Вскоре он пришел к тому месту и увидел качели на берегу стремительного потока. На качелях раскачивалась женщина. Он некоторое время наблюдал за ней и понял, что она убивает людей, раскачивая их на качелях и сбрасывая в воду. "*У тебя есть качели; позволь мне посмотреть, как ты раскачиваешься"*, — сказал он. "*Нет*, — ответила женщина, — *я хочу посмотреть, как будешь качаться ты"*. *"Хорошо*, — сказал Сгусток Крови, — *но сначала покажи мне, как это делать"*. *"Хорошо*, — ответила женщина. — *Я покажу тебе, а ты смотри. А потом посмотрим, как получится у тебя"*. И женщина начала раскачиваться над потоком, а он смотрел, как она это делает. Потом он сказал женщине: *"Пожалуйста, еще раз, пока я не буду готов"*, и как только женщина начала раскачиваться во второй раз, он обрезал лианы, и она упала в воду. А случилось это у Ручья Обрезанного Берега» [22].

Подобные свершения знакомы нам по приключениям Джека Победителя Великанов из детских сказок, а также по классическим легендам о подвигах таких героев, как Геракл и Тезей. Такие примеры часто встречаются и в легендах о христианских святых, как, например, в следующей очаровательной французской истории о Святой Марте.

«Жил в те времена на берегах Роны, в лесу между Авиньоном и Арлем, дракон — наполовину зверь, наполовину рыба, по размерам больше быка и длиннее коня, с зубами, острыми, как рога, и огромными крыльями по бокам. И это чудовище убивало всех путешественников и топило все лодки. Оно явилось морем из Галатии. Родителями его были Левиафан — чудовище в облике змеи, живущее в океане, — и Онагр — ужасная тварь, выросшая в Галатии, сжигающая огнем все, к чему ни прикоснется.

И вот, по горячим просьбам людей, Святая Марта отправилась к дракону. Обнаружив его в лесу пожирающим человека, она окропила его святой водой и осенила крестным знамением. В тот же миг чудовище покорилось и агнцем приблизилось к святой, а та обвязала его шею ремнем и отвела в ближайшую деревню. Там жители убили его камнями и посохами.

И, поскольку люди называли этого дракона Тараском, город получил название Тараскон в память об этом событии. А до той поры назывался он Нерлук

или, иначе, Черное Озеро, по причине дремучих лесов, окружавших в том месте реку» .

Воины-цари древности рассматривали убийство чудовищ как свою прямую обязанность. Действительно, образ сиятельного воина, выступающего против дракона, входил в огромную схему самооправданий всех крестовых походов. Например, невероятно самодовольными клинописными письменами покрыли бесчисленные памятные таблички в честь Саргона из Агаде, разрушителя древних городов шумеров, от которых произошла цивилизация его собственного народа.

«Саргон, царь Агаде, наместник богини Иштар, царь Киша, пашишу[24] *бога Ану, Царь Земли, великий* ишакку[25] *бога Энлиля: город Урук он разбил и стену его он разрушил. С людьми Урука он сражался и пленил их и в оковах провел его сквозь врата Энлиля. Саргон, царь Агаде, сражался с народом Ура и покорил его; город его он разбил и стену его он разрушил. Э-Нинмар он разбил и стену его он разрушил и все его пространство, от Лагаша до моря, он разбил. Оружие свое он омыл в море [...]».*

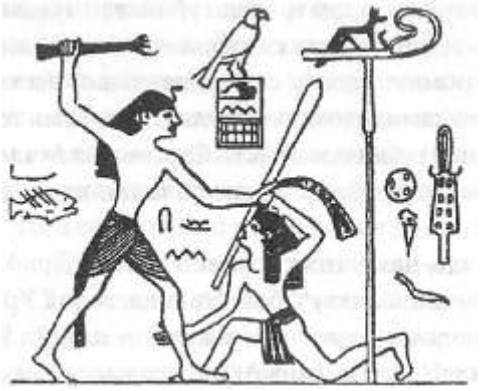
4. ГЕРОЙ КАК ВОЗЛЮБЛЕННЫЙ

Первенство, отобранное у врага, свобода, завоеванная у злобного чудовища, жизненная энергия, вырванная из хватки тирана «Клеща», — все это символизируется образом женщины. Она становится девой, ради которой уничтожаются бесчисленные драконы, невестой, похищаемой у ревнивого отца, девственницей, спасаемой от нечестивого влюбленного. Она является «второй половиной» самого героя, ибо «каждый есть оба»: если он занимает положение владыки мира, то она — этот мир; если он воин, то она — слава. Она олицетворяет его предназначение, которое ему необходимо освободить из темницы складывающихся обстоятельств. Но если он не ведает собственной судьбы или обманывается ложными соображениями, никакие его усилия не смогут превозмочь эти препятствия[26].

Рис. 18. Царь Тен (Египет, Первая Династия, ок. 3200 г. до н. э.) разбивает голову военнопленному

Великолепный юноша Кухулин, состоящий при дворе своего дяди, короля Конхобара, вызывал у местной знати беспокойство за благочестие их жен. Они решили, что ему следует найти себе собственную жену. Во все провинции Ирландии отправились посланцы короля, но им не удалось найти ни одной девушки, которая бы ему понравилась. Тогда Кухулин сам выбрал девушку, с которой познакомился в Луглохта Лога, «Садах Луга». Он нашел ее на поле для игр в компании младших сестер, которых

она обучала шитью и изящному рукоде лию. Эмер подняла миловидное лицо, узнала Кухулина и сказала: «Да охранят тебя боги от любой напасти!»



Когда отцу девушки, Форгаллу Коварному, сообщили, что эти двое беседовали друг другом, он устроил так, что Кухулина отправили изучать боевое искусство у Доналла Мужественного из Альбы, и решил, что юноша уже не вернется оттуда. Доналл же поставил перед Кухулином новую задачу: совершить невозможное путешествие к женщине-воину Скатах и заставить ее научить его ее искусности в сверхъестественной доблести. Героическое путешествие Кухулина с необычайной простотой и ясностью демонстрирует все важнейшие элементы классического выполнения невозможной задачи.

Его путь пролегал через долину неудач: в первой ее половине стопы человека крепко прилипали к земле, а во второй под ним вырастала трава, цепко хватающая своими кончиками за ноги. Но появился прекрасный юноша, одаривший Кухулина колесом и яблоком. По первой половине пути через долину впереди него катилось колесо, а по второй — яблоко. Кухулину оставалось только следовать в указуемом ими направлении и не делать ни шага в стороны, и так он сумел пересечь узкую и опасную горную долину.

Жилище Скатах находилось на острове, и единственным подходом к этому острову являлся трудный мост: края его были низкими, а середина очень высокой, и когда кто-либо прыгал на один его край, второй поднимался вверх и опрокидывал человека на спину. Три раза Кухулин был отброшен назад. Затем началось его знаменитое «искажение», и, собравшись с силами, он шагнул на край и сделал геройский прыжок и приземлился на самой середине моста; не успел второй край моста подняться, как Кухулин уже достиг его и, прыгнув вперед, оказался на острове.

Как это часто случается с чудовищами, у женщины-воина Скатах была дочь, и эта молодая девушка, пребывающая в полной изоляции на острове, никогда ранее не видела такой красоты, какой блистал юноша, спускающийся к крепости ее матери. Узнав от

юноши о его планах, она описала ему, как лучше всего убедить ее мать, чтобы та научила его тайнам сверхъестественной доблести. Ему следовало приблизиться своими огромными геройскими прыжками к большому тисовому дереву, где Скатах обучала своих сыновей, приставить к ее груди меч и огласить свое требование.

Последовав этим указаниям, Кухулин завоевал обучение способностям кол- дуньи-воина, женитьбу на ее дочери без выплаты залога за невесту, знание своего будущего, а также любовную связь с самой волшебницей. Он оставался там целый год, в течение которого помог обитателям острова в великой битве с амазонкой Айфе, которая родила ему сына. Наконец, убив ведьму, которая начала препираться с ним на узкой тропе, ведущей вдоль края ущелья, он направился домой, в Ирландию.

Еще одно приключение, связанное с битвой и любовью, — *и Кухулин возвращается, чтобы обнаружить, что Форгалл Коварный все еще настроен против него. На сей раз герой просто забирает его дочь с собой, и они женятся при дворе короля. Само путешествие обеспечило его возможностями уничтожить любое потенциальное сопротивление. Единственным источником раздражения Кухулина стал дядя, король Конхобар, воспользовавшийся своим королевским правом первой ночи, прежде чем официально передать невесту жениху*[27].

Мотив сложной задачи как необходимого условия достижения брачного ложа пронизывал геройские подвиги во все времена и по всему миру. В историях этого типа родитель исполняет роль «Клеща», а искусное решение невыполнимой задачи героем можно сравнить с уничтожением дракона. Предлагаемые ему испытания безмерно трудны. Они выглядят так, словно воплощают собой полное нежелание душегуба-отца позволить жизни течь своим чередом; однако, когда появляется подлинно достойный претендент, ни одна задача в мире не может противостоять его искусству. Неожиданные помощники и чудеса пространства и времени подталкивают его к выполнению плана; сама судьба (девушка) протягивает ему руку и выдает ему слабейшее звено в обороне родителей. Препятствия, оковы, пропасти и прочие противостоящие факторы исчезают при внушительном появлении героя. Взор того, кому предопределено победить, мгновенно подмечает крошечные щели в любом оплоте обстоятельств, и он наносит точный удар, превращающий ее в проход.

Наиболее выразительной и далекоидущей особенностью красочного путешествия Кухулина является тот единственный и невидимый путь, который открывается перед

героем с помощью катящихся колеса и яблока. Их следует понимать как символические и наставляющие олицетворения чуда предопределенности. Перед человеком, который не отходит в сторону от самого себя, не погружается в суждения, основанные на внешнем облике того, что он видит, но отважно откликается на динамику собственной внутренней природы, — для человека, который является, по словам Ницше, «колесом, вращающимся само по себе», — исчезают любые трудности, а впереди открываются неожиданные просторные пути.

5. ГЕРОЙ КАК ИМПЕРАТОР И ТИРАН

Герой действия является агентом цикла, продолжающим живое мгновение той движущей силы, которая изначально подтолкнула мир. Поскольку наши глаза неспособны постичь парадокс двойной перспективы, мы считаем, что подвиг совершается сильной рукой в условиях опасности и страшной боли, тогда как с иной точки зрения он представляет собой — как в рассмотренном архетипическом «убийстве дракона», уничтожении Тиамат Мардуком, — всего лишь приведение в исполнение неизбежного.

Однако величайшим героем является не тот, кто просто поддерживает динамику космогонического круга, но тот, кто вновь раскрывает глаза, чтобы во всех появлениях и исчезновениях, радостях и агониях панорамы мира можно было опять увидеть Единую Сущность. Это требует более проникновенной мудрости, чем в иных случаях, и приводит не к образу бурных сражений, а к примечательной модели мироустройства. Символом первой схемы является несущий добро меч, а второй — скипетр власти или книга закона. Характерным приключением героя первой модели является завоевание невесты — и этой невестой является жизнь. В путешествии второго героя главным действием становится возвращение к отцу — и этот отец представляет собой незримую неизвестность.

Путешествия второго типа непосредственно вкладываются в схему религиозной иконографии. Даже в простой народной сказке можно неожиданно обнаружить отголоски такой глубины, когда однажды сын девственницы спрашивает свою мать: «Кто мой отец?» Этот вопрос затрагивает проблему мужчины и незримого, и за ним с неизбежностью следует уже знакомый нам мифологический мотив воссоединения.

Герой пуэбло, Горшок-для-Воды задал этот вопрос своей матери. «"Кто мой отец?" — спросил он. "Я не знаю", — сказала она. Он снова спросил ее: "Кто мой отец?", но она

продолжала плакать и не ответила. "Где дом моего отца?" — спросил он. Она не могла ответить ему. "Завтра я пойду искать своего отца". — "Ты не сможешь найти его, — сказала она. — У меня никогда не было парней, так что нет такого места, где ты мог бы найти своего отца". Но мальчик сказал: "У меня есть отец, я знаю, где он живет, и собираюсь повидать его". Мать не хотела, чтобы он уходил, но он твердо решил идти. Поэтому ранним утром она приготовила ему еду, и он отправился на юго-восток, к ручью, который называли Вайю-повиди, Лошадиная Гора. Он подошел к этому ручью, и увидел, как кто-то идет неподалеку от воды. Мальчик подошел к нему. Это был мужчина. Он спросил мальчика: "Куда ты идешь?" "Я иду искать своего отца", — сказал мальчик. "Кто твой отец?" — спросил человек. "Мой отец живет в этом ручье". — "Ты никогда не найдешь своего отца". — "Что ж, но я хочу войти в ручей, он живет там, внизу". "Кто твой отец?" — опять спросил человек. "Что ж, я думаю, ты мой отец", — сказал мальчик. "Почему ты решил, что я твой отец?" — спросил мужчина. "Я знаю, что ты мой отец". Тогда человек сердито посмотрел на него, пытаясь испугать его. Но мальчик продолжал твердить: "Ты мой отец". Очень скоро человек сказал: "Да, я твой отец. Я вышел из ручья, чтобы встретиться с тобой". И он обнял мальчика за шею рукой. Его отец был очень рад, что его мальчик пришел к нему, и он взял его с собой в ручей»[28].

Когда цель усилий героя заключается в том, чтобы найти своего неизвестного отца, основной символикой путешествия остается мотив испытаний и пути самораскрытия. В приведенном выше примере испытание сводится к настойчивым расспросам и пугающему взгляду. В описанной ранее легенде о жене- моллюске сыновей испытывают бамбуковыми ножами. В нашем обзоре путешествий героев мы уже увидели, до какой степени жестокими могут быть отцы. Для паствы Джонатана Эдвардса отец обернулся настоящим великаном-людоедом.

Благословенный отцом герой возвращается, чтобы стать отцом среди людей. Его слово как слово наставника (Моисей) или императора (Хуан-Ди) становится законом. Поскольку теперь он сосредоточен на источнике, он способен сделать видимыми покой и гармонию этого срединного места. Он является отражением Мировой Оси (Мировой Горы, Мирового Дерева), от которой распространяются концентрические круги; он становится совершенным микрокосмическим зеркалом макрокосма. Видеть его означает

воспринимать смысл бытия. От его личности исходят блага, а слово его есть ветер жизни.

Впрочем, в характере такого представителя отца могут происходить и ухудшения. Подобный перелом описан в легенде зороастрийской Персии об Императоре Золотого Века Джамшиде:

Однажды, глянув на престол бесценный. Он лишь себя увидел во вселенной. Тогда-то возгордился государь, От Бога отвратился государь. «Я благо мира создал сам, — сказал он, — Мир — это я, — седым князьям сказал он. — Я пожелал, — и вспыхнул знанья свет, Вовек мне равных не было и нет. Я землю разукрасил, успокоил, И мир таков, как я его устроил. Я дал вам сон, и пищу, и покой. Ваш труд, надежды — под моей рукой. Исполнен власти, царского блистанья, Я, только я, — правитель мирозданья». [...] Но слово молвил царь, — и божью милость Утратил он, и смута воцарилась. Едва лишь Бога прогневит гордец, Приходит гибель — и всему конец! Сказал сказитель мудрый, вдохновенный: «Когда ты царь, служи Творцу Вселенной, А перестанешь быть Ему слугой, Ты потеряешь силу и покой». Затмился день царя, пришло ненастье, Погас для мира светоч царской власти[29].

Прекратив связывать благодеяния своего правления с их трансцендентальным источником, император утрачивает возможность объемной точки зрения, в сохранении которой и заключается его роль. Он перестает быть посредником меж двумя мирами. Перспектива видения человека становится плоской, и в нее вмещается только человеческая часть уравнения, тогда как восприятие божественной силы незамедлительно исчезает. Теряется поддерживаемая ранее идея общности. Сила является тем единственным, что укрепляет ее. Император же превращается в тирана-душегуба (Ирод-Нимрод), узурпатора, от которого теперь необходимо спасать мир.

6. ГЕРОЙ КАК СПАСИТЕЛЬ МИРА

Следует различать два уровня инициации:, происходящих во владениях отца. После посвящения первого уровня сын возвращается в мир как посланник, но после второго он приходит назад со знанием того, что «Я и Отец — одно» . Герои, поднявшиеся на этот второй уровень, к высочайшему прозрению, становятся спасителями мира, так называемыми воплощениями в самом возвышенном смысле этого слова. Их мифы

разворачиваются в космических масштабах. Их слова несут власть большую, чем что-либо изреченное героями скипетра и книги.

«Все вы, смотрите на меня. Не оглядывайтесь, — говорит герой племени джикарилла апачи, Убийца Врагов. — Слушайте, что я говорю. Мир так же велик, как мое тело. Мир так же велик, как мое слово. И мир так же велик, как мои молитвы. Небо не больше, чем мои слова и молитвы. Времена года не более велики, чем мое тело, мои слова и моя молитва. То же и с водами: мое тело, мои слова, моя молитва — больше, чем воды.

Тот, кто верит мне, кто слушает, что я говорю, будет жить долго. Тот, кто не слушает, кто замышляет злые мысли, будет жить недолго.

Не думайте, что я на востоке, на юге, на западе или на севере. Земля — мое тело. Я там. Я повсюду. Не думайте, что я остаюсь только под землей или высоко в небе, или только во временах года, или на другом берегу вод. Все они — мое тело. Истина в том, что подземный мир, небо, времена года, воды — все это мое тело. Я повсюду.

Я уже дал вам то, что вам следует принести мне как приношение. У вас есть два вида курительных трубок, у вас есть горный табак»[30].

Деятельность воплощенного заключается в том, чтобы опровергнуть своим существованием притязания тирана-душегуба, который перекрывает источник благоволения тенью своей ограниченной личности. Воплощенный, который совершенно свободен от подобного эгоистического сознания, являет собой прямую манифестацию закона. Он разыгрывает героическую жизнь в грандиозных масштабах — совершает подвиги, уничтожает чудовищ, — но все эти освободительные деяния свершаются лишь для того, чтобы сделать явным для человеческого глаза то, что он мог бы с равным успехом исполнить одной только мыслью.

Иоан. 10:30. — *Прим. перев*

Канса, жестокий дядя Кришны и узурпатор трона его отца в городе Матху- ра, услышал однажды обращающийся к нему голос: «Враг рожден, смерть твоя неизбежна». Чтобы защититься от этого индийского двойника Нимрода, Кришна и его старший брат Баларама воодушевили пастухов, пребывая еще в утробе матери. Тогда Канса послал за ними демонов — первой из них была Путана с отравленным молоком в груди, — но все они погибают. После того как его злые замыслы провалились, Канса решил заманить юношей в свой город. К пастухам явился посланец, предложивший им

совершить жертвоприношение и отправиться в великое паломничество. Приглашение было принято. Пастухи и вместе с ними два брата явились к городским стенам и расположились под ними лагерем.

Кришна и его брат Баларама отправились посмотреть на чудеса города. В нем были огромные сады, дворцы и гробницы. Они встретили человека, несущего выстиранную одежду, и попросили у него красивые одеяния, а когда он засмеялся и отказал им, они забрали одежду силой и страшно развеселились. Затем какая-то горбунья умоляла Кришну позволить ей растереть по его телу сандаловую мазь. Он же подошел к ней, наступил обеими ногами на ее ступни, приложил два пальца под ее подбородок и поднял его, сделав ее стройной и прекрасной. И он сказал: «Когда я убью Кансу, я вернусь и буду с тобой».

Братья пришли к пустой площадке для игр. Там был установлен лук Шивы, огромный, как три пальмовых дерева, большой и тяжелый. Кришна подошел к луку, натянул его, и лук сломался со страшным треском. Канса услышал этот звук в своем дворце и устрашился.

Тиран приказал своим воинам убить братьев прямо в городе. Но юноши ускользнули от солдат и вернулись в свой лагерь. Они рассказали пастухам о своем захватывающем путешествии по городу, поужинали и улеглись спать.

Той ночью Кансе приснился зловещий сон. Проснувшись, он приказал приготовить стадион к соревнованиям, и трубы огласили о них по всему городу. Кришна и Баларама прибыли туда под видом жонглеров и в сопровождении своих друзей, пастухов. Когда они вошли в ворота, на них бросился разъяренный слон, могучий, как десять тысяч обычных слонов. Всадник направил его прямо на Кришну. Но Баларама так сильно ударил слона кулаком, что тот остановился как вкопанный и попятился назад. Наездник вновь повел зверя вперед, но два брата ударили слона оземь, и он мгновенно умер.

Юноши вышли на игровое поле. Каждый зритель видел то, что открыла ему его собственная природа: борцы увидели в Кришне борца, женщины посчитали его сокровищем среди драгоценностей, боги признали в нем своего владыку, а Канса решил, что это Мара, сама Смерть. Когда Кришна одолел всех выходивших против него борцов и напоследок задушил самого сильного из них, он прыгнул на царский помост, схватил тирана за волосы и убил его. Люди, боги и святые были восхищены, но царские жены

начали оплакивать царя. Увидев их горе, Кришна успокоил их своей изначальной мудростью: «Матери, — сказал он, — не печальтесь. Никто не может ни жить, ни умирать. Считать себя обладающим чем-то означает ошибаться; никто не отец, никто не мать, никто не сын. Есть только непрерывный круг рождения и смерти»[31].

Легенды о спасителе описывают период опустошения как вызываемый моральным падением человека (Адам в Саду, Джамшид на троне). И все же, с точки зрения космогонического цикла, постоянное чередование доброго и дурного является характерной особенностью театра времени. История народов подобна истории самой Вселенной: появление ведет к исчезновению, юность к старости, рождение к смерти, формосотворяющая жизненная сила — к мертвой тяжести инертности. Жизнь вздымается, как волна прилива, ввергает себя в формы, а затем убывает, оставляя после себя обломки кораблекрушения. Золотой Век, правление императора мира, перемежается в согласии с ритмом каждого мига жизни, бесплодными землями, царством тирана. Бог, который ранее был творцом, превращается в конце концов в разрушителя.

С этой точки зрения тиран-душегуб является не менее правомерным олицетворением отца, чем предшествующий ему владыка мира, престол которого он захватил, или блистательный герой (сын), которому предстоит свергнуть тирана. Тиран является символом упрочения, тогда как герой представляет собой носителя перемен. И, как каждое новое мгновение времени бурно освобождается от оков предшествующего момента, так и этот дракон, «Клещ», всегда изображается представителем предыдущего поколения по отношению к спасителю мира.

В прямолинейном выражении деятельность героя заключается в том, чтобы уничтожить упорствующий аспект отца (дракона, царя-душегуба или коварного испытующего) и освободить от его оков жизненную энергию, способную придать новые силы Вселенной. «Этого можно добиться либо в согласии с волей Отца, либо против его воли; он [Отец] может "предпочесть смерть во имя детей своих", но может случиться и так, что Боги нашлют на него гнев, превратив его в объект жертвоприношения. Эти доктрины не противоречивы — они представляют собой различные способы выражения одной и той же истории: на самом деле, Убийца и Дракон, приносящий жертву, и сама жертва относятся к единому разуму, скрывающемуся за сценой действия, где нет разделения на противоположности, хотя они и являются смертельными врагами на сцене, где разыгрывается вечная битва Богов и титанов. В любом случае, Дракон-Отец остается

огнедышащим, и хотя его дыхание ослабляет его, он немедленно подкрепляет силы новыми обретениями. Он — Смерть, от которого зависит жизнь, и на вопрос: "Существует ли одна Смерть, или их много?" можно ответить: "Он один в той форме, в какой существует, но их много, ибо он пребывает в своих детях"»[32].

Герой вчерашний становится тираном дня сегодняшнего — если только сегодня же он *сам* не распнет себя.

С позиции настоящего, в подобном мнении о будущем сквозит такое отчаяние, что она выглядит почти нигилистичной. Слова Кришны, спасителя мира, обращенные к женам мертвого Кансы, несут в себе пугающий подтекст; тот же намек чувствуется и в словах Иисуса: «Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч. Ибо Я пришел разделить человека с отцем его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее. И враги человеку — домашние его. Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня»[33].

Чтобы оградить неподготовленного слушателя, мифология скрывает подобные окончательные откровения под полупрозрачными масками, несмотря на то что постепенно продолжает усиливать их поучительную форму. Спаситель, устраняющий отца-тирана и принимающий царский венец на себя, вступает на место отца, подобно Эдипу. Чтобы смягчить тяжесть отцеубийства, легенда представляет такого отца жестоким дядей героя или узурпатором Ним- родом. Однако затуманенный факт продолжает оставаться здесь. И, как только он прорывается на поверхность, разворачивается весь спектакль: сын убивает отца, но сын и отец есть одно. Загадочные образы возвращаются к изначальному хаосу. Такова мудрость конца (и нового начала) мира.

7. ГЕРОЙ КАК СВЯТОЙ

Прежде чем мы перейдем к последнему событию жизни, следует уделить внимание еще одному типу героя — святому или аскету, отрекшемуся от мира.

«Соединившийся с высшим Разумом, очищенный, победивший себя стойкостью, оставивший звук и другие предметы чувств, сбросивший с себя страсть и вражду; пребывающий в одиночестве и воздержании, покоривший свою речь, свое тело и ум, постоянно сосредоточенный в размышлении и йоге, избравший приют в бесстрастии; отринувший самость, насилие, заносчивость, желание, гнев, жадность, исполненный

мира и бескорыстия, такой человек достоин стать Брахманом [единым с Непреходящим]»[34].

Схема остается той же, что и при возвращении к отцу, но в данном случае герой переходит к непроявленному, а не к проявленному аспекту, делает тот шаг, от которого отказался Бодхисаттва, — шаг туда, откуда нет возврата. Причиной этого является не парадокс двойственной перспективы, но окончательное требование Незримого. Эго полностью сжигается. Подобно увядшему листу на ветру, тело продолжает двигаться по земле, но душа уже растворилась в океане блаженства.

В результате своего мистического опыта во время мессы в Неаполе Фома Аквинский отложил свое перо и чернила на полку и оставил последние главы своей «*Summa Theologica*» другой руке. «Дни моего творчества, — сказал он, — закончены; ибо такое открылось мне, что все, о чем я писал и чему учил, кажется мне теперь незначительным, и по этой причине я уповаю на своего Господа в том, что даже если пришел конец моему учению, оно вскоре войдет в мою жизнь». Он умер вскоре после этого, в возрасте сорока девяти лет.

Эти пребывающие вне жизни герои остаются и за пределами мифа. Они уже никак не связаны с ним, а миф не способен надлежащим образом описать их. Легенды о них продолжают рассказывать, но все вкладываемые в них религиозные чувства и уроки, извлекаемые из их биографий, неизбежно становятся несоразмерными, чем-то таким, что немногим лучше превращения возвышенного в комичное. Эти герои отступают от мира форм, в который нисходят воплощения и в котором остался Бодхисаттва, от царства *проявленного* профиля «Великого Лика». Но, как только героем обнаружена *скрытая* часть этого лица, предпоследним словом становится миф, а последним — безмолвие. В тот миг, когда дух переходит к скрытому, его окружает полная тишина.

* * *

Царю Эдипу довелось узнать, что женщина, на которой он женился, — его мать, а убитый им мужчина — его отец. Он вырвал себе глаза и, наказывая себя, отправился скитаться по миру. Последователи Фрейда утверждают, что каждый из нас непрерывно, хотя и бессознательно, убивает своего отца и женится на своей матери: наша личная жизнь и общественная цивилизация основаны на различных окольных и символических способах осуществления этого и рациональных объяснениях неизбежных последующих действий. Возникни у наших чувств возможность осознать реальный смысл наших

действий и мыслей в мире, мы познали бы то, что постиг Эдип, и наша плоть внезапно предстала бы перед нами океаном самоуничтожения. Таково содержание легенды о Папе Григории Великом, рожденном от кровосмешения и жившем в кровосмешении. Пораженный ужасом, он мчится к скале, возвышающейся среди волн и накладывает на себя епитимью на всю оставшуюся жизнь.

И тогда дерево жизни становится крестом; сосущий грудное молоко Белый Юноша превращается в Распятого, глотающего уксус, смешанный с желчью. Разложение распространяется там, где прежде расцветала жизнь. И все же за этим пересечением порога — ибо крест является путем (солнечной дверью), а не концом — героя ожидает блаженство в Боге.

«Запечатлена я Ним, дабы мне не предпочесть Ему никакой любви.

Зима миновала, горлица поет, виноградная лоза распускается.

Обручена я Господу Иисусу Христу — перстень Его на мне, и увенчана я Ним Самим венцом невесты Его.

Одеяние, коим облечена я Господом, — одеяние блистающее, шито золотом, и ожерелью, коим Он украсил меня, нет цены»[35].

8. УХОД ГЕРОЯ

Последним актом биографии героя является его смерть или уход. В нем сжато выражается все содержание его жизни. Нет нужды говорить, что герой не был бы героем, если бы смерть внушала ему хоть малейший страх; первым условием героизма является примирение со смертью.

«Сидя в дубраве Мамре, Авраам узрел вспышки света и почувствовал сладкое благоухание, и обернулся, и увидел Смерть, идущую к нему в великой славе и красоте. И Смерть сказала Аврааму: "Не думай, Авраам, что красота эта моя всегда и что такой я являюсь каждому. Нет, но только к такому праведному, как ты, надеваю я этот венец и прихожу к нему, но если он грешен, я прихожу в великом разложении и ношу на главе своей венец из их грехов, и потрясаю их великим страхом, и они ужасаются". Авраам же сказал ей: "Воистину ли ты та, кого называют Смертью?" И она ответила, сказав: "Воистину, я ношу это горькое имя", но Авраам сказал: "Я не пойду с тобой". И Авраам сказал Смерти: "Яви нам свое разложение". И Смерть явила свое разложение, показав две головы, одну с лицем змеи, а вторую подобную мечу. Все слуги Авраама, увидев ужасное обличье Смерти, умерли, но Авраам молился Господу и поднял их. И по

той причине, что обличья Смерти не могли заставить душу Авраама пойти с ней, Господь извлек душу Авраама, словно во сне, и архангел Михаил проводил ее к небесам. После великой хвалы и славы, которую воздали Господу ангелы, принесшие душу Авраама, и после того, как Авраам склонился в поклонении, раздался глас Божий, сказавший так: "Возьмите Моего друга Авраама в Рай, где шатры Моих праведных и обители Моих святых Исаака и Якова в его лоне, где нет ни горя, ни печали, ни вздохов, но лишь покой и веселие и жизнь бесконечная"»[36].

Ил. XXIII. Колесница Луны (Камбоджа)

Сравним со следующим сновидением: *«Я был на каком-то мосту и встретил там слепого скрипача. Все бросали в его шляпу монетки. Я подошел ближе и заметил, что этот музыкант не слепой. Он косил и время от времени украдкой поглядывал на меня искоса. Неожиданно у края дороги возникла старуха. Она была вся в черном, и я испугался. "Куда же ведет эта дорога?" — подумал я. Мимо меня проходил молодой сельский парень, и он схватил меня за руку. "Хочешь пойти домой, — спросил он, — и выпить кофе?" "Отпусти! Мне больно!" — закричал я и проснулся»*[37].

Герой, воплощавший двойственную перспективу своей жизнью, остается таким синтезирующим образом и после смерти; подобно Шарлеманю, он только спит и восстает ото сна в предназначенный срок — или же всегда пребывает рядом с нами в ином облике.

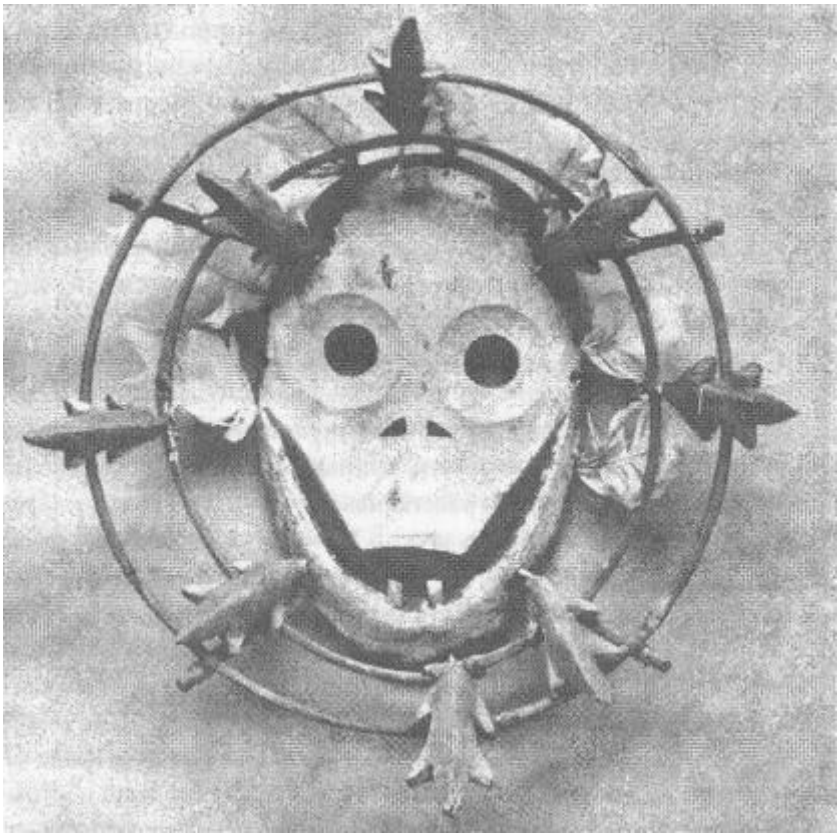
Ацтеки рассказывают о Пернатом Змее Кецалькоатле, правителе древнего города Толлан в золотой век процветания. Он был учителем искусств, изобретателем

календаря и даровал людям маис. В конце его эпохи он и его народ были покорены сильнейшей магией вторгнувшейся расы ацтеков. Тескатлипока, ге- рой-воин более молодого народа и новой эпохи, разрушил Толлан, а Пернатый Змей, царь золотого века, сжег за собой свои дворцы, зарыл свои сокровища в горах, превратил кофейные деревья в бобовые побеги, приказал разноцветным птицам, своим слугам, лететь вперед и удалился в великой печали. И он пришел в город под названием Каутитлан, где росло очень высокое дерево; и он подошел к дереву, сел под ним и посмотрел в принесенное ему зеркало. «Я стар», — сказал он, и это место назвали «Старый Каутитлан». Вновь остановившись на отдых в другом месте и оглянувшись назад, в направлении своего Толлана, он заплакал, и его слезы просочились сквозь камень. Он оставил на этом месте следы своего пребывания и отпечатки ладоней.

Затем на пути ему встретилась группа черных магов, которые не позволяли ему двигаться дальше, пока он не поделился с ними знаниями об обработке серебра, дерева и перьев и об искусстве живописи. Когда он пересекал горы, все его спутники — карлики и горбуны — погибли от холода. Затем он столкнулся со своим противником Тескатлипокой, который победил его в игре в мяч. В другом месте он поразил стрелой большое дерево почотль*; стрела его тоже представляла собой целое дерево* почотль*, поэтому, когда он пронзил первое дерево вторым, образовался крест. Так он шел вперед, оставляя за собой множество знаков и мест, названных в его честь, пока не пришел наконец к морю и не отплыл от берега на плоту из змей. Неизвестно, как он добрался до места назначения, Тлапаллана, его изначальной родины*[38].

Согласно другой версии, на берегу он принес себя в жертву на погребальном костре, и из пепла поднялись птицы с разноцветными крыльями. Душа же его стала Утренней Звездой[39].

Исполненный жажды жизни герой способен противостоять смерти и на некоторое время отдалить свою судьбу. В эпосах описано, как *спящий Кухулин услышал крик «столь ужасный и пугающий, что он мешком свалился с постели на землю в восточном крыле своего дома». Он выскочил наружу безоружным, а за ним выбежала его жена Эмер с оружием и доспехами в руках. Кухулин увидел колесницу, запряженную одноногим гнедым конем; дышло пронзало его насквозь и выходило изо лба. В колеснице восседала женщина с красными бровями, облаченная в малиновую накидку. Рядом верхом на корове ехал огромный человек в малиновых одеждах, с разветвленным посохом из орешника.*



Ил. XXIV. Осень (Аляска)

*Кухулин позвал эту корову, словно свою собственную, женщина оспорила его право, и тогда Кухулин спросил, почему заговорила она, а не этот большой * человек. Она ответила, что этот человек — Уар-гаэт-сео Луахайр-сео . «Воистину, — сказал Кухулин, — размер этого имени поразителен!» «Женщину, с которой ты говоришь, — сказал большой человек, — зовут Фэбор бег-беойл куимдиуйр фолт сеуб-гайрит сео уат ». «Вы меня дурачите», — сказал Кухулин. И он*

В оригинале: Uar-gaeth-sceo Luachair-sceo. — Прим. перев.

прыгнул в колесницу, поставил обе ноги на плечи женщины и нацелил копье на пробор в ее волосах. «Не играй передо мной своим заточенным оружием!» — сказала она. «Тогда скажи мне свое настоящее имя», — потребовал Кухулин. «Отойди от меня, — сказала она. — Я женщина-сатирист и получила эту корову в качестве награды за стихи». «Давай-ка послушаем твои стихи», — сказал Кухулин. «Сначала отойди подальше, — ответила женщина, — оружие над моей головой смущает меня».

Кухулин отошел и оказался между двумя колесами колесницы. Женщина спела оскорбительную и язвительную песню в его адрес. Он рассвирепел, но в тот же миг конь, женщина, колесница, человек и корова исчезли, а на ветке дерева появилась черная птица.

«Да ты опасная колдунья!» — сказал Кухулин черной птице, поскольку теперь он понял, что это одна из богинь войны, Бадб или Морриган. «Если бы только я знал, что это была ты, мы расстались бы иначе». «То, что ты сделал, — ответила птица, — принесет тебе неудачу». «Ты не сможешь навредить мне», — сказал Кухулин. «Конечно, смогу, — заявила женщина. — Я охраняю твое смертное ложе и буду охранять его и впредь».

Затем колдунья рассказала ему, что она ведет эту корову от волшебного холма Круахана, чтобы свести с быком большого человека, которым был Куал- гне; и когда ее теленку исполнится год, старый Кухулин умрет. Она сама явится за ним в тот момент, когда у одного брода через реку он вступит в бой с человеком «столь же сильным, победоносным, ловким, ужасным, неутомимым, благородным, отважным и великим», как сам Кухулин. «Я стану угрем, — сказала она, — и обовью твою ногу, стоящую в реке». Кухулин обменялся с ней угрозами, и она исчезла в земле. Но на следующий год, при предсказанной встрече у брода, Кухулин одолел ее, прожил долго и умер в иной день[40].

Забавное, возможно даже игривое, эхо этого символического избавления приглушенно звучит в другом мире, в завершающем пассаже народной истории пуэбло о Мальчике-Горшке-для-Воды. *«В ручье жило множество людей, женщин и девушек. Все они подбегали к мальчику и обнимали его, потому что были рады, что их дитя пришло в их дом. Так мальчик нашел не только своего отца, но и своих теток. Он остался там на ночь, а потом отправился домой и рассказал матери о том, что нашел своего отца. Потом его мать заболела и умерла. Тогда мальчик сказал самому себе: "Мне нет смысла жить среди этих людей". Поэтому он ушел от них и направился к ручью. И там была его мать. Тогда он и его мать*

**** В оригинале: Faebor beg-beoil cuimdiuir folt sceub-gairit sceo uath. — Прим. перев.

* В ирландской традиции существовали особые стихи и песни поношения. Такого рода поэтические обвинения, «сатиры» на кого-нибудь, имели в Ирландии необычайно важное значение. — *Прим. перев.*

пошли жить к отцу. Его отцом был Аваийо-пи-и (красная водяная змея). Он сказал, что не мог жить вместе с ними в Сикьят-ки. Именно поэтому он сделал так, чтобы мать мальчика заболела, умерла и "пришла сюда, чтобы жить со мной", как сказал отец.

"Теперь все мы будем жить вместе", — сказал Аваийо своему сыну. Тогда мальчик и его мать ушли в ручей и стали жить там»[41].

Эта легенда, как и история о жене-моллюске, пункт за пунктом следует мифическому повествованию. Два этих рассказа очаровательны своим очевидным неведением собственной силы. Противоположной крайностью является история о смерти Будды — подобно всем великим мифам, ироничная, но продуманная до мелочей.

«Благословенный, сопровождаемый большим собранием жрецов, приблизился к дальнему берегу реки Хираннавати, к городу Кусинара и к роще соленых деревьев Упаваттана; и, приблизившись, он обратился к почтенному Ананде: "Будь добр, Ананда, устрой мне между двойными солеными деревьями ложе с изголовьем, обращенным к северу. Я устал, Ананда, и хочу прилечь".

"Хорошо, Досточтимый", — согласно сказал почтенный Ананда Благословенному и приготовил ему между двойными солеными деревьями ложе с изголовьем, обращенным к северу. Тогда Благословенный прилег на правый бок, словно лев, и, положив ногу на ногу, оставался внимательным и осознающим.

И в это время двойные соленые деревья внезапно расцвели, хотя было не время цветения; и цветки рассыпались по телу Татхагаты, и распростерлись и разбросались в поклонении пред Татхагатой[42]*. Также порошок сандалового дерева пал на него с неба; и он тоже рассыпался по телу Татхагаты, и распростерся и разбросался в поклонении перед Татхагатой; и слышны были небесные хоры, поющие поклонения Татхагате».*

Во время последовавших за этим бесед, пока Татхагата, словно лев, лежал на боку, великий жрец, почтенный Упавана, встал перед ним и начал обмахивать его веером. Благословенный коротко приказал ему отойти, а личный страж Благословенного, Ананда, пожаловался Благословенному. «Досточтимый, — сказал он, — скажи, умоляю, по какой причине Благословенный был резок с Упаваной, сказав: "Отойди, о жрец; не стой передо мной"?»

Благословенный же ответил: «Ананда, почти все божества десяти тысяч миров собрались, чтобы узреть Татхагату. Ананда, на протяжении двенадцати лиг от города Кусинара и от рощи соленых деревьев Упаваттана нет ни единого клочка земли, достаточного, чтобы воткнуть волос, который не был бы занят могущественными божествами. И эти божества, Ананда, во гневе и говорят: "Издалека мы явились, чтобы узреть Татхагату, ибо лишь изредка и по редкому случаю в мире появляется

Татхагата, святой, Верховный Будда; и теперь, вечером, с последними лучами Татхагата перейдет в Нирвану; но сей великий жрец встал перед Благословенным, скрывая его, и нет у нас возможности видеть Татхагату, хотя последний миг его близок". Потому, Ананда, эти божества прогневались».

«Досточтимый, что делают те божества, которых видит Благословенный?»

«Одни из них, Ананда, парят в воздухе, но разум их отяжелен земным, и они рвут на себе волосы и громко плачут, и ломают руки и громко плачут, и камнем падают на землю, катаются взад и вперед, говоря: "Слишком скоро Благословенный перейдет в Нирвану; слишком скоро Свет Мира исчезнет для глаз!" Другие же божества, Ананда, стоят на земле, и разум их отяжелен земным, и они рвут на себе волосы и громко плачут, и ломают руки и громко плачут, и камнем падают на землю, катаются взад и вперед, говоря: "Слишком скоро Благословенный перейдет в Нирвану; слишком скоро Блаженный перейдет в Нирвану; слишком скоро Свет Мира исчезнет для глаз!" Но те божества, что свободны от страсти, внимательны и осознающи, сносят это с терпением, говоря: "Все преходяще. Разве возможно, чтобы нечто рожденное, перешедшее к существованию, воплощенное и бренное не поддавалось бы тлению? Такое состояние невозможно"».

Последняя беседа продолжается еще какое-то время, и Благословенный утешает своих жрецов. Так он обращается к ним:

«И сейчас, о жрецы, я ухожу от вас; все составляющие сущего преходящи; достигайте же своего избавления старанием». И это были последние слова Тат- хагаты.

«После этого Благословенный вошел в первый транс; и, восстав из первого транса, он вошел во второй транс; и, восстав из второго транса, он вошел в третий транс; и, восстав из третьего транса, он вошел в четвертый транс; и, восстав из четвертого транса, он вошел в область бесконечности пространства; и, восстав из области бесконечности пространства, он вошел в область бесконечности сознания; и, восстав из области бесконечности сознания, он вошел в область пустоты; и, восстав из области пустоты, он вошел в область ни восприятия, ни не-восприятия; и, восстав из области ни восприятия, ни не-воспри- тия, он достиг прекращения восприятия и ощущения.

И тогда почтенный Ананда так заговорил с почтенным Анируддхой: "Почтенный Анируддха, Благословенный перешел в Нирвану". "Нет, брат мой Ананда,

Благословенный не перешел еще в Нирвану; он достиг прекращения восприятия и ощущения".

После этого Благословенный восстал от прекращения восприятия и ощущения и вошел в область ни восприятия, ни не-восприятия; и, восстав из области ни восприятия, ни не-восприятия, вошел в область пустоты; и, восстав из области пустоты, вошел в область бесконечности сознания; и, восстав из области бесконечности сознания, вошел в область бесконечности пространства; и, восстав из области бесконечности пространства, вошел четвертый транс; и, восстав из четвертого транса, вошел в третий транс; и, восстав из третьего транса, вошел во второй транс; и, восстав от второго транса, вошел в первый транс; и, восстав от первого транса, вошел во второй транс; и, восстав из второго транса, он вошел в третий транс; и, восстав из третьего транса, он вошел в четвертый транс; и, восстав из четвертого транса, Благословенный немедленно перешел в Нирвану»[43].

ГЛАВА IV

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ

1. КОНЕЦ МИКРОКОСМА

Могущественным героем, обладающим сверхъестественными силами, способным мизинцем поднять гору Говардхан и наполниться ужасающей славой Вселенной, является каждый из нас — не физическое «Я», которое мы видим в зеркале, а внутренний властелин. Кришна оглашает: «Я — Атма [Высшее Я], что пребывает в сердцах всего сущего, о Гудакеша, Я — начало, сердцевина, а также и конец всех существ» Именно в этом и заключается содержание молитв, обращенных к умершему в мгновение исчезновения личности: в том, что индивидуальность должна теперь вернуться к своему первоначальному знанию сотворившего мир божества, отражающегося в течение жизни в сердце человека.

«Когда достигает он слабости — достигает ли он слабости по причине старости или по причине болезни, — человек освобождается от своих членов, словно плод манго или инжир или ягода освобождается от своих оков; и он вновь спешит, согласно входу и месту происхождения, назад к жизни. Как благородные мужи, стражи порядка, возничие колесниц, главы поселения ожидают явления царя с пищей, питьем и жилищем, и восклицают: "Вот идет он! Вот идет он!", так воистину все вещи ожидают человека,

имеющего это знание, и восклицают: "Вот идет Непреходящий! Вот идет Непреходящий!"»[2].

Это идея звучит и в Тексте Гробницы из Древнего Египта, в котором умерший поет о себе как о едином с Богом: Я — Атум, Я тот, кто был один. Я — Ра в его первом обличье.

Я — Великий Бог, самотворец. Создавший свои имена, владыка богов, К которому не подступается ни один из богов. Я был вчера, мне ведомо завтра. Поле битвы богов возникло, когда я молвил. Я знаю имя Великого Бога, который внутри. «Хвала Ра» — вот имя его. Я — тот великий Феникс, что в Гелиополе^.

Однако, как показывает смерть Будды, сила, необходимая для полного перехода назад к эпохам проявления, зависит от характера человека в период его жизни. Мифы повествуют об опасном путешествии души усопшего и тех препятствиях, которые ей приходится преодолеть. Гренландские эскимосы перечисляют в их числе кипящий котел, тазовую кость, большую пылающую лампу, чудовищных стражей и две сталкивающиеся и вновь расходящиеся скалы[4]. Подобные элементы представляют собой типичные особенности фольклора и героических легенд. Мы уже обсуждали их ранее, в главах части «Путешествие героя». В мифологии последнего путешествия души все они получают наиболее сложное и примечательное развитие.

У ацтеков молитва, которую произносили у смертного одра, предупреждает уходящего об опасностях, подстерегающих его на обратном пути к скелетоподобному богу смерти Цонтемоку («Он с выпадающими волосами»). «Милое дитя! Ты прошел и пережил труды этой жизни. Теперь счастлив наш Властелин забрать тебя отсюда. Ибо мы не наслаждаемся этим миром вечно, только временно; наша жизнь подобна согреванию на солнце. И Властелин даровал нам в этом существовании благословение познания и понимания друг друга; но ныне, в этот миг, бог по имени Миктлантекутли, или Акулнауакатль, или иначе Цон- темок, и богиня, именуемая Миктекакиуатль, забрали тебя прочь. Ты стоишь перед Его троном; ибо всем нам должно уйти туда; это место создано для всех нас, и оно просторно.

Мы не должны будем более вспоминать о тебе. Ты останешься в том месте, самом темном, где нет ни света, ни окон. Ты не вернешься и не уйдешь оттуда; не будешь даже думать или беспокоиться о том, чтоб вернуться. Ты навеки останешься отсутствующим

среди нас. Бедными и осиротевшими оставил ты своих детей, твоих внуков; не узнаешь ты ни что с ними будет, ни как они переживут труды этой жизни. Но и мы сами, мы скоро отправимся туда, куда ушел ты».

Старейшины и чиновники ацтеков готовили тело к погребению и, когда оно было надлежащим образом укрыто, набирали немного воды и проливали усопшему на голову говоря ему: «Ты так любил это, когда жил в этом мире».

Затем они брали небольшой кувшин с водой и показывали ему, говоря при этом: «Это тебе в дорогу»; кувшин укрепляли в складках его савана. Затем покойного оборачивали в одеяла, крепко их затягивали и расставляли перед ним поочередно определенные свитки, приготовленные заранее: «Смотри, с этим ты сможешь пройти между сталкивающимися камнями», «С этим ты сможешь пройти по дороге, охраняемой змеями», «Это ублажит маленькую зеленую ящерицу Шочитональ», «Вот, смотри, с этим ты пересечешь восемь пустынь леденящего холода», «Вот то, что поможет тебе пройти по восьми холмам», «Благодаря этому ты выдержишь ветер обсидиановых ножей».

Покойному необходимо было взять с собой небольшого пса с рыжей шерстью. Собаке перевязывали шею мягкой хлопковой нитью, затем убивали ее и сжигали вместе с телом покойного. С помощью этого животного усопший переплывал реку подземного мира. Затем, после четырехлетнего путешествия, он представал перед богом и отдавал ему свои свитки и дары. После этого он и его преданный спутник допускались в «Девятую Бездну» .

Китайцы рассказывают о переходе по Волшебному Мосту под руководством Нефритовой Девушки и Золотого Юноши. Индусы описывают величественный свод небес и многоуровневый подземный мир ада. После смерти душа воспаряет или нисходит на уровень, соответствующий ее относительной плотности, где усваивает и осмысливает полную значимость завершившейся жизни. Когда урок усвоен, она возвращается в мир, подготовленная к получению нового опыта. Так она постепенно прокладывает себе путь по всем уровням жизненных ценностей, пока наконец не вырывается за границы космического яйца. Исчерпывающий обзор этих уровней представляет «Божественная Комедия» Данте: «Ад» — нищета духа, ограниченного гордыней и действиями плоти; «Чистилище» — процесс преображения плотского опыта в духовный; «Рай» — ступени духовного самоосознания.

Глубокое и поразительное видение этого путешествия описывается в «Египетской Книге Мертвых». Умерший человек, будь он мужчина или женщина, отождествляется и в буквальном смысле именуется Осирисом. Эти тексты начинаются с гимнов, восхваляющих Ра и Осириса, а затем переходят к таинствам устранения покровов духа в нижнем мире. В «Главе о том, как Осириса N. одарили устами»[6] встречается фраза: «Я восстал из яйца в сокровенных землях». Это извещение о смерти как о перерождении. Затем, в «Главе о том, как раскрылись уста Осириса N.», пробужденная душа молится: «Пусть же бог Пта раскроет уста мои и пусть бог моего города потеряет свои покровы, и даже те покровы, что на устах моих». «Глава о том, как Осирис N. обретает память о подземном мире» и «Глава о том, как в подземном мире Осириса N. одарили сердцем» описывают две последующие стадии процесса перерождения. Затем начинаются главы об опасностях, которые предстоит встретить и превзойти путешественнику на пути к трону ужасающего судьи.

«Книга Мертвых» укладывалась в гробницу вместе с мумией в качестве книги наставлений о преодолении препятствий трудного пути, а главы из нее зачитывались во время погребения. На одной из стадий подготовки мумии у покойного извлекалось сердце, после чего на его место помещался базальтовый скарабей в золотой оправе, символ солнца; это сопровождалось такой молитвой: «Мое сердце, моя мать, мое сердце, моя мать; мое сердце преображения». Это действие предписывается в «Главе о том, как не допустить, чтобы сердце Осириса N. было отобрано у него в подземном мире». Далее, в «Главе о том, как отвратить крокодила», пишется: «Уйди прочь, о крокодил, живущий на Западе. [...] Уйди прочь, о крокодил, живущий на Юге. [...] Уйди прочь, о крокодил, живущий на Севере. [...] То, что сотворено, — в углублении моей руки, а то, что еще не родилось, — в моем теле. Я облачен и полностью наделен твоими волшебными словами. О Ра, тот, кто на небе надо мной и в земле подо мной [...]». Затем следует «Глава о том, как отразить змей» и «Глава о том, как прогнать Апшаита». Душа кричит этому демону: «Уйди от меня, о ты с изъеденными губами». В «Главе о том, как прогнать двух богинь Мерт» душа излагает свою цель и защищается, утверждая, что она — сын отца: «...Я сияю из лодки Сектет, Я — Гор, сын Осириса, и я пришел видеть отца моего Осириса». «Глава о том, как в подземном мире живут воздухом» и «Глава о том, как отогнать змею Ререк в подземном мире» продолжают вести героя по его пути, и за ними следует великое утверждение «Главы о том, как избежать убийств, происходящих в подземном

мире»: «Волосы мои — волосы Ну. Лицо мое — лицо Диск. Очи мои — очиХатора. Уши мои — уши Апуат. Нос мой — носХентихети. Губы мои — губы Анпу. Зубы мои — зубы Серкет. Шея моя — шея великой богини Исиды. Руки мои — руки Ренепутета. Локти мои — локти Нейт, госпожи Саиса. Хребет мой — хребет Сатис. Фаллос мой — фаллос Осириса. Чресла мои — чресла владык Кхер-аба. Грудь моя — грудь Того, Кто Владеет Страхом. [...] Нет ни единого члена тела моего, что не был бы членом одного из Богов. Бог Тот оберегает все тело мое, и я — Ра день ото дня. Меня не вернуть назад руками, и никому не наложить принуждения на руки мои [...]».

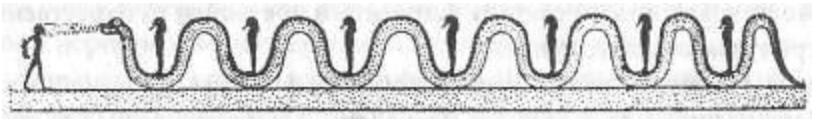


Рис. 20. Змей Хети из подземного мира, истребляющий огнем врага Осириса

В намного более позднем образе в ореоле Бодхисаттвы располагаются пятьсот преображенных Будд, каждый в сопровождении пятисот бодхисаттв, а каждый из них, в свою очередь, — в окружении бесчисленных богов. В «Книге Мертвых» душа также достигает полноты своего облика и могущества, сливаясь с богами, которые ранее считались отделенными и внешними по отношению к ней. Все они представляют собой проекции собственного бытия души, и потому, как только она возвращается к своему истинному состоянию, они вновь принимают свой подлинный облик.

В «Главе о том, как вдыхать воздух и получить власть над водами подземного мира» душа объявляет себя стражем космического яйца: «Привет тебе, о сика- моровое дерево богини Нут! Одари меня водой и воздухом, пребывающими в тебе. Я объемлю трон, что в Гермополе, и я надзираю и охраняю яйцо Великой Наседки. Оно растет — я расту; оно живет — я живу; оно вдыхает воздух — я вдыхаю воздух, я — Осирис N. торжествующий».

Далее следуют «Глава о том, как не допустить, чтобы в подземном мире у человека отняли душу» и «Глава о том, как пить воду в подземном мире и не обжечься Огнем», после которых мы подходим к величественной кульминации — к «Главе о том, как днем восстать в подземном мире». Из нее становится известно, что душа и всеобщее бытие являются одним: «Я — Вчера, Сегодня и Завтра, и есть у меня сила рождаться во второй раз; я — божественная сокровенная Душа, что сотворила богов и одаряет загробной пищей обитателей подземного мира Аментета и Небес. Я — рулило восточное,

обладатель двух божественных ликов, в которых видимы ее лучи. Я — владыка людей восстающих; владыка, приходящий из тьмы, чьи формы существования — образы дома, в котором мертвые. Приветствую вас, два сокола, присевшие на твои места отдохновения, направляющие погребальную колесницу к сокровенному месту, ведущие Ра и следующие за ним к высочайшему месту святилища, которое на небесных высотах! Приветствую, владыка святилища, возвышающегося в середине земли. Он есть Я, и Я есть Он, и Пта укрыл небеса хрусталем [...]».

Вслед за этим душа может по собственной воле странствовать по Вселенной, как это показано в «Главе о том, как подняться на ноги и восстать над землей», в «Главе о том, как отправиться в Гелиополь и получить там трон», в «Главе о том, как человеку преобразиться в любую форму, в какую он пожелает», в «Главе о том, как войти в

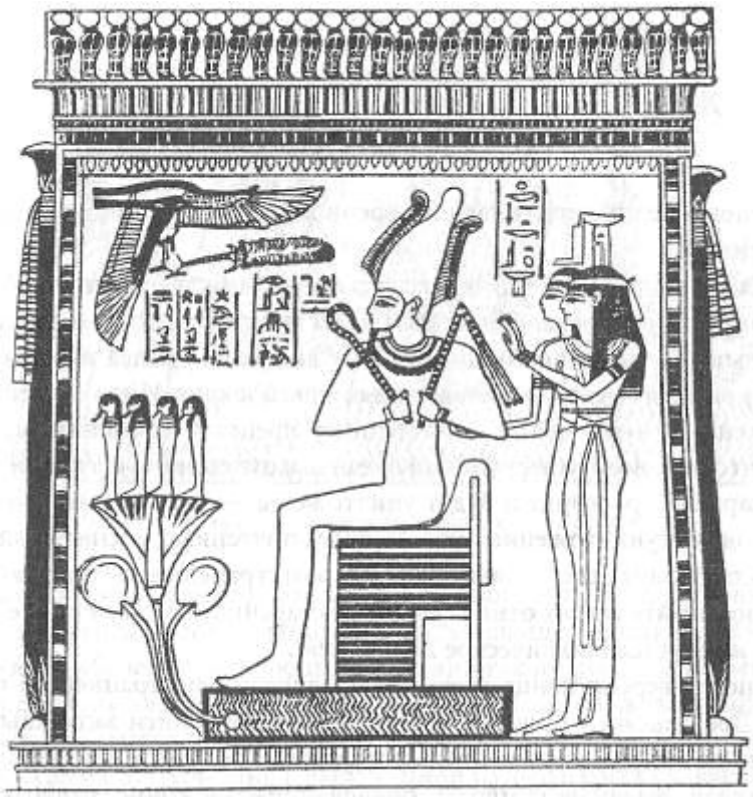


Рис. 19. Осирис, Судья Мертвых

Великий Дом*» и в* «Главе о том, как предстать перед Божественными Верховными Владыками Осириса». Главы о так называемых «Отрицающих Оправданиях» утверждают моральную чистоту спасшегося человека: «Я не творил зла. [...] Я не отнимал насилием. [...] Я никому не причинил вреда. [...] Я не воровал. [...] Я не убивал ни мужчины, ни женщины [...]». Книга завершается восхвалениями богов и «Главой о том, как жить рядом с Ра», «Главой о том, как человеку вернуться, чтобы увидеть свой

дом на земле», «Главой о том, как сделать душу совершенной» и «Главой о том, как плыть в Великой Солнечной лодке Ра»[7].

2. КОНЕЦ МАКРОКОСМА

Исчезновение предстоит как сотворенной форме индивидуальности, так и всей Вселенной.

«Когда стало известно, что через сто тысяч лет циклу предстоит обновиться, боги призвали лока-бъюха, обитателей небес чувственного удовольствия, скитаться по миру с распущенными по ветру волосами, рыдая и вытирая слезы руками, в красных одеяниях, оставленных в беспорядке. И так огласили они:

"Почтенные, через сто тысяч лет циклу предстоит обновиться; мир этот будет уничтожен, и могущественный океан высохнет, и эта бескрайняя земля и Сумеру, царица гор, сгорят и будут уничтожены — и до самого мира Брахмы распространится уничтожение мира. Потому, почтенные, воспитывайте дружелюбие, воспитывайте сострадание, радость и отстраненность; почитайте ваших матерей, почитайте ваших отцов, уважайте старейшин в своей родне".

И это именуется Циклическое Волнение»[8].

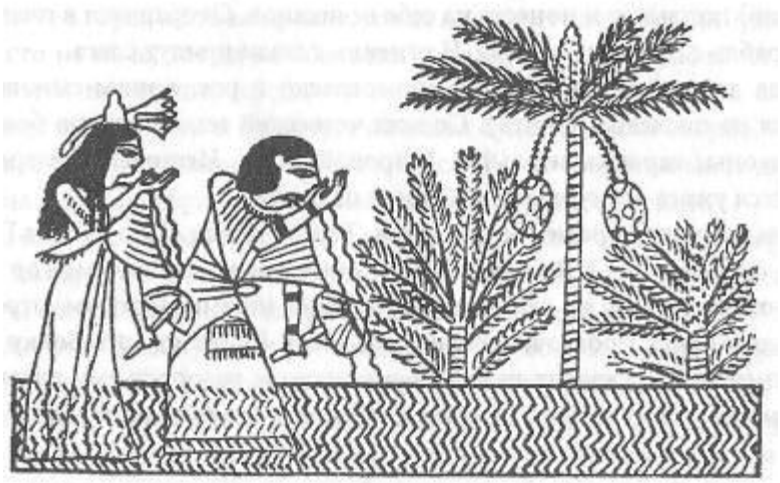
Майянская версия конца света представлена иллюстрацией на последней странице Дрезденского Кодекса. В этой древней рукописи записаны периоды обращения планет, на основе которых проведены подсчеты длительных космических циклов. Змеиные символы, появляющиеся в конце этого текста (они называются так из-за внешнего вида, напоминающего фигуру змеи) олицетворяют мировые периоды продолжительностью около тридцати четырех тысяч лет — двенадцать с половиной миллионов дней — и повторяются на страницах вновь и вновь. «В рамках этих почти невообразимых периодов все более мелкие единицы можно рассматривать как приводящие к более или менее несомненному концу. Какое значение могут иметь несколько лет в сравнении с такой подлинной бесконечностью?

Наконец, на последней странице рукописи повествуется об Унитожении Мира, путь к которому прокладывают огромные числа. Здесь вновь встречается змея дождя, протянувшаяся в небесах и извергающая ливень воды. Невероятные водные потоки захлестывают солнце и луну. Древняя богиня с тигриными когтями в ее угрожающем аспекте, зловещая покровительница потопов и грозовых туч, переворачивает кувшин с небесными водами. Скрещенные кости, пугающий символ смерти, украшают ее одежды,

а извивающиеся змеи увенчивают ее голову. Под ее обращенным острием вниз копьем, символическим изображением всеобщего разрушения, гордо шествуют черные боги и хрипло кричит сова, свирепо вращающая грозной головой. Воистину, здесь изображена волнующая картина окончательного и всеобъемлющего катаклизма»[10].

Рис. 21. Двойники Ани и его жены, пьющие воду в другом мире

Одно из наиболее впечатляющих описаний такого рода возникает в «Старшей Эдде» древних викингов. Один (Бодан), вождь богов, желает узнать, какой будет судьба его самого и всего пантеона, и вёльва, «Мудрая Женщина», персонификация самой Матери Мира, выраженной Судьбы, рассказывает ему[11]: Братья начнут биться друг с другом,



родичи близкие в распрях погибнут; тягостно в мире, великий блуд, век мечей и секир, треснут щиты, век бурь и волков до гибели мира; щадить человек человека не станет. В земле великанов Ётунхейм закричат красивые красные петухи; в Вальгалле запоет петух Золотой Гребень, ржаво-красная птица закричит в Аду. Пес Гарм в скалистой пещере, у входа в мир мертвых, откроет свою огромную пасть и залает. Земля содрогнется, утесы и деревья рухнут, море хлынет на сушу. Спадут все цепи с тех чудовищ, что были прикованы в изначальные времена: Фенрир- Волк вырвется на волю и разверзнет пасть — верхняя челюсть до неба, нижняя до земли. «Было бы место, он и шире бы разинул пасть. Пламя пышет у него из глаз и ноздрей». Ограничивающий мир змей космического океана поднимется в великой ярости и явится вслед за Волком на землю, изрыгая столько яду, что напитаются им и воздух, и воды. Нагльфар (ладья, выстроенная из ногтей мертвецов) поплывет и понесет на себе великанов. Отправится в плавание еще один корабль с обитателями ада. И огненные люди придут с юга.

Когда дозорный богов дунет громогласно в рог, воины-сыновья Одина соберутся на последнюю битву. Со всех четвертей земли к полю боя съедутся боги, демоны, карлики и эльфы. Мировой Ясень Иггдрасиль затрепещет, и исполнится ужаса все сущее на небесах и на земле.

Один вступит в сражение с Волком, Тор со Змеем, Тюр с псом Гармом — «нет его опасней», — а Фрейр с Суртом, огненным человеком. Тор умертвит Змея, отойдет от него на девять шагов и падет наземь мертвым, отравленный ядом. Один будет проглочен Волком, и тогда Видар ступит Волку ногой на нижнюю челюсть, схватит рукой за верхнюю и разорвет ему пасть. Локи и Хеймдалль убьют друг друга. Тогда Сурт метнет огонь на землю и сожжет весь мир.

Солнце померкло, земля тонет в море, срываются с неба светлые
звезды, пламя бушует питателя жизни, жар нестерпимый до неба
доходит. Гарм лает громко у Гнипахеллира, привязь не выдержит —
вырвется Жадный. Ей многое ведомо, все я провижу судьбы могучих,
славных богов.

«Когда же сидел Он на горе Елеонской, то приступили к Нему ученики наедине и спросили: скажи нам, когда это будет? и какой признак Твоего пришествия и кончины века?

Иисус сказал им в ответ: берегитесь, чтобы кто не прельстил вас; ибо многие придут под именем Моим и будут говорить: "я Христос", и многих прельстят. Также услышите о войнах и о военных слухах. Смотрите, не ужасайтесь; ибо надлежит всему тому быть. Но это еще не конец. Ибо восстанет народ на народ, и царство на царство, и будут глады, моры и землетрясения по местам; все же это начало болезней. Тогда будут предавать вас за мучения и убивать вас; и вы будете ненавидимы всеми народами за имя Мое. И тогда соблазнятся многие; и друг друга будут предавать, и возненавидят друг друга; и многие лжепророки восстанут и прельстят многих. И, по причине умножения беззакония, во многих охладеет любовь; претерпевший же до конца спасется. И проповедовано будет сие Евангелие Царствия по всей вселенной, во свидетельство всем народам; и тогда придет конец.

Итак, когда увидите мерзость запустения, реченную чрез пророка Даниила, стоящую на святом месте, — читающий да разумеет, — тогда находящиеся в

Иудее да бегут в горы; и кто на кровле, тот да не сходит взять что-нибудь из дома своего; и кто на поле, тот да не обращается назад взять одежды свои. Горе же беременным и питающим сосцам в те дни! Молитесь, чтобы не случилось бегство ваше зимою, или в субботу; ибо тогда будет великая скорбь, какой не было от начала мира доныне, и не будет. И если бы не сократились те дни, то не спаслась бы никакая плоть; но ради избранных сократятся те дни.

Тогда, если кто скажет вам: "вот здесь Христос" или "там", — не верьте; ибо восстанут лжехристы и лжепророки и дадут великие знамения и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранных. Вот, Я наперед сказал вам. Итак, если скажут вам: "вот, Он в пустыне", — не выходите; "вот, Он в потаенных комнатах", — не верьте. Ибо, как молния исходит от востока и видна бывает даже до запада, так будет пришествие Сына Человеческого. Ибо, где будет труп, там соберутся орлы. И вдруг, после скорби дней тех, солнце померкнет, и луна не даст света своего, и звезды спадут с неба, и силы небесные поколеблются. Тогда явится знамение Сына Человеческого на небе; и тогда восплачутся все племена земные и увидят Сына Человеческого, грядущего на облаках небесных с силою и славою великою. И пошлет Ангелов Своих с трубою громогласною, и соберут избранных Его от четырех ветров, от края небес до края их. [...]

О дне же том и часе никто не знает, ни Ангелы небесные, а только Отец Мой один»[12].

ЭПИЛОГ

МИФ И ОБЩЕСТВО

1. ИЗМЕНЯЮЩАЯ ОБЛИК

Не существует окончательной системы толкования мифов, и такая система никогда не возникнет. Мифология подобна богу Протею, «морскому проницательному старцу»; этот бог разные виды начнет принимать и являться вам станет Всем, что ползет по земле, и водою и пламенем жгучим[1].

Путешественникам по жизни, которые желают узнать что-либо от Протея, дан совет: «не робея, тем крепче его, тем сильнее держите» — и тогда он предстанет перед ними в своем истинном облике. Но этот лукавый бог никогда не откроет даже самому искусному вопрошающему полного содержания своей мудрости. Он ответит только на заданный ему вопрос, а то, что останется скрытым, может оказаться как великим, так и банальным — все зависит от самого вопроса.

Здесь ежедневно, лишь Гелиос неба пройдет половину: В веянье ветра, с великим волнением темныя влаги, Вод глубину покидает морской проницательный старец; Вышед из волн, отдыхать он ложится в пещере глубокой; Вкруг тюлени хвостоногие, дети младой Алосинды, Стаей ложатся, и спят, и, покрытые тиной соленой, Смрад отвратительный моря на всю разливают окрестность[2].

Греческий царь-воин Менелай, направленный его сообразительной дочерью в темное логово этого древнего отца моря и получивший от нее наставления о том, как исторгнуть из бога ответ, желал узнать лишь о тайнах своих личных трудностей и о местонахождении своих личных друзей. И бог не счел ответ ему ниже своего достоинства.

Мифология истолковывалась современными мыслителями как примитивная, неумелая попытка объяснить естественный мир (Фрэзер); как продукт поэтической фантазии доисторических времен, неверно понятый последующими эпохами (Мюллер); как хранилище аллегорических указаний, позволяющих личности существовать в своей группе (Дюркгейм); как коллективное сновидение, симптоматическое проявление архетипических побуждений, исходящих из глубин человеческой души (Юнг); как традиционный носитель глубочайших метафизических прозрений человека (Кумарасвами) и как Божье Откровение для детей Его (Церковь).

Мифология — все это. Разнообразные оценки определяются точками зрения оценивающих, ибо, если рассматривать ее не в понятиях того, что она такое, но в категориях того, как она функционирует, каким образом она служила человечеству в прошлом, мифология проявляет себя столь же подверженной навязчивым идеям и требованиям личности, народа, эпохи, как сама жизнь.

2. ФУНКЦИИ МИФА, КУЛЬТА И МЕДИТАЦИИ

В своем жизненном проявлении личность всегда представляет собой лишь частицу и искажение целостного образа человека. Индивидуальность ограничена как мужчина или женщина; в любой момент своей жизни она ограничена также как ребенок, подросток, зрелый взрослый или старый человек. Более того, ей с неизбежностью приходится выбирать себе роль в жизни — быть ремесленником, торговцем, слугой или вором, священником, вождем, женой, монахиней или проституткой. Личность не способна быть всем этим одновременно. По этой причине целостность — полнота человека — создается

не отдельной единицей, но всем телом общества как единства; индивидуальность же является лишь органом этого тела. Именно его сообщество определяет образ жизни человека, язык, на котором он думает, идеи, которые его воспитывают; из прошлой истории общества пришли к нему гены, выстроившие его тело. И если человек осмелится отрезать себя от общества в своих поступках, мыслях или чувствах, он просто разорвет связь с источником своего существования.

Задачей племенных обрядов рождения, инициации, брака, погребения или введения в должность является перевод переломных мгновений и свершений жизни личности на язык классических безличных форм. Они разоблачают перед человеком его самого, но не как индивидуальность, а как воина, невесту, вдову, жреца или вождя, и одновременно пересказывают остальной части сообщества старые уроки архетипических эпизодов. В ритуале принимают участие все, согласно их статусу и функциям. Все сообщество предстает перед самим собой как непреходящее живое единство. Поколения личностей возникают и исчезают, подобно безымянным клеткам живого организма; остается лишь поддерживающая, не поддающаяся времени форма. Расширяя горизонты своего видения, чтобы объять эту сверхличность, каждый человек обнаруживает, что он стал более углубленным, обогащенным, обрел опору и приумножился в своих силах. Какой бы незначительной ни была его роль, она является присущей прекрасному, праздничному образу человека — образу, потенциально существующему, хотя и в скрытом состоянии, в каждом из нас.

Общественные обязанности становятся продолжением урока этого праздника и в обычном, повседневном существовании, так что личность подвергается его воздействию постоянно. И наоборот, равнодушие, протест — или изгнание — разрывают эти живительные связи. С точки зрения общественного единства, отрезанная от него личность является просто ничем, отбросом, тогда как человек, который может искренне заявить, что он до конца прожил свою роль — роль священника или шлюхи, королевы или раба, — есть нечто значимое в полном смысле глагола быть.

Обряды инициации и посвящения, таким образом, преподают важнейший урок единства личности и группы, а праздники, связанные с началом нового времени года, открывают и новые горизонты. Как индивидуальность является органом общества, так племя или город — да и все человечество в целом — представляет собой лишь один из аспектов могущественного организма космоса.

Долгое время сезонные празднества так называемых примитивных народов объясняли обычно как попытки повелевать природой, но это толкование ошибочно. Желание повелевать можно обнаружить в любых действиях человека и, в частности, в тех магических церемониях, которые, как считается, помогают вызвать дождь, излечить болезнь или остановить наводнение, однако основным мотивом всех подлинно религиозных (в противоположность черной магии) церемоний является подчинение неизбежным проявлениям предопределения — ив сезонных празднествах этот мотив особенно заметен.

Не существует отчетов ни об одном племенном обряде, предназначенном для предотвращения наступления зимы; напротив, все связанные с зимой обряды готовят сообщество к тому, чтобы в единстве со всей остальной природой терпеливо вынести этот период ужасных холодов. Ни один весенний обряд не стремится заставить природу немедленно породить для истощенных людей кукурузу, бобы или тыквы; напротив, эти обряды предписывают всему сообществу приниматься за работу, связанную с этим временем года. Чудесный годовый цикл с его периодами трудностей и радостей, прославляется, очерчивается и преподносится как непрерывный круговорот жизни группы людей.

Мир наставляемого мифологией общества наполняют и многие другие символьные представления из этого непрерывного ряда. К примеру, кланы американских охотничьих племен обычно считают себя потомками полуживот- ных-получеловеческих предков. Эти предки были прародителями не только людей клана, но и тех животных, в честь которых был назван клан; так, представители клана медведей считают себя кровными родственниками животных из рода медведей, защитниками этого вида и, в свою очередь, объектами защиты животной мудрости этого лесного народа.

Иной пример: хоган, глиняные хижины индейцев навахо из Нью-Мексико и Аризоны, строятся по подобию схемы космоса навахо. Их вход обращен к востоку. Восемь стен дома указывают на четыре направления и промежуточные точки. Каждый угол или балка соответствуют одному из элементов великого хогана, охватывающего всю землю и небо. И, поскольку сама душа человека рассматривается как соответствующая по своей форме строению Вселенной, такая глиняная хижина становится олицетворением фундаментальной гармонии человека и мира и напоминанием о сокровенном жизненном пути к совершенству.

Но существует и другой путь — путь, противоположный общественным обязанностям и всеобщему культу. С позиции пути долга, любой, кто изгнан из общества, превращается в ничто. Однако с иной точки зрения, такое изгнание является первым шагом поисков. Каждый несет в себе все, и потому все можно искать и найти в самом себе. Различия пола, возраста и сферы деятельности не существенны для человеческого характера; это лишь костюмы, которые мы надеваем на время своего выступления на сцене мира. Внутренний образ человека нельзя путать с его одеяниями. Мы считаем себя американцами, детьми двадцатого века, представителями Запада, цивилизованными христианами. Мы либо добродетельны, либо греховны. И все же подобные обозначения ничего не говорят нам о том, что значит быть человеком, они всего лишь указывают на случайные обстоятельства географического места обитания, даты рождения и получаемых доходов. Но что же творится в наших глубинах? Каковы основные особенности нашего существа?

Аскетизм средневековых святых и индийских йогов, эллинистические мистерии инициации, древние философии Востока и Запада представляют собой методы смещения основного внимания от индивидуального сознания, освобождения человека от одеяний. Подготовительные медитации устремленного уводят его разум и чувства от случайных обстоятельств жизни и обращают в сторону внутреннего ядра. «Я ни то, ни это, — повторяет он в медитации, — не мать, не сын, который только что скончался; я не мое тело, болеющее и стареющее; я не моя рука, не глаза, не голова, не совокупность всего этого. Я не мои чувства, я не мой разум, я не моя сила интуиции». С помощью таких медитаций он направляет себя к собственным глубинам и прорывается наконец к непостижимому осознанию. Ни один человек, переживший подобный опыт, не сможет слишком серьезно относиться к самому себе как к господину Такому-то из штата Такого-то, США — общество и обязанности уходят одно за другим. Господин Такой-то, открывший в себе человеческое величие, становится углубленным в себя и отчужденным.

Это этап Нарцисса, который смотрит в воду, уровень Будды, восседающего в медитации под деревом, однако окончательная цель все же не в этом — это необходимый шаг, но еще не конец. Цель человека заключается не в том, чтобы увидеть эту сущность, но в том, чтобы осознать, что он является ею; только тогда человек может свободно странствовать по миру в качестве этой сущности. Более того, сам мир также является ею.

Естество человека и сущность мира — эти два есть одно. По этой причине отделенность, отстраненность не являются более необходимыми. Куда бы ни явился герой, что бы он ни делал, он всегда остается рядом со своей собственной сутью — ибо его глаза видят совершенно. Отделенности не существует. Именно поэтому, точно так же, как путь участия в жизни общества может привести в конце концов к осознанию Всего в личности, так и изгнание способно принести герою осознание Себя во всем.

Когда человек останавливается в этой срединной точке, вопросы эгоизма или альтруизма исчезают. Индивидуальность теряет себя в законе и возрождается в тождественности с полным содержанием Вселенной. Для Него, во имя Него и был сотворен мир. «О Мохаммед, — сказал Господь, — не будь тебя, не сотворил бы я неба».

3. ГЕРОЙ СЕГОДНЯ

Все сказанное действительно очень расходится с современными взглядами, поскольку демократический идеал самоопределяющейся личности, изобретение мощных автоматических устройств и развитие научных методов исследования настолько преобразили человеческую жизнь, что унаследованная вневременная вселенная символов рухнула. Прозвучали зловещие, эпохальные и про- роческие слова Заратустры: «Боги умерли». Каждый знает эту историю, ее рассказывали в тысячах разновидностей. Это геройский цикл современной эры, волшебная сказка о достигающем зрелости человечестве. Чары прошлого, оковы традиций были разорваны уверенными и могучими ударами. Паутина сновидений мифа распалась, разум раскрылся навстречу полному, бодрствующему сознанию, а современный человек восстал из древнего невежества, словно бабочка из своего кокона, словно солнце рассвета из утробы матери-ночи.

Всевидящие телескопы и микроскопы не оставили богам ни единого потаенного места, но более важным является то, что не осталось ни одного общества, которое поддерживали бы боги. Общественное единство является теперь не носителем религиозного содержания, а экономико-политической организацией. Его идеалы сместились от иератической пантомимы, представляющей на земле формы небес, к мирскому государству, пребывающему в жестокой и неослабной борьбе за физическое превосходство и материальные ресурсы. За исключением еще не исследованных районов, нигде больше не осталось изолированных сообществ, удерживаемых сновидениями в пределах заряженного мифами горизонта. В самих же прогрессивных

обществах полному разрушению подверглись последние признаки древнего человеческого наследия ритуала, нравоучения и искусства.

Таким образом, трудности современного человечества прямо противоположны проблеме людей, живших в сравнительно стабильные эпохи тех великих координирующих мифологий, которые ныне считаются ложью. В те времена весь смысл заключался в группе, в огромной безымянной форме, и никакого смысла — в самовыражении личности; теперь же значение не придается ни группе, и вообще ничему в мире: все заключено в индивидуальности. Но содержание личности совершенно бессознательно. Никто не знает, к чему именно движется. Никому не известно, что побуждает его к этому. Все линии связи между зонами сознательного и бессознательного человеческой души разорваны, и каждый из нас разделен надвое.

Сегодня предстоящие герою свершения совершенно отличны от тех, какими они были в век Галилея. Там, где тогда была тьма, сейчас свет; однако там, где раньше был свет, теперь царит мрак. Подвиг современного героя заключается в необходимости вновь принести свет в потерянную Атлантиду пребывающей в гармонии души.

Очевидно, что этого нельзя добиться возвращением назад или уходом прочь от того, чего мы достигли благодаря современной революции, ибо эта проблема представляет собой не что иное, как придание миру наших дней духовной значимости, — или, скорее (выражая тот же принцип наоборот), не что иное, как создание для мужчин и женщин возможности достичь полной человеческой зрелости благодаря обстоятельствам современной жизни. Действительно, именно эти обстоятельства сделали древние формулы неэффективными, вводящими в заблуждение и даже пагубными. Сообществом дня сегодняшнего является вся планета, а не замкнутый в своих границах народ, и потому модели перенесенной агрессии, которые прежде помогали скоординировать внутреннюю группу, в наши дни способны лишь расколоть ее на части. Национальная идея, вооруженная флагом в роли тотема, представляет собой в наше время возвеличивание младенческого эго, а не разрушителя инфантильного состояния. Ее пародии-ритуалы, отправляемые на площадках для парадов, могут привести к концу «Клеща», тирана-дракона, но не к Богу, в котором уничтожается эгоизм. Многочисленные святые такого антикульта — то есть патриоты, вездесущие фотографии которых, украшенные знаменами, служат официальным аналогом икон, — представляют

собой локальных стражей порога (демона Липкие Волосы), победа над которым является первой задачей героя.

Требованиям времени не могут удовлетворять и мировые религии — в той форме, в какой они сейчас понимаются, — поскольку они также связаны с возникновением раздоров как инструмента пропаганды и самовосхваления (даже буддизм в недавнем времени пострадал от такого вырождения, вызванного уроками Запада). Всемирный триумф мирского государства поместил все религиозные организации в такое вторичное и, наконец, неэффективное положение, что религиозная пантомима вряд ли представляет сегодня нечто большее, нежели ханжеское действо в воскресное утро, сочетающееся с деловой этикой и патриотизмом в остальные дни недели. Подобная обезьянья святость — совсем не то, в чем нуждается деятельный мир; ему необходимо скорее преображение всего общественного порядка с тем, чтобы в каждой подробности и в любом действии мирской жизни сознание в той или иной степени замечало оживляющий образ всеобщего богочеловека, который действительно изначально пребывает и действует в каждом из нас.

Но сознанию не под силу добиться этого самостоятельно. Сознание так же не способно изобрести или даже предсказать действенный символ, как предвидеть или управлять ночным сновидением. Всего этого можно добиться лишь на ином уровне, благодаря тому, что неизбежно окажется длительным и весьма пугающим процессом — не только в глубинах каждой живой души современного мира, но и на тех полях титанических сражений, которыми недавно покрылась вся наша планета. Мы наблюдаем за страшным столкновением скал Симплегад, которые следует миновать душе — не отождествляя себя при этом ни с одним из двух камней.

Однако существует еще кое-что, что нам следует знать: если даже новые символы станут зримыми, они не будут одними и теми же для разных частей света. Обстоятельства местной жизни, культура и традиции народа — все это непременно вольется в новые действенные формы. Таким образом, людям необходимо понять и научиться замечать, что в разнообразных символах открывается одинаковое спасение. «Истина одна, — гласят Веды, — но мудрые говорят о ней различно». Одна и та же песня в исполнении хора человечества переливается всеми расцветками. По этой причине всеобщая пропаганда того или иного локального решения проблемы является излишней — и,

вероятнее всего, опасной. Путь становления человека заключается в том, чтобы распознавать очертания Бога во всех чудесных видоизменениях человеческого лица.

Это приводит нас к окончательной догадке о том, какой должна быть точная ориентация современной задачи героя, и мы обнаруживаем подлинную причину разрушения всех унаследованных нами религиозных формул. Центр притяжения или, если можно так выразиться, царства загадок и опасностей определенно сместился. Для первобытных охотников тех далеких тысячелетий эры человечества, когда саблезубый тигр, мамонт и менее крупные представители животного мира были самыми явными проявлениями всего чуждого — источниками одновременно и опасности, и средств к существованию — огромной человеческой проблемой было достижение психологической связи, позволяющей разделить дикость с этими существами. Произошло бессознательное отождествление — и тогда наконец получеловеческие-полуживотные фигуры мифологических тотемных предков перешли в область сознания. Животные стали наставниками человечества. Посредством буквального подражания — такого, какое сегодня можно увидеть лишь на детских площадках (или в сумасшедших домах), — было завершено действенное уничтожение человеческого эго, и общество достигло уровня связующей организации. Аналогичным образом, племена, жизнь которых была основана на растительной пище, начали связывать себя с растениями: ритуалы сева и жатвы были отождествлены с процессами произведения потомства, рождения и перехода человека к зрелости. Как растительный, так и животный мир, впрочем, были в конце концов подчинены общественному контролю. Вследствие этого огромная сфера поучительных чудес сместилась — на небеса, — и человечество узаконило величественную пантомиму священного лунного царя и святого солнечного повелителя, иератическое планетарное государство и символические празднества в честь управляющих миром высших сфер.

Сегодня все эти загадки потеряли свою силу; их символы уже не затрагивают нашу душу. Понятие космического закона, которому подчиняется все сущее и перед которым должен склоняться сам человек, давным-давно прошло предварительные мистические стадии, представленные в древней астрологии, и ныне просто выражается в механистических терминах, словно нечто само собой разумеющееся. Нисхождение западных наук с небес на землю (от астрономии семнадцатого столетия до биологии девятнадцатого века) и их сосредоточение наконец на самом человеке (антропология и

психология двадцатого столетия) отмечают путь громадного смещения центра внимания человеческого удивления. Основной загадкой является сейчас не мир животных, не растительный мир, не чудеса высших сфер, но сам человек. Именно человек являет собой то незнакомое обличье, с которым должны примириться силы эгоизма, посредством которого эго претерпевает распятие и воскрешение и по образу которого предстоит перестроиться обществу — человек, понимаемый, однако, не как «Я», но как «Ты», поскольку никакие идеалы и преходящие институты племени, народа, континента, общественного класса или столетия не могут послужить мерилом неистощимого и блещущего разнообразными чудесами божественного существования, которым является жизнь в каждом из нас.

Современный герой, современная индивидуальность, осмелившаяся прислушаться к призыву и отправиться на поиски чертога той сущности, воссоединение с которой является его предназначением, не способна — и не должна — дожидаться, пока его сообщество сбросит свою шелушащуюся кожу гордости, страха, рациональной алчности и освященного ложного понимания. «Живи так, — говорит Ницше, — словно твой срок уже пришел». Не общество должно направлять и спасать героя — только наоборот. И потому каждый из нас разделяет высшее испытание — влачит свой крест спасителя — не в яркие мгновения великих побед своего племени, но в безмолвные минуты отчаяния личности.

ПРИМЕЧАНИЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ

1. Зигмунд Фрейд, «Будущее иллюзии».

ПРОЛОГ

1. Клемент Вуд, *«Сновидения: их значение и практическое использование»* [Clement Wood, *«Dreams: Their Meaning and Practical Application»]*. «Материал сновидений в этой книге, — утверждает автор, — составлен, в первую очередь, на основе более чем тысячи сновидений, каждую неделю передаваемых мне для анализа в ежедневной колонке в нескольких газетах по всей стране. Дополнительным источником стали сновидения, которые я подвергал анализу в своей частной практике». В противоположность большинству сновидений, представленных в классических работах на эту тему,

материалы этой книги, являющейся введением к работам Фрейда, исходят от людей, не подвергавшихся психоанализу. Примечательно их простодушие,

2. Геза Рохейм, «Происхождение и функция культуры» (Geza Roheim, «The Origin and Function of Culture»).

3. D. T. Burlingham, «Die Einfuhlung des Kleinkindes in die Mutter»; цитируется по: Геза Рохейм, «Война, преступность и мирные соглашения».

4. Г. Рохейм, «Война, преступность и мирные соглашения» (G. Roheim, «War, Crime, and the Covenant»).

5. 3. Фрейд, «Толкование сновидений».

6. 3. Фрейд, *«Три эссе о теории сексуальности»,* часть III: «Трансформации в период полового созревания».

7. Софокл, *Эдип-царь,* стр. 956—958 (в переводе С. Шервинского). Подчеркивалось, что отца, кроме того, можно воспринимать как защитника, а мать — как искусительницу. В этом заключается отличие Эдипа от Гамлета: «О Боже, я бы мог замкнуться в ореховой скорлупе и считать себя царем бесконечного пространства, если бы мне не снились дурные сны» *(«Гамлет»,* акт II, сцена 2). «Любой невротик, — пишет доктор Фрейд, •— либо Эдип, либо Гамлет».

Что касается случая с дочерью (который на порядок сложнее), то для описания основ современных представлений об этом достаточно будет следующего фрагмента: «Прошлой ночью мне приснилось, что отец ударил маму ножом прямо в сердце. Она умерла. Я понимала, что никто не сможет упрекнуть его за то, что он сделал, хотя горько плакала. Сон, казалось, изменился, и теперь мы с ним вдвоем отправлялись в путешествие, и я была очень счастлива». Это сновидение незамужней двадцатичетырехлетней девушки (К. Вуд, ранее цит.).

8. К. Вуд, ранее цит.

9. В таких ритуалах, как церемонии рождения и погребения, наиболее существенным результатом является, разумеется, то, что испытывают родители и родственники. Обряды перехода нацелены не только на самого кандидата, но и на всех членов его окружения.

10. А. ван Геннеп, «Обряды перехода» (A. van Gennep, «Les rites de passage»).

11. Геза Рохейм, «Вечные в сновидении» (Geza Roheim, «The Eternal Ones of the Dream»).

12. К. Г. Юнг, «Метаморфозы и символы либидо» (C. G. Jung, «Wandlungen und Symbole der Libido»).

13. Гарольд Пик и Херберт Джон Флор, «Путь моря» и «Путешественники-торговцы бронзой» (Harold Peake, Herbert John Fleure, «The Way of the Sea»; «Merchant Venturers in Bronze»).

14. Лео Фробениус, «Das unbekannte Afrika».

15. Овидий, «*Метаморфозы*», VIII, 132; IX, 736.

16. Т. С. Элиот, «Бесплодные земли» (T. S. Eliot, «The Waste Land»).

17. Арнольд Дж. Тойнби, «*Изучение истории*» (Arnold J. Toynbee, «Л *Study of History»).*

18. «Формы или образы коллективного характера, которые возникают практически по всей земле, представляют собой составные части мифов и, в то же время, автохтонные индивидуальные продукты, источником которых является бессознательное» (К. Г. Юнг, *«Психология и религия»;* C. G.Jung, *«Psychology and Religion»).*

Как указывает доктор Юнг (*«Психология и религия»),* теория архетипов ни в коем случае не является его собственным открытием. Сравним со словами Ницше: «В наших снах и в наших сновидениях мы переживаем все мышление древнего человечества. Я имею в виду, что в сновидениях человек рассуждает в точности так же, как он рассуждал в бодрствующем состоянии много тысячелетий назад. [...]. Сновидение относит нас назад, к ранним стадиям человеческой культуры, и предоставляет нам средства более глубокого их понимания» (Фридрих Ницше, *«Человеческое, слишком человеческое»).* Сравним с теорией Адольфа Бастиана об этических «Элементарных Идеях», которые по своей первичной психической природе (соответствующей *Logoi spermatikoi* стоиков) следует считать «духовными (или психическими) зачаточными наклонностями, на основе которых органично развивается вся социальная структура», и которые в качестве таковых должны служить основами индуктивного исследования («*Etnische Elementargedanken in der Lehre vom Menchen»).*

Сравним с Францем Боасом: «После строгого исследования Вайцем вопроса единства человеческого рода не может возникать сомнений в том, что основы умственных характеристик людей всего мира одинаковы» *(«Разум первобытного человека»;* Franz Boas, *«The Mind of Primitive Man»).* «Бастиан часто говорит о поразительном однообразии фундаментальных идей человечества на всем земном шаре» (там же). «Во всех мировых культурах можно распознать определенные шаблоны мыслей-ассоциаций» (там же). Сравним с сэром Джеймсом Дж. Фрейзером: «Нет необходимости, подобно некоторым исследователям прошлого и современности, предполагать, что люди Запада

позаимствовали у более древних цивилизаций Востока концепцию Умирающего и Воскресающего Бога вместе с торжественным ритуалом, в котором эта концепция в драматической форме разворачивается на глазах поклоняющихся. Вероятнее всего, это сходство, которое можно выявить при сравнении религий Востока и Запада, является не чем иным, как тем, что мы обычно — но ошибочно — называем случайным совпадением. Следствие одних и тех же причин одинаковым образом воздействует на сходное строение человеческого мозга в различных странах и под всеми небесами» (*«Золотая ветвь»).*

Сравним с Зигмундом Фрейдом: «Я с самого начала распознал присутствие в сновидениях символизма. Но понимание этого возникло во мне постепенно, и по мере того, как мой опыт возрастал, я пришел к полному осознанию влияния и значимости этого символизма и достиг этого под влиянием [...] Вильгельма Штекеля. [...] Штекель пришел к своим толкованиям символов путем интуиции, благодаря редкому дару прямого их понимания. [...] Развитие практики психоанализа привлекло наше внимание к пациентам, в изумительной степени продемонстрировавшим прямое понимание подобного символизма сновидений. [...] Символизм не является исключительной особенностью сновидений, но представляет собой характеристику способности бессознательного к восприятию идей, в частности, у человека, — ив фольклоре, в народных мифах, легендах, лингвистических идиомах, мудрости пословиц и современных шутках символизм можно обнаружить в намного более полной форме по сравнению со сновидениями» (*«Толкование сновидений»).* Доктор Юнг подчеркивает, что заимствовал термин ***архетип*** из классических источников: у Цицерона, Плиния, *Corpus Hermeticus*, Августина и т. д. (*«Психология и религия»),* Бастиан отмечает соответствие его собственной теории «Элементарных Идей» и концепции стоиков *Logoi spermatikoi.* Традиция «субъективно известных форм» (в санскрите: «антард- жнейя-рупа») обладает, на самом деле, той же протяженностью, что и традиция мифа, и является ключевой для понимания и использования мифологических образов — которые будут в обилии представлены в следующих главах.

19. Этот термин является переводом Гезы Рохейм понятия *алтьиранга митьина,* означающего мифических предков, странствующих по земле во времена, именуемые *алтьиранга накала*, «предок был». Слово ***алтьира*** *(альчера)* означает: 1) сновидение; 2) предки, существа, являющиеся в сновидении; 3) рассказ.

20. Следует отметить, что профессора Тойнби можно упрекнуть в том, что он серьезно искажает мифологическую сцену, объявляя христианство единственной религией, решающей вторую задачу. Ее решают *все* религии, равно как и все мифологии и народные традиции. Профессор Тойнби приходит к своему неверному выводу вследствие банальных и ошибочных истолкований восточных идей нирваны, Будды и бодхисаттвы; затем он противопоставляет этим идеалам (в своих неверных представлениях) чрезвычайно утонченное перепрочтение христианской идеи Града Божьего. Именно это приводит его к ошибочному предположению о том, что спасение современной ситуации в мире может заключаться только в возвращении власти Римской Католической Церкви.

21. Фредерик Пирс, «Сновидения и личность» (Frederick Pierce, «Dreams and Personality»).

22. Слова, начертанные на Вратах Ада:

Per si *ua nella citta dolente. Per me si ua neli eterno dolore. Per me* si *va tra la Perduta Cente.*

Данте, "Ад", III, 1—3 (в переводе М. Лозинского).

23. Сравним с Данте, "Ад", XIV, 76—84: «В безмолвье мы дошли до ручейка [...] чья злость мне и до сих пор жутка [...] в котором воду грешницы берут» (в переводе М. Лозинского).

24. Сравним с Данте, "Чистилище", XXVIII, 22—30: «И вдруг поток мне преградил дорогу, который мелким трепетом волны клонил налево травы по отлогу. Чистейшие из вод земной страны наполнены как будто мутью сорной пред этою, сквозной до глубины» (в переводе М. Лозинского).

25. Вергилий у Данте.

26. «Те, что в стихах когда-то воспевали былых людей и золотой их век, быть может, здесь в парнасских снах витали: здесь был невинен первый человек, здесь вечный май, в плодах, как поздним летом, и нектар — это воды здешних рек» (Данте, "Чистилище", XXVIII, 139—144).

27. «Катха Упанишад», 3—14.

Упанишады представляют собой форму индийских трактатов о природе человека и Вселенной и образуют позднюю часть ортодоксальной традиции рассуждения. Первые Упанишады датируются примерно VIII в. до н. э.

28. Джеймс Джойс, «Портрет художника в юности» (James Joyce, «A Portrait of the Artist as a Young Man»).

29. Аристотель, «Об искусстве поэзии».

30. Робинсон Джефферз, *«Чалыйжеребец»* (Robinson Jeffers, «*Roan Stallion»).*

31. Еврипид, *«Вакханки»,* 1017 (в переводе И. Анненского).

32. Еврипид, «*Критяне*» (The Cretans), фрг. 475.

33. Овидий, *«Метаморфозы», XV,* 165—167; 184—185 (в переводе С. Шервинского).

34. *«Бхагавад-Гита»,* 2:18 (в переводе А. Каменской).

35. Слово *«мономиф»* заимствовано из *«Поминок по Финнегану»* Джеймса Джойса (James Joyce,«*Finnegans Wake»).*

36. Вергилий, *«Энеида»,* VI, 892 (в переводе С. Ошерова).

37. Это наиболее важный момент восточной мифологии, двойник Распятия на Западе. Будда под Древом Просветления (Деревом Бодхи) и Христос на Святом Распятии (на Древе Избавления) являются аналогичными образами, объединяющими в себе Спасителя Мира и мотив Мирового Дерева, уходящий в незапамятную древность. В последующих эпизодах можно будет обнаружить множество иных вариаций этой темы. Место Неподвижности и гора Голгофа представляют собой образы Пупа Земли или Мировой Оси. Призывание Земли в качестве свидетеля представлено в традиционном буддистском искусстве изображениями Будды, сидящего в классической позе: правая рука его покоится на правом бедре, а ее пальцы слегка касаются земли.

38. Смысл кроется в том, что «состояние Будды», Просветление невозможно выразить словами; существует только *путь* к Просветлению. Эта доктрина невыразимости Истины, пребывающей вне именований и форм, является базовой в великой восточной, а также платонической традиции. В то время как научные истины, будучи доказуемыми гипотезами, рационально основанными на наблюдаемых фактах, являются выразимыми, ритуал, мифология и метафизика лишь направляют к порогу трансцендентального озарения, последний шаг к которому должен совершаться каждым в соответствии его собственного безмолвного опыта. По этой причине одним из санскритских понятий, обозначающих мудреца, является *«муни»,* «безмолвствующий». «*Шакьямуни*» (одно из имен Гаутамы Будды) означает «безмолвствующий *(муни)* из клана Шакья». Хотя он и является основателем широко распространенной мировой религии, сокровенное ядро его доктрины непременно остается скрытым в безмолвии.

39. Эта история представляет собой сильное сокращение введения к *«Джатакам».*

40. Исход, 19:3—5.

41. Льюис Гинзберг, «Легенды иудеев» (Louis Ginzberg, «The Legends of the Jews»).

42. Такое круговое путешествие героя в негативной форме проявляется в историях о потопах, в которых не сам герой отправляется за силой, но сила надвигается на героя, а затем убывает. Истории о потопе существуют во всех концах Земли. Они образуют составную часть архетипического мифа об истории мира, и потому относятся ко второй части этой книги «Космогонический цикл». Герой потопа представляет собой символ врожденной жизнеспособности человека, выживающего в самых тяжелых нашествиях катастроф и греха.

43. В настоящую книгу не включено историческое обсуждение этого обстоятельства. Эта задача оставлена другому труду, над которым сейчас ведется работа. Данная книга представляет собой сравнительное, а не генетическое исследование. Ее цель заключается в том, чтобы показать, что в самих мифах и в тех истолкованиях и приложениях, которые приписывались мифам мудрецами, существуют важные параллели.

44. По изданию *«Душа в огне»,* "Дом Ансгар Нелсон" (Dom Ansgar Nelson, O.S.B., *«The Soul Afire»).*

45. По Епифанию, «Adversits haereses»

46. См. ранее, стр. 31—32.

47. Это тот же змей, который укрыл Будду на пятую неделю после его просветления (см. ранее, стр. 33—34).

48. Элис С. Флетчер, *«Хако: церемония поуни»* (Alice C. Fletcher, *«The Hako: Pawnee Ceremony»).* «При сотворении мира, — рассказал верховный жрец поуни мисс Флетчер, описывая прославляемых в этой церемонии божеств, — было определено, что в нем должны существовать меньшие силы. Тирава-атиус, могущественная сила, не мог приблизиться к человеку, человек не мог его увидеть или почувствовать, потому и было допущено существование меньших сил. Они предназначены для того, чтобы быть посредниками между человеком и Тиравой» (там же).

49. См. Ананда К. Кумарасвами, *«Символизм купола»* (Ananda K. Coomaraswami, *«Symbolism of the Dome»).*

50. Иоан. 6:55.

51. Иоан. 10:9.

52. Иоан. 6:56.

53. Коран, 5:108.

54. Гераклит, фрагмент 102.

55. Гераклит, фрагмент 46.

56; Уильям Блейк, *«БракосочетаниеНеба и Ада»:* "Притчи Ада" (William Blake, *«The Marriage of Heaven and Hell»,* "Proverbs of Hell").

57. Лео Фробениус, *«Und Afrika sprach [...]* ». Сравним с поразительно похожим эпизодом с Одином (Воданом), который описывается в *«Младшей Эдде»: "*Язык поэзии", Г. Сравним также с велением Иеговы в Исходе, 32:27: «...возложите каждый свой меч на бедро свое, пройдите по стану от ворот до ворот и обратно и убивайте каждый брата своего, каждый друга своего, каждый ближнего своего».

* *«Один отправился в путь и пришел на луг, где девять рабов косили сено. Он спрашивает, не хотят*

ли они, чтобы он заточил им косы. Те соглашаются. Тогда, вынув из-за пояса точило, он наточил косы. Косцы нашли, что косы стали косить много лучше, и захотели купить точило. Он сказал, что пусть тот, кто хочет купить точило, заплатит за него в меру. Это всем пришлось по душе, и каждый стал проси ть точило для себя. Один бросил точило в воздух, но, так как все хотели схватить его, вышло, что они полоснули друг друга косами по шее». — Прим. перев.

ЧАСТЬ I ГЛАВА I

1. Братья Гримм, *«Волшебные сказки»,* No. 1, "Король-лягушонок" (в переводе Г. Петни- кова).

2. 3. Фрейд, «Психопатология повседневной жизни».

3. Эвелин Андерхилл, *«Исследование сущности и развития духовного сознания человека»,* часть II: «Мистический путь», глава II: «Пробуждение "Я"» (Evelyn Underbill, *«Mysticism, A Study in the Nature and Development of Man's Spiritual Consciousness»,* Part II: «The Mystic Way», Chapter II: «The Awakening of the Self»).

4. Зигмунд Фрейд, «Вводные лекции о психоанализе».

5. Мэлори, «*Смерть Артура»* (Malory, *«Le Morte d'Arthur»).* Это преследование оленя и зрелище «рыскающего зверя» отмечают начало появления загадок, связанных с Поисками Святого Грааля.

6. Джордж А. Дорси и Алфред Л. Крёбер, *«Традиции арапахо»* (George A. Dorsey, Alfred L. Kroeber, *«Traditions of the Arapaho»).*

7. К. Г. Юнг, «Психология и алхимия» (C.G. Jung, «Psychology and Alchemy»).

8. Вильгельм Штекель (Wilhelm Stekel, *«Die Sprache des Traumes»).* Доктор Штекель подчеркивает связь кроваво-красного сияния с мыслями о кровавом кашле при туберкулезе.

9. *«Буддизм в переводах»,* изд-во "Генри Кларк Уоррен" («*Buddhism in Translations»,* Henry Clarke Warren).

10. В этом разделе и на всех последующий страницах я не делаю попыток привести все существующие свидетельства. Заниматься этим (к примеру, следуя манере Фрэзера в его *«Золотой ветви»)* означало бы невероятно увеличивать размеры глав, не добиваясь при этом какого-либо дальнейшего прояснения основной идеи мономифа. Вместо этого я представляю в каждом разделе несколько ярких примеров из обильного числа рассеянных и показательных традиций. В ходе изложения этой работы я постепенно перехожу от одних источников к другим, так что читатель сможет испробовать самые разнообразные привкусы различных стилей. К тому времени как он достигнет последней главы, в его распоряжении окажется обзор огромного числа примеров из самых разных мифологий. Если же читателю захочется удостовериться, насколько многое может быть процитировано в каждом разделе о мономифе, ему достаточно обратиться к некоторым источникам, перечисленным в ссылках, а также перелистать множество сказок.

11. Прит. 1:24—27; 32.

12. «Духовные книги время от времени цитируют [это] латинское изречение, запугавшее не одну душу». — Эрнест Димнет, *«Искусство мышления»* (Ernest Dimnet, *«The Art of Thinking»).*

13. Фрэнсис Томпсон, *«Гончая небес»,* вступление (Francis Thompson,«*The Hound of Heaven»).*

14. Там же, завершение.

15. Овидий, *«Метаморфозы»,* I, 504—553 (в переводе С. Шервинского).

16. См. ранее, стр. 13.

17. По Фрейду: комплекс кастрации.

18. К. Г. Юнг, «Психология и алхимия» (C. G. Jung, «Psychology and Alchemy»).

19. Змей (в мифологии: символ наземных вод) в точности соответствует отцу Дафны, реке Пеней.

20. Братья Гримм, *«Волшебные сказки»;* No. 50, "Шиповничек" (в переводе Г. Петникова).

21. «Тысяча и одна ночь».

22. Быт. 19:26.

23. Вернер Цирус, «Агасфер, Вечный Жид» (Werner Zirus, «Ahasverus, derEwige Jude»).

24. См. ранее, стр. 47—49.

25. См. Отто Ранк, *«Искусство и художник»*: «Если сравнить невротика с плодотворной личностью, станет очевидным, что первый страдает от излишней требовательности к своей импульсивной жизни. [...] Оба принципиально отличаются от обычного человека, принимающего себя таким, каков он есть, своей склонностью прилагать волевые усилия к приобретению новой формы самих себя. Существует, однако, такое различие: невротик в своем волевом переделывании эго не продвигается дальше разрушительной предварительной деятельности и потому не способен отделить весь творческий процесс от своей собственной личности и рассматривать его как идеологическую абстракцию. Плодотворный художник тоже начинает [...] с такого создания себя заново, которое приводит к идеологически оформленному эго; [но в этом случае] эго оказывается в таком положении, которое позволяет сместить творческую силу воли от собственной личности к идеологическому олицетворению этой личности и, таким образом, сделать эту силу воли объективной. Следует признать, что этот процесс в определенной мере ограничен рамками самой личности — не только в своих конструктивных, но и в деструктивных аспектах. Это объясняет, почему продуктивное творчество так редко протекает без болезненных кризисов "невротического" характера».

26. Пересказ "Повести о царе Шахрамане, сыне его Камар аз-Замане и царевне Будур" из сборника *«Тысяча и одна ночь»* (в переводе М. А. Салье).

27. Бруно Гутманн, «Народные предания вачага» (Bruno Gutmann, « Volksbuch der Wadshagga»).

28. Вашингтон Мэттыоз, «*Легенды навахо»* (Washington Matthews, *«Navaho Legends»).*

У американских индейцев Юго-Запада пыльца является символом духовной энергии. Она обильно используется во всех ритуалах — как для того, чтобы отпугнуть демонов, так и для того, чтобы отмечать символический путь жизни.

29. Данте, "Рай", XXXIII, 12—21.

30. См. Освальд Шпенглер, «*Закат Европы*». «Предположим, — добавляет Шпенглер, — что Наполеон как "эмпирическая личность" потерпел поражение при Маренго, — тогда то, что он *означает,* было бы воплощено в какой-либо иной форме». Герой, который стал безличным в этом смысле и в такой степени, воплощает собой в течение периода своих эпохальный деяний динамизм культурного процесса; «между ним как данностью и другими данностями существует гармония метафизического ритма» (там же). Это соответствует идее Томаса Карлейля о Правителе-Герое как "Знающий" («О *героях, культе героев и героическом в истории»,* лекция VI).

31. В эллинистическую эпоху, как амальгама Гермеса и Тота, возник образ Гермеса Трисме- гиста, «Гермеса Трижды Величайшего», который считался учителем и патроном всех искусств и, в особенности, алхимии. «Герметично» запечатанная реторта, в которой хранились мистические металлы, считалась отдельным миром — особой сферой возвышенных сил, сравнимой с мифологическим царством; в такой реторте металлы претерпевали

* I? оригинале: "Ableman". — *Прим. перса.*

странные метаморфозы и трансмутации, что является символическим олицетворением преображения души, находящейся под опекой сверхъестественного. Гермес был господином древних мистерий инициации и являл собой такое же нисхождение в мир божественной мудрости, какое представляется также воплощениями божественных спасителей (см. далее, стр. 259—262; см. также К. Г. Юнг, *«Психология и алхимия»,* часть III, "Религиозные идеи в алхимии").

32. Следующее сновидение представляет собой живой пример слияния противоположностей в подсознательном; «Мне приснилось, что я пошел на улицу публичных домов, к одной девушке. Когда я вошел, она превратилась в полураздетого мужчину, лежащего на кушетке. Он сказал: "Тебя не смущает [то, что сейчас я мужчина]?" Мужчина выглядел старым, у него были белые виски. Он напомнил мне одного лесника, который был хорошим другом моего отца». — Вильгельм Штекель, *«Die Sprache des Traumes».* «Во всех сновидениях, — отмечает доктор Штекель, — проявляется склонность к бисексуальности. В тех случаях, когда бисексуальность нельзя обнаружить явно, она кроется в сновидении в латентном состоянии» (там же).

33. Колодец является символическим образом подсознательного. Сравним с волшебной сказкой о короле-лягушонке.

34. Сравним с лягушонком из волшебной сказки братьев Гримм. В домохаммедовской Аравии джинны (муж.; джинн, жен.: джиннія) были навязчивыми демонами пустынь и пустошей. Волосатые и бесформенные или имеющие образ зверей, страусов или змеев, они были очень опасными для беззащитного человека. Пророк Мохаммед признал существование этих языческих духов (Коран, 37:158) и включил их в мусульманскую систему, которая признавала три разумных формы, сотворенные Аллахом: ангелы, созданные из света, джинны, сотворенные из тонкого огня, и люди, сделанные из праха земли. Мусульманские джинны способны принимать любую желаемую форму, но не более плотную, чем сущность огня и дыма, и так могут стать видимыми для смертных. Существует три категории джиннов: летающие, ходящие по земле и водоплавающие. Предполагается, что многие из них приняли истинную веру и потому считаются добрыми; остальные — злые. Последние пребывают и действуют в тесном сотрудничестве с Падшими Ангелами, владыкой которых является Иблис («Отчаявшийся»).

35. Ифрит (жен.: ифрита) представляет собой очень сильного джинна (жен.: джиннія). Мариды представляют собой особенно могущественный и опасный класс джиннов.

36. Пересказ "Повести о царе Шахрамане, сыне его Камар аз-Замане и царевне Будур" из сборника «*Тысяча и одна ночь*» (в переводе М.А. Салье).

37. Сравним со змеей в сновидении, см. ранее, стр. 53.

38. Леонард С. Шульце (Leonhard S. Schultze, *«Aus Namaland und Kalahari»).*

39. Там же.

40. Дэвид Клемент Скотт, «Энциклопедический словарь языка манганджа, на котором говорят в Британской Центральной Африке» (David Clement Scott, «A Cyclopaedic Dictionary of the Mang'anja Language spoken in British Central Africa»).

Сравним со следующим сновидением двенадцатилетнего мальчика: «Однажды ночью мне приснилась нога [ступня]. Она стояла на полу, и я, не ожидая, что она там будет, споткнулся о нее. Мне показалось, что она имеет ту же форму, что и моя нога. Нога внезапно подпрыгнула и побежала за мной; кажется, я просто выпрыгнул в окно, выбежал через двор на улицу и побежал так быстро, как только мог. Думаю, я добежал до самого Вулвича, но она резко схватила меня, встряхнула, и я проснулся. Эта нога снилась мне потом еще несколько раз».

Перед этим мальчик услышал известие о том, что с его отцом-матросом в море произошел несчастный случай, во время которого он сломал лодыжку [К. У. Кимминз, *«Детские сновидения: Неисследованная земля»* (C. W. Kimmins, *«Children's Dreams, An Unexplored Land»)]*.

«Ступня, — пишет доктор Фрейд, — представляет собой очень древний сексуальный символ, встречающийся даже в мифологии» («Три *эссе о теории сексуальности»).* Следует отметить, что имя «Эдип» означает «разбухшая ступня».

41. Сравним со статьей В. Дж. Мансикки "Демоны и духи (славянские)" в *«Энциклопедии религии и этики».* Серия статей известных исследователей, собранных в этой книге под общим заголовком "Демоны и духи" (в частности, африканские, океанские, ассиро-вавилонские, буддистские, кельтские, китайские, христианские, коптские, египетские, греческие, еврейские, индийские, джайнские, японские, иудейские, мусульманские, персидские, римские, славянские, тевтонские и тибетские разновидности) представляет собой превосходное вступление в эту тему.

42. Там же. Сравним с мифом о Лорелее. Исследование Мансикки славянских лесных, полевых и водных духов основано на исчерпывающем труде Хануса Мачала «*Персонажи славянского фольклора»* (Прага), английское изложение которого можно найти в книге Мачала *«Славянская мифология» («Мифология всех народов»,* том III).

43. Во времена Александрии Пан идентифицировался с фаллическим египетским божеством Мином, который был, помимо прочего, стражем пустынных дорог.

44. Сравним с Дионисом, великим фракийским двойником Пана.

45. Вильгельм Штекель (Wilhelm Stekel, *«Fortschritte und Technik der Traumdeutung»).* Страж символизирует, по словам доктора Штекеля, «сознание, или, если угодно, совокупность всех моральных и ограничивающих факторов, существующих в сознании. Фрейд, — продолжает доктор Штекель, — назвал бы этого сторожа "суперэго". Но, на самом деле, он — "интерэго". Сознание препятствует прорыву опасных желаний и аморальных поступков. Именно в этом смысле чаще всего интерпретируются сторожи, полицейские или официальные лица, появляющиеся в сновидениях».

46. А. Р. Рэдклифф-Браун, «Жители Андаманских островов» (A. R. Radcliffe-Brown, «The Andaman Islanders»).

47. Водные, морские змеи отмечены полосами темного и светлого цвета, и они всегда выглядят в той или иной степени опасными.

48. Р. Х. Кодрингтон, «Меланезийцы, их антропология и фольклор» (R. H. Coddrington, «The Melanesians, their Anthropology and Folrlore»).

49. «*Джатаки*», 1:1. Краткий пересказ.

50. Отмечалось, что приключение принца Пять Оружий является самым ранним из известных примеров известной почти повсеместно в народном фольклоре сказки о Смоляной Кукле .

51. Палица грома (*ваджра*: «молния», «алмаз») является одним из важнейших символов буддистской иконографии и обозначает духовное могущество Будды (неразрушимого просветления), раскалывающее иллюзорные реальности мира. Абсолютный Будда, или Ади-Будда, представлен в Тибете в образе Ваджрадхары (тибетское: *Дорже-Чан),* «Держа-

* Кукла, предназначенная для поимки Братца Кролика, в «*Сказках дядюшки Рчмуса»* Дж. К. Харриса.
— *Прим. перев.*

теля Несокрушимой Палицы Грома».

Палица молнии, имеющая тот же вид, что и *ваджра,* является заметным элементом облика богов древней Месопотамии — Шумера и Аккада, Вавилонии и Ассирии (см. иллюстрацию XX); оттуда она была унаследована Зевсом.

Нам известно также, что у первобытных народов воины могут называть свое оружие несущим молнию. *Sicut in coelo en in terra:* посвященный воин является проводником божественной воли; его подготовка заключается не только в физическом, но и в духовном мастерстве. Магия (сверхъестественная сила удара молнии), наряду с физической силой и применяемыми ядами, придает его ударам смертоносную энергию. Совершенному мастеру вообще не требуется физическое оружие; ему хватает могущества его магического слова.

Притча о принце Пять Оружий является иллюстрацией этих представлений, но она учит также и тому, что тот, кто полагается и гордится исключительно своими эмпирическими, физическими способностями, — уже побежден. «Здесь мы видим образ героя, — пишет доктор Кумарасвами, — который вовлечен в ловушку эстетического восприятия ["пять точек" означают пять чувств], но, благодаря присущему ему моральному превосходству, оказывается способным освободиться и даже освободить других».

52. *«Джатака»,* 55:1. Краткий пересказ и адаптация.

53. Николай Кузанский, *«De visione Dei»*.

54. Овидий, «*Метаморфозы*», VII, 62; XV, 338.

55. См. ранее, стр. 59.

56. Лонгфелло, «*Песнь о Гайавате»,* "Пирога Гайаваты" [в переводе под редакцией Вс. Рождественского и Б. Томашевского (Longfellow, *«The Song of Haiwatha»)]*. Приключения, приписанные поэтом Лонгфелло вождю ирокезов Гайавате, относятся, скорее, к герою Манабозо культуры алгонкинов. Гайавата был реальной исторической личностью и жил в шестнадцатом веке.

57. Лео Фробениус (Leo Frobenius, «Das Zeitaller des Sonnengottes»).

58. Генри Коллэвэй, «Детские сказки и традиции зулу» (Henry Callaway, «Nursery Tales and Traditions of the Zulus»).

59. Ананда К. Кумарасвами, «Акимкана: Самоустранение» (Ananda К. Coomaraswamy, «Akin- саппа: Self-Naughting»).

60. Саркофаг или гроб являются вариациями чрева кита. Сравним с историей Моисея в тростниках.

61. Сэр Джеймс Дж. Фрэзер, *«Золотая ветвь»* (Sir James G. Frazer, *«The Golden Bough»).*

62. Дуарте Барбоза, «Описание побережий Восточной Африки и Малабара в начале шестнадцатого столетия» (Duarte Barbosa, «Description of the Coasts of East Africa and Malabar in the Beginning of the Sixteenth Century»).

Это было то же жертвоприношение, от которого отказался царь Минос, когда сохранил жизнь быку Посейдона. Как показал Фрэзер, ритуальное цареубийство было в древнем мире довольно обычной традицией. «В Южной Индии, — пишет он, — правление и жизнь царя прерывались в соответствии с обращением планеты Юпитер вокруг Солнца. В Греции же судьба царя, судя по всему, решалась в конце восьмилетнего цикла. [...] Ничуть не рискуя оказаться слишком опрометчивыми, мы можем предположить, что дань в форме семи юношей и семи девушек, которую афиняне должны были каждые восемь лет отправлять Миносу, имеет определенную связь с обновлением царской власти перед новым восьмилетним периодом». Жертвоприношение быка, которое вменялось

Миносу, подразумевало, что, согласно модели унаследованных традиций, в завершение восьмилетнего периода он должен был принести в жертву самого себя. Но он, по всей видимости, предложил в качестве замены афинских юношей и девушек.

Возможно, именно таким образом божественный Минос превратился в чудовище, Минотавра, самоуничтожающегося царя-тирана, а иератическое государство, в котором каждый исполнял свою роль, — в империю торговцев, где каждый был сам за себя. Подобные практики замены, судя по всему, были очень распространенными во всем античном мире к моменту завершения большого периода ранних иератических государств (в третьем— втором тысячелетиях до нашей эры).

ЧАСТЬ I ГЛАВА II

1. Апулей, *«Золотой осел»,* стр. 131 —141.
2. Кнуд Леем (Knud Leem, «Beskrivelse over Finmarkens Lapper»).
3. Женщины могут оказаться неспособными определить положение шамана в том мире, и в этом случае его дух не сумеет вернуться в тело. Может случиться также, что блуждающий дух шамана-врага вовлечет его в схватку или заставит его заблудиться. Говорят, что было очень много шаманов, которым не удалось вернуться [Е. Й. Йессен (E. J. Jessen,«*Afhandlitig om de Norske Finners og Lappers Hedenske Religion»)]*.
4. Уно Харва (Uno Harva, «Die religiosen Vorstellungen der altaischen Volker») на основе Г. Н. Потанина «Очерки северо-западной Монголии» (Спб., 1881).
5. Геза Рохейм, «Источники и функции культуры» (Geza Roheim, «The Origin and Function of Culture»).
6. Там же.
7. Там же.
8. Эвелин Андерхилл, «Исследование сущности и развития духовного сознания человека», часть II, глава III (Evelyn Underbill, «Mysticism, A Study in the Nature and Development of Man′s Spiritual Consciousness», p. II, ch. III). См. ранее, прим. [3] к главе I.
9. Вильгельм Штекель (Wilhelm Stekel, «Fortschritte und Technik der Traumdeutung»).
10. *«Swedenborgs Drommar, 1774»,* цитируется no Ignaz lezower, *«Das Buch der Traume».* Комментарий самого Сведенборга к этому сновидению был таким: «Драконы этого вида, которые не раскрывают свою сущность дракона, пока наблюдатель не заметит их крылья, символизируют ложную любовь. Как раз сейчас я пишу на эту тему».
11. Йецовер, ранее цит.
12. Плутарх, «*фемистокл*», 26.
13. Вильгельм Штекель (Wilhelm Stekel, «Fortschritte und Technik der Traumdeutung»).

14. Там же.

15. Там же.

16. Там же.

17. Там же.

18. Там же.

19. Там же.

20. Там же.

21. Вильгельм Штекель (Wilhelm Stekel, *«Die Sprache des Traumes»).* «Разумеется, — пишет доктор Штекель, — "быть мертвой" означает здесь "быть живой". Она начинает жить, и полицейский "живет" вместе с ней. Они умирают вместе. Это ярко отражает популярную фантазию о двойном суициде».

Следует также заметить, что в этом сновидении встречается почти всеобщий мифологический образ узкого, как меч, моста (лезвия бритвы), возникающего, например, в романтической истории о Ланселоте, спасающем королеву Джиневру из замка Короля Смерти.

22. Вильгельм Штекель (Wilhelm Stekel, *«Die Sprache des Traumes»).*

23. Там же.

24. «Эта проблема не нова, — пишет доктор К. Г. Юнг, — ибо все поколения до нас в той или иной форме верили в богов. Только беспримерное обнищание символизма могло позволить нам вновь открыть богов в образе психических факторов, то есть архетипов бессознательного. [...] Небеса стали для нас космическим пространством физиков, а божественные эмпиреи — слабыми воспоминаниями о том, что было когда-то. Но "сердца пылают", и тайное беспокойство подтачивает корни нашего бытия» («*Архетипы коллективного бессознательного»),*

25. Коран,.2:214.

26. С. Н. Крамер, *«Шумерская мифология»* [S. N. Kramer, *«Sumerian Mythology»*]. Мифология Шумера имеет для нас, людей Запада, особое значение, поскольку она является источником вавилонской, ассирийской, финикийской и библейской традиций (а последняя дала начало мусульманству и христианству), а также сыграла важную роль в языческих религиях кельтов, греков, римлян, славян и германцев.

27. Или, как выразил это Джеймс Джойс, «равенство противоположностей, взращенных одной и той же силой природы или духа в качестве единственного условия и средства ее

проявления в том и другом и противопоставленных в своем воссоединении их подчеркнутой несовместимостью» («*Поминки по Финнегану*»),

28. Джеремия Кертин, «Мифы и фольклор Ирландии» (Jeremiah Curtin, «Myths and Folk-Lore of Ireland»).

29. См. ранее, стр. 53—54.

30. Овидий, «*Метаморфозы*», III, 138—252 (в переводе С. Шервинского).

31. См. Й. К. Флюгель, «Психоаналитическое исследование семьи» (J. C. Flugel, «The Psycho- Analytical Study of Family»).

«Существует, — отмечает профессор Флюгель, — очень общая аналогия, с одной стороны, между понятием разума, духа, или души, и идеей отца, или мужского начала, — и, с другой стороны, между понятием тела, или материи (*materia* — то, что принадлежит матери), и идеей матери, или женского начала. Подавление эмоций и чувств, связанных с матерью [в нашем иудео-христианском монотеизме], вызвало, в силу этой аналогии, склонность к подозрительному, презрительному или враждебному отношению к человеческому телу, к Земле и ко всей материальной Вселенной, с соответствующей тенденцией восхваления и повышенного внимания к духовным элементам как в человеке, так и в общей схеме мира. Представляется весьма вероятным, что очень многие из наиболее выразительных идеалистических направлений философии обязаны своей привлекательностью в умах именно

* перевод текста «С *Великих Небес к Великим Недрам...*» приводится по изданию «Поэзия и проза Древнего Востока», серия "Библиотека всемирной литературы", изд-во "Художественная литература", М., 1973. — *Прим. перев.*

сублимации противодействия по отношению к матери, в то время как более догматические и узкие формы материализма могут, в свою очередь, представлять собой возвращение подавленных чувств, изначально связанных с матерью».

32. Священные писания (*шастры*) индуизма делятся на четыре типа: **1)** *шрути,* которые считаются прямым божественным откровением; они включают в себя четыре «Веды» (древние книги псалмов) и несколько «Упанишад» (древние философские тексты); **2)** *смрити,* в число которых входят традиционные учения ортодоксальных мудрецов, канонические наставления о проведении домашних ритуалов и некоторые работы о мирских и религиозных законах; **3)** *пураны* — главным образом, мифологические и эпические произведения; они представляют собой описание космогонических, теологических, аст-

рономических и физических знаний; и **4)** *тантры,* тексты, описывающие техники и ритуалы поклонения божествам и обретения сверхъестественных способностей. Среди *тантр* существует группа особо важных писаний (под названием *агамы),* которые, как считается, были поведаны непосредственно Всеобщим Богом Шивой и его женой, богиней Парвати (поэтому эти тексты называют иначе «Пятыми Ведами»), Они посвящены мистической традиции, которая, собственно, и известна как *Тантра;* она оказала всеобъемлющее влияние на поздние формы иконографии индуизма и буддизма. Тантрический символизм был перенесен средневековым буддизмом из Индии в Тибет, Китай и Японию. Приведенное ниже описание Острова Драгоценностей основано на книге сэра Джона Вудроффа *«Шакти и шакта» («Shakti and Shakta»)* и работе Хейнриха Циммера *«Мифы и символы в искусстве и цивилизации Индии*» (Heirich Zimmer, «*Myths and Symbols in Indian Art and Civilization»).*

33. «Проповедь Шри Рамакришны».

34. Там же.

35. СтэндишХ. О'Грэйди, «Галльские леса» («Silva Gadelica»). Различные версии этой истории можно найти в «Кентерберийских рассказах» Чосера (Chaucer, «Canterbury Tales»); в книге Гоуэра «Сказание о Флоренте» (Gower, «Tale ofFlorent»); в поэме XV века «The Wedding of Sir Gawen and Dame Ragnelh и в балладе XVII века «Marriage of Sir Gawaine». См. также У. Ф. Брайан и Дж. Демпстер,«Источники и аналоги "Кентерберийскихрассказов" Чосера» (W. F. Bryan, Germaine Dempster, «Sources and Analogues of Chaucer's Canterbury Tales») .

36. Гвидо Гвиничелли ди Маньяно (1230—1275?), «О *кротком сердце».*

37. Антифон вечерни на праздник Успения Пресвятой Девы Марии (15 августа); из Римского Служебника.

38. *«Гамлет»,* акт I, сцена II (в переводе М. Лозинского).

39. Софокл, *«Эдип в Колоне»,* 1674—1676 (в переводе С. Шервинского).

40. Шанкарачарья, *«Вивекачудамани»,* 396; 414.

41. Жакоб де Воражин, *«Золотая легенда*», LXXVI, "Святая Петронилла, Дева" (сравним с историей Дафны, см. ранее). Поздняя Церковь, не желающая признавать существование у Петра детей, говорит о Петронилле как о его приемной дочери.

42. Там же, CXVII.

43. Гюстав Флобер, *«Искушение святого Антония»* (Gustave Flaubert, *«La tentation de Saint Antoine»* ["La reine de Saba"]).

44. Коттон Матер, «Чудеса Незримого Мира» (Cotton Mather, «Wonders of the Invisible World»).

Приведенные фрагменты цитируются в пер. С. В. ШКунаева по нэданню «*Предания и мифы I рглнепековой Ирландии*». Изд-во Моск. Ун-та, 1991. — *Прим. персе.*

45. Джонатан Эдварде, «Грешники в руках разгневанного Бога» (Jonathan Edwards, «Sinners in the Hands of an Angry God»).

46. См. ил. IX. Символика этого выразительного образа была прекрасно изложена Анандой Кумарасвами в его *«Танце Шивы»* (Ananda K. Coomaraswamy, «*The Dance of Shiva»)* и Хейнрихом Циммером в *«Мифах и символах в искусстве и цивилизации Индии»* (Heirich Zimmer, *«Myths and Symbols in Indian Art and Civilization»).* Кратко: протянутая правая рука удерживает барабан; его бой является ритмом времени, которое представляет собой первый принцип творения; в вытянутой левой руке — пламя, которое является огнем уничтожения сотворенного мира; вторая правая рука успокаивает жестом «не бойся», а вторая левая, указующая на приподнятую левую ногу, пребывает в положении, символизирующем «слона» (слон является «прокладывающим путь через джунгли мира», то есть божественным проводником); правая ступня покоится на спине карлика, демона «неведения», что олицетворяет переход души от Бога в материю, однако левая нога приподнята, знаменуя освобождение души. Именно на левую ступню указывает «рука-слон», и это является дополнительным обоснованием уверенности души, жеста «не бойся». Голова бога уравновешена, безмятежна и неподвижна, пребывая в промежутке между динамизмом сотворения и уничтожения, который обозначается движущимися руками и ритмом слегка притоптывающей правой ноги. Это означает, что центр пребывает в покое. Правая серьга Шивы имеет форму мужчины, а левая — женщины, поскольку Бог включает в себя все пары противоположностей и пребывает за их пределами. Выражение лица Шивы не опечаленное, не радостное; это лицо Пребывающей в Движении Неподвижности, которая расположена за пределами и в то же время присутствует в любом блаженстве и страдании мира. Растрепанные вьющиеся локоны символизируют нерасчесанные волосы индийского йога, который ныне парит в танце жизни, поскольку проявления бога в радостях и печалях жизни обнаруживаются путем отстраненной медитации и

представляют собой два аспекта одного и того же всеобщего, недвойственного Бытия-Сознания-Блаженства *[Сат-Чит-Ананда].* Браслеты, обручи на руках, кольца на лодыжках и нить брахминов изображены в виде живых змей. Это означает, что бог обрел свою красоту благодаря Змеиной Силе — загадочной Созидательной Энергии Бога, которая является материальной и оформленной причиной его собственного самопроявления в качестве Вселенной и во Вселенной со всеми ее сущностями. В волосах Шивы можно заметить череп, символ смерти, украшение лба Бога Разрушения, а также серп луны, символ рождения и умножения, которые входят в число его благодеяний для мира. Кроме того, в его волосах виден цветок дурмана — растения, из которого готовят опьяняющие средства (сравним с вином Диониса и вином мессы). В его локонах скрывается крошечный образ богини Ганга, поскольку именно голова Шивы принимает на себя напор ниспадающей с небес божественной реки Ганг, позволяя затем этим животворным и спасительным водам плавно стекать на землю для физического и духовного подкрепления человечества. Положение тела танцующего бога можно представить как символическое отражение слога АУМ, который является устным эквивалентом четырех состояний сознания и полей их воспри-

*____ Ананда Кумарасвами. «*Танец Шивы*». «София», Киев, 1997 г.

** Нить брахминов представляет собой хлопковую нить, которую носят представители трех высших
каст (так называемых «дважды рожденных») Индии. Она перебрасывается через голову и проходит под правой рукой, то есть покоится на левом плече и опускается на грудь и на спину к правому бедру. Такой способ ношения символизирует второе рождение «дважды рожденного», тогда как сама нить знаменует порог или солнечную дверь, означая, что «дважды рожденный» одновременно пребывает и во времени, и в вечности. — *Прим. автора.*

ятия («А»: бодрствующее сознание; «У»: сознание сновидения; «М»: сон без сновидений; тишина, окружающая священный слог: Непроявленная Трансцендентальность). Таким образом, бог пребывает как внутри поклоняющегося, так и вне его. Подобные фигуры иллюстрируют функции и значимость запечатленных образов и объясняют, почему идолопоклонникам не требуются продолжительные проповеди. Поклоняющемуся позволяется проникать в значение божественного символа

в глубоком молчании и в удобное для него время. Более того, поклоняющийся, подобно своему богу, носит обручи на запястьях и кольца на лодыжках, и они означают то же, что атрибуты бога. Пусть они сделаны из золота, а не из живых змей, но золото (металл, не поддающий- • ся коррозии), символизирует бессмертие; таким образом, бессмертие является загадочной созидательной энергией бога, приносящей красоту его телу.

Сходным образом, детали антропоморфных идолов копируются, истолковываются и, следовательно, получают законное обоснование и во многих других подробностях жизни и местных обычаев. В результате вся жизнь превращается в поддержку медитации: поклоняющийся непрерывно пребывает в центре молчаливой проповеди.

47. Или «интерэго» (см. ранее, прим. 45 на стр. 301).

48. Сравним с многочисленными порогами, пересеченными Инанной (см. ранее, стр. 82—84).

49. Четыре символических цвета, означающие стороны света, играют значительную роль в иконографии и культе племени навахо: белый, голубой, желтый и черный цвета обозначают, соответственно, восток, юг, запад и север. Они соответствуют красному, белому, зеленому и черному цветам шапки африканского божества-шутника Эдшу (см. ранее, стр. 41). Дом Отца, как и сам Отец, символизирует Середину.

Близнецы-Герои проходили испытание символами четырех направлений, целью которого являлась проверка того, разделяют ли они ошибки и ограничения какой-либо четверти.

50. Вашингтон Мэттьюз, «*Легенды навахо*» (Washington Matthews, *«Navaho Legends»).*

51. Овидий, «*Метаморфозы*», II, 327—328.

52. К. У. Кимминз, «Детские сновидения: Неисследованная земля» (C. W. Kimmins,.«Children's Dreams, An Unexplored Land»).

53. Клемент Вуд, «Сновидения: их значение и практическое использование» [Clement Wood, «Dreams: Their Meaning and Practical Application»].

54. См. ранее, стр. 17.

55. У. Ллойд Уорнер, «Темнокожая цивилизация» (W. Lloyd Warner, «A Black Civilization»).

56. «Отец [то есть тот, кто проводит обрезание] является тем человеком, который *отделяет* ребенка от матери, — пишет доктор Рохейм. — В действительности от мальчика отсекается его мать. [...] Головка пениса, скрывающаяся в крайней плоти, —

ребенок в лоне матери» [Геза Рохейм, *«Вечные в сновидении»* (Geza Roheim, *«The Eternal Ones of the Dream»)]*.

Интересно отметить, что в сохранившихся до наших дней обрядах обрезания в культах иудеев и мусульман женский элемент тщательно вычищен из официальной, строго монотеистической мифологии. «Поистине, Аллах не прощает, чтобы ему придавали сотоварищей, — гласит Коран. — [...] Они [язычники] призывают помимо Него только женский пол» (Коран, 4:116—117).

57. Сэр Болдуин Спенсер и Ф. Дж. Джиллен, «*Арунта»* (Sir Baldwin Spencer, F.J. Gillen, *«The Arunta»).*

58. Геза Рохейм, «Вечные в сновидении» (Geza Roheim, «The Eternal Ones of the Dream»).

59. Там же.

60. Там же; цитируется работа Р. и С. Берндтов «Предварительный отчет о полевых наблюдениях в районе Улдея Юго-Западной Австралии» (R. and C. Berndt, «Л Preliminary Report of Field Work in the Ooldea Region of Western South Australia»).

61. Там же; цитируется Д. Бэйтс, «Обряды перехода у аборигенов» (D. Bates, «Passing of the Aborigines»).

62. Геза Рохейм, «Вечные в сновидении» (Geza Roheim, «The Eternal Ones of the Dream»).

63. Там же; цитируется Р. Х. Мэтьюз, «*Церемония Валлунггуры»* (R. H. Mathews, «*The Wallo- onggura Ceremony»).*

64. Описан случай, когда два мальчика посмотрели туда, куда им нельзя было смотреть. «Тогда старейшины вышли вперед с каменными ножами в руках. Остановившись перед мальчиками, они вскрыли обоим вены. Хлынула кровь, и остальные мужчины вскочили с ужасными криками. Мальчики лежали бездыханными. Старые *вирринуны* (шаманы), окунув каменные ножи в кровь, прикоснулись ими к губам всех присутствующих. [...] Тела жертв *бура* [обряда инициации] были сварены. Каждый мужчина, участвовавший не менее чем в пяти *бура,* съел кусочек этой плоти; остальным не позволили даже смотреть на это» [Там же; цитируется по К. Лангло Паркер, *«Племя эуахлайи»* (К. Langloh Parker, *«The Euahlayi Tribe»)]*.

65. Поразительные откровения сохранившейся в современной Меланезии символической системы по сути своей идентичны египто-вавилонской системе, трояно-критскому «комплексу лабиринта» второго тысячелетия до нашей эры. См., например, *«Каменные люди Малекулы»* Джона Лайарда (John Layard, *«Stone Men of Malekula»).* У. Ф. Дж. Найт во

«Вратах Кумы» (W. F. J. Knight,«*Cumae Gates»)* обсуждает очевидную связь малекуланского «путешествия души в подземный мир» и классических нисхождений Энея и вавилонского Гильгамеша. У. Дж. Перри в своей книге «*Дети Солнца»* (W. J. Perry, *«Children of the Sun»)* полагает, что можно найти свидетельства подобного продолжения культур на всем пути от Египта и Шумера через область Океании до Северной Америки. Многие ученые, особенно Джейн Харрисон в работе *«Фемида: Изучение социальных источников греческой религии»* (Jane Harrison, *«Themis, A Study of the Social Origins of Greek Religion»),* подчеркивали близкие, вплоть до подробностей, соответствия классических греческих и первобытных австралийских обрядов инициации.

Остается неясным, каким образом и в какие эпохи мифологические и культурные модели различных архаических цивилизаций могли распространиться по самым отдаленным уголкам Земли; однако можно категорически утверждать, что лишь немногие (или вообще ни одна) из так называемых «примитивных культур», изученных нашими антропологами, демонстрируют автохтонное развитие. Они представляют собой, скорее, местное приспособление, провинциальное вырождение и невероятно древние, ископаемые остатки народных обычаев, развивавшихся в совершенно отличных, нередко намного более простых обстоятельствах по сравнению с другими народами.

66. Еврипид, *«Вакханки»,* 526—527 (в переводе С. Шервинского).

67. Эсхил, фрг. 57. Джейн Харрисон (см. выше) использует этот фрагмент в своих рассуждениях о роли ревущих быков в классических и австралийских обрядах инициации. В качестве введения в тему ревущих быков см. Эндрю Лэнг, *«Обычай и миф»* (Andrew Lang, *«Cusstom and Myth»).*

68. Подробное описание этих празднеств см. в *«Золотой ветви»* сэра Джеймса Дж. Фрэзера (Sir James G. Frazer, *«The Golden Bough»).*

69. Евр. 9:13—14.

70. Ле П. А. Капуе де Перес-Бланкс, «Песни, заклинания и притчи басумбва из Восточной Африки» (Le P. A. Capus des Peres-Blancs, «Contes, Chants et Proverbes des Basumbwa dans I'Afrique Orientale»).

71. Коран, 10:31.

72. См. ранее, стр. 58.

73. См. ранее, стр. 45. Басумбва (история о Великом Вожде, Смерти), вачага (рассказ о Кьязимбе) являются восточноафриканскими народностями; йоруба (легенда об Эдшу) живут на Западном побережье, в Нигерии.

74. Коран, 6:59—60.

75. Лук., 2:7.

76. Овидий, «*Метаморфозы*», VIII, 618—724.

77. Коран, 2:115.

78. «Катха Упанишад», 3—12.

79. Иов, 40:2—9.

80. Иов, 42:5—6.

81. Иов, 42:16—17.

82. Леон Штейн, «Музыка хасидов» (Leon Stein, «Hassidic Music»).

83. Хинаяна-буддизм (буддизм, сохранившийся на Цейлоне, в Бирме и Сиаме) почитает Будду как человеческого героя, возвышенного святого и мудреца. С другой стороны, махаяна-буддизм, распространенный севернее, рассматривает Просветленного как спасителя мира, человеческое воплощение всеобщего принципа просветления. Бодхисаттва является личностью, пребывающей на пороге состояния Будды; с точки зрения хинаяны — это адепт, который в следующем перерождении станет Буддой; согласно взглядам махаяны (как покажет приведенный далее рассказ), это форма мирового спасителя, олицетворяющего, в частности, всеобщий принцип сострадания. Слово «бодхисаттва» в переводе с санскрита означает: «тот, чье бытие, или сущность, есть просветление».
Махаяна-буддизм основан на пантеоне, в который входит множество бодхисаттв и прошлых или будущих Будд. Все они являются отражениями, проявленными силами трансцендентального, единственного Ади-Будды («Первоначального Будды»; см. ранее, прим. [51]), который является высочайшим мыслимым источником и окончательным пределом всего бытия, висящего, подобно чудесному пузырю, в пустоте небытия.

84. «Праджняпарамита-Хридая Сутра».

85. «Ваджраччхедика-Праджняпарамита Сутра» («Алмазная Сутра»), 17.

86. «Амитайюр-Дхьяна Сутра», 19.

87. *Ян*, светлый, активный, мужской принцип и *Инь*, темный, пассивный, женский принцип — в своем взаимодействии лежат в основе и образют весь мир форм («десять тысяч вещей»). Они исходят из *Дао* — источника и закона бытия — и, в соединении,

позволяют ему проявиться. *Дао* означает «путь» или «дорога». *Дао* является путем, или направлением развития природы, судьбы, космического порядка; это проявившийся Абсолют. Таким образом, *Дао* означает также «истина», «правильный образ действий». Слияние *Ян* и *Инь* как *Дао* изображается известным знаком *«Инь-Ян»*. *Дао* лежит в основе космоса. *Дно* пребывает в каждой сотворенной вещи.

88. «Для мужчин я Гермес, для женщин предстаю Афродитой; я несу символы обоих своих родителей» (*«Anthologia Graeca atFidem Codices»).*

«Одна часть его — от отца его; остальное же от матери» (Марциал, «*Эпиграммы*», 4,174). Овидий упоминает о гермафродитах в «*Метаморфозах*», IV, 288.

До нас дошло множество классических образов гермафродитов. См. Хью Хэмптон Янг, *«Аномалии гениталий, гермафродитизм и связанные с ним болезни надпочечников»,* часть I, "Гермафродитизм в литературе и искусстве" (Hugh Hampton Young, *«Genital Abnormalities, Hermaphroditism, and Related Adrenal Disease»,* Ch. I, "Hermaphroditism in Literature and Art").

89. Платон, *«Пир».*

90. Бытие, 1:27.

91. *«Мидраш»,* комментарии к Бытию (Рабба 8:1).

92. См. ранее, стр. 71—72.

93. См. далее, стр. 209—211.

94. Сравним с Джеймсом Джойсом: «[...] в бережливых небесах [...] нет более браков; возвеличенный человек, андрогинный ангел, становится супругой самому себе» («Улисс»).

95. Софокл, «*Эдип царь*». См. также Овидий, *«Метаморфозы»,* III, 324, 511, 516. Другие примеры гермафродитов в роли жрецов, богов и мудрецов см. у Геродота (4:67), в *«Характерах»* Теофраста (16:10— 11)иу Дж. Пинкертона в «*Морских и сухопутных путешествиях»* (J. Pinkerton, «*Voyage and Travels»).*

96. *См. Хейнрих Циммер,* «Мифы и символы в искусстве и цивилизации Индии» *(Heirich Zimmer,* «Myths and Symbols in Indian Art and Civilization».

97. См. ил. X.

98. См. Б. Спенсер и Ф. Дж. Джиллен, *«Коренные племена Центральной Австралии»* (B. Spencer, F. J. Gillen, «*Native Tribes of Central Australia»); Т.* Рохейм, «*Вечные в*

сновидении» (G. Ro- heim, *«The Eternal Ones of the Dream»).* Подрезание представляет собой искусственную гипоспадию, расщепление нижней части уретры, имеющую сходство с определенными формами гермафродитизма.

99. *Г. Рохейм,* «Вечные в сновидении» *(G. Roheim,* «The Eternal Ones of the Dream»).

100. Там же.

101. Сравним со следующей точкой зрения Бодхисаттвы Дхармакары: «Из его рта источается с дыханием пот и более чем небесный аромат сандалового дерева. Изо всех пор его волос исходит благоухание лотоса, и он приятен каждому, изящен и красив; наделен полнотой лучших ярких цветов. Поскольку тело его украшено всеми добрыми знаками и отметинами, из пор его волос и из ладоней его рук поднимаются всевозможные драгоценные украшения в форме всяческих цветов, благовоний, духов, гирлянд, притираний, зонтов, флагов и знамен, а также в форме музыки разнообразных инструментов. И еще возникают испускаемые из ладоней его рук все формы яств и напитков, пищи, тяжелой и легкой, и засахаренных фруктов, и все формы наслаждений и удовольствий» («*Сукхавати-вьюха Сутра»,* 10).

102. *Г. Рохейм,* «Война, преступность и мирные соглашения» *(G. Roheim,* «War, Crime, and the Covenant»).

103. Там же.

104. 1 Цар. 17:26.

105. Коран, 4:104.

106. «Ибо никогда в этом мире ненависть не прекращается ненавистью, но отсутствием ненависти прекращается она. Вот извечный закон» (из буддистского текста *«Дхаммапада»,* 1:5).

107. Лук. 6:27—36.

Сравним со следующим письмом христианина: «В год Господа

Нашего 1682

К Вам, почтенный и любимый м-р Джон Хиггинсон:

Ныне в море корабль под названием *"Welcome",* на борту имеющий сотню или более еретиков и зловредников именем квакеры, с У. Пенном, который главный негодяй во главе их. Святой Суд соответственно предписал господину Малахии Хаскотту с брига *"Porpoise"* священный приказ подстеречь указанный *"Welcome"* насколько возможно близко от мыса Код и пленить упомянутого Пенна и его нечестивую команду с тем,

чтобы Господь был прославлен и не осмеян на землях новой страны языческим поклонением этих людей. Большая выгода может быть получена от продажи всех их на Барбадос, где за рабов дают хорошую цену ромом и сахаром, и мы сотворим не только великое благо Господу, наказав этих грешников, но и принесем великую пользу Его Слуге и народу. Ваш во страданиях Христовых, Коттон Матер

[приводится в работе профессора Роберта Филлипса «Американское правительство и его задачи» *(Robert Phillips,* «American Government and Its Problems») *и в труде доктора Карла Меннингера* «Любовь против ненависти» *(Karl Menninger,* «Love Against Hate»)].

108. Мат. 22:37—40; Мар. 12:28—34; Лук. 10:25—37. Кроме того, Иисус, как сказано, поручил апостолам «научать все народы» (Мат. 28:19), а не подвергать их гонениям, грабежам или предавать в «руки мирян» тех, кто не прислушался. «Вот, Я посылаю вас, как овец среди волков; итак будьте мудры, как змии, и просты, как голуби» (Мат. 10:16).

109. Доктор Карл Меннингер подчеркнул (*«Любовь против ненависти»),* что хотя иудейские раввины, протестантские пасторы и католические священники способны иногда достичь, в целом, примирения своих теоретических разногласий, когда бы они ни начинали описывать правила и предписания, благодаря которым возможно достичь вечной жизни, их позиции различаются безнадежно. «Вплоть до этого момента их представления непогрешимы, — пишет доктор Меннингер. — Но если никому не известно, каковы эти правила и предписания, религия превращается в бессмыслицу». Ответ на это дает Рамакришна: «Бог создал различные религии, чтобы удовлетворить потребности разных последователей, времен и стран. Все доктрины представляют собой всего лишь разные пути, но ни один из них ни в коей мере не означает Самого Бога. На самом деле человек способен достичь Бога, следуя любому из путей со всей преданностью своего сердца. [...] Торт с мороженым можно начинать вкушать с любой стороны. И с любой стороны вкус его будет одинаково сладок» (*«Проповедь Шри Рамакришны»).*

110. Мат. 7:1.

111. «Как разбойники подстерегают человека, так сборище священников убивают на пути в Сихем и совершают мерзости. [...] Злодейством своим они увеселяют царя и обманами своими — князей» (Ос. 6:9, 7:3).

112. Я не упоминаю об исламе, поскольку в нем также проповедуется доктрина священной войны, и по этой причине он тоже искажен. Очевидной истиной является тот факт, что и

в той, и в другой религии многие осознали, что истинное поле битвы имеет не географическое, а психологическое положение (сравним с *«Месневи-и манави»* Руми: «Что такое "отсечение головы"? Убиение плотской души в священной войне»); однако популярное и ортодоксальное выражение как мусульманской, так и христианской доктрин было настолько жестоким, что для распознавания в обеих традициях проявлений любви требуется чрезвычайно утонченное изучение.

113. "Гимн Последних Заповедей Великого Святого и Бодхисаттвы Миларепы" из *«Джецун- Кабум»*, биографической истории Джецун-Миларепы.

114. "Гимн Йогических Заповедей Миларепы"; там же.

«Пустота Всего Сущего» (санскр.: *шуньята*) означает, с одной стороны, иллюзорную природу феноменального мира, а с другой — неуместность приписывания Непреходящему тех качеств, какие известны нашему восприятию феноменального мира.

В Небесной Лучезарности Пустоты Не существует и тени
предметов или явлений, И все же Она пронизывает все
сущее знанием — Почтение Неизменной Пустоте.

(Гимн Миларепы во хвалу его учителя) (перевод К. Семенова)

115. *Авалокита* (санскр.) означает «смотрящий вниз», но, кроме того, и «видимый»; *ишвара* означает «бог»; таким образом, *Авалокитешвара* (в санскрите я и и объединяются в *е)* означает как «Бог, смотрящий вниз [с сочувствием]», так и «Бог, который виден [внутри]». См. У. И. Эванс-Венц, *«Тибетская йога и тайная доктрина»* (W. Y. Evans-Wentz, *«Tibetan Yoga and Secret Doctrine»).*

116. Подобная идея часто выражается в «*Упанишадах*»: «Это "Я" отдает себя тому "Я", то "Я" отдает себя этому "Я". Так они обретают друг друга. В этой форме он обретает тот мир, в той форме он воспринимает этот мир» («*Айтарейя Араньяка*», 2:3:7). Она известна также мистикам ислама: «Тридцать лет всевышний Господь был моим зеркалом, теперь я сам свое зеркало; то есть тем, чем я был, я уже не являюсь, всевышний Господь — собственное зеркало. Я говорю, что я сам зеркало, ибо это Господь говорит моим языком, а я исчез» [Баязид; цитируется по *«Наследию ислама»* Т. У. Арнольда и А. Гилльйома (T. W. Arnold, A. Guillaume, *«The Legacy of Islam»)]*.

117. «Я изошел из "баязидности", как змея из своей кожи. Затем я смотрел. Я увидел, что Возлюбленный, Любимое и Любовь есть одно, ибо в мире единства все может стать Единым» (Баязид).

118. Ос. 6:1—3.

119. *«Брихадараньяка Упанишад»*, 1:4:3. См. также далее, стр. 209.

120. «Глагол *нирва* (санскр.) означает буквально "задувать", то есть тушить огонь. [...] Лишенный топлива, огонь жизни "умиротворяется", то есть гаснет, а когда разум становится сдержанным, человек достигает "покоя Нирваны", "деспирации в Боге". [...] Именно прекращением подпитывания наших огней достигается мир, о котором прекрасно говорится в другой традиции: "Он превосходит понимание" [Ананда К. Кумарасвами, *«Индуизм и буддизм»* (Ananda K. Coomaraswamy, *«Hinduism and Buddhism»)]*. Слово «деспирация» происходит от буквальной латинизации перевода: «*нир*» — «вне, вовне, прочь, из, от»; *«вана»* — «надутый». Тогда *«нирвана»:* «задутый, угасший, потушенный».

121. *Зигмунд Фрейд,* «За пределами принципа удовольствия». *См. также Карл Меннингер,* «Любовь против ненависти» *(Karl Menninger*, «Love Against Hate»).

122. *«*Ваджраччхедика-Пражднянарамита Сутра», *32.*

123. «Праджняпарамита-Хридая Сутра».

124. *Нагарджуна,* «Мадхьямика Шастра».

«То, что бессмертно, и то, что смертно, гармонично смешаны, ибо они не есть ни одно, ни разделенность» (Ашвагхоша).

«Эта точка зрения, — пишет доктор Кумарасвами, цитируя приведенные фрагменты, — с волнующей силой выражается в афоризме *«Яс клешас со бодхи, яс сансарас тат нирванам»:* «То, что есть грех, есть также Мудрость, царство Воплощения есть также Нирвана» [Ананда К. Кумарасвами, *«Будда и проповедь буддизма»* (Ananda K. Coomaraswamy, *«Buddha and the Gospel of Buddhism»)]*.

125. *«Бхагавад-Гита», 6:29;* 6:31 (в переводе А. Каменской).

Это означает совершенное исполнение того, что мисс Эвелин Андерхилл назвала «целью Мистического Пути; Истинной Объединяющей Любовью; состоянием Божественной Плодовитости; Обожествлением» *[«Исследование сущности и развития духовного сознания человека»* (Evelyn Underbill, «*Mysticism, A Study in the Nature and Development of Man's Spiritual Consciousness»)]*. Впрочем, мисс Андерхилл, подобно профессору Тойнби (см. ранее, прим. [20] на стр. 295), совершает распространенную ошибку, предполагая, что этот идеал является исключительной чертой христианства. «Можно с уверенностью сказать, — пишет профессор Залмони, — что восточные рассуждения вплоть до наших

дней искажаются из-за стремления к самоутверждению» [Альфред Залмони (Alfred Salmony, *«Die Rassenfrage in der Indienforschung»)]*.

126. Ананда К. Кумарасвами, *«Индуизм и буддизм»* (Ananda K. Coomaraswamy, *«Hinduism and Buddhism»)*.

127. Это стена Рая (см. ранее, стр. 71—72 и 116). Сейчас мы оказались за этой стеной, внутри. Си-Ванму представляет собой женский аспект гуляющего в Саду Господа, который «сотворил человека по образу Своему [...] мужчину и женщину» (Быт. 1:27).

128. *Э. Т. С. Уэрнер,* «Словарь китайской мифологии» *(E. T. C. Werner,* «A Dictionary of Chinese Mythology»).

129. См. Окакура Какудзо, *«Книга чая»* (Okakura Kakuzo, *«The Book of Tea»)*. См. также Д. Т. Судзуки, *«Эссе о дзэн-буддизме»* (D. T. Suzuki, *«Essays in Zen Buddhism»)* и Лафкадио Хирн, *«Япония»* (Lafcadio Hearn, *«Japan»)*.

130. *Моррис Эдвард Оплер, «*Мифы и истории индейцев племени джикарилла апачи» *(Morris Edward Opler,* «Myths and Tales of the Jicarilla Apache Indians»).

131. Сравн. выше, прим. [87] на стр. 309.

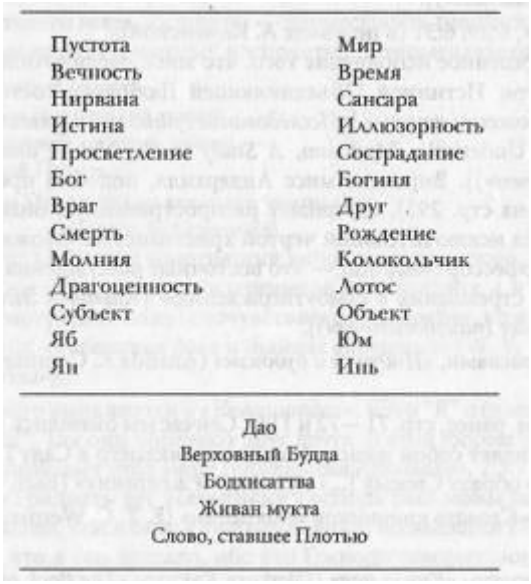
132. Сравним с индусской богиней Кали (см. ранее, стр. 115): она изображается стоящей на повергнутом ниц боге Шиве, своем супруге. Она размахивает мечом смерти, то есть духовного учения. Кровоточащие человеческие головы рассказывают поклоняющемуся, что тот, кто теряет свою жизнь во имя этой богини, обретает ее. Жесты «не бойся» и «подношение даров» показывают, что она оберегает своих детей, что пары противоположностей всеобщей агонии представляют собой совсем не то, чем они кажутся, и что сосредоточенность пребывающего в вечности человека на фантасмагории преходящих «добра» и «зла» является только реакцией разума — в то время как сама богиня, топчущая распростертого бога, представляет собой, на самом деле, его блаженный сон.

В образе богини с Острова Драгоценностей (см. ранее, стр. 89) представлены два аспекта бога: одно, обращенное лицом к богине, пребывает с ней в союзе — это созидательный, наслаждающийся миром аспект. Но второй, отвернувшийся от нее, являет собой *deus absconditus,* божественную сущность в себе и наедине с собой, вне событий и перемен, неактивную, спящую, пустую, расположенную даже вне чуда тайны гермафродитизма [см. Циммер,*«Мифы и символы в искусстве и цивилизации Индии» (Heirich Zimmer,«Myths and Symbols in Indian Art and Civilization»)]*.

133. Сравним с барабаном творения в руке индусского Танцующего Шивы (см. ранее, прим. [46] на стр. 306).

134. «И Слово стало плотью»; строфа из «*Ангелус*» , прославляющая зачатие Иисуса в лоне Девы Марии.

135. В этой главе мы отождествили следующие пары:



Пустота	Мир
Вечность	Время
Нирвана	Сансара
Истина	Иллюзорность
Просветление	Сострадание
Бог	Богиня
Враг	Друг
Смерть	Рождение
Молния	Колокольчик
Драгоценность	Лотос
Субъект	Объект
Яб	Юм
Ян	Инь

Дао
Верховный Будда
Бодхисаттва
Живан мукта
Слово, ставшее Плотью

Сравним с *«Каушитаки Упанишад»,* 1:4, описывающей героя, достигшего мира Брахмы: «Точно так же, как управляющий колесницей смотрит вниз, на ее два колеса, так он смотрит вниз на день и ночь и, следовательно, на добрые деяния и дурные деяния, и на все пары противоположностей. Такой, свободный от добрых деяний, свободный от дурных деяний, постигший Бога, — к самому Богу восходит он».

136. *Джеремия Кертин, «*Мифы и фольклор Ирландии» *(Jeremiah Curtin, «*Myths and Folk-Lore of Ireland»).

137. *См. Мелани Клейн,* «Детский психоанализ» *(Melanie Klein,* «The Psychoanalysis of Children»).

138. *Г. Рохейм,* «Война, преступность и мирные соглашения» *(G. Roheim,* «War, Crime, and the Covenant»).

139. *Геза Рохейм,* «Источники и функции культуры» *(Geza Roheim,* «The Origin and Function of Culture»).

140. Там же.

141. Там же. Сравним с неразрушимостью сибирского шамана (см. ранее, стр. 78—79), голыми руками вынимающего угли из костра и ударяющего свои ноги топором.

* Католическая молитва в воспоминание о событии Благовещения. — *Прим. перев.*

142. См. рассуждения Фрэзера о внешней душе в *«Золотой ветви»* (Frazer, *«The Golden Bough»).*

143. Там же.

144. *Фредерик Пирс,* «Сновидения и личность» *(Frederick Pierce,* «Dreams and Personality»).

145. "Падение Солнца" из работы Ф. У. Бэйна « *Число Луны»* (F. W Bain, «A *Digit of Moon*»: "The Descent of the Sun").

146. Рохейм, «*Вечные в сновидении»* (Geza Roheim, *«The Eternal Ones of the Dream»).* Этот талисман является так называемой *тьюрунга* (или *чуринга)* тотемного предка молодого человека. Во время обряда обрезания юноша получает другой *тьюрунга,* олицетворяющий его тотемного предка по линии матери. Еще ранее, сразу после рождения, в его колыбель укладывали оберегающий *тьюрунга.* Разновидностью *тьюрунга* является инструмент «рев быка». «Тьюрунга, — пишет доктор Рохейм, — представляет собой материального двойника, и определенные сверхъестественные существа, тесно связанные с тьюрунгой, являются в представлениях аборигенов Центральной Австралии их невидимыми двойниками. [...] Эти сверхъестественные силы называются *арпуна мборка* («другое тело») реального человеческого существа, которое они защищают».

147. Ис. 66:10—12.

148. *Льюис Гинзберг,* «Легенды иудеев» *(Louis Ginzberg,* «The Legends of the Jews»).

149. Данте, "Рай", И, 1—9.

150. В опубликованной литературе по психоанализу рассматриваются как источники символов в сновидениях, так и их латентное значение для подсознательного, а также результаты их воздействия на душевное состояние. Однако в них не учитывается тот факт, что великие учителя использовали их сознательно, поскольку неявно предполагается, что все великие учителя прошлого были невротиками (за исключением, разумеется, некоторых греков и римлян), ошибочно и некритично принимающими свои фантазии за откровения. Аналогичным образом, откровения психоанализа воспринимаются многими обычными людьми как творения «похотливого разума» доктора Фрейда.

151. Брахма, Вишну и Шива — соответственно, Творец, Хранитель и Разрушитель, — образуют троицу индуизма и олицетворяют три аспекта деятельности единой

созидательной субстанции. В седьмом веке до нашей эры значение Брахмы стало снижаться, после чего он превратился в творческого проводника Вишну. По этой причине индуизм наших дней разделен на два крупных лагеря, один их который всецело предан создателю-хранителю Вишну, а другой — Шиве, разрушителю мира, объединяющему душу человека с вечностью. Однако в конечном счете и эти двое есть одно. В приведенном мифе эликсир жизни добывается именно благодаря их совместной деятельности.

152. «Рамаяна», *I, 45;* «Махабхарата», *I, 18;* «Матсья Пурана», *249—251 и многие другие тексты. См. Циммер,* «Мифы и символы в искусстве и цивилизации Индии» *(Zimmer,«*Myths and Symbols in Indian Art and Civilization»).

153. *Марко Паллис,* «Горные пики и ламы» *(Marco Pallis, «*Peaks and Lamas»).

154. *«Шри- Чакра-Самбхара Тантра»,* переведенная с тибетского ламой Каджи Дава-Самдуп. «Если же возникнут сомнения в божественности этих мысленно видимых божеств, — говорится в тексте далее, — следует сказать: "Эта Богиня — только воспоминание тела" и помнить, что Божества устилают собой Путь». О Тантре см. ранее, прим. [32] к стр. 89, а также стр. 128—129 (тантрический буддизм).

155. Сравним, например, с К. Г. Юнгом, *«Архетипы коллективного бессознательного».* «Вероятно, можно найти многих людей, — пишет доктор Й. К. Флюгель, — которые по-прежнему придерживаются представлений о квази-антропоморфном Боге-Отце как об экстра-ментальной реальности — даже после того, как стало очевидным чисто ментальное происхождение такого бога» [«*Психоаналитическое исследование семьи»* (J. C. Flu- gel, *«The Psycho-Analytical Study of Family»)].

156. Данте, "Рай", XXXIII, 82.

157. См. ранее, стр. 129.

158. *Дж. Ф. Стимсон,* «Легенды о Мауи и Тахаки» *(J.F. Stimson,* «The Legends of Maui and Tahaki»).

159. Этот отрывок, отсутствующий в стандартной ассирийской версии легенды, существует в намного более раннем вавилонском фрагментарном тексте . Часто говорится, что совет предсказательницы является гедонистическим, но следует отметить также и то, что приведенная цитата представляет собой испытание инициации, а не отражение моральной философии древних вавилонян. Столетия спустя, в Индии, когда ученик подступал к учителю с просьбой рассказать о тайне вечной жизни, ему сначала

предлагалось описание радостей плоти — сравним, например, с *«Катха Упанишад»,* 1:21; 23—25: «Выбери себе другой дар, Начикетас, не обременяй меня, освободи меня от этого. [...] Выбери себе в дар сыновей и внуков, что проживут сотню лет; множество скота, слонов, золота, коней; выбери себе во владение обширные угодья на земле и живи сам столько осеней, сколько хочешь. Если ты считаешь это равным даром, выбирай себе богатство и долгую жизнь, процветай, Начикетас, на великой земле, я сделаю тебя обладателем (всего) желанного. Какие только бывают недостижимые желания в мире смертных — проси себе вволю все, что желаешь. Вот красавицы на колесницах, сопровождаемые музыкой, — такие недоступны людям. Пусть, подаренные мною, они служат тебе, Начикетас, — не спрашивай только о смерти» [в переводе А. И. Сыркиной, указанное выше издание] И только если ученик продолжал настаивать, он допускался к очередному посвящению.

160. Вавилонский прототип библейского Ноя.

161. Хотя во время путешествия героя предупреждали, чтобы он не касался этих вод, теперь он способен безнаказанно погрузиться в них. Это может служить мерилом той силы, которую он обрел во время визита к старым Господину и Госпоже Острова Вечности. Утнапишти-Ной, герой потопа, олицетворяет архетипический образ отца, а его остров, Пуп Земли, является предшественником более позднего греко-римского «Острова Блаженных».

162. Эта строфа существует в основном сохранившемся тексте, в ассирийской версии из библиотеки царя Ашшурбанипала (668—626 гг. до н. э.). Были также найдены и расшифрованы более ранняя вавилонская версия и еще более древний шумерский оригинал (III тыс. до н. э.).

163. Гэхун (известный также как Бао Бу-цзы), «*Нэй Пянъ»,* глава VTI [цитируется по работе Обида Саймона Джонсона *«Изучение китайской алхимии»* (Obed Simon Johnson, *«A Study of Chinese Alchemy»)]*.

У Гэхуна можно встретить и несколько других весьма любопытных рецептов: один из них делает тело «жизнерадостным и роскошным», а другой наделяет способностью ходить по воде. Рассуждения о месте Гэхуна в китайской философии — см. Альфред Форке, *«Гэхун, философ и алхимик»* (Alfred Forke, *«Ko Hung, der Philosoph und Alchimist»)*.

* Перевод приведен по изданию «Поэзия и проза Древнего Востока», серия "Библиотека всемирной литературы", изд-во "Художественная литература", М., 1973. — *Прим. перев.*

164. *Херберт А. Джайлз,* «Китайский биографический словарь» *(Herbert A. Giles, «A* Chinese Biographical Dictionary»).

165. Тантристское изречение.

166. *Лао-цзы,* «Дао дэ цзин», *16* .

167. Данте, "Рай", XXXIII, 49—57.

168. «Кена Упанишад*», 1:3.*

169. *«Старшая Эдда»;* "Речи Высокого", 138 (в переводе А. Корсуна).

170. «*Джатаки*»; Вступление, 75.

ЧАСТЬ I ГЛАВА III

1. Эта подробность представляет собой рационализацию повторного рождения от отца-гермафродита, проводящего инициацию.

2. «Вишну Пурана», *23;* «Бхагавата Пурана», *10:51;* «Хариванша», *114.*

Сравним с Кришной как с Мировым Волшебником африканского Эдшу (см. ранее, стр. 40—41). Сравним также с полинезийским трикстером Мауи.

3. "Тальесин" ("Taliesin") леди Шарлотты Гэст в ее «*Мабиногионе*» (Charlotte Guest, «*The Mabinogion»).*

Не исключено, что Тальесин, «Вождь Бардов Запада», был реальной исторической личностью шестого века нашей эры, современником воина-вождя, который стал в поздней романтической литературе «королем Артуром». Легенды и стихи об этом барде дошли до нас в манускрипте тринадцатого столетия «*Книга о Тальесине»,* которая является одной из «Четырех древних книг Уэльса». *Мабиног* (валлийское) является учеником барда. Термин *мабиноги,* «наставление юношей», означает традиционный материал (мифы, легенды, стихи и т. д.), преподаваемые *мабиногу,* обязанностью которого является постижение их сердцем. *Мабиногион* (множественное число от *мабиноги)* представляет собой название, которое леди Шарлотта Гуэст дала своим переводам (1838—1849) одиннадцати романтических историй из *«Древних книг».*

Связанное с бардами наследие Уэльса, а также Шотландии и Ирландии, восходит к очень древней и обильной мифологии язычников-кельтов. Она была преобразована и восстановлена христианскими миссионерами и летописцами (начиная с пятого века), которые

записывали древние легенды и тщательно пытались согласовать их с Библией. В десятом веке, в блистательную эпоху создания — в основном, в Ирландии, — романтических историй, это наследие превратилось в значительную силу того времени. При дворах христианской Европы появились кельтские барды; кельтские легенды пересказывались языческими скандинавскими скальдами. Огромная часть сказочного фольклора Европы, а также «артурианская традиция» зародились именно в этот первый крупный творческий

* Перевод с английского цитируемого автором издания Дуайта Годдарда, *«Дао и У-вэй Лао-цзы»* (Dwight Goddard, «*Laotzu's Tao and Wu Wei»).* В традиционном переводе на русский язык Ян Хин Шуна этот фрагмент не соответствует выражаемой мысли автора и выглядит так: «Все вещи расцветают и возвращаются к своему началу. Возвращение к началу называется покоем, а покой называется возвращением к жизни. Возвращение к жизни называется постоянством. Знание постоянства называется просвещением, а незнание постоянства совершает зло. Знающий постоянство становится мудрым, мудрый становится справедливым, а кто справедлив — становится государем. Государь следует небу, небо следует Дао, а Дао вечно. До конца жизни (у такого государя) не будет опаснос ти». — *Прим. перев.*

период западного романа (См. Gertrude Shoepperle, «Tristan and Isolt, A Study of the Sources of the Romance»).

4. *"Первый бурятский шаман Моргон-Кара",* «Известия восточно-сибирского отдела Русского Географическоо Общества», *XI, 1—2, Иркутск, 1880 г.*

5. *Джон Уайт,«*Древняя история народа маори, его мифология и традиции» *(John White,* «The Ancient History of Maori, his Mythology and Traditions»).

6. Братья Гримм, «Волшебные сказки»; N 79, "Ундина" (в переводе Г. Петникова).

7. *К. Г. Юнг,* «Интеграция личности» *(C. G. Jung,* «The Intergation of the Personality»).

8. См. Аполлоний Родосский, «*Аргонавтика*»; это бегство описывается в Книге IV.

9. *«Кодзики»* (712 г. н. э.).

10. «Джаймунийя Упанишад Брахмана», *3:28.5.*

11. Во многих мифах о чреве кита героя спасают птицы, проклевывающие отверстие в боку его тюрьмы.

12. *Фробениус (Frobenius,* «Das Zeitalter des Sonnengottes»).

13. «Кодзики».

14. Синто, «Путь Богов», является коренной японской традицией — в отличие от привнесенного извне Буцудо, «Пути Будды». Синтоизм представляет собой путь почитания хранителей жизни и обычаев (местных духов, сил предков, героев и божественных царей, родителей и детей ныне живущих), отличающихся от тех сил, которые призывают к освобождению от земного круговорота (будд и бодхисаттв). Путь поклонения заключается, прежде всего, в сохранении и воспитании чистоты сердца: «Что есть омовение? Это не просто очищение тела святой водой; это следование Правильному и Нравственному Пути» (Томобэ-но Ясутака, *«Синто Сёдэн Кудзю»*); «Божествам угождают добродетелью и искренностью, а не обильными материальными подношениями» *{«Синто Тобусё»).* Аматэрасу, прародительница имперского рода, является главным божеством обширного народного пантеона, и все же она представляет собой всего лишь высочайшее проявление незримого, всепревосходящего и неизменного Всеобщего Бога: «Восемьсот мириадов Богов являются лишь различными проявлениями одного единственного Божества Куни- токотати-но Ками, Вечно Возвышающегося Божественного Бытия Земли, Великого Единства Всего Сущего во Вселенной, Первоначального Бытия Небес и Земли, извечно существующего от начала до конца мира» (Идзава Нагахидэ, *«Синто Амэно Нубоко-но Ки»).* «Какому божеству поклоняется Аматэрасу в умеренности Равнин Высокого Неба? Она поклоняется, как Божеству, собственному внутреннему "Я", пытаясь воспитать божественную добродетель в самой себе средствами внутренней чистоты, и так становится единой с этим Божеством» (Итидзё Канэёси, *«Нихонсёки Сансо»).*

Поскольку это Божество пребывает во всем сущем, любой предмет и существо следует считать божественным, от горшков и кастрюль на кухне до самого Микадо: в этом заключается синто, «Путь Богов». Микадо, занимающему высочайшее положение, выражают наибольшее почтение, но и ко всему остальному проявляется почтение того же рода. «Вызывающее благоговение Божество проявляет Себя даже в листочке дерева и в тонкой былинке» (Урабэ-но Канэкуни). Функция поклонения в синтоизме заключается в почитании этого Божества во всем существующем; функция чистоты представляет собой почитание Его проявления в самом себе, подражание величественной модели божественного самопоклонения богини Аматэрасу. «С незримым Богом, созерцающим в молчании все скрытое, сердце человека искреннего сообщается с землей под его ногами» (из

стихов императора Мэйдзи). Все приведенные цитаты можно найти в книге Генти Като «*Что такое синто?»-, см.* также *«Японию»* Лафкадио Хирна (Lafcadio Hearn, *«Japan»).*

15. Сравним с апостольским «.'..Он погребен был и воскрес на третий день...».

16. Энлиль был шумерским владыкой ветра, Нанна — лунным божеством, а Энки — владыкой вод и богом мудрости. В те времена, когда был составлен этот документ (третье тысячелетие до нашей эры), Энлиль был верховным божеством шумерского пантеона. Он был довольно раздражителен. Он насылал потопы. Нанна являлся одним из его сыновей. В мифах милостивый бог Энки обычно играет роль спасителя. Он является покровителем и советчиком как Гильгамеша, так и героя потопа Утнапишти-Ноя. Мотив противопоставления Энки и Энлиля переносится в классическую мифологию в форме противоборства Посейдона и Зевса (Нептуна и Юпитера).

17. «С *Великих Небес к Великим Недрам...».* См. прим. 26 ко второй главе первой части. Окончание этой поэмы, этого ценнейшего документа, описывающего источники мифов и символов нашей цивилизации, навсегда утеряно.

18. Мат. 26:51; Мар. 14:47; Иоан. 18:10.

19. *«*Мандукья Упанишад», 5.

20. Вашингтон Ирвинг, "Рип ван Винкль" (Washington Irving, «*The Sketch Book»;* "Rip van Winkle").

21. Фианы (или фении) были воинами-охотниками Финна Мак Куйла, гигантами. Ойсин, сын Финна Мак Куйла, был одним из них. Но их дни давно миновали, и жители страны уже не были такими большими, как прежде. Такие легенды о древних гигантах являются всеобщей и распространенной народной традицией; см., к примеру, приведенный ранее миф о Мучукунде. К этой традиции относятся и истории о долголетней жизни еврейских патриархов: Адам прожил девятьсот тридцать лет, Сиф — девятьсот двенадцать, Енос — девятьсот пять и так далее (Быт. 5).

22. *Джеремия Кертин,* «Мифы и фольклор Ирландии» *(Jeremiah Curtin,* «Myths and Folk-Lore of Ireland»).

23. Сэр Джеймс Дж. Фрэзер, *«Золотая ветвь»* (Sir James G. Frazer, *«The Golden Bough»).*

24. Там же.

25. Краткий пересказ "Повести о царе Шахрамане, сыне его Камар аз-Замане и царевне Будур" из сборника *«Тысяча и одна ночь»* (в переводе М.А. Салье).

26. «Ибо не знал, что сказать; потому что они были в страхе» (Мар. 9:6).

27. Мат. 17:1—9.

28. В импровизированном предложении Петра (возникшем непосредственно в момент, когда видение открылось его глазам) превратить несказанное в каменный фундамент можно ощутить некий элемент комической попытки освободиться от ответственности. Лишь за шесть дней до того Иисус говорит ему: «Ты — Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою», а минуту спустя: «думаешь не о том, что Божие, но что человеческое» (Мат. 16:18; 16:23).

29. Важнейший текст современной благочестивой индийской религиозности: этический диалог, состоящий из восемнадцати частей, который является частью Книги IV *«Махабхара- ты»* — индийского аналога *«Илиады».*

30. *«Бхагавад-Гита»,* 11; 1:45—46; 2:9 (в переводе А. Каменской).

31. «Ом. Голова жертвенного коня — рассвет, его глаза — солнце, его жизненная сила — воздух, его открытая пасть — огонь, именуемый Вайшнавара, а тело жертвенного коня — год. Его спина — небеса, его брюхо — небо, его копыто — земля, его бока — четыре направления, его ребра — промежуточные направления, его конечности — времена года, его суставы — месяцы и полумесяцы, его ноги — дни и ночи, его кости — звезды, а плоть — облака. Его полупереваренная пища — песок, его кровеносные сосуды — реки, его печень и селезенка — горы, его грива — травы и деревья. Его передняя часть — восходящее солнце, его задняя часть — нисходящее солнце, его зев — молния, его движения тела — гром, его мочеиспускание — дождь, его ржание — голос» («*Брихадараньяка Упанишад, 1:1.1»),*

...Архетапическое

Тело жизни — желанье с плотоядным клювом. Несущееся на
просторных крыльях; но глаза — Фонтаны крови, как зияющие
раны; кровь темная Струилась из разрушенных глазниц на клюва
крюк, Текла дождем в бесплодные пространства пустых небес.
Но Жизнь великая продолжилась; и все же Жизнь великая Была
прекрасна, и она испила чашу пораженья и жадно утолила Свой
недостаток в пище.

Робинсон Джефферс (Robinson Jeffers, «Cawdor»)

Космическое Дерево представляет собой весьма известную мифологическую фигуру (вспомним Иггдрасиль, Мировой Ясень из скандинавских *«Эдд»).* Богомол играет важную роль в мифологии бушменов Южной Африки.

32. Джайнизм представляет собой неортодоксальную (то есть отрицающую авторитет *«Вед»)* индийскую религию, обнаруживающую в своей иконографии некоторые необычные особенности (см. далее).

33. «Summa contra Gentiles», *I, 5, par. 3.*

34. *«*Кена Упанишад», *2:3.*

35. *«Бхагавад-Гита»,* 11:53—55 (в переводе А. Каменской).

36. Мат. 16:25.

37. Шанкарачарья, «*Вивекачудамани*», 542; 555.

38. *«Бхагавад-Гита»,* 2:22—24 (в переводе А. Каменской).

39. «*Бхагавад-Гита*», 3:19; 3:30 (в переводе А. Каменской).

40. Шарлотта Гэст, «*Мабиногион*»: "Тальесин" (Charlotte Guest, *«.The Mabinogion»:* "Taliesin").

41. Овидий, «*Метаморфозы*», XV, 252—255 (в переводе С. Шервинского).

42. Братья Гримм, *«Волшебные сказки»;* N 50, "Шиповничек" (в переводе Г. Петникова).

ЧАСТЬ I ГЛАВА IV

1. Приведенное здесь изображение «Возращение Язона» (с вазы Этрусской коллекции Ватикана) указывает на такое прочтение этой легенды, которое не представлено ни в одном литературном произведении. См. комментарий в «Списке иллюстраций», ил. XV.

2. Обсуждение этого вопроса приведено в комментариях автора к *«Волшебным сказкам братьев Гримм»* издательства "Пантеон Букс".

3. Святая Суббота, день между Смертью и Воскрешением Иисуса, когда он пребывает во чреве Ада. Это — миг обновления эпохи. Сравним с описанным ранее мотивом палочек для разведения огня.

4. См. Католический служебник, "Святая Суббота". Приведенное описание является кратким пересказом по переводу на английский язык.

5. В Индии эта сила бога персонифицируется в женском облике (*шакти*) и представляется в образе его супруги; в обсуждаемом ритуале аналогичным образом символизируется благоволение.

6. Иоан. 3:3—5.

1. См. К. Г. Юнг, «О *психической энергии*»; ранняя версия этой работа была названа *«Теория либидо»*.
2. *См. Кант,* «Критика чистого разума».
3. В санскрите: *майя-шакти.*
4. Вне категорий, то есть неопределяемое одной из пары противоположностей под названием «пустота» и «бытие». Подобные понятия представляют собой всего лишь намеки на трансцендентальное.
5. Такое признание вторичной природы личности любого божества при поклонении ему является характерной особенностью большинства мировых традиций (см., например, ранее, прим. [154] на стр. 315). В христианстве, мусульманстве и иудаизме, однако, личность божества считается окончательной — и это в определенной мере затрудняет для членов этих сообществ понимание того, как человек способен превзойти рамки антропоморфного божества. Результатом является, с одной стороны, общее затуманивание символов, а с другой — фанатизм, вызванный подавляющим образом бога, который в этих случаях не имеет себе равных в истории религии. Обсуждение возможных причин таких отклонений см. Зигмунд Фрейд, *«Моисей и монотеизм».*
6. Лук., 17:21.
7. См. ранее, стр. 142—143.
8. См. ранее, стр. 70—72.
9. См. ранее, стр. 70—72.
10. См. ранее, стр. 39—40.
11. *Фернандо де Альва Иштлильшочитль,* «История народа чичимека» *(Fernando de Alva Ixtlilxochitl,* «Historia de la Nacion Chichimeca»); *см. также Альфредо Чаверо,* «Исторический образ де Альвы Иштлильшочитль» *(Alfredo Chavero,* «Obras Historicas de Alva Ixtlilxochitl»).
12. «Энциклопедии религии и этики» *Хастингса, том V (Hastings'* «Encyclopaedia of Religion and Ethics»).
13. См. миссис Синклер Стивенсон, «*Сердце джайнизма*» (Mrs. Sinclair Stevenson, *«The Heart ofjainism»).*
14. Божественный год равен 360 человеческим годам. См. ранее, стр. 164—166.
15. *См.* «Мандукья Упанишад».

16. «Мандукья Упанишад».

Поскольку в санскрите «а» и «у» сливаются в «о», это священное слово часто произносится и записывается как «ом». См., например, мантры на стр. 114 и в прим. [31] на стр. 319.

17. «Мандукья Упанишад», *7*.

18. IHa idra zuta, *«Зогар»,* iii, 288a.

«Зогар» («свет», «великолепие») представляет собой собрание эзотерических еврейских трудов, открытых миру около 1305 года образованным испанским евреем Моисеем де Леоном. Утверждается, что эти тексты основаны на секретных оригиналах, восходящих к учениям Симеона Бен Иохая, раввина из Галилеи, жившего во втором столетии нашей эры. Римляне угрожали Симеону казнью, и он в течение двенадцати лет скрывался в пещере; десять веков спустя там были найдены его труды, которые стали источником книг *«Зогара»*.

Учение Симеона, как считается, было основано на [hokmah nistarah], тайной науке Моисея, то есть на совокупности эзотерических знаний, изученных Моисеем в месте его рождения, Египте; затем Моисей обдумывал их в течение сорока лет, проведенных в пустыне (получая при этом особые наставления ангелов), и наконец в зашифрованной форме вложил эту науку в первые четыре книги Пятикнижия. Эти знания можно извлечь оттуда посредством надлежащего понимания и манипуляций мистическими буквами-числами древнееврейского алфавита. Каббала представляет собой теорию и практику восстановления и использования этих знаний.

Считается, что учение каббалы (*каббала:* «полученное или переданное традицией знание») было изначально поведано самим Богом группе ангелов Рая. После изгнания Человека из Сада некоторые ангелы преподали уроки этого знания Адаму, намереваясь помочь ему вновь вернуться к блаженству. От Адама знания перешли к Ною, а от Ноя — к Аврааму. Авраам открыл крупицы учения другим, когда был в Египте, и именно поэтому эту возвышенную мудрость можно сейчас обнаружить в сокращенных формах в мифах и философиях не-евреев. Моисей изучил у египетских жрецов основы этой традиции, а затем его представления были расширены благодаря особым наставлениям его ангелов.

19. IHa idra rabba qadisha, xi, 212—214; 233. По изданию «*Каббала без покровов»* в переводе С. Л. Мак-Грегора Матерса *(«The Kabbalah Unveiled»,* trans, by S. L. Mac-Gregor Mathers).

20. *«*Summa contra Gentiles», *I, i.*

21. См. ранее, стр. 26—30.

22. *Иоганн С. Андерсон,* «Жизнь маори на Ао-теа» *(Johannes C. Anderson,* «Maori Life in Ao-tea»).

23. В священных текстах махаяна-буддизма перечисляются и описываются восемнадцать «пустот», или степеней пустоты. Йог или умирающая душа способны воспринимать эти уровни. См. У. И. Эванс-Венц, *«Тибетская йога и тайная доктрина»* (W. Y. Evans-Wentz, *«Tibetan Yoga and Secret Doctrine»).*

24. *См.* «"Ведантасара" Садананды» *под ред. Свами Никхиланды* («The Vedantasara of Sada- nanda» *by Swarni Nikhilanda).*

25. В китайской системе пятью стихиями являются Земля, Огонь, Вода, Дерево и Металл.

26. По работе Рихарда Вильхельма (Richard Wilhelm, *«Chinesishe Marchen»).*

27. *Преподобный Ричард Тейлор,* «Те ика а Мауи, или Новая Зеландия и ее жители» *(Rev. Richard Taylor,* «Te ika a Maui, or New Zealand and its Inhabitants»).

28. Малый круг в основании рис. 13. Сравним с китайским *Дао* (см. прим. [87] на стр. 309).

29. Кеннет П.'Имори, "Схема сотворения Туамоту согласно Пайоре", *«Журнал Полинезийского Общества*», том 48, вып. 1 (Kenneth P. Emory, "The Tuamotuan Creation Charts by Paiore", *«Journal of the Polynesian Society*», Vol. 48, No. 1).

30. Там же.

31. *«* Чхандогья Упанишад», *3.19:1—3.*

32. *А.С. Эддингтон, «*Природа физического мира» *(A.S. Eddington, «*The Nature of the Physical World»).

33. «Энтропия всегда возрастает» (там же).

34. Таароа — имя Тангароа у таитян. См. ил. XX.

35. Кеннет П. Имори, "Таитянское предание о сотворении", *«Журнал Полинезийского Общества»,* том 47, вып. 2 (Kenneth P. Emory, "The Tahitian Account of Creation", *«Journal of the Polynesian Society»,* Vol. 47, No. 2).

36. *И.А. Уоллис Бадж,* «Боги египтян» *(E.A. Wallis Budge,* «The Gods of the Egyptians»).

37. «Калика Пурана», I.

38. *«Брихадараньяка Упанишад»,* 1.4:1—5. Сравним с народным мотивом бегства с преображением (см. ранее, стр. 148—149). См. также *«Киприи»,* 8, в которых Немезида «не желает возлечь со своим отцом Зевсом» и убегает от него, принимая облики рыбы и других животных [Ананда К. Кумарасвами, *«Духовное могущество и преходящая власть в индийской теории правления»* (Ananda K. Coomaraswami, *«Spiritual Power and Temporal Authority in the Indian Theory of Government»).*

39. «Мундака Упанишад», *2.2:5.*

40. «Зогар», *i, 91b. Цитируется по К. Г. Гинзбург,«*Каббала: доктрины, развитие и литература» *(C.G. Ginsburg,* «The Kabbalah, its Doctrines, Development, and Literature»).

41. «Тайттирийя Упанишад», *3.10:5.*

42. Мифология американского Юго-Запада очень подробно описывает аналогичный случай, равно как и легенды о сотворении берберов Алжира. См. Моррис Эдвард Оплер, *«Мифы и истории индейцев племени джикарилла апачи»* (Morris Edward Opler, *«Myths and Tales of the Jicarilla Apache Indians»)* и Лео Фробениус, Дуглас К. Фокс, «*Африканский генезис»* (Leo Frobenius, Douglas C. Fox, *«African Genesis»).*

43. *Джордж Грей,* «Мифология Полинезии и древняя традиционная история новозеландцев в изложении их жрецов и вождей» *(George Grey, «*Polynesian Mythology and Ancient Traditional History of the New Zealand Race, as furnished by their Priests and Chiefs»).

44. *«Теогония»,* 116. В греческой версии мать ничуть не возражает против этого и сама предлагает серп.

45. Сравним с противопоставлением Махора-нуи-а-ранги и Маки у маори, см. ранее, стр. 202—204.

46. *С. Н. Крамер,* «Шумерскаямифология» *[S.N. Kramer,* «SumerianMythology»].

47. *Гинунгагап,* пустота, бездна хаоса, в которую все сущее возвращается в завершение цикла («Сумерки богов») и из которой все исходит вновь после бесконечной эпохи нового вынашивания.

48. *«Младшая Эдда»*: "Видение Гюльви", IV— VIII. См. также *«Старшая Эдда»:* "Речи Грим- нира", 40—41.

«Старшая Эдда» («Песенная Эдда») представляет собой собрание тридцати четырех древнескандинавских поэм, повествующих о языческих германских богах и героях. Эти

стихи были составлены множеством певцов и поэтов (скальдов) из различных частей мира

викингов (по меньшей мере один из них был из Гренландии) в период от 900 до 1050 года нашей эры. Судя по всему, полный сборник был собран в Исландии. *«Младшая Эдда» («Прозаическая Эдда»*) является пособием для юных поэтов; она была написана в Исландии христианским мастером-поэтом и военным вождем Снорри Стур- лусоном (1178—1241). Она подводит итог языческим германским мифам и описывает правила риторики скальдов.

В мифологии, представленной в этих текстах, обнаруживаются ранний, простонародный слой (связанный с громовержцем Тором), более поздний, аристократический слой (связанный с Воданом-Одином) и третий, отчетливо выраженный фаллический комплекс (Ньёрд, Фрейр и Фрейя). В этом невероятно тягостном, но все же гротескно-юмористическом мире символических форм влияние бардов Ирландии смешалось с классическими и восточными мотивами.

49. *«Энума элиш»,* IV, 35—143 («Таблички сотворения»; Tablets of Creation, "The Epic of Creation", tablet IV)

50. См. Данте, "Рай", XXX— XXXII. Это роза, которая расцвела для человечества благодаря Кресту.

51. Быт. 3:7.

52. Можно обнаружить существенное различие между легендами подлинно примитивных (занимающихся охотой, рыбной ловлей или собиранием кореньев и ягод) народов и мифологиями цивилизаций, возникших вследствие развития искусств земледелия, молочного хозяйства и скотоводства около шестого тысячелетия до нашей эры. Однако большинство мифологий, которые мы называем первобытными, являются на самом деле колониальными, то есть заимствованными из какого-либо высококультурного центра и приспособленными к потребностям более простого сообщества. Именно для того, чтобы избежать употребления вводящего в заблуждение термина «примитивный», я называю неразвитые или выродившиеся традиции «фольклорными мифологиями». Это понятие соответствует целям настоящего элементарного сравнительного исследования всеобщих форм, хотя, несомненно, не может использоваться в строгом историческом анализе.

53. *Джордж Бэрд Гриннелл,* «Рассказы страны блэкфутов» *(George Bird Grinnell,* «Blackfoot Lodge Tales»).

54. Дж.С. Полак, *«Нравы и обычаи новозеландцев»* (J.S. Polack, *«Manners and Customs of the New Zealanders»).* Считать подобную историю космогоническим мифом так же неуместно, как иллюстрировать доктрину Троицы отрывком из детской сказки братьев Гримм "Три маленьких лесовика".

55. *Уно Харва (Uno Harva,* «Die religiosen Vorstellungen der altaischen Volker») *на основе С. Крашенинникова «*Описание Земли Камчатки» *(Спб., 1819).*

56. Там же, на основе Г.Н. Потанина *«Очерки северо-западной Монголии»* (Спб., 1881).

57. *П.Й. Майер (P.J. Meier,* «Mythen und Erzahlungen der Kustenbewohner der Gazelle-Halbinsel (Neu-Pommern)»).

58. Там же.

59. «Вселенная не действует по единому плану, как было бы, если бы она пребывала под действенным личным наблюдением и управлением. Когда я слушаю некоторые церковные гимны, проповеди и молитвы, в которых с наивной простотой утверждается или считается само собой разумеющимся, что этот необъятный, безжалостный космос со всеми свойственными ему чудовищными несчастьями является аккуратно спланированным и постоянно управляемым действием, мне вспоминается намного более разумная гипотеза одного восточно-африканского племени: "Они говорят, — сообщает наблюдатель, —• что, хотя Бог милостив и желает всем добра, у него, к несчастью, есть слабоумный брат, постоянно вмешивающийся во все, что он делает". Во всяком случае, такая точка зрения больше согласуется с фактическими обстоятельствами. Существование слабоумного брата Бога может объяснить некоторые отвратительные и безумные трагедии жизни, которые явно не вписываются в идею всемогущей личности безгранично добрых намерений в отношении любой души». — Гарри Эмерсон Фосдик, *«Как я понимаю религию»* (Harry Emerson Fosdick, «As *I See Religion»).*

60. Уно Харва (Uno Harva, «Die religiosen Vorstellungen der altaischen Volker») на основе В. Радлова (W. Radloff, «Proben der Volksliteratur der turkishen Stamme Sud-Siberiens» (Спб., 1866—1870).

Освобождение от космогонических ассоциаций, негативного, шуточно-дьявольского аспекта демиургической силы стало излюбленной темой развлекательных рассказов. Живым примером этого может служить Койот американских прерий, европейским воплощением которого является Рейнеке-лис.

1. *«Калевала»* («Земля Героев») в ее современной форме является результатом труда Элиаса Лённрота (1802—1884), сельского врача и исследователя финской филологии. Накопив значительное количество народных песен о легендарных героях Вяйнамёйнене, Ильмари- нене, Лемминкяйнене и Куллерво, он расположил эти песни в согласованной последовательности и придал им стихотворную форму (1835,1849). Полный текст эпоса составляет около 23000 строк.

Генри Водсворт Лонгфелло увидел немецкий перевод *«Калевалы»* Лённрота, и на этой основе него возникла идея содержания и стихотворного размера *«Песни о Гайавате».*

Фрагменты из *«Калевалы»* приводятся в переводе Л. П. Вельского.

2. *«Калевала»,* 1,127—136.
3. То есть на десятое лето после разрушения яиц утки.
4. *«Калевала»,* I, 255—280.
5. *«Калевала»,* I, 287—328.
6. *«Калевала»,* I, 329—342.
7. Эти рог и масло играют заметную роль в фольклоре Южной Родезии. Рог-нгона является чудодейственным инструментом, обладающим силой создавать огонь и молнии, оплодотворять жизнью и воскрешать мертвых.
8. Переводчики текста отмечают, что эта фраза мелодраматическим, торжественным тоном повторяется очень много раз.
9. Лео Фробениус, Дуглас К. Фокс, *«Африканский генезис*» (Leo Frobenius, Douglas C. Fox, *«African Genesis»).* Сравним с ил. XVIII.

«Зимбабве» можно перевести как «царский двор». Обширные доисторические развалины близ Форт-Виктории называются «Большой Зимбабве»; остальные каменные руины, разбросанные по Южной Родезии, называют «Малыми Зимбабве» (примечание Фробениуса и Фокса).

10. *Хаката* детей Мвуетси; см. ранее, стр. 226—227.
11. «Евангелие от Псевдо-Матфея», *XI (перев. коне.).*
12. Кингсборо, том. VIII (Kingsborough, vol. VIII).
13. *См. Калидаса,* «Кумарасамбхавам» («Рождение Бога Войны Кумара»).
14. *И.И.В. Колокотт,* «Сказки и стихи Тонга*» (E. E. V. Colocott, «*Tales and Poems of Tonga»).

1. *См. Херберт А. Джайлз,«*Китайский биографический словарь*» (Herbert A. Giles, «A* Chinese Biographical Dictionary»); *преподобный Дж. Мак-Гоуэн,* «История Китайской империи» *(Rev. J. MacGowan, «*The Imperial History of China»); *Фридрих Хирт,* «Древняя история Китая» *(Friedrich Hirth,* «The Ancient History of China»).

2. *Херберт А. Джайлз,* «Китайский биографический словарь*» (Herbert A. Giles, «A* Chinese Biographical Dictionary»).

3. *Там же. См. также Мак-Гоуэн, «*История Китайской империи» *(MacGowan,* «The Imperial History of China»); *Edouard Chavannes, «*Les memoires historiques de Se-ma Ts'ien*»; Джон К. Фергюсон, «*Китайская мифология» *(John C. Ferguson,* «Chinese Mythology»).

4. Эта доктрина, разумеется, не соответствует в точности всеобщему христианскому учению. Хотя в нем Иисус говорил, что «Царствие Божие внутрь вас есть» , но церкви придерживаются той позиции, что, поскольку человек был создан только «по образу» Бога, существует безусловная разница между душой и ее Творцом, — сохраняя, таким образом, в качестве окончательной границы своей мудрости двойственное различение между человеческой «вечной душой» и божеством. Они не поощряют преодоление этой пары противоположностей (по сути, оно отрицается как «пантеизм» и когда-то наказывалось сажанием на кол). И все же молитвы и дневники христианских мистиков изобилуют экстатическими описаниями объединяющего, всепереполняющего опыта (например, см. ранее, стр. 36), а видение Данте в заключительной части *«Божественной комедии»* (см. ранее, стр. 141) определенно заходит намного дальше ортодоксального, дуалистического, конкретического догмата об окончательности ликов Троицы. Там, где эта догма не преодолена, миф о Возвращении к Отцу воспринимается буквально, как описание конечной цели человека (см. прим. [5] на стр. 321).

Что касается вопроса о подражании Иисусу как образцу человека или мысленного сосредоточения на Нем как на Боге, то история отношения к нему христианства может быть вкратце описана так: **1)** период буквального следования Учителю, Иисусу, отрекаясь, подобно Ему, от мира (примитивное христианство); **2)** период сосредоточения на Христе Распятом как на божестве, пребывающем в сердце, и, одновременно, человеческой жизни в мире в качестве божьего слуги (раннее и средневековое христианство); **3)** отказ от большинства методов размышления, но продолжение мирской жизни в роли слуги или носителя Бога без Его визуализации (протестантское христианство); **4)** попытки

истолкования образа Иисуса как образцового человеческого существа, но без перехода на путь аскетизма (либеральное христианство). Сравним с прим. [83] на стр. 309.

5. Эти три легенды описаны в великолепном психологическом исследовании доктора Отто Ранка *«Миф о рождении героя»* (Otto Rank, «*The Myth of the Birth of the Hero»).* Вариацию третьей истории можно найти в *«Gesta Rmanorum»,* LXXXI.

6. На самом деле, Шарль Великий был лыс и безбород.

* Лук. 17:21. — *Прим. перев.*

7. Легенды о Шарлемане исчерпывающе проанализированы Жозефом Бедье в его *«Эпических легендах»* (Joseph Bedier, *«Les legendes epiques»).*

8. Луис Гинсберг, «*The Legend of the Jews»,* 1911 г.

9. *Джордж Бэрд Гриннелл,* «Рассказы страны Черноногих» *(George Bird Grinnell,* «Blackfoot Lodge Tales»).

10. Элси Клюз Парсонс, *«Сказки племени тева»* (Elsie Clews Parsons, *«Tewa Tales»).*

11. Смысл этого совета, который может показаться странным западному читателю, заключается в том, что Путь Обожания (*бхакти марга)* должен начинаться с вещей известных и любимых поклоняющимся, а не с отстраненных и трудновообразимых концепций. Поскольку Бог кроется во всем, Он позволяет познавать Себя посредством глубокого проникновения в любой объект. Более того, именно этот Бог в самом поклоняющемся позволяет ему открывать Бога во внешнем мире. Эта тайна отражается в двойном присутствии Кришны во время описанного акта поклонения.

12. Пересказ по «*Мифам индуистов и буддистов»* сестры Ниведиты и Ананды К. Кумарасвами (Sister Nivedita, Ananda K. Coomaraswamy, *«Myths of Hindus and Buddists»).*

13. Элси Клюз Парсонс, *«Сказки племени тева»* (Elsie Clews Parsons, *«Tewa Tales»).*

14. В циклы легенд средневековой Ирландии входят: **1)** *«Мифологический цикл»,* описывающий переселения на этот остров древних людей, их битвы и, в частности, подвиги расы богов, известной как «Племена Богини Дану»; **2)** «*Мильские летописи»,* полуисторические хроники последнего пришедшего извне народа, сыновей Миля, основателей кельтских династий, которые сохранились вплоть до появления в XII веке англо-норманнов под началом Генри II; **3)** «*Уладский Цикл Рыцарей Красной Ветви»,* посвященный, в первую очередь, подвигам Кухулина, состоящего на службе при дворе его дяди Конхобара (правильнее: "Конохур"). Этот цикл существенно повлиял на развитие артуровской традиции в Уэльсе, Бретани и Англии — двор Конхобара

послужил прототипом двора короля Артура, а свершения Кухулина — моделью подвигов племянника Артура, сэра Гавейна (Гавейн был изначально героем множества приключений, приписанных позднее Ланселоту, Персивалю и Галахаду); **4)** *«Цикл фианов».* Фианом (или фениями) называли группу воинов-героев, возглавляемую Финном Мак Куйлом; центральной легендой этого цикла является история любовного треугольника Финна, его невесты Граинны и его племянника Диармайта, многие эпизоды из которой дошли до нас в известной истории Тристана и Изольды; **5)** *«Легенды об ирландских святых».* «Маленький народ» из народного сказочного фольклора христианской Ирландии представляет собой уменьшенную копию ранних языческих божеств, Племен Богини Дану.

15. *Элинор Халл, «*Саги о Кухулине в ирландской литературе; *перевод и пересказ по* «Книге Лейнстера» *в редакции В. Штокес, Э. Виндиш,* «Ирландские тексты» *(Eleanor Hull,* «The Cuchullin Saga in Irish Literature», *trans.* «Book ofLeinster» *edited by Wh. Stokes, E. Windisch,* «Irische Texte»).

16. Там же.

17. Там же.

18. Там же. Сравним с преображением Кришны, см. ранее, стр. 171—174 и ил. IV; см. также ил. II и XII.

19. Уно Холмберг (Уно Харва) (Uno Holmberg [Uno Harva], «*Der Baum des Lebens»)* по работе Н. Горохова,«*Юрюнг Уолан»* ("Известия Восточно-Сибирского отдела Русского Географического Общества").

20. *«Калевала»,* III, 295—300 (в переводе Л.П. Вельского).

21. Здесь я пытаюсь сохранить различие между ранними полуживотными героями-титанами (основателями городов, отцами культуры) и более поздними, подлинно человеческими героями. Подвиги последних нередко включают в себя убийство первых, пифонов и минотавров, которые в прошлом сами были благодетелями мира (бог-пережиток немедленно превращается в губительного демона; эта форма должна быть уничтожена, а ее божественная энергия — высвобождена). Нередко свершения, которые относятся к ранним стадиям цикла, приписываются человеческому герою, или же ранние герои очеловечиваются и переносятся в более поздние эпохи; однако подобные искажения и вариации не изменяют общего принципа.

22. *Кларк Уисслер, Д. К. Давэлл,* «Мифология индейцев племени блэкфут» *(Clark Wissler, D. C. Duvall,* «Mythology of the Blackfeet Indians»).

23. Жакоб де Воражин, «*Золотая легенда»,* LXXVI, "Святая Марта, Дева".

24. Представитель класса жрецов, на которых возложена обязанности по подготовке и использованию священных притираний.

25. Верховный жрец, управляющий как наместник бога.

26. Поразительный и поучительный пример жалкого провала великого героя можно найти в финской «*Калевале*», руны IV— VIII, где Вяйнамёйнен терпит крах в своих ухаживаниях сначала за Айно, а затем за «девицей, дочерью Похъёлы». Впрочем, эта история слишком пространна для данного исследования.

27. «Сватовство к Эмер»; *пересказ по Элинор Халл,* «Саги о Кухулине в ирландской литературе *(Eleanor Hull,* «The Cuchullin Saga in Irish Literature»).

28. Элси Клюз Парсонс, *«Сказки племени тева»* (Elsie Clews Parsons, *«Tewa Tales»).*

29. Фирдоуси, *«Шахнаме»* (перевод под редакцией И. Брагинского и С. Шервинского). Персидская мифология имеет общие корни с общей индоевропейской системой, которая проникла через Арало-Каспийские степи в Индию и Иран, как и в Европу. Основными божествами самых ранних священных писаний персов *(«Авесты»)* очень точно соответствуют пантеону древнеиндийских текстов *(«Веды»).* Однако на своей новой родине эти два направления подверглись довольно различным влияниям: ведическая традиция постепенно подчинилась силам дравидской Индии, а персидская — шумеро-вавилонскому комплексу.

В начале первого тысячелетия до нашей эры религиозные представления Персии были преобразованы пророком Заратустрой (Зороастром), благодаря которому возник строгий дуализм принципов добра и зла, света и тьмы, ангелов и демонов. Этот перелом глубоко повлиял не только на самих персов, но и на верования евреев, а впоследствии (столетия спустя) — и на христианство. Он представляет собой существенное отклонение от обычного мифологического истолкования добра и зла как следствий, вызываемых единственным источником бытия, который превосходит и объемлет любые противопоставления. В 642 году нашей эры Персию опустошили фанатики мусульманства. Те, кто не принял веру добровольно, были подавлены мечом. Жалкие остатки нашли прибежище в Индии, где они живут до наших дней в Бомбее как парсы («персы»). Однако примерно через триста лет произошла настоящая мусульманско-персидская «Реставрация». Ее великие

имена: Фирдоуси (94—1020?), Омар Хайям (?—1123?), Низами (1140—1203), Джаладдин Руми (1207—1273), Саади (1184?—1291), Хафиз (?—1389?) и Джами (1414—1492). «*Шахнаме»* («Эпос о царях») Фирдоуси представляет собой пересказ в простых и исполненных достоинства стихах истории древней Персии до ее покорения исламом.

30. *Моррис Эдвард Оплер, «*Мифы и истории индейцев племени джикарилла апачи» *(Morris Edward Opler*, «Myths and Tales of the Jicarilla Apache Indians»).

31. Пересказ по «*Мифам индуистов и буддистов»* сестры Ниведиты и Ананды К. Кумарасвами (Sister Nivedita, Ananda К. Coomaraswamy, *«Myths of Hindus and Buddists»).*

32. *Кумарасвами,* «Индуизм и буддизм» *(Coomaraswamy,* «Hinduism and Buddhism»).

33. Мат. 10:34—37.

34. «*Бхагавад-Гита*», 18:51—53 (в переводе А. Каменской).

35. Антифоны монахинь на их освящение как Невест Христовых; из *«Roman Pontifical».*

36. *Льюис Гинзберг,* «Легенды иудеев» *(Louis Ginzberg,* «The Legends of the Jews»).

37. Вильгельм Штекель (Wilhelm Stekel, *«Die Sprache des Traumes»).* Как отмечает доктор Штекель, смерть возникает здесь в четырех символических представлениях: как Старый Скрипач, как Косоглазый, как Старуха и как Молодой Крестьянин (Крестьянин является Сеятелем и Жнецом).

38. *Бернардино де Саагун,* «Общая история событий в Новой Испании» *(Bernardino de Saha- gun,* «Historia General de las Cosas de Nueva Espana»).

39. *Томас А. Джойс, «*Мексиканская археология*» (Thomas A. Joice, «*Mexican Archaeology»).

40. *Элинор Халл,«*Саги о Кухулине в ирландской литературе *(Eleanor Hull,* «The Cuchullin Saga in Irish Literature»).

41. Элси Клюз Парсонс, *«Сказки племени тева»* (Elsie Clews Parsons, *«Tewa Tales»).*

42. *Татхагата:* «Так приходящий или пребывающий (*гата*) в каком-либо состоянии *(тат- ха)»,* то есть Просветленный, Будда.

43. *«Буддизм в переводах»,* изд-во "Генри Кларк Уоррен" («*Buddhism in Translations»,* Henry Clarke Warren).

Сравним со стадиями космического проявления, см. ранее, стр. 202.

ЧАСТЬ II ГЛАВА IV

1. *«Бхагавад-Гита»,* 10:20 (в переводе А. Каменской).

2. «Брихадараньяка Упанишад», *4.3:36—37.*

3. *Джеймс Генри Бристед, «*Развитие религии и мысли в Египте» *(James Henry Breasted,* «Development of Religion and Thought in Egypt»).

Сравним со стихами Тальесина, см. ранее, стр. 178—180.

4. *Франц Боас,* «Народ, язык и культура» *(Franz Boas,* «Race, Language, and Culture»).

5. *Бернардино де Саагун, «*Общая история событий в Новой Испании» *(Bernardino de Saha- gun,* «Historia General de las Cosas de Nueva Espana»).

Собаки белой или черной масти не могут переплыть реку, поскольку белая говорит: «Я уже отмылась!», а черная: «Я слишком грязна!». Только ярко-рыжие псы могут перебраться на берег мертвых.

6. *N.* означает здесь имя усопшего; например, Осирис Ауфанкх, Осирис Ани.

7. *Пересказ на основе И. Э. У. Бадж «*Книга Мертвых, Папирус Ани, писца и казначея храмов Египта (ок. 1450 г. до н. э.)» *(E.A.W. Budge,* «The Book of the Dead, The Papyrus of Ani, Scribe and Treasurer of the Temples of Egypt»).

8. *«Буддизм в переводах»,* изд-во "Генри Кларк Уоррен" *(«Buddhism in Translations»,* Henry Clarke Warren).

9. *Силванус Дж. Морли, «*Введение в исследования иероглифов майя» *(Sylvanus G. Morley,* «Ли Inroduction to the Study of the Maya Hieroglyphics»).

10. Там же.

11. Следующее далее описание основано на «*Старшей Эдде*», "Прорицание вёльвы", 42 и далее, и на *«Младшей Эдде»,* "Видение Гюльви", LI (цитаты в переводе А. Корсуна).

12. Мат. 24:3—31; 24:36.

ЭПИЛОГ

Гомер, *«Одиссея»,* IV, 401,417—418 (в переводе В.А. Жуковского).

Там же, IV, 400—406.

Фридрих Ницше, «Так говорил Заратустра», *1,1.*

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. *Чудовище Тамер (Шумер). Мозаика раковинами (возможно, инкрустация арфы) из царской гробницы в Уре, ок. 3200 г. до н. э. Центральной фигурой является, вероятно, Гильгамеш.*

2. *Плененный единорог (Франция). Фрагмент гобелена «Охота на единорога», соткан ного, вероятно, для Франциска I Французского, ок. 1514 г. н. э.*

3. *Мать богов (Нигерия). Одудуа с младенцем Огуном, богом войны и железа, на коленях. Пес посвящен Огуну. Слуга в человеческом образе играет на барабане. Окрашенное дерево. Лагос, Нигерия. Племя эгба-йоруба.*

4. *Бог в воинском одеянии (Бали). Господь Кришна в своем устрашающем прояв лении. Многоцветная деревянная статуя.*

5. *Богиня Сехмет (Египет). Диоритовая статуя. Период Империи. Карнак.*

6. *Медуза (Древний Рим). Мрамор, высокий рельеф; из дворца Ронданини в Риме. Датировка затруднительна.*

7. *Маг (палеолитический пещерный рисунок, Французские Пиренеи). Самый ранний из известных изображений шамана, ок. 10000 лет до н. э. Наскальный рисунок черной краской, 29,5 дюймов в высоту; центральное изображение среди нескольких сотен фресок животных; пещера Трой Фрер, Арьеж, Франция.*

8. *Плачущий Отец Вселенной Виракоча (Аргентина). Плита, найденная в Андаль- гале, пров. Катамарка, Аргентина. Предположительно отождествлена с доинк- ским божеством Виракочей. Голова увенчана лучистым солнечным диском, в руках — молнии, из глаз текут слезы. Создания на его плечах, вероятно, Имай- мана и Такапу, два сына и посланника Виракочи, имеющие облик животных.*

9. *Шива, Бог Космического Танца (Южная Индия).* Бронза, X— XII вв. н. э.

10. *Андрогин-первопредок (Судан). Резьба по дереву, обнаружена в районе Бандьяга- ра, Судан.*

11. *Бодхисаттва (Китай). Гуань Инь. Роспись по дереву. Поздняя династия Сун (960—1279 гг. н. э.).*

12. *Бодхисаттва (Тибет). Бодхисаттва, известный как Ушнишаситатапатра, окру- женный Буддами и Бодхисаттвами; сто семнадцать голов символизируют его влияние на различные сферы бытия. В левой руке он держит Мировой Зонт (axis mundi), а в правой — Колесо Закона. Под многочисленными благословен иыми стопами Бодхисаттвы стоят люди мира, которые молят о Просветлении, в то время как под ступнями трех «гневных» сил в нижней части изображении расположены те, кто все еще терзается возделением, возмущением и ложными иллюзиями. Солнце и луна в верхнем углу символизируют Чудо бракосочетания, или отождествления, вечности и времени, нирваны и мира. Ламы вверху, в центре, олицетворяют ортодоксальную линию*

тибетских учителей доктрины, символически отраженной на этом религиозном флаге-рисунке.

13. *Ветвь вечной жизни (Ассирия). Крылатое существо, приносящее ветвь гранатового дерева. Гипсовая настенная панель из дворца Ашшурнасирпала II (885— 860 гг. до н. э.), царя Ассирии, в Калху (сейчас: Нимруд).*

14. *Бодхисаттва (Камбоджа). Фрагмент руин Ангкора, XII в. н. э. Фигура будды, венчающая голову, является характерным признаком Бодхисаттвы (ср. с ил. XI и XII; на последней фигура Будды увенчивает вершину пирамиды из голов).*

15. *Возвращение (Древний Рим). Мраморный рельеф, найденный в 1887 г. на участке земли, ранее принадлежавшем вилле Лодовико. Вероятно, относится к раннему греческому искусству.*

16. *Богиня Космического Льва, удерживающая Солнце (Северная Индия). Из одно-листного манускрипта XVII—XVIII вв., хранящегося в Дели.*

17. *Источник Жизни (Фландрия). Центральная панель из триптиха Жана Бельгам- ба (из Дуэ), ок. 1520 г. Помогающая женская фигура справа, с небольшим галеоном на голове, — Надежда; фигура слева — Любовь.*

18. *Лунный царь и его народ (Южная Родезия). Доисторическое наскальное изображение из Дайана Воу Фарм, район Русапи, Южная Родезия, связанное, вероятно, с легендой о Мвуетси, Лунном Человеке (см. стр. 226—228). Поднятая правая рука крупной полулежащей фигуры держит рог. Ее открыватель, Лео Фробениус, предположительно датировал изображение периодом ок. 1500 гг. до н. э.*

19. *Мать богов (Мексика). Ишкуина, дарующая рождение божеству. Статуэтка из полудрагоценного камня (скаполит, высота 7,5 дюймов).*

20. *Тангароа, производящий богов и людей (остров Руруту). Полинезийская резьба по дереву с архипелага Тубуаи (Австралия) в южной части Тихого океана.*

21. *Чудовище Хаоса и Бог Солнца (Ассирия). Гипсовая настенная панель из дворца Ашшурнасирпала II (885—860 гг. до н. э.), царя Ассирии, в Калху (сейчас: Нимруд). Бог является, вероятно, национальным божеством Ашшуром в роли, которую ранее исполнял вавилонский Мардук, а еще ранее — Энлиль, шумерский бог бури.*

22. *Юный бог маиса (Гондурас). Фрагмент известняка из древнего майянского города Копан.*

23. *Колесница Луны (Камбоджа). Рельеф в Ангкоре, прибл. XII в. н. э.*

24. *Осень (Аляска). Танцевальная маска эскимосов, раскрашенное дерево. Из района реки Кускоквим, юго-западная Аляска.*

РИСУНКИ В ТЕКСТЕ

1. *Силены и менады. По чернофигурной амфоре ок. 450—500 г. до н.э, найденной в могиле у города Гела, Сицилия.*

2. *Минотавромахия. По античному краснофигурному кратеру, V в. до н. э. На изображении Тезей убивает Минотавра коротким мечом; это обычная версия для рисунков на вазах. Согласно письменным источникам, герой использовал голые руки.*

3. *Осирис в облике быка переносит своего почитателя в подземный мир.* С египетского гроба в Британском Музее.

4. *Улисс и сирены. По аттической росписи по белому фону на лекифе, 5 в. до н. э. Центральный Музей, Афины.*

5. *Путешествие в Море Ночи. Иосиф в колодце; погребение Христа; Иона и кит. Страница из* Biblia Pauperum, *XV в. Немецкое издание, 1471 г., изображающая ветхозаветные предзнаменования истории Иисуса. Сравн. с рис. 8 и 11.*

6. *Исида в облике сокола присоединяется к Осирису в подземном мире.* Это момент *зачатия Гора, которому предстоит сыграть важную роль в воскрешении своего отца (сравн. с рис. 10). Из серии барельефов на стенах храма Осириса в Дендере, иллюстрирующих мистерии, ежегодно отправляемые в этом городе в честь Осириса.*

7. *Исида, дарующая хлеб и воду душе.*

8. *Победа над чудовищем. Давид и Голиаф; Выведение из Ада; Самсон и лев.* Источник *— см. прим. к рис. 5.*

9а. Сестра-горгона преследует Персея, убегающего с головой Медузы. Персей, вооруженный острым кривым ножом, подарком Гермеса, приблизился к трем Горгонам, когда те спали, отсек голову Медузы, опустил ее в заплечную сумку и скрылся на крыльях своих волшебных сандалий. В письменной версии легенды герой незаметно уходит благодаря шапке-невидимке, однако, согласно рисунку, две оставшиеся в живых сестры-горгоны преследуют его. По краснофигур- ной амфоре 5 в. до н. э. из коллекции Мюнхенского Антикварнума. 96. Персей, убегающий с головой Медузы в своей заплечной сумке. Это изображение расположено на другой стороне той же амфоры, с которой

снят рис. 9а. В результате такого размещения образуется занятная и впечатляющая картина.

10. *Воскрешение Осириса. Бог восстает из яйца; Исида (сокол па рис. 6) защищает его крыльями. Гор (сын, зачатый в Священном Браке, которому посвящен рис. 6) держит перед лицом отца крест с ушком (анк), символ жизни. По барельефу с о. Филе.*

11. *Возвращение героя. Самсон с дверями храма; Христос Восстающий; Иона.* Источ ник см. прим. к рис. 5.

12. *Возвращение Язона. Эта точка зрения на путешествие Язона не представлена в литературной традиции. «Вазописец, судя по всему, припомнил одно странное и навязчивое представление, согласно которому убийца дракона происходит от драконового семени. Герой заново появляется на свет из его челюстей» [Джейн Харрисон, «Фемида: изучение социального происхождения греческой религии» (Jane Harrison, «Themis, A Study of Social Origins of Greek Religion»)]. Золотое Руно висит на дереве. Афина, покровительница героев, является в сопровождении своей совы. Отметим изображение Горгоны на ее Эгиде (ср. с ил. XXII). По вазе из Этрусской коллекции Ватикана.*

13. *Схема сотворения Туамоту. Внизу: Космическое Яйцо. Вверху: Люди возникают и придают форму Вселенной.*

14. *Разделение Неба и земли. Изображение, обычное для египетских гробов и папи русов. Бог Шу-Хека разделяет Нут и Геба. В этот момент сотворяется мир.*

15. *Хнум лепит на гончарном круге сына фараона, а Тот отмеряет срок его жизни.* По папирусу периода Птолемеев.

16. *Нут (Небо) дарит жизнь Солнцу; его лучи озаряют Хатор (Любовь и Жизнь) на горизонте. Сфера во рту богини олицетворяет вечернее солнце, которое вскоре будет проглочено и рождено заново.*

17. *Палеолитический петроглиф (Алжир). Из палеотического поселения в окрест ностях Тиута. Кошкообразное животное между охотником и страусом, вероятно, является прирученным охотничьим ягуаром, а рогатый зверь слева от матери охотника — пасущимся домашним животным.*

18. *Царь Тен (Египет, Первая Династия, ок. 3200 г. до н. э.) разбивает голову военноп ленному. По дощечке из слоновой кости, найденной в Абидосе. «Характерным является то, что позади пленника возвышается фигура шакала, которая символизирует бога —*

Анубиса или Упуата; становится очевидным, что фараон осуществляет жертвоприношение богу» [Э. А. Уоллис-Бадж, «Осирис и воскрешение в Египте» (E. A. Wallis Budge, «Osiris and the Egyptian Resurrection»)].

19. *Осирис, Судья Мертвых. Позади бога стоят богини Исида и Нефтида. Перед ним лотос или лилия, поддерживающая его внуков, четырех сыновей Гора. Под ним — озеро священных вод, божественное начало Нила на земле (его первоначало находится на Небе). Бог держит в левой руке цеп или кнут, а в правой — крюк. Карниз над ним украшен рядом из двадцати восьми священных кобр, каждая из которых поддерживает диск. По Папирусу Хунефера.*

20. *Змей Хети из подземного мира, истребляющий огнем врага Осириса. Руки жертвы связаны за спиной. Руководство осуществляют семь богов. Это фрагмент* сцены, *изображающей область подземного мира, пересекаемой Солнечной* Лодкой *в восьмой час ночи. По «Текстам пирамид».*

21. *Двойники Ани и его жены, пьющие воду в другом мире.* Из «Папируса Ани».

22.

23.